

VICTORIA ALEX
NEW YORK

СТААЛЪ ОТ КРОВИ ПЪЯНА

Война всегда разрушала судьбы людей, даже тех, кто в бою никогда не бывал. Когда в королевстве Драффария вспыхнул пожар войны, изменились жизни и юной баронессы Хельги, ждущей брата и жениха, и наследницы северных земель леди Кристины, которой приходится пройти испытание доверием... А барон Хельмут Штольц, оказавшись в эпицентре ненависти и боли, неожиданно понимает, что и любви на войне тоже есть место.

Но враг оказывается куда сильнее и хитрее, чем многие думали изначально.

Глава 1

Тёплый, но сильный ветер налетел на Айсбург в полдень и разогнал тучки, принесшие утром первый весенний дождь. Тут же на небе появилось солнце — пока ещё не палящее, но довольно яркое, и его лучи пробирались сквозь стёкла и витражи, оставляя тысячи бликов, создавая причудливые тени, падающие от мебели и канделябров, и слепя глаза.

Хельга уже пять минут ожидала брата у дверей его комнаты. Она нарочно сегодня встала рано, чтобы к полудню успеть позавтракать, хорошенько умыться, расчесаться и выбрать лучшее платье. Но все её усилия, кажется, теперь оказались потрачены впустую — Хельмут непростительно опаздывал. О том, чем он был занят, Хельга могла догадаться легко: порой молодой барон Штольц проводил перед зеркалом не меньше времени, чем его шестнадцатилетняя сестра. Возможно, сейчас он укладывает свои золотые волосы или выбирает лучшую рубашку из десятка других — белоснежных, сиреневых или голубых, сшитых из лучшего льна или тончайшего шёлка, отделанных кружевом и вышитых золотом.

Хельга усмехнулась и закатила глаза. Ей было весело думать об этом, а вот мысли, что из-за Хельмута они могут опоздать на её собственную помолвку, вызывали лишь раздражение и дикое волнение. Девушка переминалась с ноги на ногу и постоянно то поправляла рукава своего нового зелёного с золотом платья, то убирала за ухо выбившуюся из несложной причёски рыжую прядь, то вытаскивала из волос золочёную шпильку с небольшим сапфиром и вставляла заново, чтобы та непослушная прядь держалась лучше.

Через десять минут томительного ожидания, когда Хельга уже собиралась, забыв обо всех правилах приличия, ворваться в личное пространство брата, дверь медленно открылась. Но из комнаты вышел вовсе не Хельмут, что заставило Хельгу невольно отпрянуть и приоткрыть рот в удивлении. На пороге стояла молодая женщина — высокая красавица с царственной осанкой и снисходительной улыбкой. Её русые с лёгким пепельным оттенком волосы слегка растрепались, одна из тонких косичек, свёрнутых в кольца у ушей, грозила вот-вот расплестись, избавившись от плена ленты, хотя вторая держалась хорошо. На женщине было бархатное фиолетовое платье с богатой серебристой и розовой отделкой на глубоком вырезе, на широких рукавах и многослойном подоле. Правда, платье сползло с одного плеча, обнажая лямку белой камизы и делая заметным небольшой, но яркий красный след на молочной коже, похожий на укус.

Увидев Хельгу, женщина быстро поправила платье и улыбнулась уже теплее и искреннее.

— Доброе утро, ваша светлость. — Голос у незнакомки был низкий и певучий. Она присела в реверансе, и лишь тогда Хельга вспомнила о приветствии и тоже, сжав подол платья, осторожно поклонилась. — Рада этой внезапной, но столь приятной встрече. Мы, кажется, с вами ещё не знакомы?

Хельга лишь покачала головой, отчего проклятая прядь снова упала на лицо — сколько девушка до этого ни старалась, но так и не смогла приколоть её шпилькой.

— Я Эрика, — начала женщина, а потом вдруг спохватилась и исправилась: — Герцогиня Эрика Рэйкер. Собственно, я прихожусь сестрой вашему... суженому.

Хельга знала, что у её жениха, Вильгельма Остхена, есть старшая сестра, но понятия не имела, как та выглядит. И уж тем более не была в курсе того, что эта сестра тоже приехала в Айсбург. Хельга слышала о ней крайне мало и потому считала её личностью довольно

загадочной. Кажется, эта женщина года четыре назад вышла замуж за молодого герцога Курта Рэйкера, только вот детей у них пока не было...

И сейчас Хельга видит теперь уже герцогиню Эрику возле дверей спальни своего брата, растрёпанную, со следами поцелуев на шее. И что это может значить?

Внезапно из-за спины Эрики всплыл Хельмут, и если молодая герцогиня была достаточно высокой, то барон Штольц оказался выше её почти на голову. Ему ещё не исполнилось двадцати одного, а он уже достиг ста девяноста сантиметров роста. Его светлые, весьма коротко постриженные волосы были наспех причёсаны, отчего вихры торчали в разные стороны, придавая юноше обманчиво невинный вид. Об обманчивости свидетельствовали не до конца зашнурованный воротник рубашки и краткий, но весьма красноречивый взгляд, который Хельмут подарил герцогине Эрике.

— Здравствуй, сестрица, — рассмеялся он, будто вид удивлённой и смущённой Хельги его крайне позабавил. — Может, поскорее ответишь нашей гостье? Если ты не поняла, мы опаздываем.

Хельга вздохнула и закатила глаза — опаздывали они как раз из-за Хельмута, но упрекал он, как всегда, её.

— Баронесса Хельга Штольц. — Девушка снова присела в реверансе, на что получила снисходительный кивок герцогини Эрики. — Для меня честь с вами познакомиться.

Хельмут запер дверь, одёрнул полы своего сливового камзола и коснулся плеча Хельги, намекая, что пора идти. Её новая знакомая шла чуть впереди, видимо, чтобы не создавать у встречавшихся на их пути слуг и гвардейцев впечатления, будто у неё с Хельмутом есть что-то общее. Слухи по замку распространяются быстро, и, если герцог Рэйкер узнает, где этим утром побывала его супруга, у Хельмута будут большие неприятности. Сам же барон Штольц иногда поглядывал на Эрику, словно его интересовал крой этого чудесного бархатного платья со столь длинным шлейфом. Хельга ухмыльнулась — она предположила, что шнуровку Эрике затягивал сам Хельмут: не звать же ей служанок в чужие покои!

— Почему ты не в геральдическом? — шикнул Хельмут, внезапно переведя взгляд на зелёное платье сестры.

— Меня уже тошнит от фиолетового, — так же тихо заявила Хельга, боясь, что герцогиня Рэйкер услышит. Фиолетовый был геральдическим цветом не только Штольцев, но и Рэйкеров, и именно поэтому Эрика его носила. Впрочем, непреложным правилом ношение геральдического цвета не являлось. Просто Хельмуту всегда нравился фиолетовый, а вот Хельге он уже начал надоедать. То ли дело зелёный — такой приятный, радующий глаз... навевающий воспоминания о лете и саде их родного замка, выращенном матерью, которую Хельга никогда не знала. — И я бы ни за что не стала надевать то ужасное ми-парти. Кто вообще сейчас носит ми-парти? Они вышли из моды лет сто назад!

— Это не ми-парти, — возразил Хельмут, закатив глаза. — Там просто золотистая вставка на груди.

— И вообще, неужели без цветов в одежде не ясно, из какого я дома? — уже громче продолжила Хельга. — Неужели в Айсбурге никто не знает, кто я?

У брата не нашлось ответа. Хельга улыбнулась, довольная собой. Они часто спорили и препирались, иногда даже доходили до взаимных оскорблений и обид, но, несмотря на всё это, брат и сестра Штольц безумно любили друг друга. Их родителей уже не было в живых, дальние родственники разъехались по свету, и поэтому Хельмут оставался для Хельги единственным родным человеком. Оттого все раздоры и ссоры быстро забывались.

Вот и сейчас они, замолчав, переплели пальцы и весь оставшийся путь преодолели прямо так — держась за руки. Со временем они сильно отстали от герцогини Эрики, а потом она и вовсе свернула направо, тогда как для того, чтобы попасть в главный зал, нужно было идти строго прямо. Видимо, она решила немного привести себя в порядок после встречи с Хельмутом.

Лишь когда Эрика исчезла и уже явно не смогла бы услышать их разговор, Хельга прошептала:

— Ты же буквально вчера едва ли не плакал и клялся, что в жизни больше не женишься! А это что такое?

— Ты что, я не собираюсь на ней жениться, — усмехнулся Хельмут. — Она и так замужем, а драться с её муженьком на дуэли за её руку и сердце я уж точно не намерен. Я не столь хорош в фехтовании, ты же знаешь.

— Неужели ваша светлость смогла признать свои недостатки? — язвительно отозвалась Хельга. — Тогда устрой с ним состязания в стрельбе из лука, почему нет. А она... она же старше тебя? — Девушка припомнила лицо герцогини Эрики: та была явно старше самой Хельги, это уж точно, но насчёт её с Хельмутом разницы в возрасте уверенности у неё не было.

— Всего-то на два года, — закатил глаза брат.

— И что за отношения ты намерен с ней выстраивать?

— Исключительно родственные! Через пару лет ты выйдешь за её брата, так почему бы нам не дружить семьями? Думаю, ты, сестрёнка, уже достаточно взрослая, чтобы понимать: чем больше у нас будет друзей и союзников, тем полезнее это — и нам, и им.

— Твой лучший друг — лорд Штейнберг, чего тебе ещё надо? — фыркнула Хельга, которую в очередной раз поразило братово безграничное честолюбие.

Хельмут лишь пожал плечами.

Вообще-то он был прав, и Хельга в свои неполные шестнадцать это прекрасно понимала. Чем больше друзей ты нашёл среди дворян, вассалов лорда, тем больше у тебя шансов удержать землю в случае нападения неприятеля или каких-то заговоров и интриг, а ещё заключить удачный брак, занять денег при необходимости, легко найти свидетеля для суда... Хельга слышала это всё уже много раз, в детстве — от отца, потом — от брата.

— Лорд Штейнберг меня... *любить* не будет. — Хельмут выделил голосом слово «любить», давая понять, что имеет в виду вовсе не чувства.

— А тебе так хочется любви? — Хельга, в свою очередь, имела в виду именно чувства, поэтому тепло улыбнулась и участливо посмотрела на брата.

— После Агаты... — Он лишь вздохнул и замолчал.

Хельга прекрасно помнила о неприятном случае, который произошёл несколько седмиц назад. После случившегося настроение Хельмута сильно изменилось: он был растерян, опустошён, встревожен... Дело касалось не только его знаменитого самолюбия, которое, несомненно, было задето, но и его чувств к другому человеку. Над этими чувствами посмеялись и растоптали их с извращённой безжалостностью.

До недавних пор у Хельмута была невеста — госпожа Агата Шнайлер, дочь одного из вассалов Штольцев, сира Шнайлера. Девушка была красивой, начитанной, вежливой — молодой барон долго к ней присматривался, решая, подходит она ему или нет. В итоге решил, что подходит, и сделал ей предложение, которое она с согласия отца радостно приняла. Играть свадьбу собирались этим летом, но планы пришлось поменять из-за

объявленной войны. Поэтому свадьбу отложили, хотя помолвка была уже заключена, оставалось лишь совершить церковный обряд и подписать документы.

Хельмут много времени проводил со своей невестой, говоря при этом Хельге, что пытается заставить себя полюбить Агату, но девушка видела, что заставлять и не приходится. Хельмут был по крайней мере очарован, хоть и не слишком явно это показывал. Агата на его чувства вроде бы отвечала — Хельмуту она улыбалась тепло и приветливо, смотрела на него с восхищением, с радостью подавала руку для поцелуя... Она была добра и мила, и ничего, совсем ничего не предвещало беды.

Не так давно Хельмут застал свою невесту в постели с другим.

Более того, она посмела изменить ему в его собственном замке, где гостила, знакомясь со своим будущим домом.

Помолвка была разорвана, Агата понесла наказание, о котором Хельга даже не хотела думать, и быстро вернулась в отцовский замок, к Пурпурному хребту на юго-востоке от Штольца. Её родители умоляли Хельмута не распространять по всей стране вести о её неверности, но подобное от одного человека не зависело. Так что вряд ли теперь госпожа Агата сможет найти себе хоть сколько-нибудь приличного мужа. А Хельмут ходил как в воду опущенный, улыбался натянуто, в его глазах читался странный испуг, движения были нервными и дёрганными. Хельга хотела бы ему помочь, но не знала, как. Хельмут говорил, что не нуждается в утешениях, что ему не нужно никому выговариваться и что всё в порядке. Но Хельга понимала, что он лгал.

И если теперь он пытался найти утешение в объятиях герцогини Эрики... Что ж, его право. Правда, из-за этого Хельга ощущала в душе некое подобие ревности, потому что она вообще-то тоже могла утешить брата — обнять, поцеловать в лоб, заглянуть в глаза и прошептать добрые слова... Но если он нуждался в другом... в плотской любви и запретной страсти, как пишут в романах... Что ж, пусть.

Из гостевых покоев до главного зала идти было не дольше десяти минут, но из-за разговоров, воспоминаний и мыслей Хельге показалось, что они с братом шли около часа.

Два стражника, поклонившись, распахнули двери, и перед Хельгой открылось огромное, тонушее в полумраке пространство большого зала Айсбурга, главного замка бьельнской земли. Испокон веков отсюда правил Бьельном род Штейнбергов — раньше они назывались князьями, после объединения трёх земель королём Драффом стали лордами. Хельга знала, что Айсбург ни разу не был захвачен врагами благодаря крепким гранитным стенам и полководческому таланту его хозяев: этот природный дар передавался в роду Штейнбергов из поколения в поколение.

Штольцы издревле были верными вассалами Штейнбергов, но Хельмут уверял, что он стал первым представителем рода, кому удалось искренне и крепко подружиться с сюзереном. Хельга не раз имела возможность в этом убедиться: её брат и нынешний лорд Штейнберг, двадцатисемилетний Генрих, действительно были очень близки.

Помимо всего прочего, помолвка Хельги и барона Вильгельма Остхена была задумана именно лордом Генрихом, кузеном новоиспечённого жениха. Хельмут с радостью согласился с этой идеей, а Хельга так вообще прыгала и вопила от радости — Вильгельма она знала давно и всегда свято верила, что им суждено быть вместе. Более того, она лет с двенадцати с содроганием ждала, когда же он наконец решится сделать ей предложение. Она давно убедила себя, что станет его женой, что они — идеальная пара: оба молодые, красивы и прекрасно образованны; они чудесно смотрятся вместе и обещают создать

крепкий, выгодный союз.

И вот наконец её мечты сбылись. Хельмут со своим другом и сюзереном устраивают их помолвку, а там и до свадьбы недалеко — закончится война, Хельге исполнится восемнадцать, и они с Вильгельмом станут законными супругами, будут разделять радости и невзгоды до конца дней, вместе править холмистыми землями Остхена и оставят после себя много наследников.

Вильгельм уже ждал свою невесту в зале, стоя возле помоста рядом с кузеном. Издалека их можно было принять за родных братьев: тёмные, почти чёрные волосы, зелёные глаза, острые скулы и бледная, напоминающая фарфор кожа. Такое внешнее сходство никого не удивляло: матери Вильгельма и Генриха были сёстрами, походившими друг на друга как две капли воды. Но если приглядеться, то можно увидеть, что у Вильгельма губы полнее, рост — ниже, глаза — меньше, а уж его длинные, спускавшиеся ниже плеч густые волосы и по давню отличали его от предпочитавшего короткую стрижку кузена. К тому же он был младше лорда Генриха на восемь лет.

Увидев Хельгу, молодой барон Остхен улыбнулся, а когда она подошла ближе, с поклоном поцеловал её руку. Девушка влюблённо взглянула в его изумрудные глаза, и Вильгельм одарил её подобным взглядом, хотя она не могла не заметить, что в нём читалось некоторое высокомерие. Впрочем, они друг друга стоили, и Хельга была уверена, что именно благодаря этой общей черте они и сошлись.

— И без того солнечное утро стало ещё ярче благодаря вам, баронесса, — проговорил Вильгельм нарочно заниженным голосом. — К слову, вам очень идёт это платье.

Конечно, наедине они называли друг друга на «ты», всё-таки они были знакомы с детства, часто ездили друг к другу в гости, вместе играли: бегали по саду Штольца, качались на качелях, лазали по холмам, окружающим Остхен... Хельмут, помнится, тоже не отставал, и они с Вильгельмом устраивали шуточные бои на палках, позже перешли к тренировочным мечам, постоянно соревновались в скорости, ловкости и меткости. Хельга даже иногда завидовала, что не может взять в руки лук и присоединиться к мальчишкам, ведь её никогда не учили владеть оружием.

Но зато теперь, в более взрослом возрасте, она проводила с Вильгельмом больше времени, чем брат. Они уже не бегали по саду, а гуляли, взявшись за руки, негромко переговаривались, обсуждали романы и стихи, а также слухи об их общих соседях. Хельмут иногда прогуливался с ними, но нечасто: в неполные восемнадцать став правящим бароном, он принял на себя огромный груз обязанностей и постоянно пропадал в рабочем кабинете, а в свободное время — на тренировочном дворе, у мишеней.

После комплимента платью Хельга надменно взглянула на Хельмута — выкуси, мол, — но он, кажется, совсем забыл и о сестре, и о друге, и об их помолвке. Всё это время он о чём-то негромко беседовал с лордом Генрихом, так и не отпустив его руку после рукопожатия. Именно рядом с другом Хельмут, кажется, напрочь забывал обо всех невзгодах и проблемах, в том числе и об измене невесты. И чего они наглядеться друг на друга не могут? Скоро вместе отправятся на север Нолда, на войну, где будут видеть друг друга каждый день, делить все тяготы похода, вместе переживать опасности и проходить через смертельные водовороты битв...

А вот когда Хельга в следующий раз увидит своего жениха — неизвестно. Война только-только началась, часть нолдийских войск уже была брошена к захваченным местам, и чем быстрее бьельнцы придут на подмогу, тем больше шансов у них окажется на скорейшую

победу. С востока их поддержит армия третьей земли королевства, Шингстена, и рано или поздно они выдавят врага с захваченных территорий. Но всё же... Хельге так не хотелось отпускать на войну своих жениха и брата, так не хотелось даже думать о том, какая опасность будет им там угрожать... Вильхельм вообще-то имел право остаться дома: его отец был жив, отряд из Остхена мог возглавить именно он. Но барон Остхен-старший уже давно и тяжело болел, поэтому юноша не позволил ему отправиться на войну и взял на себя руководство войском. И это одновременно и возмущало Хельгу, и вызывало в ней бесконечный восторг — она не могла не восхищаться отвагой жениха.

Да, отпускать в бой и брата, и любимого было крайне тяжело. Если погибнет кто-то из них (а тем более оба), её жизнь превратится в сущий кошмар, наполненный лишь горем и чувством вины. А пока ей остаётся только ждать и надеяться на лучшее.

Вдруг двери в зал снова открылись с чуть слышным скрипом. Хельга оглянулась и увидела, что пришла герцогиня Эрика: она поправила причёску, прикрыв волосы шёлковым белым вейлом, чей край заодно прятал красный след на её шее. Странно, что она пришла одна, без мужа... Впрочем, помолвка её брата вряд ли интересовала герцога Рэйкера, а вот Эрика как ближайшая родственница присутствовать была обязана.

— Простите за опоздание, господа. — Герцогиня присела в реверансе, и Хельга в очередной раз поразилась её изяществу и стати. Они с Вильхельмом стояли друг друга, даром что были почти не похожи — Эрика, видимо, пошла в отца, и лишь зелёные глаза достались ей от матери. — Надеюсь, мой внезапно решивший остепениться брат ещё не успел ничего испортить?

Хельгу потянуло засмеяться, но она сдержалась. Эти слова герцогини напомнили ей их с Хельмутом бесконечные подколы и шутки. Пожалуй, окажись Хельга сейчас на месте Эрики, она бы тоже выдала что-то подобное. Но всё же она невеста и должна вести себя скромно.

Хельга на мгновение прикрыла глаза, чтобы справиться с внезапно подступившим к горлу волнением: вот сейчас Вильхельм встанет на одно колено, достанет кольцо, задаст ей заветный вопрос... Она, конечно, скажет «да», потому что хочет этого сама, а не потому что так решил лорд Штейнберг, не потому что так захотелось Хельмуту или семье Вильхельма.

Потом она будет ждать. Ей хотелось верить, что война закончится быстро, но им всё же придётся дожидаться совершеннолетия Хельги — пятнадцатого рукшеиса* восемьдесят седьмого года. Да, крестьяне и горожане часто не ждут, когда новобрачным стукнет восемнадцать, и женят свою молодёжь и в пятнадцать, и в шестнадцать лет. Священники закрывают на это глаза, а хозяевам простолюдинов, лордам и рыцарям, на всё это попросту плевать. Но о своей репутации они заботятся, а потому брак между несовершеннолетними молодыми людьми допускают лишь в случае крайней опасности.

— Разве война — не крайняя опасность? Почему бы нам не пожениться прежде, чем ты уйдёшь? — спрашивала Хельга у Вильхельма в минуты их уединения в саду.

— Я обещаю, что вернусь к тебе, вернусь живым, — шептал Вильхельм, целуя её в лоб. — Нам незачем спешить, у нас впереди вся жизнь. Я вернусь, и у нас с тобой будет всё: счастье, любовь... богатые земли... — Тут он как-то странно щурился, будто задумал что-то грандиозное.

И Хельга смирилась. В конце концов, два года — не такой большой срок.

Главное, чтобы поскорее закончилась война.

***

Тем утром отец сказал, что сегодняшний урок Кристины с её новым учителем фехтования будет последним.

Ей уже давно исполнилось пятнадцать, и она прекрасно понимала, в чём дело. Лорд Джеймс Коллинз, её отец, как доверенное лицо короля собирал войска и отправлялся на север — на войну с Фареллом, северным королевством. Сам король, кажется, пока не собирался посещать места, где велись боевые действия, да и толку в нём всё равно не было бы. Кристина как будущая леди знала, что у его величества, несмотря на множество громких титулов, истинной власти, влияния и сил куда меньше, чем у лордов.

Приказ отца собрать войска исполнили все его вассалы, в том числе и её новый учитель фехтования, герцог Арнольд Вэйд. Он учил её драться на мечах чуть больше одной луны: приехав в Эори, главный замок Нолда, раньше прочих вассалов лорда Джеймса, он нашёл себе занятие по душе, и Кристина была этому несказанно рада — герцог Арнольд оказался лучшим её учителем.

И вот сегодняшний их урок окажется последним. Возможно, после войны он позанимается с ней ещё пару раз, но потом всё же вернётся домой, на южную границу Нолда, в родной замок, где его ждут жена и две дочери. Ему нужно править своим феодем, собирать налоги для лорда Коллинза и, главное, следить за безопасностью рубежей с Бьельном. Жить на границе — всегда опасно и рискованно, оттого и по характеру герцог Арнольд был осторожным, внимательным, но при этом донельзя отважным и верным.

— Не расстраивайся, — улыбнулся отец, сообщив ей новость. — Пока нас не будет, с тобой позанимается капитан Фостер.

Кристина не очень-то обрадовалась такому раскладу. Да, капитан гвардии Эори, Реджинальд Фостер, был человеком опытным, закалённым в боях. Больше десяти лет назад он ходил с лордом Джеймсом подавлять восстание Запада, до этого тоже прошёл немало битв и теперь надёжно защищал Эори и окружающий его Нижний город, командуя гвардией, отбирая в неё сильных и храбрых солдат и следя за порядком на улицах. Но всё же он был уже не так молод, а ещё постоянно жаловался на старые раны. Именно из-за постоянно просыпающейся боли он не пошёл на войну с Фареллом по позволению лорда Джеймса.

Герцог Вэйд же был ловок и быстр, да и не слишком стар — ему было сорок пять, чуть больше, чем отцу Кристины.

Но она понимала, что на войне нужны именно такие воины, как герцог Вэйд, а не такие, как капитан Фостер. Поэтому приняла свою участь спокойно и сдержанно.

Насчёт ухода отца на войну Кристина тоже беспокоилась. Она знала, что лорд Джеймс — талантливый полководец, что он замечательно владеет мечом, что у него есть крепкие доспехи и острое оружие, а верные вассалы, рыцари и солдаты всегда готовы будут поддержать его и помочь в нелёгкие минуты. Но всё же... В свои пятнадцать Кристина уже прекрасно понимала, что на войне погибнуть может каждый, хотя у обычного солдата шансов на выживание куда меньше, чем у закованного в сталь рыцаря. Однако смерть не щадит никого, и от этого ей было страшно.

— Не бойся, милая, — улыбался отец, поглаживая её пальцы. — Уверен, долго ждать не придётся. Фарелльцы не продвинулись далеко, мы быстро вытесним их, и я вернусь домой.

Кристина бросилась обнимать отца: она редко делала это, в глубине души не будучи уверенной, что закалённому в боях, суровому лорду нравятся её объятия. Помнится, мама любила её обнимать, но мамы нет на свете уже шесть лет, и Кристине жутко её не хватало. А вот отец... Да, он был жёстче и сдержаннее, как и положено мужчине. Но от её объятий

никогда не отказывался.

— Ну, опоздаешь на урок, — прозвучал в его голосе мягкий укор, когда Кристина слишком уж задержалась с объятиями.

Она отстранилась, кивнула и, схватив затупленный меч, бросилась к двору.

Герцог Арнольд уже ждал её, сидя на скамейке возле южной крепостной стены и протирая промасленной тряпицей лезвие своего боевого меча — тренировочный лежал рядом. Слабый весенний ветерок чуть взъерошил чёрные густые волосы мужчины, и тот привычным жестом пригладил их пальцами. Интересно, не холодно ему в лёгкой на вид голубой рубашке и чёрной шерстяной жилетке сверху? Всё-таки, несмотря на то, что пришла весна, в Нолде холодно, говорят, на северных землях ещё лежит снег, а ветер иногда попросту пронизывает до костей.

Впрочем, во время тренировки легко можно согреться, и Кристина задумалась, не переборщила ли, надев плотный чёрный дублет? Может, тоже следовало ограничиться рубашкой?

Она не сразу заметила, что герцог Арнольд сегодня ждал её не один. Рядом с ним сидела девушка лет двадцати, очень на него похожая, и Кристина сразу поняла, что это его старшая дочь, Альберта. Те же чёрные волосы и серые глаза, те же черты лица, прямой нос и крупноватый квадратный подбородок... Младшую дочь герцога Вэйда, Анжелику, Кристина ни разу не видела, и ей стало интересно, насколько похожа на отца она.

Альберта привела часть войск из Вэйда вчера вечером, и это был последний отряд, ставший частью объединённой армии Нолда. Его прибытие означало, что им пора выдвигаться на тракт, встретиться там с подступающими отрядами из Бьельна и продолжить путь к месту боевых действий.

— Можно я поеду с тобой? — подала голос Альберта, не обратив на подошедшую Кристину никакого внимания. Судя по тону девушки, просила она об этом не впервые.

— Милая, я уже говорил тебе, что нельзя, и ты знаешь, почему, — герцог Арнольд тепло улыбнулся, но Альберта нахмурилась и скрестила руки на груди. — Кто, если не ты, будет заботиться о маме, об Анжелике? Кто будет охранять наш замок?

Кристина слышала, что мать Альберты была больна, а потому нуждалась в постоянном внимании и заботе.

— Анжелика справится сама, и за мамой тоже она приглядит, — усмехнулась Альберта. Они с герцогом Арнольдом говорили похоже, не скрывая особенностей нолдийского говора: например, они оба будто заглатывали звук «р», такое произношение Кристина слышала в основном от крестьян, хотя и среди дворян оно тоже встречалось.

— Ей десять лет! — засмеялся герцог. — Она же ещё ребёнок, она нуждается в твоей любви и заботе. Представь, каково им с мамой будет, если уйдём мы оба?

Альберта ничего не ответила, видимо, поняв, в каком смысле он употребил слово «уйдём».

Наконец Кристина решила разрушить семейную идиллию и, подойдя к скамейке, отвесила учителю поклон — мужской, а не реверанс. Тот улыбнулся, встал, поднял со скамейки меч, а потом вдруг взглянул на хмурую Альберту, и в глазах его вспыхнул настоящий восторг.

— Миледи, раз уж у вас сегодня последний урок со мной, — начал герцог Вэйд вкрадчиво, — то, может, устроить вам небольшую проверку?

Кристина почувствовала, что сердце её забилося чаще в предвкушении чего-то

интересного и донельзя важного, и уставилась на учителя вопросительным взглядом.

— Альберта, — позвал герцог Вэйд свою дочь, обернувшись, — возьми мой меч. Нет, не этот, тренировочный.

Крестину осенило: дочь герцога Арнольда ведь тоже владела оружием, и это не могло не вызывать восторга, ведь в драффарийском обществе подобное не одобрялось... Но молодой герцогине, кажется, было плевать на чьё-то мнение, косые взгляды и усмешки — со всем этим Кристина, несмотря на небольшой опыт фехтования, уже сталкивалась. И это, если честно, задевало.

— Думаю, ты нашу маленькую леди и проверишь, — улыбнулся герцог Вэйд, когда Альберта, подняв затупленный меч, подошла к Кристине.

«Я не маленькая», — хотела возразить та, но, взглянув на герцогиню, сдержалась. Альберта была выше Кристины, старше и крупнее, она взирала на неё сверху вниз, будто великанша из древних легенд. И даже затупленный меч в её руках казался опасным оружием, способным прикончить кого угодно одним не слишком сильным ударом.

Кристина нервно сглотнула, однако отступать было не в её правилах. Она поудобнее перехватила свой меч, готовая нападать хоть сейчас.

— Она и правда маленькая, — заявила Альберта, словно её леди и будущей сюзеренки, между прочим, тут вовсе не было. — Я же её прибую и не замечу.

— Будь осторожнее, — напомнил герцог Вэйд. — Помни, что это тренировочный бой, а не настоящий.

«Неужели ей уже довелось побывать в настоящем бою?» — мелькнула мысль.

— Я ведь ещё больше и сильнее, чем ты, особенно для неё, — продолжил учитель, полностью игнорируя существование Кристины, — но за тот месяц, что занимаюсь с ней, её вроде бы не покалечил. Ведь нет? — Он с улыбкой взглянул на Кристину, и та уверенно кивнула. — Так что давай, покажи себя. Ты же знаешь, что истинный воин должен проявлять не только силу и ловкость, но и осторожность.

Альберта кивнула и направилась в центр двора, чуть шаркая по припорошенной соломой мостовой. Она продолжала в упор не замечать Кристину, и та не понимала, как она собирается с ней драться. Но вот герцогиня резко развернулась на каблуках и встала в боевую позицию: ноги на ширине плеч, корпус чуть вперёд, пальцы сжимают рукоять меча... Кристина, приблизившись к сопернице, тоже приняла стойку и стала ждать удачного момента для нападения.

Альберта смотрела на неё хищно, тоже изучая, наблюдая и выжидая. Она была похожа на волчицу или хищную птицу, выпускающую когти и готовую вот-вот схватить свою жертву. Но Кристина не чувствовала страха. В конце концов, её ведь не убьют... А если побьют и заставят отступать, то герцог Вэйд мягко укажет на ошибки и даст совет, как их исправить. Так что всё к лучшему.

— Боишься меня? — хмыкнула Альберта, но Кристина ей не ответила.

Тут же молодая герцогиня сделала резкий выпад, и Кристина невольно отпрянула, но смогла быстро взять себя в руки и, замахнувшись, попыталась ударить. Альберта увернулась, приблизилась ещё, и через секунду её меч прошёл буквально в миллиметре от плеча Кристины — попади клинок по плечу, остался бы синяк. Тогда она замахнулась мечом, пытаясь ударить Альберту по предплечью, но та отразила удар, затем ещё один и ещё — мечи стучали и звенели, едва ли не оглушая. Герцогиня начала наступать, теснить Кристину, но та хорошо защищалась и уворачивалась от ударов. Может, она была не столь сильна, зато

ловкости и проворства ей было не занимать — об этом говорили и отец, и герцог Вэйд, и прочие её учителя.

Кристина хотела ударить Альберту по плечу, но та удачно отразила удар, попыталась задеть ноги соперницы — Кристина отпрыгнула, чуть наклонившись, пригнулась и таки смогла нанести удар по бедру герцогини. Та зашипела, а на торжество девушки отреагировала злобным взглядом. Потом снова начала наступать, и около минуты они кружили по двору, изредка делая ни к чему не приводящие выпады.

Мечи снова скрестились со скрежетом, Альберте удалось задеть левый бок Кристины, но он был хорошо защищён небольшой крепкой бригантиной. Затем они столкнулись снова, герцогиня задела острым локтем плечо Кристины, а та рубанула клинком и случайно порвала ткань её синей стёганки, на что Альберта, впрочем, почти не обратила внимания.

Когда спустя минут десять обе девушки уже достаточно устали, герцог Вэйд прервал бой — он всегда замечал малейшие изменения в самочувствии Кристины.

— Тебе стоит пользоваться своими преимуществами, хоть и моя дочь считает их недостатками, — улыбнулся он, когда Кристина пыталась отдышаться и потирала всё-таки ноющий после осязательного удара бок. — Ты умеешь хорошо уклоняться, отпрыгивать, ускользать, так не стой как вкопанная, не жди, пока тебя ударят! — Она кивала, а Альберта стояла за ней и тоже внимательно слушала, хотя изворотливостью похвастаться не могла. — Отдохни минут пять, и мы с тобой ещё немного над этим поработаем. Берта, милая, можешь идти.

— Да нет, я ещё посмотрю, — пробормотала та. В её глазах внезапно засветились проблески интереса, а вот наглость, злость и пренебрежение исчезли. Может, на это повлияла усталость, но Кристине хотелось верить, что Альберта изменила своё отношение к ней благодаря совместному бою.

Урок закончился ближе к полудню. Ощущая острую необходимость напиться воды и ополоснуться в ванне перед обедом, Кристина оставила меч и бригантину в арсенале и направилась в замок. У входа в главную башню её вдруг догнала Альберта: её чёрная коса растрепалась, верхняя пуговица на дублете расстегнулась, а дырка на плече, которую оставил ей клинок Кристины, увеличилась в размерах, и из неё торчали нитки.

— Мне понравилась ваша манера сражения, миледи, — заговорила герцогиня на удивление почтительно. — Я, наверное, никогда не смогу быть такой... изящной.

— Это я-то изящная? — удивилась Кристина.

Она училась сражаться с двенадцати лет, когда отец, окончательно смирившись с тем, что наследника мужского пола у него не будет, решил позволить своей дочери научиться защищать себя. Сначала учил сам, но потом стал нанимать учителей — у лорда Коллинза было не особо много времени на уроки.

Из-за увлечений Кристины даже дочери челяди вечно смотрели на неё странными взглядами, что уж говорить о заезжавших в Эори юных дворянках. Когда Кристина увидела Альберту, то несказанно обрадовалась: отрадно было знать, что по крайней мере в Нолде она не одна такая, что ещё хотя бы одна девушка с отрочества учится сражаться, владеть мечом и быть настоящим полководцем! Поэтому пренебрежение со стороны молодой герцогини её немного задело. Как ни странно, гордость Кристины тут не была уязвлена — было бы что уязвлять... Она ещё не успела почувствовать себя будущей хозяйкой Эори и Нолда, правящей леди и властительницей. Ей пока казалось, что она всю жизнь так и проведёт в роли дочери, наследницы, что её отец будет жить и здравствовать долгие годы, хотя разум стремительно

взрослеющего человека то и дело напоминал, что это очень рискованные надежды.

Поэтому Кристина пока не ощущала себя кем-то выше Альберты. И идея завести с ней самую обычную дружбу, дружбу на равных, казалась вполне удачной, а то, как эта ледяная герцогиня вдруг оттаяла, снова всколыхнуло в сердце уверенность в возможности наладить тёплые отношения.

— По сравнению со мной — ещё как, — хмыкнула Альберта, поднимаясь на ступеньку вверх и снова оказываясь выше Кристины. — Правда, я не видела, как вы танцуете или делаете реверанс...

— Можно на «ты», — улыбнулась она.

— О... — На щеках герцогини появился едва заметный розовый румянец. — Хорошо, я... я не видела, как ты танцуешь или делаешь реверанс, но в бою изящества тебе не занимать. Я это очень ценю.

Кристина неплохо танцевала, сносно приседала в реверансе; ей не раз говорили (сегодня в том числе), что во время учебных драк она может быть ловкой и изворотливой, главное, не забывать об этом... Но изящной её называли впервые. Она ожидала, что, может быть, когда-нибудь что-то подобное скажет ей её жених, который так и будет сыпать льстивыми комплиментами, чтобы добиться её расположения. И в итоге услышала это от своей недавней соперницы по бою, от девушки на шесть лет старше, от суровой и ледяной герцогини, буквально час назад смотревшей на неё, как волчица на кролика.

— А ты когда уезжаешь? — вдруг спросила Кристина у задумавшейся Альберты.

— Провожу отца в поход и поеду домой, — вздохнула та, видимо, всё ещё не смирившаяся с тем, что ей не удастся попасть на войну. — А что?

— Я просто думала, что ты могла бы ещё немного позаниматься со мной... — пожалала плечами Кристина. — Хоть разочек. Показать то, что сама умеешь.

— Ну, я умею всё то же самое, что и мой отец, — отозвалась герцогиня. — Но если ты просишь, я задержусь на денёк.

Вдруг деревянная массивная дверь в башню медленно открылась, петли заскрипели, и на пороге показался Гленн Освальд — главный советник отца, кастелян замка и ещё один учитель Кристины, обучавший её дипломатии и риторике. Он носил титул сквайра, родившись в рыцарском доме, но не являясь при этом рыцарем, хотя Кристина называла его просто господином. Он приходился Коллинзам родственником, будучи дядей почившей матери Кристины. В Эори он жил давно, несколько лет, изредка возвращаясь в имение Освальдов на короткие сроки. Лорд Джеймс очень доверял ему и теперь, уезжая на войну, именно Гленну Освальду поручил заботу о Кристине, замке и Нижнем городе.

— Миледи, — господин Гленн поклонился, — ваш отец дожидается вас в обеденном зале. Вы идёте?

Несмотря на юность своей леди, он всегда называл её на «вы».

— Ой, сейчас! — встрепенулась Кристина, вспомнив, что ей перед обедом надо было ещё помыться, причесаться и надеть платье. — Простите, я... я сейчас приду. — Она кивнула Альберте на прощание и вместе с Гленном скрылась за толстой дверью башни.

Примечания автора:

Рукшеис — сентябрь. Месяцы в этом сеттинге образованы от балтских корней.

Лошадь под седлом волновалась, будто ощущала это неуловимое дуновение войны и смерти, что принёс с собой северный ветер. Кристину тоже трясло, хотя не она сейчас отправлялась в военный поход, не она с каждым пройденным километром приближалась к смерти, не она подвергала свою жизнь риску и опасности. Но всё это предстояло её отцу, а потому не переживать она не могла.

Перед выездом в замковой церкви Эори прошла торжественная месса. Главный священник Нолда благословил войско, молясь Господу, чтобы тот оградил воинов от смерти и ран, наделил их силой и мужеством, а врагам послал кару, которую они заслужили своими злодеяниями. Кристине всё это казалось странным. Молить Бога о войне... Разве он одобряет подобные вещи? Надо будет потом спросить у своей наставницы-монахини.

Сразу же после мессы воины выдвинулись на тракт.

Лорд Джеймс ехал во главе войска на вороном жеребце, и Кристина не отставала от него ни на шаг. Также рядом с ними ехал оруженосец отца, семнадцатилетний Оскар, сын барона Эдита, а чуть впереди скакал знаменосец: на огромном полотнище развевался герб, чёрные скрещённые мечи на белом поле. А за ними по тракту, ведущему на север, следовало огромное нолдийское войско: вассалы Коллинзов, рыцари, простые солдаты, лучники, лекари, повара, слуги, оруженосцы и даже шлюхи. Катились обозы с провизией, оружием, доспехами, водой, лекарствами, мылом, шатрами и палатками. Кристина даже не бралась считать, сколько людей сейчас заполнило тракт, — не меньше десяти, а то и пятнадцати тысяч, и это ведь ещё не всё!

— Бьельнцы ждут нас на ближайшем становище с самого утра, — сказал отец. — Надо поторопиться.

Если бьельнцев не меньше, чем нолдийцев, если Шингстен предоставит корабли с таким же количеством моряков и морской пехоты, то фарелльцам точно не победить!

Кристина вызвалась проводить отца до того самого становища — очень уж не хотелось с ним расставаться, а при мысли, что они не увидятся в ближайшие несколько месяцев (и это самое малое), сердце начинала сдавливать ядовитая тоска. Конечно, с ней останутся господин Гленн и капитан Фостер, но никто из них не сможет заменить ей отца.

Альберта, тоже провожавшая герцога Вэйда, своих чувств не выдавала, хотя пару часов назад поделилась с Кристиной тем, что тоже до безумия переживает и опасается за жизнь отца. Именно поэтому она так рвалась на войну: дело было вовсе не в желании проявить себя, поучаствовать в боях, показать свои умения... Просто Берта чувствовала острую необходимость защитить отца, хотя, видит Бог, в защите он особо не нуждался.

Сейчас молодая герцогиня выглядела спокойной и сдержанной: уверенная осанка, холодный взгляд, едва заметная вежливая улыбка... Но её пальцы слишком уж сильно сжимали поводья, а брови иногда резко сходились на переносице, будто её разум кололо какой-то неприятной мыслью. Кристина взглянула на новую подругу с сочувствием, но та этого не заметила, засмотревшись на высокое светлое небо.

Вскоре Кристина заметила на горизонте нескольких всадников: они были пока слишком далеко, чтобы представлялось возможным посчитать их количество и увидеть герб на знамени. Но всадники стремительно приближались, гоня коней галопом, и уже вскоре она увидела, что было их немного — не больше семи-десяти, а на развевающемся чёрном стяге

было изображение серого замка. Герб Штейнбергов, лордов Бьельна. Кристина хорошо знала гербы почти всех дворянских домов Драффарии, разве что путалась в шингстенских эмблемах мелких рыцарских родов. Но не узнать герба главного дома Бьельна она не могла.

— Видимо, наши бьельнские друзья устали ждать и решили нас встретить, — усмехнулся отец с явной теплотой в голосе.

Союзники из Бьельна, как заметила Кристина, решили проявить уважение и не посылать к нолдийцам простого гонца с напоминанием, а выехать лично. Она насчитала семерых мужчин в лёгком неполном доспехе и в чёрных и фиолетовых сюрко сверху, одного знаменосца и возглавляющих отряд лорда Штейнберга и ещё одного дворянина, которого она не знала. Издалека бросались в глаза его золотистые короткие волосы, яркая фиолетовая, несколько неуместная в военном походе одежда и горделивая осанка, навевающая мысли о явно раздутом самомнении.

То, что лорд Генрих приехал сам, Кристину не удивило. Некогда он был оруженосцем у лорда Джеймса и десять лет назад получил от него рыцарское звание и меч. Кристина в те годы была совсем маленькой и не очень хорошо помнила, как нынешний властитель Бьельна выглядел в юности. Поэтому теперь, когда он подъехал совсем близко, она вдруг встрепенулась, чуть задрожала, будто встретила кого-то из далёкого прошлого, чей образ уже совсем стёрся из памяти... На самом деле так оно и было, но Кристина не понимала, почему эта короткая встреча с лордом Штейнбергом всколыхнула в ней такие эмоции. Он был близким человеком для отца, а не для неё... С ней он, помнится, пересекался крайне редко, потому что его как подростка дела младенцев не интересовали. Да и что вообще могло интересовать едва разменявшего второй десяток юношу, кроме оружия и драк, учебных и настоящих?

Сейчас же Кристина заметила, что лорд Генрих был красив, хоть и показался ей уже не особо молодым: она разглядела небольшие морщинки в уголках зелёных глаз, а в самих глазах — некоторую усталость.

Отец выехал чуть вперёд и ловко спешился почти одновременно с лордом Штейнбергом. Они формально поприветствовали друг друга поклонами и рукопожатиями, а потом, забыв о церемониях, крепко обнялись. Около минуты они о чём-то переговаривались — голоса их звучали тихо, и Кристина почти не расслышала слов. После отец подошёл к её коню, положил ладонь на её пальцы и заглянул ей в глаза — внимательно и строго.

— Мне пора, — вздохнул лорд Джеймс, и Кристина напряглась. — Я постараюсь писать тебе почаще. Не беспокойся обо мне, помни, что всё обязательно будет хорошо. — Она кивнула, и он продолжил со сдержанной улыбкой: — Будь умницей, слушайся Гленна и Реджинальда. Но и о том, что ты теперь хозяйка Эори, не забывай.

— Я помню, — отозвалась Кристина, нервно сглотнув. Отец доверял ей, отец надеялся на неё, разве она имеет право подвести? Нет, теперь она будет в тысячи раз ответственнее, внимательнее и усидчивее, постарается поумнеть и повзрослеть... Чтобы со временем даже господин Гленн и капитан Фостер поразились её навыкам. — Я тебя люблю, пап.

— И я люблю тебя, милая. — Отец погладил её пальцы и убрал руку. — До скорой встречи.

Кристине пришлось отъехать в сторону, уведя коня с ровной дороги к траве, что росла вдоль тракта. Весна только-только началась, и освобождённая от снежного плена земля была ещё серо-жёлтой, покрытой остатками прошлогодней травы и сухими листьями. Но и новая нежная трава, и первые листочки на деревьях уже начали постепенно пробиваться, даря

приятные ощущения приближающегося тепла.

А отцу всю весну придётся провести на войне... на далёком севере, где, говорят, ночь может длиться сутками, где снег не сходит до лета, где адские холода пробирают до костей... Захотелось вдруг позвать отца и удостовериться, достаточно ли тёплой одежды он взял с собой, не забыл ли плащ, перчатки или сапоги... Но Кристина не успела: он запрыгнул в седло и дал знак своей армии двигаться вперёд, вслед за ним и бьельнским отрядом, вслед за ветром и зовом долга навстречу войне.

***

— Мы же только вчера вечером проехали мимо Эори! — возмущался Хельмут, прищипывая коня. — Буквально рукой подать до городских стен, заехали бы сразу! Зачем мы сейчас туда возвращаемся?

— Мы не возвращаемся к Эори, мы... — Генрих замялся. — Просто я хочу встретить лорда Джеймса. Лично, без церемоний, как старого друга. И я тебя не заставлял ехать со мной.

— Ты предложил проехаться, а я не мог тебе отказать. — Он усмехнулся и поёжился, набрасывая на голову капюшон подбитого мехом плаща. На самом деле эта его отзывчивость (причём очень избирательная) донельзя трогала. — Ну и холод тут...

— Ты первый раз в Нолде, да? — усмехнулся Генрих. — Сейчас весна, так что это ещё не холод... А нам, между прочим, предстоит ехать дальше на север. Ходят слухи, что там снег до сих пор не растаял.

Хельмут лишь вздохнул и поправил упавший было капюшон, взъерошивая волосы, которые он всё утро так тщательно расчёсывал.

Казалось, что этот утончённый, явно избалованный юноша ни капли не был готов к грядущей войне, не был приспособлен к лишениям, которые она сулила, однако на самом деле Хельмут ещё ни разу ни на что не пожаловался. Лишь пару раз буркнул, что холодно, но дело шло к теплу, так что терпеть морозы в ближайшее время не придётся точно. Поэтому Генрих был уверен, что его друг стойко перенесёт все тяготы военного похода, хотя самое страшное, конечно, было ещё впереди.

Вскоре на горизонте появилась чёрная полоса, и Генрих дал знак замедлиться. Издалека приближающаяся нолдийская армия напоминала тучу или чёрный туман, и это даже вызывало некоторый страх и вгоняло в дрожь. Конечно, глупо было надеяться, что фарелльцы, увидев такое войско, испугаются и побегут... Их, скорее всего, окажется не меньше, а в тылу на севере их будет поддерживать подкрепление. Но всё же армия Нолда не могла не внушать должного уважения.

Генрих невольно расправил плечи, сжал поводья.

Наконец приближающееся войско перестало быть похожим на сгустки чёрного дыма. Вырисовывались очертания людей, лошадей и обозов, оружия и стягов. Копыта коней и колёса телег поднимали пыль, которая оседала на придорожной траве — свежей весенней и серой прошлогодней. От пыли закололо в носу и даже в глазах, но со временем Генрих к этому привык, а когда возглавлявший армию лорд Джеймс дал знак остановиться, то пыль улеглась, и дышать стало легче.

Видеть своего наставника после довольно длительной разлуки было отранно. Последний раз они встречались три года назад: Генрих тогда приезжал в Эори на трёхлетнюю годовщину смерти леди Лилиан. Маленькой Кристины в тот момент в замке не оказалось — она ездила гостить в Освальд, к родственникам матери.

Сегодня Генрих увидел девочку возле лорда Джеймса: она ехала рядом с ним, облачённая в костюм для верховой езды и чёрный плащ. Каштановые волосы убраны в аккуратный пучок и накрыты вейлом, серо-голубые — отцовские — глаза смотрят пристально и уверенно, хотя и тревоги в них тоже немало. Хотелось верить, что из неё вырастет прекрасная правительница и, раз уж она выбрала для себя такую судьбу, воительница. Генрих понимал: когда она возьмёт в свои руки власть над Нолдом, ему придётся иметь с ней дело.

Но сейчас маленькая Кристина его не слишком интересовала. Она проводит отца и вернётся в Эори, а вот с лордом Джеймсом Генриху ещё предстоит долгое сотрудничество в условиях войны. Нужно обсудить планы, договориться о численности частей войска, передать друг другу все известные новости... Так что отвлекаться не следует.

Лорд Джеймс спешился, и Генрих тоже спрыгнул с коня — его спутники остались в сёдлах, равно как и ближайшая свита повелителя Нолда, в том числе и оруженосец и дочь. За три года Джеймс почти не изменился, лишь в его каштановых волосах, доходящих до плеч, появилось несколько седых волосинок. Но улыбка его всё так же светилась, и глаза тоже приветливо блестели, и Генрих не мог не улыбнуться ему в ответ даже при официальном поклоне. Лишь после него они пожали друг другу руки и обнялись, как и следовало старым друзьям.

— Я же говорил тогда, что ты меня перерастёшь, — усмехнулся лорд Джеймс. Это было правдой, хотя разделяло их не больше пяти-восьми сантиметров. — Как ты? Как дела в Бьельне?

— Всё хорошо, — кивнул Генрих с улыбкой. — Ну, насколько это возможно... сейчас. А так всё спокойно.

— Невесту ещё не нашёл? — вдруг подмигнул лорд Коллинз.

Сзади раздался громкий смешок Хельмута.

— Да как-то... нет, — пожал плечами Генрих, немного опешив от такого вопроса.

Он ещё ни разу не думал об этом: даже когда попытался жениться его лучший друг, даже когда заключил помолвку двоюродный брат... Всё это происходило где-то рядом, иногда при его посредничестве, но всё же не с самим Генрихом, и он ни разу не пытался даже представить себя на месте Хельмута или Вильгельма. Странно, пожалуй: в этом мире всем приходится жениться рано или поздно... Но у Генриха было два младших брата, и они вполне могут стать его наследниками, а потому заводить собственных детей он не считал нужным.

— Ну ничего, ещё успеешь. — Лорд Джеймс похлопал его по плечу. — Торопиться с этим делом не надо.

— И правда, — отозвался Генрих сдавленным голосом. Ему показалось, что лорд Джеймс на что-то намекал, но он никак не мог понять, на что именно. Уж не на свою ли дочь? Она ведь ещё совсем ребёнок... Да, в пятнадцать лет большинство девушек уже созревает, но всё же придётся ждать её совершеннолетия, а когда ей исполнится восемнадцать, ему будет за тридцать... Вряд ли она сама захочет выходить за него. А Кристина не была похожа на ту, что станет покорно следовать родительской воле и не проявит ни капли своенравия.

Генрих снова посмотрел на неё, будто невольно. Девочка внимательно глядела на отца, и теперь в её взгляде было ещё больше тревоги, чем минутой ранее. Видимо, она наконец-то чётко осознала, куда направляется лорд Джеймс и на какой долгий срок её оставляет.

Конечно, всем хотелось верить, что война закончится быстро, но вряд ли им удастся разобраться с фарелльцами раньше, чем до наступления осени.

— Мне нужно попрощаться с дочерью, — подал голос лорд Джеймс. Он перестал улыбаться, и в его взгляде тоже вдруг заплескалась глубокая печаль, которую было невозможно скрыть.

Пока лорд Коллинз говорил с Кристиной, Генрих снова забрался в седло и тоскливо вздохнул. Конечно, он тоже успел соскучиться по родным землям и по семье — восемнадцатилетнему Вольфгангу и маленькому Рихарду, которому ещё не исполнилось семи. Но деваться было некуда: пусть фарелльцы завоевали пока лишь небольшой клочок северной части Нолда, они могли легко добраться и до его родного Бьельна, взять всё королевство без труда, если не оказать им сопротивления сразу, в самом начале. Пожалуй, не все в Бьельне и Шингстене это понимали, считая, что нолдийцев можно оставить наедине с их бедой. Но Генрих понимал. Оттого и собрал большое войско и лично возглавил его, хотя у него пока не было особого опыта в ведении войн.

Впрочем, лорд Джеймс многому его научил. Не только сражаться на мечах и стрелять из лука, но и вести переговоры, придумывать стратегические ходы, планы атак и штурмов, уметь снабжать армию продовольствием и подкреплением... И Генрих был бесконечно благодарен ему за это, а теперь он надеялся, что сможет применить полученные знания в полной мере. И что лорд Джеймс останется им доволен.

Однако начиналось всё не так гладко.

Помнится, мама (она тогда ещё, конечно, была жива) привезла его, двенадцатилетнего мальчугана, в Эори во время назревающего противостояния между Бьельном и Нолдом — далеко не первого и, казалось, не последнего. Речь шла о пограничных северных бьельнских территориях, что принадлежали барону Краусе. Его земли граничили с землями нолдийского герцога Смита, чей род постоянно на них претендовал, но бьельнцы себя в обиду не давали.

И леди Виктории Штейнберг это надоело.

Отец, кажется, вообще не хотел разбираться с этими сложностями, отмахивался, мол, так было всегда, это же граница, чего ты хочешь? Там постоянно кто-то воюет, не стоит на это обращать внимания. А мама обратила. Мама всегда была решительнее и сильнее, чем отец. И ей не хотелось вести бессмысленных войн, пусть и не столь больших и кровавых.

— Нолдийцы должны быть нам друзьями, а не врагами, — говорила она, когда они с Генрихом и вооружённым отрядом из пятидесяти человек преодолевали путь от Айсбурга до Эори, на который у них ушло не меньше месяца. Как выяснилось позже, оно того стоило. — Это по меньшей мере выгодно. Уж лучше торговать с ними, чем с этими жмотами из Шингстена. — Иногда леди Виктория позволяла себе ругаться, но случалось это не столь часто — лишь когда она была очень зла. — К тому же они сильны и хорошо дисциплинированы. Если настанет война, лучше союзника, чем Нолд, ты не найдёшь. — И она погладила Генриха по волосам.

Из окна кареты виднелся лес: леди Виктория решила сократить путь и не поворачивать на границе на запад, к тракту, а проехать узкими лесными тропками. Дорога была не столь ровной, отчего карета то и дело подпрыгивала на ухабах, один раз они застряли в луже (шёл дождливый лакритис*, и погода стояла ужасная), но ни разу не напоролась на разбойников — и на том спасибо. Позже лорд Джеймс смеялся и уверял, что разбойников в нолдийских лесах не бывает: их быстро ловят, а их отрубленные головы выставляют всем напоказ, чтоб другим было неповадно.

Генрих помнил, как они с мамой стояли в главном зале Эори. Этот зал был светлее и шире, чем главный зал Бьёлна. Хотя теперь Генрих понимал, что подобные ощущения у него возникли оттого, что он был маленьким. Всё вокруг казалось ему больше, чем на самом деле: и замок, и Нижний город, и большой зал, и помост с тронами, на которых сидели лорд Джеймс и его жена, леди Лилиан. Это была высокая молодая женщина с добрыми серыми глазами и каштановыми волосами с рыжеватым отливом. Она была беременна уже семь лун, и её живот под тканью алого платья тоже казался огромным. Джеймс же, и сейчас сохранивший стать и мужскую резкую красоту, тогда не имел ни морщин в уголках глаз, ни усталости во взгляде; он буквально излучал жизнелюбие и силу, ведь ему было всего двадцать пять лет.

Возле лорда Коллинза сидел его брат, Джойс, тогда ещё не покинувший Нолд, чтобы стать наёмником. В те времена лорд Джеймс часто прислушивался к советам брата и позволял ему присутствовать на важных встречах и собраниях.

Маме явно не нравилось, что она стоит, а они сидят, да ещё и взирают на них сверху вниз.

Но леди Лилиан смотрела на Викторию с улыбкой и то и дело кидала ласковые взгляды на Генриха. А ему очень хотелось тогда взять маму за руку, хотя он то и дело одёргивал себя, сам себе напоминал, что уже не маленький. Но он волновался и даже, можно сказать, боялся, потому что лорд Джеймс, в отличие от своей жены, смотрел сурово и непроницаемо. И Генрих, чтобы показать, что он в свои двенадцать уже достаточно смел и решителен, тоже упрямо смотрел на него, не отводя взгляда до тех пор, пока сам лорд Коллинз не отводил свой.

— Стычки между Смитом и вашим Краусе — дело уже совсем привычное, — невесело усмехнулся он, когда леди Виктория разъяснила ему суть своей просьбы.

— Вы говорите прямо как мой муж, — закатила глаза она.

— Так, может, вашему мужу лучше знать, как поступать? — парировал Джойс.

Виктория взглянула на него уничижительно.

— Мой муж даже не потрудился приехать сюда со мной, — вздохнула она, поправляя смоляную косу, перевитую зелёной лентой. — Но он... он не хочет с вами ссориться и воевать, как и все мы.

— Мы — это вы и ваш сын? — уточнил лорд Коллинз.

— Мы — это весь Бьёлн, — вскинула голову леди Виктория.

Лорд Джеймс задумался, сжав подлокотники трона. Он тогда был весьма вспыльчив, но ему повезло: рядом с ним сидела его жена, умная и добрая леди Лилиан, которой, впрочем, силы характера тоже было не занимать. После Генрих не раз убеждался в том, что именно Лилиан постоянно отговаривала мужа от поспешных решений, необдуманных поступков и неправильных выводов, к которым он приходил в том числе и благодаря советам Джойса.

— Милорд, — мягко сказала леди Лилиан. Она осторожно коснулась пальцев мужа и посмотрела на него пронзительно и тепло. — Земли барона Краусе давно уже принадлежат Бьёлну, нам нет смысла претендовать на них.

— Это дело принципа, миледи, — буркнул лорд Джеймс, бросив на неё резкий взгляд. — Кем меня посчитают мои вассалы, если я сдамся?

— Мы не воюем, вам не придётся сдаваться, — подала голос леди Виктория. — Мы заключим союз, поклянёмся соблюдать мир и помогать друг другу в случае опасности, будь то вторжения из других королевств или нападки Шингстена.

— Это прекрасное предложение! — воскликнула леди Лилиан, положив руку на живот, будто пытаясь успокоить взволновавшегося ребёнка. — Милорд, вам так не кажется? Я бы на вашем месте приняла его.

Лорд Джеймс снова замолчал, устремив свой взгляд в дальнюю стену зала — мимо леди Виктории и смущённого спором взрослых Генриха. Будто на этой стене он надеялся прочесть ответ.

— К тому же, — подала голос мама спустя пару минут глухой тишины, — мой сын уже вступил в возраст созревания. Ему пора становиться оруженосцем и постигать путь настоящего воина, а не мальчишки с игрушечным мечом. — Генрих понял, что настал момент, который решит его судьбу, и резко взглянул на неё, почувствовав, как обрывается сердце, но она не обратила внимания. — Вы могли бы взять его, милорд. Вместо тех земель, раз вам так угодно. — Звучало цинично, но Генрих обиды не почувствовал: если мама хочет, чтобы он стал своеобразным залогом мира, то пусть так и будет. В конце концов, это для его же блага. Родители не вечные, а он, когда вступит в наследные права, тоже должен будет разбираться с теми спорными территориями.

— Земли я бы взял навсегда, а ваш сын останется со мной лет на шесть, — усмехнулся лорд Джеймс, и Генрих заметил, что черты его лица чуть оттаяли, а во взгляде, наряду с суровостью, появилась на миг странная теплота. — И ведь я должен буду учить его сражаться и быть настоящим мужчиной, и мне не кажется, что это справедливая плата за земли...

— Он останется вашим союзником не на шесть лет, а на долгие годы, — отозвалась леди Виктория. — Вы обучите его тому, что знаете сами, ибо мой муж сделать этого не в состоянии. А потом Хайнц оплатит вам стократно, поверьте.

Генрих уверенно закивал, подтверждая её слова.

Они с мамой всё это обговорили ещё до отъезда из Айсбурга, заручившись согласием отца. Она пообещала, в первую очередь себе, что её сын станет оруженосцем лорда Джеймса, это не обсуждается. Она пообещала, что сделает всё возможное, чтобы её сын смог обучаться у лучшего фехтовальщика, богатого и сильного дворянина и одного из самых влиятельных людей Драффарии. Потому что отдавать наследника Бьельна, будущего лорда и правителя в оруженосцы одному из их вассалов она не хотела.

И всё же сейчас, когда леди Виктория почти убедила лорда Джеймса пойти на её условия, Генрих почувствовал странное отторжение в глубине души. Захотелось уйти отсюда, из этого уютного, холодного зала, из-под сурового взгляда правителя Нолда, захотелось вернуться домой, в Айсбург, и никогда его не покидать. Но мама, конечно, такого не допустит. Она приняла решение, и никто не посмеет ей воспротивиться. К тому же Генрих уже дал ей слово.

А оттого, что лорд Джеймс никак не хотел принимать предложение леди Виктории, он почувствовал колющую обиду. Чем он так ему не понравился? Он ведь не был слабым, хилым, болезненным, в свои двенадцать он почти догнал по росту маму — а она была довольно высокой женщиной! Он уже умел держать меч, отражать и наносить удары и стрелять из лука. Лорд Джеймс вскоре в этом убедится и тогда уж точно не пожалеет.

Пока Генрих лелеял свою обиду и думал о том, что хочет домой, леди Лилиан смогла подтолкнуть несговорчивого мужа к согласию с леди Викторией.

— Подумайте о наших детях, милорд, — улыбалась леди Коллинз, поглаживая свой живот и кидая на Генриха ласковые взгляды — он не выдержал и улыбнулся ей. — Будут ли

они рады, если примут в наследство не только землю, но и войну? Лучше им оставить хорошую память о себе и верного союзника в придачу.

— Возможно, ваши дети узнают о том, что вы упустили из своих рук весьма выгодный клочок земли, и будут несколько раздосадованы, — заметил Джойс, но Лилиан даже не взглянула в его сторону.

Джеймс ещё долго молчал, откинувшись на спинку кресла, и хмуро взирал на дальнюю стену зала. Генрих понял, что его трясёт, и начал переминаясь с ноги на ногу от волнения, но мама это заметила и посмотрела на него с укором. Тогда он успокоился, снова выпрямил спину и даже посмел взглянуть на лорда Коллинза с неким вызовом. Тот вдруг усмехнулся и резко встал, спустился с помоста, на ходу поправляя полы своего длинного серого камзола, и стремительно приблизился к леди Виктории. Та продолжала смотреть на него выжидательно, но Генрих заметил, что она тоже чуть заволновалась.

Лорд Джеймс вдруг сжал руку Виктории, но не поцеловал её тыльную сторону ладони, как следовало бы, а просто пожал, словно она была мужчиной.

— Рад заключить союз с вашей землёй, миледи, — улыбнулся он так, будто никаких споров, суровых взглядов, резких отказов и попыток уйти от разговора сейчас не было. — Надеюсь, он продержится долгие годы.

— Я тоже, — кивнула несколько опешившая леди Виктория, явно не ожидавшая такого быстрого результата.

Затем лорд Джеймс, разорвав рукопожатие, взглянул вдруг на Генриха сверху вниз. Сделав пару шагов вправо, подошёл к нему почти вплотную. Генрих понял, что совсем обнаглел, потому что так и не прекратил смотреть на него этим своим вызывающим взглядом, с немым вопросом и плохо скрываемым волнением.

— Ну что, милорд. — Джеймс потрепал Генриха по голове, взъерошив его волосы, которые он так старательно укладывал перед зеркалом за час до встречи. — Теперь будем с тобой как-нибудь уживаться.

Последующие пять лет тогда казались ему невообразимо долгими. Но всё же того, что время, проведённое в Эори, было жутко интересным и увлекательным, Генрих отрицать не смел. Изредка, по большим праздникам, он ездил домой, поэтому с семьёй его надолго не разлучали. Он рос и вырослел под строгим надзором лорда Джеймса и при мягком покровительстве его жены, которая, несмотря на постоянные заботы о маленькой дочери, успевала уделить ему время и прекрасно к нему относилась. То, чему он научился в Эори, невозможно было перечислить сразу, и Генрих понимал, что дома он вряд ли освоил бы всё это. Леди Виктория, несомненно, была женщиной умной, многое знающей, но она уж точно не смогла бы помочь ему отточить навык владения мечом, изучить тактику и стратегию, а отец, кажется, и сам во всём этом не очень хорошо разбирался.

Поэтому Генрих со временем начал относиться к лорду Джеймсу как ко второму отцу, который сделал для него едва ли не больше, чем родной. Наставник быстро перестал пугать его и вызывать отторжение, а той суровости и холодности в его взгляде больше не было никогда. Даже если ему приходилось за что-то ругать своего оруженосца, он был спокоен, терпелив и сдержан. К тому же в такие моменты за Генриха обычно вступалась леди Лилиан, а при ней лорд Коллинз тем более не мог долго злиться.

Генрих же восхищался своим наставником, его храбростью, трудолюбием и талантами. Он с рвением и тщательностью выполнял все его приказы, вслушивался в каждое слово, всматривался в каждый взгляд. И это юношеское восхищение не прошло и по сей день.

Разумеется, именно лорд Джеймс посвятил его в рыцари, когда ему исполнилось восемнадцать. А потом он подарил ему свой меч — невероятной красоты оружие с узким светло-серым лезвием и эфесом, украшенным искусной резьбой. Тем не менее, это был боевой, а не парадный меч, и Генрих с радостью и трепетом принял подарок, о котором и мечтать не смел. Но всё же в бою он его использовать не решился и сейчас, на войну с Фареллом, не взял. Это был очень лёгкий и изящный клинок, а Генрих привык к несколько другому оружию. Поэтому теперь меч остался в Айсбурге, а с на войну вместе с хозяином отправился другой, побольше и потяжелее, из тёмной сверкающей стали, с полуторной рукоятью. Имени у него пока не было, но это можно было исправить в любой момент.

Теперь Генрих думал о том, как быстро пронеслись те шесть лет и как в воспоминания о самых светлых и беззаботных моментах жизни может закрасться лёгкая печаль о минувших днях.

Эри тем временем становился всё дальше, и лорд Джеймс то и дело оборачивался, глядя на свой замок, и украдкой вздыхал. Когда Генрих ловил его взгляд, то сочувствующе улыбался: сам он тоже, разумеется, уже успел соскучиться по дому, но и смириться с тем, что домой вернётся не скоро, он тоже успел.

— Какие у нас планы? — вдруг подал голос лорд Джеймс, откашлявшись. Кажется, он тоже что-то долго и в подробностях вспоминал. — Я собирался повести своих ребят на северо-запад, к пограничным крепостям, которые уже захвачены, и попытаться отбить их... Эти крепости открывают путь к Белым лесам, и если фарелльцы возьмут их, то получат почти все наши нолдийские богатства. Этого нельзя допустить.

— Что ж, как мне кажется, разделить сейчас — самый подходящий вариант, — пожал плечами Генрих. — Фарелльцы всё-таки тоже не единым кулаком ударили. Хельмут, напомни, что там с Остхенами?

— Вильхельм вместе с нами ведёт их кавалерию, — подал голос Хельмут, не отрывая взгляда от дороги. Такая задумчивость была удивительна: обычно он только и делал, что улыбался и шутил. — Барон Остхен, не Людвиг, а его младший брат Клаус, направился морем освобождать Серебряный залив.

Лорд Джеймс кивнул — освобождение залива Генрих уже подробно обсудил с ним в письмах, а Клаус Остхен получил приказ выдвигаться на войну одним из первых.

— Его величество приказывал также и шингстенцам снарядить корабли и помочь барону Клаусу, не знаю, как скоро они это сделают, — добавил Генрих. — Но причалить ему на пристанях Мэлтона вроде бы позволили — последнее письмо от барона Клауса я получил именно оттуда. Если освобождение Серебряного залива пройдёт удачно, его войска присоединятся к нам уже на суше.

— Превосходно, — отозвался лорд Джеймс с улыбкой, явно довольный своим учеником. — Если мы пойдём на северо-запад, а Остхены и, возможно, шингстенцы останутся на востоке, на заливе, то вам стоит заняться центром. Разведка докладывает, что фарелльцы стремительно подходят к Клауду. Его владения располагаются к северу, тракт приведёт прямо к нему, а замок находится километрах в трёхстах пятидесяти отсюда.

— Я знаю, — улыбнулся Генрих. — Вы, милорд, в своё время хорошо научили меня географии. Мы пойдём к Клауду и отгоним от него фарелльцев, а потом погоним их на север, к границам. Попробуем вытравить хотя бы ту их часть, что сейчас действует в центре.

— Хорошо. Дальше будем действовать по ситуации, — вздохнул лорд Джеймс и чуть прищипил коня.

Он оставил их с Хельмутом чуть позади, и, воспользовавшись тишиной, Генрих негромко спросил:

— Ты в порядке?

— Что? — вздрогнул Хельмут, поморщившись, будто от боли. — А, да... Сочиняю письмо сестре, — добавил он с улыбкой. — Доберёмся до стана — напишу.

— Ещё даже боевые действия не начались, а ты уже пишешь. — Генрих сжал поводья. С юга подул ветер, отчего захотелось сильнее закутаться в плащ, скреплённый на груди серебряной фибулой.

— Я скучаю, — просто ответил друг и вздохнул. — И Вильхельм, кажется, тоже скучает... Ему так не терпится сыграть свадьбу, что он лично готов перебить половину фарелльского войска, лишь бы приблизить окончание войны. И я, кстати, его рвение разделяю.

— Но вообще... я имел в виду кое-что иное, — покачал головой Генрих.

— Что же?

— Твою неудачную помолвку. Мы об этом, кажется, ещё не говорили.

Хельмут на мгновение прикрыл глаза и набрал в грудь побольше воздуха. Генрих не ждал быстрого ответа в таком не очень приятном разговоре, но ему всё же хотелось как-то поддержать Хельмута, выразить своё сочувствие... Измена невесты — вещь не смертельная, но всё же довольно гадкая, и друг не должен переживать это в одиночестве.

— Я... я пока не хочу об этом говорить, — сглотнув, сказал Хельмут холодным тоном. — Да и не до этого сейчас. Надо думать о войне.

Что ж, это была его первая война, первый путь в неизвестность, и Генрих прекрасно понимал Хельмута. Сам он, будучи некогда оруженосцем, однажды уже ходил с лордом Джеймсом подавлять Восстание Запада, случившееся тринадцать лет назад, и своей первой войной считал именно его. Но всё же тогда было иначе, спокойнее, безопаснее, а сейчас...

Впереди вилась и тонула в лесу широкая жёлтая дорога, напоминающая ленту или змею. Куда она приведёт? К победе или смерти? Вернёт ли она их обратно, хоть кого-нибудь? Хотя бы Хельмута, этого беззаботного, но старающегося быть серьёзным белокурого мальчишку, которого дома ждёт сестра? Хотя бы Вильхельма, зеленоглазого юношу себе на уме, за которого эта сестра должна выйти замуж? Стоило бы помолиться за них сегодня вечером, да и за лорда Джеймса тоже... и за себя, конечно.

Потому что Генрих всё-таки был намерен выжить, чего бы это ни стоило.

Примечания автора:

Лакритис — ноябрь

Глава 3

Кристина вернулась в Эори через полчаса. Её сопровождали молчаливые капитан Фостер и господин Гленн, и молчаливость последнего несколько настораживала. Привычнее были его советы касаясь поведения и речи — выпрямить спину, смотреть прямо, не бормотать себе под нос... Ведь именно так должна вести себя юная леди и правительница. Кристину это не раздражало: он всё же был её учителем и родственником, а теперь и вовсе будет воспитывать её вместо отца... У Гленна были седые волосы, обранные чуть повыше плеч, болотные глаза (Кристина помнила, что у его брата, её деда, были такие же), бледная желтоватая кожа; он вечно сутулился и ходил с тростью с большим белым набалдашником.

Помнится, Кристина поначалу боялась его — он казался ей похожим на тёмного мага из легенд, на того, кто хочет то захватить мир, то открыть врата в ад, то устроить войну, стравив людей с какими-нибудь эльфами или гномами... Но господин Гленн на самом деле был добрым и заботливым человеком. Он часто говорил, что Кристина напоминает ему леди Лилиан, его племянницу. Да, он был строгим учителем, но очень мягким и ласковым родственником, готовым опекать двоюродную внучку столько, на сколько хватит сил.

Кристина велела не разгоняться и вела своего коня шагом, и её свите (помимо капитана Фостера и господина Гленна, это был десяток солдат, часть той гвардии, что осталась в Эори на случай опасности — патрулировать город и следить за порядком) приходилось ехать с той же скоростью. Кристина наблюдала за оживающей природой, за зеленоватым леском, окружавшим Эори и Нижний город, — ему ещё предстояло облачиться в яркие летние наряды, надо просто немного подождать. Между деревьев вырастут голубые, розовые, жёлтые цветы, на полях неподалёку засеют пшеницу и рожь, яблоневые и вишнёвые сады благоухают цветами, на которые прилетят стайки пчёл и шмелей... В Нолде всегда было холоднее, чем в остальном королевстве, но и сюда тоже заглядывало настоящее лето. Кристина привыкла к холоду, но лето всегда ждала с нетерпением.

Она поправила плащ — чёрное сукно было скреплено позолоченной фибулой — и шерстяное белое покрывало на волосах, придерживая поводья одной рукой, затянутой в кожаную перчатку. По Нижнему городу они проехали быстро; несмотря на то, что большинство взрослых мужчин покинуло свои дома, отправившись на войну, на главной улице всё равно царило оживление: женщины носили вёдра с водой, корзинки с овощами, кто-то тащил за верёвку козу, отчего Кристина рассмеялась, по мостовой туда-сюда бегали дети, играя в догонялки или сражаясь на деревянных мечях. Некоторые лавки были закрыты, но кое-где всё же шла торговля: продавали горшки и посуду, ювелирные изделия, оружие и подковы для лошадей, свежую выпечку, мясо и пиво, ткани, кожу и обувь, кур, гусей и овец.

Кристина проехала мост через ров и ворота, кивнув страже, и тут же спрыгнула с лошади — её коня забрали слуги, они же помогли спешиться господину Гленну. Ей хотелось пройтись, но она неожиданно для себя замерла посреди внутреннего двора. Эори опустел без отца и тех людей, что населяли замок последнее время, без герцога Вэйда и его дочери, без Волберта Даррендорфа, что отправился на войну вместо своего пожилого брата, барона Матиаса, без их солдат, рыцарей и оруженосцев, без этого весёлого живого гомона, смеха и бесконечных разговоров... Теперь здесь осталось несколько служанок, хромоногий конюх, повара и кухарки, малолетние слуги, мальчики на посылках, небольшой гарнизон во главе с капитаном Фостером и господин Гленн Освальд.

И она — правительница Нолда в отсутствие отца.

Вдруг со стороны псарни послышался оглушительный лай и рык. Кристина невольно отпрянула, хотя, кажется, ни одна борзая не сорвалась с цепи и не выскочила, ослеплённая яростью, во внутренний двор. Однако Кристина всё равно нервно оглянулась, но никого, кроме выбежавшего прямо ей под ноги взъерошенного серого котёнка, не обнаружила. Наверняка борзые лаяли на него — он, возможно, как-то пробрался на псарню, привлечённый запахом мяса, которым кормили собак, но получил ожидаемый от ворот поворот. Теперь он метался по двору, натываясь то на одного человека, то на другого, и наконец прибил к Кристине, решивший, что именно она сможет ему помочь.

Кристина рассмеялась и наклонилась, чтобы погладить котёнка и взять на руки.

— Иди сюда, малыш, — протянула она. — Ты чего это тут устроил, а? Нам и без тебя хлопот хватает.

— Миледи, он может вас поцарапать или блох напустит, — заметил подошедший к ней сзади господин Гленн.

— Ой, у него кровь... — Кристина вздрогнула и едва не выронила котёнка, но тот вцепился коготочками в рукава её платья и так отчаянно замыкал, что она невольно сильнее прижала его к себе. — Видимо, лапку поранил, надо отнести его к лекарю!

Господин Гленн усмехнулся.

— Не думаю, что лекарь будет возиться с котом, — заявил он, стукнув по мостовой своей тростью.

Кристина лишь закатила глаза.

В итоге с котом ей помогли служанки. Сначала они вымыли его в тёплой воде; кот при этом орал, брыкался и царапался, и вода брызгала в разные стороны, но Кристина смеялась, а женщины снисходительно улыбались: порезы от кошачьих когтей — далеко не самое страшное, что могло с ними произойти. Потом высушили его серую шёрстку, вычесали блох частым гребнем, и тут одна из служанок вспомнила:

— Точно так же своему мальчонке вшей вычёсывала! Где вы его нашли такого?

— Он откуда-то со стороны псарни выбежал во внутренний двор, — пожалала плечами Кристина.

— Так, может, это кухонная кошка окотилась...

— Вы, мледи, ежели хотите его себе оставить — то почаще с ним такое делайте, — посоветовала Кристине другая служанка, постарше. — Блох с первого раза не выведешь, а он заодно и к купанию привыкнет, царапаться потом не будет.

— Мне лекарь обещал сделать настойку из полыни, пижмы и лаванды, — кивнула Кристина. — Говорит, что эта смесь может убить блох.

Пока кота купали и расчёсывали, она успела узнать у лекаря не только о рецепте средства от блох, но и о способе обработки раны на лапке. И теперь готова была принять удар на себя: при обеззараживании рана всегда щиплет и жжёт, и если человек ещё может с этим справиться, то кот, скорее всего, терпеть не станет.

— Может, надо было ему снотворного дать? — то ли в шутку, то ли всерьёз предложила молодая рыжая служанка — она держала кота, пока Кристина смазывала его ранку небольшой смоченной в виски тряпицей.

— Он бы от боли проснулся, — отозвалась та служанка, что вычёсывала блох.

Кристина не знала, насколько правдивы их суждения, поэтому молчала. Закончив обработку ранки, она осторожно перевязала лапку и отпустила служанок. Котёнок тем

временем успокоился, а когда она погладила его, начал мурчать. Он был ещё совсем маленьким и лёгким; пальцами Кристина чувствовала его хрупкие рёбрышки и поэтому старалась держать его аккуратно, чтобы случайно не навредить ещё сильнее. Несмотря на недолгое знакомство, она уже привязалась к этому милому беззащитному животному. У неё никогда не было питомцев, если не считать лошадей или охотничьих собак, но они были скорее собственностью всего замка и отца в частности, нежели её. Зато у её ровесников, как слышала Кристина, кого только не бывало: и пушистые кошки, и маленькие собачки, предназначенные не для охоты или охраны жилья, а просто для развлечения, и даже какие-то южные цветные птицы, которые, по слухам, умели разговаривать на человеческом языке...

Но теперь и у неё появился маленький друг, которого она должна оберегать и защищать.

Через несколько минут в комнату зашёл господин Гленн — видимо, решил узнать, как чувствует себя котёнок. Кристина уже затащила его в кровать и теперь наблюдала, как малыш играет с выбившейся из подушки пушинкой. Это было так забавно и мило, что все тревоги и беспокойства, волнение за отца и за исход войны улетучились из её души. Она позволила себе превратиться из леди, новоиспечённой правительницы, ответственной и строгой, в простую девочку, которой не чужды простые человеческие радости.

— Ну зачем вы пустили его в кровать? — покачал головой господин Гленн, однако в его голосе не было упрёка.

Он приблизился к изголовью и протянул руку, но котёнок вдруг зашипел, будто защищался от врага, и господин Гленн невольно отпрянул, хотя был в тысячу раз больше и сильнее этого котёнка.

— С характером! — заметил он, смеясь. — Надо, пожалуй, придумать ему имя.

***

Монахиня сестра Эстер, призванная на послушание в Эори из женской бьельнской обители, должна была обучать Кристину вышивке, каллиграфии и, конечно, Закону Божию. Это была немолодая, но полная бодрости и жизнелюбия женщина со стальными серыми глазами, длинными пальцами и горбатым носом. Иногда из-под её глухого монашеского платка выпадали смоляные пряди, в которых не виднелось ни одной седой волосинки. Сестра Эстер была человеком ответственным и трудолюбивым, она взялась учить Кристину не самым простым и интересным вещам, к обучению подходила с умом и дотошностью. И хотя бы за это её следовало если не любить, то уважать.

Правда, вышивка Кристине давалась с трудом, она портила одну канву за другой своими бездарными стежками, но сестра Эстер, украдкой вздыхая, утешала её и позволяла пробовать ещё. Успехов в каллиграфии тоже почти не наблюдалось: почерк у Кристины был резким, угловатым, крупным, писать именно так ей было удобнее, а потому ровных линий и петелек у неё не получалось, хоть убей. Закон Божий она старалась изучать прилежно: прочитала всю Книгу Божьего Духа, наизусть зазубривала молитвы и заповеди, посещала вместе с сестрой Эстер большинство месс в замковом храме Эори, но всё же богословские вещи её не очень занимали.

Куда интереснее были история и география, но их изучение она уже закончила. Риторика и дипломатия, преподаваемые господином Гленном, наводили на неё скуку. И лишь занятия по фехтованию, прежде с герцогом Вэйдом, а теперь — с капитаном Фостером, радовали её, вселяли в неё силу и бодрость. И пусть после них она уставала, пусть после них на её коленях появлялись синяки, а одежда рвалась, Кристина всё равно была счастлива посещать именно уроки фехтования.

Слава Богу, петь и играть на инструментах её не учили. Многих девушек в Драффарии обучали игре на лютне, арфе или скрипке, петь и сочинять стихи, но Кристину такая беда миновала. Она любила петь, но не долгие протяжные баллады из книг, которые сочинили знаменитые менестрели. Ей по душе были народные напевы, что затягивали женщины во время сбора урожая, жатвы и уборки или мужчины в тавернах, кузницах и гончарных мастерских. И уж тем более она не хотела, чтобы какой-нибудь учитель, заглядывая ей в рот в прямом смысле, указывал ей, как правильно петь эти песни простолюдинов — у них ведь изначально не должно быть никаких правил!

Впрочем, была ещё одна наука, которой Кристина занималась с удовольствием.

Точнее, она бы сравнила это с искусством — написанием картин или сочинением музыки... Здесь была важна и точность, и логика, но и творческий момент тоже присутствовал. Фантазия, воображение, полёт мысли наряду с сосредоточением и умением точно рассчитывать каждый шаг, каждое движение, каждый взгляд создавали нечто невероятное, необъяснимое, сверхъестественное...

Речь шла о магии.

Кристина открыла в себе магический дар в девять лет — спустя несколько лун после смерти мамы. Она долго не могла прийти в себя после этой потери, ходила замкнутая, редко отвечала на вопросы и часто плакала, особенно по ночам, когда никто не видит. Она была ещё маленькой, чтобы толком осознать и описать свои чувства, но помнила до сих пор, как пусто, как больно было в груди, словно что-то грызло, точило её там, внутри. Каждая мысль о маме вызывала приступы слёз и удушающие рыдания.

Отец, конечно, утешал её как мог — он и сам безумно страдал, и оттого, что Кристина редко видела его улыбку, ей становилось только хуже. Именно тогда лорд Джеймс начал сидеть — а ведь ему было всего тридцать пять! Они вдвоём поддерживали друг друга изо всех сил, но всё же этих сил не хватало ни так внезапно овдовевшему Джеймсу, ни уж тем более маленькой Кристине.

В тот момент её спасло два обстоятельства, и первым из них как раз было открытие магического дара.

Поздней осенью того же года Кристина сильно заболела: горло першило и разрывалось кашлем, нос заложило, жар и холод попеременно охватывали её тело, и не помогало ничего: ни отвары, ни согревающие компрессы, ни сборы трав. Лекари делали всё, что могли, но этого оказывалось недостаточно. А отец решил, что девочка заразилась от матери неизлечимой чахоткой и теперь он потеряет и её. Конечно, вслух он этого не говорил, но Кристина видела обречённость и бесконечную тоску в его взгляде и понимала, что он уже почти смирился с тем, что лишится дочери вслед за женой.

— Маленькая моя, — говорил отец, обнимая её: он думал, что это чахотка, но всё же не боялся заразиться. Кажется, ему было совсем плевать на своё здоровье и жизнь. — Маленькая моя, ты только держись... Побудь со мной подольше, пожалуйста.

Но Кристина не собиралась умирать. Да, она чувствовала себя просто паршиво, и тоска по матери лишь усугубляла болезнь, но эта безнадежная печаль в глазах лорда Джеймса её страшно разозлила. Она сама не поняла, как и когда именно пошла на поправку. Сначала исчезла лихорадка, потом перестало болеть горло... Вскоре Кристина спокойно вставала с кровати и ходила по комнате, несмотря на слабость. Лекари советовали свежий воздух, но при спуске по лестнице кружилась голова, поэтому служанки на несколько минут открывали окна её комнаты, чтобы она успела подышать. Позже она всё же смогла выходить наружу,

гулять по двору и наслаждаться прохладным осенним воздухом, пахнувшим влажной травой, осенними листьями, землёй и дождём.

Однажды Кристина услышала, как отец тихонько шепнул лекарю: «Я уж и не надеялся...» И вспомнила свою злость и обиду — лорд Джеймс уже успел похоронить её, а ведь ей даже десяти не исполнилось, у неё впереди вся жизнь, ей ещё править Нолдом! Она тогда сидела в кресле у окна, читая книгу о каком-то маге, любившем создавать огненные заклинания. Вот бы уметь так же... Создать на пальцах огненный шар и припугнуть отца — пусть видит её силу!

Кристина, отбросив книгу, сложила руки на груди и надулась, чтобы хоть как-то показать лорду Джеймсу, насколько она обижена. Он, впрочем, продолжая разговаривать с лекарем, совершенно не обратил на это внимания. И тогда внезапно в груди стало как-то горячо, будто там сам по себе зажёгся костёр, глаза защипали, а через мгновение она увидела, что бархатная фиолетовая штора пылает.

То, что это было проявление магических сил, поняли все: и Кристина, начитавшаяся сказок и легенд о волшебниках и ведьмах, и лорд Джеймс, лично знавший нескольких магов, и так вовремя приехавший в Эори господин Гленн Освальд. На тот момент он оказался последним представителем рода Освальдов, семьи леди Лилиан, и поэтому намеревался просить у лорда Джеймса какой-то помощи с теми небольшими и стремительно беднеющими землями. И отец пообещал помочь. Взамен он потребовал лишь одного: господин Гленн должен посодействовать развитию магических сил Кристины. Магия, вышедшая из-под контроля, неподвластная своему носителю, опаснее, чем летящая стрела или отравленный клинок. Не хватало ещё, чтобы девочка спалила весь замок.

— Я не маг, хотя моя трость и правда похожа на магический посох, — ухмыльнулся господин Гленн, пристально глядя на Кристину, которая пыталась рисовать руны на маленькой дощечке. — Но руны знаю: мать Лили, жена моего брата, помнится, использовала их для гадания. Пошли, Господи, им прощение грехов... — Он положил руку на грудь и поклонился на восток. — И книги тоже добуду: может, с их помощью у девочки что-то получится.

Кристина обрадовалась, и уроки (если это можно было так назвать) магии казались ей донельзя интересными. Конечно, господин Гленн не мог судить о её силах точно и чётко, он лишь наблюдал, правильно ли она рисует руны, достаточно ли сосредотачивается при сотворении заклинаний, насколько резки её жесты... И он готов был тушить внезапно загоревшиеся занавески или мебель, но больше такого не повторялось. Кристина быстро взяла под контроль свои силы — благо, они были невелики.

«Магия — это дракон, которого нужно усмирить, поймав за хвост», — писали в одном из гримуаров. Но силы Кристины походили не на дракона, а на маленькую ящерку — её легче лёгкого было поймать за хвост, главное, чтобы она не убежала, оставив этот самый хвост в твоих пальцах.

— Но как так вышло? — недоумевал отец. — Раньше с ней такого не было...

— Магия не просыпается просто так, — с улыбкой объяснял господин Гленн: в одной руке он держал трость, а в другой — обёрнутый чёрной кожей гримуар. — Её нужно разбудить, и эмоциональное потрясение пришлось как нельзя кстати. А тут на бедняжку столько всего навалилось: и смерть матери, и болезнь... Ей хотелось как-то защититься, как-то показать этому миру, что, несмотря на его жестокость, она сильна и готова защищаться... И магия, которая доселе спала в её душе, услышала зов.

Именно приезд господина Гленна и стал тем вторым обстоятельством, что спасло Кристину, а заодно и лорда Джеймса от падения в бездну горя и отчаяния после смерти леди Лилиан. Гленн был единственной ниточкой, связывающей род Коллинзов с затухающим родом Освальдов, и потому и Кристина, и лорд Джеймс ему искренне обрадовались. Это был мудрый, спокойный, образованный человек — этим он сильно отличался от своего брата, отца леди Лилиан. Тот, как рассказывали Кристине родители, был довольно жёстким и упрямым, свою единственную дочь он во всём ограничивал, лишая её свободы выбора и пытаясь контролировать каждый её шаг. Но она всё же вырвалась из этой клетки благодаря знакомству с лордом Джеймсом, вышла за него замуж и резко возвысилась над своим отцом, сиром Оливером, который был всего лишь вассалом вассала, стоявшим на нижней ступеньке дворянской феодальной лестницы.

Кристина училась магии уже пять лет и была крайне довольна своими успехами. Колдовать у неё получалось гораздо лучше, нежели вышивать и произносить высокопарные убедительные речи. Разве что во владении мечом она была ещё более хороша для своих лет.

— Не отвлекайтесь, миледи, — вывел её из воспоминаний строгий низкий голос сестры Эстер. — Повторите-ка мне четвёртую Божью заповедь.

— Почитай своего отца и свою мать, — буркнула Кристина, закатив глаза, и осторожно убрала под белую ленточку выбившуюся прядку.

— Громче и чётче! Выпрямите спину, положите руки на колени. Будьте смиренны, произнося слова, данные Богом нам, ничтожным его детям!

— Почитай своего отца и свою мать! — повторила она громче и выразительнее, но сестра Эстер всё равно осталась недовольна.

Она сложила руки на груди и вздохнула.

— Я вижу, что вам скучно, миледи, — призналась она, — но это важно знать. Даже важнее, чем светские законы. Потому что они меняются, одни появляются, а другие уходят в небытие... Порой они переписываются до неузнаваемости, их суть меняется на противоположную... А закон Божий остаётся единым на все времена.

— Я понимаю, — кивнула Кристина. Свод светских законов она, конечно, тоже изучала, но знала пока не так хорошо. Хотя бы потому, что закон Божий помещался в одной, пусть и толстой книге, а вот законы Драффарии с трудом укладывались в несколько томов, к тому же к ним то и дело подписывались новые, а старые — зачёркивались.

— Ещё немного, и вы сможете пойти отдохнуть, — вдруг улыбнулась сестра Эстер, поглядев в окно: солнце только-только подплыло к центру неба. С каждым днём оно становилось всё светлее и теплее, и Кристина рада была ощущать пришедшую наконец весну. Она скучала по теплу и свету, по зелени трав и лесов, по бескрайнему голубому небу — обязательно чистому, без туч, без единого облачка! И вот эти дни начали наступать. Хотелось верить, что на севере — там, где сейчас отец — тоже теплеет, что там нет холодов и дождей.

— Простите, благословенная сестра, — раздался вдруг голос господина Гленна со стороны дверей. Кристина, задумавшись о весне, не заметила, как он зашёл в библиотеку. Впрочем, у него всегда была тихая походка, хотя его трость обычно громко стучала по полу. — Простите, что отвлекаю, но сегодня я хотел бы забрать её милость пораньше. Нам нужно кое-что обсудить.

— Как же, знаю... — закатила глаза монахиня. — Богопротивное колдовство — вот чем вы хотите её увлечь.

— Вовсе нет, — спокойно отозвался господин Гленн, хотя Кристина, конечно, разозлилась: сестра Эстер часто ругала магию, уверенная, что единственный, кто имеет право творить «волшебство», — это Господь. Однако официально церковь магию не запрещала и магов не преследовала, поэтому монахиня ничего не могла сделать, лишь постоянно советовала Кристине не злоупотреблять ворожбой. — Мне нужно обсудить с ней дела по хозяйству, это не терпит отлагательств.

— А магией мы будем заниматься вечером! — заявила Кристина, поднимаясь со стула. — Когда взойдёт луна и ночные духи слетятся на мой зов! — Она с трудом сдержалась, чтобы не показать язык.

— Не стоит шутить с Дьяволом, юная леди, — покачала головой сестра Эстер.

Кристина и господин Гленн вышли из библиотеки и направились по тёмным, узким коридорам Эори, в которых царили покой и тишина, нарушаемая лишь мерным постукиванием трости и каблуков. Вдоль стен горело несколько факелов, но они давали не так много света, поэтому приходилось вглядываться в сумрак, чтобы не пропустить нужный поворот, дверь или лестницу.

— Гостевое крыло после того, как там пожило такое количество гостей, нуждается в ремонте, — заговорил господин Гленн — как всегда, негромко и вкрадчиво.

— Оно давно нуждается в ремонте, — усмехнулась Кристина. — Я распоряжусь. Что ещё?

— Капитан Фостер сокрушается, что в гвардии не хватает людей.

— Что же делать? — встрепелась она. — Почти все здоровые мужчины ушли на войну, где нам брать солдат?

— Можно поискать по окраинам и сёлам, — пожал плечами он. — Или набрать мальчишек, подростков... Их, конечно, придётся долго обучать, но на безрыбье... — Его тонкие губы на миг искривила ухмылка. — В конце концов, пока Эори вроде ничто не угрожает, мы можем позволить себе сократить количество боеспособных гвардейцев, а новых отправить на обучение.

— Мне вообще всюду людей не хватает, — призналась Кристина сокрушённым тоном. — Скоро сама пойду на кухню хлеб замешивать! — И она, будто в подтверждение своих слов, закатала рукава бежевого шёлкового платья.

— Ну, кухарок найти легче, — отозвался господин Гленн, — всё-таки женщины в большинстве своём на войну не уходят.

— Одну служанку, Ами, по совету лекаря забрали, — возразила Кристина, вздохнув. — Она хорошо разбирается в травах, может там лекарства варить, лекарям помогать... А, кстати, лекаря нам тоже нужно будет найти! Брат Даррен ушёл на войну, а брат Грэг один не справится, он уже стар и сам нуждается в лечении. — Лекари в их замке тоже были монахами, присланными из северной обители на послушание. И если брат Даррен был ещё молод и полон сил, то брат Грэг в силу возраста стремительно слабел, поэтому он остался в замке и не ушёл на войну вместе с армией.

— Я тоже, как видите, не так молод, — снова усмехнулся Гленн, — а справляюсь, по моему, неплохо. Но вы права, дорогая. У вас прекрасно получается планировать все дела, и я уверен, что скоро вы с ними справитесь. Когда вы займёте трон отца, из вас выйдет прекрасная правительница.

Кристина вздрогнула.

Конечно, она часто думала об этом. Она была единственной наследницей рода

Коллинзов: сыновей у лорда Джеймса не было, ибо после смерти леди Лилиан он больше ни разу не женился, поддавшись на уговоры дочери не приводить в дом чужую женщину. Поэтому Кристина прекрасно осознавала, что рано или поздно ей придётся занять место отца, постоянно готовила себя к этому, настраивала... Но всё же она не ждала этого часа, как можно было подумать. Отец был дорог ей. Она до сих пор не оправилась после потери матери, и теперь, отправив лорда Джеймса на войну, тихонько молилась ночами, чтобы он вернулся живым и здоровым и правил Нолдом ещё много лет. Да, она хотела стать правительницей, но чем позже это случится, тем лучше.

— Я очень надеюсь, что займу место его милости лорда-отца не столь скоро, — сказала Кристина, набрав в грудь побольше воздуха.

— О, конечно. Поверьте, миледи, я не имел в виду ничего плохого, — ответил Гленн.

К концу новаса* бьельнская часть войска миновала замок барона Клауда: тот, будучи гостепреимным хозяином, предлагал остановиться у него — конечно, не всей армии, хотя бы командующим и рыцарям, — но пришлось отказать. Разведка доложила о большом вооружённом фарелльском отряде, что расположился в пятидесяти километрах севернее от Клауда, и насчитала там не менее четырёх тысяч человек.

— Нельзя позволить им дойти до Клауда и взять его в осаду, — сказал Генрих: был вечер, и они собрали небольшой военный совет в его шатре. — Нас не так много, и мы не знаем, когда нолдийцы и шингстенцы смогут прийти к нам на помощь. Поэтому мы отгоним фарелльцев отсюда, погоним их севернее, к Ледяному мосту. Пока это всё, что мы можем сделать самостоятельно, — добавил он со вздохом, внимательно посмотрев на разложенную на столе потрёпанную карту Нолда, которую освещали маленькие, почти прогоревшие свечи.

— Пойдём всеми? — подал голос Вильхельм, стоявший у противоположного края стола, скрестив руки на груди. Почему-то на карту и на Генриха он взирал с недоверием, будто был уверен, что сам смог бы придумать план получше.

— Слишком рискованно, — отозвался лорд Штейнберг. — Мы могли бы, конечно, задавить их числом, но вдруг они будут драться до последнего, как обезумевшие, и мы потеряем почти всё, что у нас есть?

— Значит, если их самое малое четыре тысячи, то нам надо послать не менее пяти, но и не более, — сделал вывод Хельмут, поправив чёлку на лбу.

Потом они долго обсуждали план атаки, расстановку войск и решали, кто какой частью будет командовать. В итоге Вильхельм вызвался вести авангард, а Хельмут взял на себя засадный полк.

Этот вечер настраивал на тревожный лад — чувствовалось, что не каждый готов к битве полностью. Все они были молоды и не очень опытные, хоть и разбирались в стратегии и умели сражаться... И так не хотелось принимать сложных решений самостоятельно. Можно, конечно, написать лорду Джеймсу на север и попросить совета, но пока гонец доскачет с письмом, пока привезёт ответ, пройдёт несколько дней, а за это время ситуация может измениться в корне, например, фарелльцы решат пойти в наступление.

Но Хельмут ни мгновения не сомневался в Генрихе: не было на свете человека, которому он доверял бы сильнее. И если ему сказали возглавить засадный полк, готовый в любой момент ударить по берущему превосходство врагу, попытаться оттеснить его, выручить главный полк, он это сделает. Пусть даже это будет первым его смертельным боем. Настоящим, а не тренировочным.

Конечно, среди вассалов и советников Генриха были не только молодые, едва достигшие совершеннолетия люди: граф Роберт Варден, правитель земель на северо-западе Бьельна, почти достиг пятидесяти лет и полностью поседел, мужу герцогини Эрики, герцогу Курту Рэйкеру, уже стукнуло тридцать, барон Герхард Штарк не раз бывал в битвах — это доказывал шрам на его лбу, чудом не задевающий глаз. Но то были вассалы, привыкшие прислушиваться к решениям своего сюзерена, несмотря на его возраст и небольшой опыт в ведении войн. Однако никто не запрещал им давать советы и указывать на ошибки. Так, общими усилиями, план битвы был составлен уже затемно.

Следующим утром Вильхельм, изо всех сил прищипывая своего гнедого коня, поскакал

к обширному полю недалеко от Клауда, чтобы как следует изучить место сражения. Во время скачки его чёрный плащ и распущенные волосы развевались на ветру подобно крыльям летучей мыши. А Хельмут уже несколько минут безрезультатно пытался его нагнать — получилось лишь после того, как Вильхельм натянул поводья, резко останавливая жеребца метрах в двухстах от поля. Копыта взбили землю, в воздух взметнулось облако пыли, но Вильхельм и бровью не повёл.

— Уилл, чёрт тебя возьми, за тобой что ли стая упырей гналась? — прикрикнул Хельмут, подъезжая к нему.

— Не называй меня так, — закатила глаза Вильхельм. — Мы в Нолде всего-то седмицы две, а ты уже нахватался местного говора...

Дальше они ехали спокойно и спустя пару минут добрались наконец до интересовавшего их места. Среди ещё не покрытых листвой деревьев виднелась та поляна, что они искали. На ней оставалась серо-коричневая прошлогодняя трава — свежей, весенней, зелёной пока не проросло ни былинки. Ни ям, ни пробоин, ни бугров или горок там не было — поверхность была ровной, отлично подходящей для сражения.

Они спешили, и Вильхельм сделал пару шагов вперёд, почти не глядя под ноги, в то время как Хельмут принялся внимательно изучать поверхность под подошвами, чтобы случайно не наступить в грязь и не испачкать свои до блеска вычищенные чёрные ботфорты. Хотя грязи на этой местности почти не было: снег сошёл уже достаточно давно, а дожди ещё не успели оросить землю. Что ж, тем удобнее сражаться. И пешим, и конным было бы очень несподручно вязнуть в грязи во время битвы.

— Я думаю, в свою очередь, разделить авангард на две части и ударить с двух сторон, — сказал вдруг Вильхельм, присев на одно колено и положив руку на землю. — Мы возьмём их в клещи, окружим и задушим... — Он сжал затянутые в чёрную кожу пальцы и как-то странно ухмыльнулся. — Может быть, твоя помощь и не понадобится, если мой план работает, — бросил он через плечо. — Всю опасность я возьму на себя, так что радуйся.

Его слова о том, что помощь может не понадобиться, задела Хельмута едва ли не сильнее, чем сама идея о смене плана.

— Генрих ничего не говорил о разделении авангарда, — напомнил он. — И его вроде бы никогда не разделяют, а для взятия в клещи используют полки правой и левой руки. В этот раз нам они не понадобятся, потому что численность войска не столь большая, полки будут слишком маленькими, это опасно...

— Это всё тебе Генрих сказал? — Вильхельм поднялся и отряхнул колено.

— Ну да, — кивнул Хельмут. Взгляд друга ему не понравился.

— А сам-то ты что думаешь?

Вильхельм, поправив сползший с одного плеча плащ, приблизился к нему почти вплотную и внимательно, с интересом взглянул в глаза. От этого взгляда Хельмут вздрогнул, но быстро взял себя в руки: Генрих, чьи глаза были такого же зелёного оттенка, тоже часто смотрел на него подобным образом. Только вот взгляд сюзерена его не пугал. Он скорее притягивал и завораживал, погружал в эту изумрудную глубину, от которой невозможно оторваться... А от взгляда Вильхельма как раз хотелось оторваться, потому что в его зелёной глубине плескалось что-то... что-то не то. Нехорошее, чужеродное, то, чего раньше там никогда не было.

— Ничего я не думаю, — нехотя ответил Хельмут, делая шаг назад. — По-моему, его план вполне хорош, мы его несколько раз обсудили, и тебе не надо ничего в нём менять. К

тому же он завтра перед битвой обязательно осмотрит войска и всё поймёт.

— О, об этом я и хотел тебя попросить... — Вильхельм опустил взгляд, будто его что-то смушало. — Мне гораздо удобнее было бы разделить авангард перед битвой, а не во время её. А до битвы ещё целый день. — Он резко поднял голову, взглянув на небо: солнце медленно катилось к центру небосклона, близился полдень. — За оставшиеся часы попробуй убедить Генриха не смотреть войска. Он ведь должен доверять нам, так?

— Он нам доверяет, — кивнул Хельмут, которого предложение Вильхельма ввело в настоящий ступор, — но он должен осмотреть войска, дело тут не в доверии, а...

— В чём? — нагло ухмыльнулся Вильхельм, наклонив голову вбок.

— Слушай, это странно. Не то чтобы я нахожу твою идею неудачной, просто... — Вообще-то он именно что находил её неудачной. — Просто не делай этого, хорошо?

Вчерашнее ощущение беспомощности, мысли о том, что они ещё слишком молоды и неопытны, сейчас показались ему сущей глупостью. Впрочем, странная затея Вильхельма тоже не обрадовала: так ли важно разбивать авангард на две части, большую ли пользу это принесёт? И почему он так упёрся, почему так вцепился в этот свой план, что даже готов нарушить приказ своего сюзерена? Хельмут не собирался ему в этом помогать. И почему бы Вильхельму просто не сообщить Генриху о своём намерении? Почему этот план нужно держать в тайне?

Но и донести лорду Штейнбергу на Вильхельма что-то мешало. Будто некая невидимая рука схватила Хельмута за плечо, заставляя прирасти к земле и держать язык за зубами.

Вопросы, казалось, вот-вот разорвут мозг, и Хельмут покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Вряд ли Вильхельм ответит на все эти вопросы, поэтому не стоит вообще продолжать бессмысленный разговор.

Хельмут развернулся на каблуках и направился к своей лошади, не сказав больше ни слова. Утро наполнялось прохладой, и от мерзкой дрожи не спасал даже суконный чёрный плащ поверх фиолетового камзола. Стоило взять с собой худ или берет из шатра, но он попросту не успел. Теперь хотелось поскорее вернуться в шатёр, к тёплому костру и забыть о Вильхельме и его глупых идеях.

— Бегаешь за ним, как сторожевой пёс, — раздался позади злой голос барона Остхена, пригвоздивший Хельмута к месту. — А что бы сказала Хельга, как думаешь? Наверняка бы она встала на мою сторону.

— Ну конечно, — буркнул Хельмут. — Но ведь Генрих — наш сюзерен, *твой* сюзерен, твой лорд! — Он оглянулся: Вильхельм стоял, скрестив руки на груди, и всё нараставший ветер шевелил кончики его густых смоляных волос, издав далеко напоминавших капюшон плаща. — Он твой родственник, в конце концов. А ты что-то пытаешься скрыть от него, идёшь против его воли, меняешь его планы... И меня пытаешься в это втянуть!

— Это для нашего же блага, для его блага, для блага всего королевства, — уже спокойнее заявил Остхен. — Если мы выиграем эту битву (а мой план лишь увеличит шансы на победу), то дальше нам будет легко прогнать фарелльцев с этой земли. Нолдийцы нам ещё благодарны будут.

— О да, будут... — закатил глаза Хельмут и ускорил шаг.

Вести беседы с Вильхельмом по-прежнему не хотелось, а понимание, что отговорить и переубедить этого упряма вряд ли удастся, вызывало в сердце страшную досаду. Однако мысль о необходимости доложить об этом Генриху точила не меньше, и Хельмут буквально не знал, что делать. Спрашивать совета у кого-то ещё и тем самым посвящать в дело третье

лицо казалось ему ещё более провальноей идеей.

Хельмут запрыгнул в седло и, не оборачиваясь, направил коня назад, к лагерю. Там ждали тепло и покой. Там приятно пахнет дымом, мясом и сталью. Там он сможет всё как следует обдумать и решить, следует ли рассказывать Генриху о том, что задумал Вильхельм, или всё-таки нет.

***

Генрих был зол. Даже не просто зол, а взбешён. В его глазах плескалась адская ярость, смешанная с ледяным отчаянием. Хельмут мог поклясться, что ещё никогда не видел друга таким, а тот даже сейчас изо всех сил пытался строить из себя ледяного бездушного истукана. Возможно, другие и не замечали его ядовитую злость... Или просто делали вид, что не замечают. Вильхельма так вообще по-хорошему должно было терзать чувство вины: если бы не его дурацкая попытка поменять расстановку войск за пять минут до начала битвы, у них был бы неплохой шанс на победу... А так им пришлось бежать, отступать к Клауду, иначе фарелльцы бы попросту перерезали всё их войско, всех до единого.

Впрочем, Вильхельм тоже старался не выдавать своих чувств, а на Хельмута смотрел взглядом умоляющим и поистине жалким. Тот кивал с подбадривающей улыбкой: всё, мол, хорошо, я понимаю, я никому не скажу.

Хотя стоило бы сказать, но что-то по-прежнему удерживало его, и объяснений этому не находилось.

Однако Генриху одной улыбки явно было мало, и лёгким кивком его не успокоить. Сейчас, во время очередного совета (после битвы они проходили каждый вечер, были долгими, выматывающими, полными споров и даже криков), Хельмут сидел рядом с ним, как всегда, по правую руку, но он не смел ни коснуться его, ни посмотреть в его глаза — нужно было соблюдать этикет, следить, чтобы не вырвалось случайное «ты», держаться отстранённо и говорить лишь после разрешения.

— В общем-то, это поражение особо не поменяло расстановку сил, — проговорил герцог Рэйкер, пытаясь утешить себя и окружающих. — Наша армия поистрепалась, но ведь и фарелльская — тоже!

— Фарелльцы в любой момент могут получить подкрепление с севера, — угрюмо возразил Вильхельм, закинув ногу на ногу. Напротив него стоял бокал с красным вином, из которого он пока не выпил ни глотка.

— Я боюсь, что они отгонят нас к Клауду, пойдут на штурм замка или возьмут в осаду... — вздохнул Хельмут. — Мы все этого боимся, милорд.

— Я уже написал лорду Джеймсу о случившемся, гонец ускакал час назад, — отозвался Генрих совершенно безжизненным тоном. Его стеклянный взгляд застыл на разложенной на столе карте, но Хельмут прекрасно понимал, что в глубине этого взгляда плескались отчаяние и злость. — Я попросил у него совета, — признался он совсем тихо, возможно, только Хельмут и Вильхельм его и услышали, а до слуха остальных, сидевших на противоположном краю стола, эти слова не долетели, — но за этот час у меня появился новый план, и от точности его исполнения зависит, будем ли мы отбивать штурм или сидеть в осаде. В случае, если до фарелльцев дойдёт подкрепление, конечно.

— Вы предлагаете взять остатки их войска в кольцо? — поинтересовался Рэйкер, глядя при этом почему-то на Хельмута. Тот вздрогнул, невольно вспомнив утро, проведённое в объятиях Эрики. Но не мог же её муж что-то заподозрить? Они, кажется, сделали всё, чтобы сохранить ту краткую связь в тайне, о них узнала лишь Хельга — но от неё Хельмут и так

ничего не скрывал... Более того, он не собирался больше поддерживать эту связь: Эрика ему нравилась, но не настолько, чтобы и дальше рисковать... Поэтому герцогу Рэйкеру беспокоиться больше не о чем.

Хельмут покачал головой, выводя себя из задумчивости. Размышлять о таких вещах на военном совете было крайне неуместно.

— Вроде того. — Генрих слабо улыбнулся и поднялся со своего стула, склоняясь над картой, и остальным тоже пришлось встать. — Для начала мы вернёмся к Клауду. — Он взял лежащий справа от карты грифель и прочертил им небольшую линию от места их лагеря до замка. — Там и остановимся на ближайшее время, чтобы набраться сил и дожждаться подкрепления либо с северо-запада, — указал на Белые леса и горы, куда сейчас отправился лорд Джеймс со своим десяти тысячным войском, — либо с востока, — поставил точку на Серебряном заливе, где сражались за эти воды и берега шингстенцы и барон Клаус Остхен.

— Несмотря на то, что битва нас потрепала, — невесело усмехнулся Вильхельм и всё-таки отпил из своего бокала, — вся наша армия в Клауде попросту не поместится.

— Я и не предлагаю всей нашей армии идти в Клауд. Здесь, на этом самом месте, — Генрих обвёл взглядом шатёр, имея в виду, впрочем, территорию явно побольше, — мы поставим временную сторожевую башню. Деревянную. А также здесь... и здесь. — Он отметил жирными точками места северо-западнее и северо-восточнее первой. — Дозорные на этих башнях будут высматривать возможные диверсии, вылазки шпионов и, естественно, предотвращать их при необходимости. Также выделим особый отряд, который доберётся до ставки фарелльцев, попытается незаметно её обогнуть и засесть с севера. Нужно постараться ограничить поставки продовольствия к этой ставке, ослабить их, а самим набираться сил и строить дальнейшие планы. Тогда мы окружим их и... собственно, можем ударить снова, — пожал плечами Генрих, поднимая голову. — Конечно, слаженно и по общей команде. И не сразу.

— Не слишком ли сложный план? — ухмыльнулся доселе молчавший граф Варден, поглаживая свою русую с пробивающейся сединой длинную бороду. — Поймут ли сотники, солдаты?

— А вы объясните, — улыбнулся лорд Штейнберг, и Хельмут, увидев эту улыбку, более уверенную и искреннюю, чем предыдущая, почувствовал немалое облегчение. — Вы им для этого и нужны, ваше сиятельство.

Распределение отрядов по башням решили отложить до завтра — разведка докладывала об относительном спокойствии со стороны фарелльцев. Они, видимо, тоже потеряли много сил и не собирались в ближайшее время наступать. Генрих пообещал написать письмо барону Клауду с известием, что он всё же примет приглашение и приедет в его замок. Также был отдан приказ разведчикам и их главе, герцогу Рэйкеру, не сводить глаз с фарелльского лагеря, следить за каждым солдатом и докладывать буквально обо всём.

Вскоре все разошлись, но Хельмут остался.

Генрих тяжело рухнул на свой жёсткий стул и сжал пальцами переносицу. Одна из свечей на столе, догорев до основания, погасла, к тому же снаружи стемнело: солнце зашло за горизонт, и на мрачном небе высypали редкие звёзды. Оттого в шатре стало совсем сумрачно, да ещё и прохладно — нолдийская весна теплом не баловала. Хельмут поправил лиловый плащ на плечах, зябко поёжился: жаль, что оставил перчатки в своём шатре... Можно было бы сбегать, взять, да вот только уходить отчего-то не хотелось.

— Ты как? — Он приблизился к другу, не решаясь ни сесть рядом, ни поклониться,

чтобы взглянуть в глаза. Да и что бы он увидел сейчас, в темноте? Более того, Хельмут прекрасно помнил эту злость и отчаяние во взгляде Генриха, который, впрочем, за время совета вроде бы немного успокоился. — Устал?

— Чертовски, — отозвался он, не убирая пальцев от лица. — После поражения в битве я вообще не... не знаю.

Хельмут молчал и продолжал переминаясь с ноги на ногу — от холода и от волнения, — не зная, что ему делать и говорить. Казалось, один неверный жест, одно неверное слово — и другкинется на него в ярости и попросту придушит: сейчас он был похож на затаившегося хищника, которого очень легко вывести из равновесия и тем самым обречь себя на гибель.

— Варден в чём-то прав — план сложный, — продолжил Генрих. Его голос звучал глухо и чуть слышно дрожал. — И лорд Джеймс всегда мне говорил, что нет ничего лучше простого плана: иначе кто-то обязательно что-то напутает, не поймёт, и тогда обязательно жди провала. Но здесь... Я не знаю, как всё упростить. Нападать в лоб мы не можем. Нам надо заставить их врасплох.

Интересно, а что делает лорд Коллинз сейчас, на северо-западе, за Белыми лесами? Как продумывает свои планы, как атакует и защищается? Хельмут мог бы порассуждать об этом вслух, но понял, что это не лучшая идея.

— Я, в конце концов, делаю всё, что в моих силах, — добавил Генрих. — Но вдруг этого мало? Вдруг я ошибаюсь, и эта ошибка будет стоить слишком дорого? Мы ведь уже проиграли один раз...

«Мы проиграли не из-за тебя», — хотел сказать Хельмут, но осёкся. Нет, про Вильгельма надо молчать. Что-то мешало этим словам сорваться с языка, а мысль быстро тонула в бесконечном потоке других, не менее гнетущих мыслей.

— Всего один раз, — сказал Хельмут, присаживаясь на краешек стула, стоявшего рядом со стулом Генриха, и чуть склонился. — Мы ещё возьмём реванш, вот увидишь. Покажем им, чего стоим.

Генрих почему-то не ответил — наверное, слова Хельмута его не очень воодушевили.

— А от усталости обычно помогает уединиться с лагерными девушками, — ляпнул он вдруг, неожиданно для самого себя. — Одну или даже двух позвать в шатёр на ночь — с утра как рукой снимет, поверь.

— Я не сплю со шлюхами, — невесело усмехнулся Генрих и наконец убрал пальцы от лица. — Но если тебе это помогает — хорошо. Ты, кстати, как? Это же вроде была твоя первая битва?

Хельмут кивнул и откинулся на спинку стула. Если до этого он ощущал в душе какую-то весёлость, вспомнив о шлюхах и их удивительной способности дарить не только плотское удовольствие, но и прекрасное ощущение забытья, то теперь это прошло.

Он старался не думать о тех чувствах, что оставила битва в его душе. Его занимали более важные мысли: что делать после поражения, как спланировать реванш, как утешить друга, стоит ли рассказывать ему о Вильгельме... Но в глубине души то и дело вспыхивал страх, смешанный с болью и жалостью к себе. Он видел поистине пугающие вещи и теперь пытался забить их куда-то в глубину сознания, но сейчас, после вопроса Генриха...

Он вспомнил битву, вспомнил этот водоворот смерти и ужаса, который затягивал в себя любого — и простых солдат, и рыцарей, и опытных воинов, и новичков вроде него... Было так шумно, громко, оглушающе, кажется, сама земля стонала под ногами и копытами коней,

против воли глотая всё новые и новые потоки людской крови. Хельмут помнил эти безумные взгляды — никогда он не видел таких глаз у людей, а тут... Что-то противоестественное было в самой сути битвы и войны, что-то, чего люди, высшие существа и венцы творения, делать не должны. Но всё равно делали.

— Я... да ничего, — приврал Хельмут. — Тут уж ничего не поделаешь, надо привыкать. Генрих недоверчиво покачал головой.

— Если тебя что-то гложет, ты можешь сказать мне, — с лёгкой обидой в голосе произнёс он.

— Спасибо, — улыбнулся Хельмут, поправляя фибулу, скрепляющую плащ на груди. — Думаю, я справлюсь. — Он сглотнул. — Возможно, не будь битва проигранной, мне было бы лучше, потому что это ощущение, когда ты велишь отступать, разворачиваешься и бежишь, и кажется, что сзади тебя преследует настоящая лавина...

— Или как будто сама смерть дышит тебе в спину, — добавил Генрих, не глядя на него.

Хельмут лишь кивнул в ответ. Всё-таки нечего распускать сопли: он ведь воин, совсем взрослый мужчина, поэтому нельзя позволять себе жаловаться и плакаться.

— Но есть и хорошее. В каком-то смысле мне даже стало легче. После... после Агаты, — добавил Хельмут сдавленным голосом — называть имя бывшей невесты было неприятно, будто он глотал что-то горькое. — Я, кажется, понял, что вообще-то ни капли её не любил.

— Я рад, что тебе легче, — кивнул Генрих и на минуту закрыл глаза — воцарилась тишина.

— Что я могу для тебя сделать? — подал голос Хельмут, уже жалея о том, что заговорил о шлюхах. Всё-таки они вели серьёзный разговор. — Может, чем-то помочь?

— Нет, пожалуй, не надо. — Генрих поднял голову и посмотрел на друга с неожиданной теплотой. Сейчас, в полумраке, он будто сливался с заползшей в шатёр тьмой, будучи одетым полностью в чёрное, лишь воротник светло-серой нижней рубашки виднелся из-под дублета. — Только разве что... Завтра мы решим, кто будет следить за сторожевыми башнями, кто поедет в обход фарелльской ставки, а кто останется в Клауде. Так вот, не мог бы ты остаться в Клауде со мной?

— О... конечно... — Хельмут опешил. Он был готов к любому приказу, в том числе и возглавить один из отрядов, но это был даже не приказ — это была дружеская просьба, и он не мог отказать. Не то чтобы эта просьба вызвала в нём чувство облегчения: пребывание в Клауде вовсе не сулит полную безопасность, да и биться с фарелльцами после полного окружения всё равно придётся. — Конечно, я останусь. Хотя я полагал, что отряды на башнях будут иногда меняться...

— Да, будут, — едва заметно улыбнулся Генрих, постукивая пальцем по столу. — Но ты можешь не ездить к башням. Я тебе разрешаю. — Он резко взглянул на Хельмута, и тот невольно отпрянул — тон друга показался ему донельзя странным. — Пусть Вильхельм возьмёт твоих людей, когда придёт их черёд дежурить на башнях. Думаю, он не откажет.

— Только не... — Хельмут вовремя осёкся. Не то чтобы Остхен лишился его доверия после битвы, просто... просто было как-то боязно. — Не стоит. Если потребуется — я выеду.

— Я-то тоже в Клауде без дела сидеть не собираюсь, — сказал Генрих. — Нужно будет объехать окрестности с востока и запада, до границ земель Клауда и, может, чуть дальше. Восточнее там, кажется, идут территории Шелли, их почти не тронули, а западнее — Аллета... Думаю, стоит поездить по ним, вдруг найдём... ну, ты понимаешь. Подарок от

нашего неприятеля. Дозорные с башен до тех мест вряд ли доглядят, а ставить больше башен у нас нет ни возможности, ни средств, да и людей не хватит. Не стоит дробить достаточно большие отряды.

Хельмут кивнул. Казалось, что Генрих продумал буквально всё, каждый шаг, каждое движение. И он ещё смеет сомневаться в себе? Впрочем, винить его нечего. Всем им сейчас не хватало опоры, уверенности, твёрдости... даже Хельмуту, который по жизни был в себе уверен, который постоянно отстаивал свою правоту и готов был переспорить даже Господа Бога. Но не сейчас... и не рядом с Генрихом.

Да и зачем спорить с ним, если он, кажется, действительно продумал всё просто идеально? Это не могло не восхищать.

— Конечно, я останусь, раз ты просишь, — улыбнулся Хельмут и зачем-то накрыл его постукивающие по столу пальцы ладонью. Стук тут же утих, а Генрих с некоторым недоумением взглянул сначала на их внезапно соприкоснувшиеся руки, а потом на Хельмута, который так и не убрал с лица тёплую, приободряющую улыбку.

— Спасибо, — только и смог вымолвить Генрих.

Примечания:

Новас — март

Господин Гленн наблюдал за уроком фехтования, сидя на длинной деревянной скамье возле крепостной стены. Несколько минут назад на этом месте лежал кот — Кристина так и не выбрала ему имя, и пока он отзывался только на «кис-кис-кис». Котик оказался шустрым, своенравным; вот и сейчас он при виде господина Гленна вскочил, зашипел и, гордо подняв голову, куда-то убежал. Только одна Кристина могла успокоить его обычным поглаживанием и позволением спать на коленях. Впрочем, он уже однажды случайно оцарапал её — пришлось срочно обрабатывать ранку, чтобы не подхватить какую-нибудь заразу, но на кота она не злилась: такова, в конце концов, его природа — он всё же хищник, хоть и маленький.

По настоянию капитана Фостера сегодня она дралась с соломенным чучелом: просто была по нему мечом так и эдак, а её учитель одобрял или критиковал удары. Это было неинтересно, а выматывало сильно, и уже через десять минут подобной «драки» Кристина запыхалась, её льняная серая рубашка промокла почти насквозь, а длинная коса растрепалась, и волосы лезли в лицо. С герцогом Вэйдом было куда интереснее и веселее, но герцог Вэйд уехал на войну, его дочь отправилась домой, а больше учиться ей не у кого. Капитан Фостер не решался пока выходить против неё даже в учебном бою: несмотря на хромоту, он был человеком высоким, крупным и сильным и попросту боялся случайно навредить Кристине. Впрочем, она сама этого не боялась, ведь герцог Вэйд всегда ей говорил, что она может быть невероятно ловкой и изворотливой во время сражения, а Берта ещё и про изящество добавила...

Но сейчас она сражалась с соломенным чучелом под строгим надзором капитана Фостера и господина Гленна.

Удар сверху, удар снизу, колющий удар (в этом было единственное преимущество драки с чучелом: во время учебного боя на живом человеке колющие удары не отработаешь), рубящий удар... Пригнулась, будто чучело могло атаковать её в ответ, удар снизу, рубящий удар сверху, колющий удар прямо в центр... Ноги уже чуть тряслись от усталости, а одеревеневшие пальцы совсем не чувствовали рукояти меча. Голова кружилась, противные волосы лезли в глаза и нос, а убрать их пока не было никакой возможности. Удар, удар, наклон, удар...

— Ну всё, — наконец-то произнёс капитан Фостер с улыбкой, кладя руку Кристине на плечо, и она едва не рассмеялась от радости облегчения. — Отдохните минут пять, и продолжим.

— Миледи, я надеюсь, не забыла, что к ней сегодня придёт просительница из города? — вдруг подал голос доселе молчавший господин Гленн. Он встал и, опираясь на стучащую по брусчатке трость, приблизился к Кристине.

— До этого ведь ещё есть время, — возразил капитан Фостер, не успела она и звука издать. — Просители обычно приходят после обеда, а ещё не пробило одиннадцать.

— Да, но миледи надо подготовиться... Она не должна при разговоре со своей поданной выглядеть хуже, чем уличная попрошайка, — ухмыльнулся господин Гленн. — Простите, ваша милость, ни в коем случае не хотел вас обидеть, но вам и правда стоит привести себя в порядок перед тем, как принимать просителей.

Кристине не хотелось больше драться с чучелом, но и рано заканчивать тренировку

тоже почему-то не хотелось. Да, она устала, но бывало, что она уставала сильнее, зато после как-то приятно болели мышцы и хотелось просто лежать и не шевелиться... Сейчас такого странного чувства она не испытывала. Поэтому, пожалуй, следовало продолжить — после отдыха, конечно. Пока можно посидеть немного, выпить воды, кота погладить... Косу переплести, будь она неладна!

— Не думаю, что это займёт много времени, — не сдавался капитан Фостер, вертя в пальцах тренировочный меч. — А ещё полчаса тренировки ей точно не повредит.

— За полчаса она успеет переодеться и принять ванну по меньшей мере! — чуть повысил голос господин Гленн, его пальцы сжали белое наверху чёрной трости. — Без этой лишней тренировки у неё будет больше свободного времени, которое она сможет потратить на себя, а не на просителей.

— Эта тренировка вовсе не лишняя!

— Может, я сама решу, что мне делать, чёрт возьми?! — вскрикнула вдруг Кристина — неожиданно для себя самой.

Мужчины тут же замолчали: капитан Фостер посмотрел на неё виноватым взглядом и чуть склонился, прикрыв глаза, а господин Гленн лишь улыбнулся.

— Разумеется, ваша милость, вы можете сами выбирать, как поступить, но всё же... Вы ещё такая юная, вам стоит прислушиваться к старшим.

— То есть только к вам? — презрительно бросил капитан Фостер.

— Я, пожалуй, закончу свой отдых пораньше, — перебила его Кристина, — позанимаюсь ещё минут двадцать и пойду приводить себя в порядок. Надеюсь, такое решение устроит вас обоих, — буркнула она, буквально вырвала из рук наставника меч и направилась к чуелу, намеренная задать ему хорошую трёпку.

Господин Гленн и капитан Фостер сегодня сцепились далеко не впервые. Это Кристину злило, потому что в такие моменты они совсем забывали о ней, полностью увлечённые своими спорами. Она понимала, что они хотели ей добра, что они пытались её как-то воспитывать в отсутствие лорда Джеймса, но это желание блага только ослепляло их и вызывало такие неуместные столкновения. И она не знала, как это прекратить. Делать что-то им наперекор не хотелось: они, в конце концов, всегда давали хорошие, дельные советы, а если к этим советам не прислушиваться, можно весь Нолд развалить... И себя саму развалить тоже.

Господин Гленн был прав: она ещё слишком юна, чтобы обходиться без наставников и решать всё самостоятельно. Так что придётся их слушаться, пусть даже их мнения порой оказывались прямо противоположными.

Да и сами они тоже такие разные... Оба взрослые, опытные, самоуверенные, но на этом их сходства заканчивались. Капитан Фостер — выдавший виды рыцарь, закалённый в боях воин, чья правая рука буквально срослась с мечом. Цвет его волос и небольшой бороды напоминал смесь соли и перца, а в синих глазах читались упорство, отвага и твёрдость. Горбинка на чуть скошенном в сторону носу, шрамы на виске, скуле и в левом уголке губ, грубые, обветренные пальцы и пресловутая хромота выдавали в нём человека сильного не только физически, но и духовно. Он всегда стоял на своём и ещё ни разу не уступил господину Гленну, которого, видимо, считал слабаком.

Но сквайр Освальд слабаком уж точно не был. Да, его в своё время не посвятили в рыцари, поэтому он и не носил титул «сир», оставаясь просто сквайром. Он рассказывал, что с детства был хилым и болезненным, поэтому так и не смог начать тренировки с мечом и

прочим оружием. Оттого проходить через обряд акколады ему не было смысла, всё равно ведь он никогда не выйдет на поле боя, никогда не наденет доспехов, не возьмёт в руки клинок и не поведёт в бой войско. Да, он ходил с тростью и горбился, его мучили одышка и неровное сердцебиение, а седые волосы его были тонкими и ломкими. Но всё же он был умён и проницателен... и по-своему очарователен. Он легко нашёл подход к Кристине, к её отцу, а ещё к управляющему Эори и экономке, и теперь они считали его своим полноправным начальником, выполняя приказы леди Коллинз лишь после его молчаливого кивка. Это её не злило: ей самой было важно одобрение господина Гленна. Он многое знал, разбирался во многих науках, в том числе и в магии, хоть сам магией не владел. Так что жизненного опыта у него было не меньше, чем у капитана Фостера.

Поэтому они и сталкивались сейчас, как коса и камень. Каждый из них хотел как-то повлиять на Кристину, каждый был уверен в своей правоте и гнул свою линию.

А ведь ещё была сестра Эстер... Её, впрочем, беспокоило лишь благочестие и достойное поведение юной леди, а споров с господином Гленном и капитаном Фостером она почти не затевала, предпочитая уступать и тем самым подавая пример истинной кротости верующего человека.

Но и Кристина, как ей казалось, собой манипулировать особо не позволяла. Она всё же леди, она здесь хозяйка — её назначил таковой отец, а ему уж точно перечить никто не смел.

В итоге она разнесла чучело в клочья, и слуги потом долго сметали солому и тряпки с мостовой. Сгодится на растопку.

Кристина быстро приняла ванну, вымыла голову и расчесалась. Обычно ей приходилось обедать в главном зале, который по большей части пустовал, лишь за главным столом на помосте с ней сидели господин Гленн и капитан Фостер, естественно, не рядом друг с другом. Но сегодня она решила поесть в своей комнате, чтобы не бегать туда-сюда и не терять драгоценное время. Господин Гленн лишь покачал головой: он всегда говорил, что леди даже принимать пищу должна торжественно и величественно. Но всё же отговаривать Кристину он не стал.

Затем служанки заплели ей две косы и собрали их в небольшой пучок на затылке, украсив его серебряной шпилькой с жемчугом. Платье она выбирала недолго: остановилась на синей шерсти с шёлковой белой отделкой на воротничке и манжетах. В конце концов, ей предстоял вовсе не пир и не бал, не приём или встреча гостей. К ней придёт простая торговка, которой не надо доказывать, что ты как никогда богата и могущественна, — она и так всё это знает и понимает.

— Для вас уже приготовили трон в главном зале, миледи, — улыбнулся господин Гленн, заглянув в её комнату. Слуги переодели его в новый тёмно-серый камзол, начистили золочёные пуговицы до блеска, и теперь на них весело плясали солнечные блики.

— На этом троне я буду смотреться нелепо, — возразила Кристина. — Я на него залезаю-то с трудом! Он такой огромный...

Она надеялась, что ещё вырастет с годами и сможет без труда забираться на отцовский трон — массивный каменный стульчик, стоявший в главном зале на помосте. Но сейчас, едва добрав метр шестьдесят, она и правда выглядела смешно, сидя на нём.

— К тому же, — продолжила Кристина, поправляя жемчужное ожерелье на шее, — пока мой отец жив, сидеть на его троне — плохая примета.

— Кто вам это сказал? — усмехнулся господин Гленн.

— Служанки говорят, — пожалала плечами она.

— А сестра Эстер не говорила, что слушать такие суеверия — грех?

Кристина не ответила, надувшись. Возможность посидеть на троне отца, пока того не было дома, и правда внушала ей некоторые опасения, но дело было вовсе не в том, что она верила в какие-то проклятия или сглаз. Просто... вдруг из-за этого обитатели Эори и приходившие сюда жители Нижнего города решат, что ей не терпится занять место лорда Джеймса как можно скорее? Кристина ведь хотела совсем другого: чтобы отец прожил долгую жизнь и чтобы она приняла в наследство его землю как можно позже.

— Можно я поговорю с ней хотя бы в кабинете? — буркнула она, повернувшись к господину Гленну лицом.

— Что ж, если вы так хотите... — Он чуть склонился, выражая почтение, но в глазах его никаких подобных эмоций не читалось.

Кабинет отца располагался рядом с его спальней. Кристина находила это удобным: часто лорд Джеймс засиживался за работой допоздна, конечно, кому захочется в час ночи идти в спальню через весь замок? Наверное, когда она сама начнёт править Нолдом, ей тоже придётся переехать из своей комнаты поближе к кабинету. В том, что ей предстояло работать не менее усердно, чем сейчас отцу, Кристина не сомневалась.

Отцовский кабинет вмещал в себя не так много мебели: большую его часть занимал массивный, украшенный искусной резьбой деревянный стол, за которым работал лорд Джеймс. Слуги выдвинули из-за стола столь же внушительное дубовое кресло, заменив его изящным стулом, обитым алым бархатом. Кресло было немногим меньше каменного трона из зала, а потому сидеть на нём тоже было не очень удобно. Правда, стол, двигать который никто не собирался, всё ещё оставался большим и высоким, и Кристина подумала, что её будет хорошо видно лишь в том случае, если заберётся на столешницу.

Сейчас в кабинете было светло и немного жарко: приближалось лето, дни становились дольше и теплее, и всё реже приходилось топить очаги, чтобы не замёрзнуть. Кристина прихватила с собой серую пуховую шаль, но, зайдя в комнату, она быстро её сняла и бросила на спинку стула.

Просительницу долго ждать не пришлось. Вскоре дверь с тихим скрипом открылась, и в кабинет несмело зашла пожилая невысокая женщина. На ней было скромное жёлтое платье с простой красной вышивкой вдоль шнуровки, седые волосы заплетены в аккуратную косу и перевиты белой лентой, через плечо перекинут ремень небольшой коричневой сумки. Женщина зашла и тут же поклонилась — реверанс делать, видимо, не умела.

— Здравствуй, — подала голос Кристина и вдруг почувствовала на себе строгий взгляд господина Гленна, который стоял за её спиной, опираясь на трость. Что, ещё до начала разговора она успела сделать что-то не так? Может, не надо было обращаться к женщине первой? Или стоило назвать её на «вы»?

— Благодарю вас, мледи, что согласились принять меня. — Женщина выпрямилась, но продолжила смотреть в пол, изучая носки своих чёрных ботинок. — Меня зовут Магдалина, я травница.

Тут Кристина поняла, что уже видела её, и не раз. У неё была небольшая лавочка, разнообразные запахи из которой разлетались по всей улице и иногда долетали даже до окон Эори. Свои травы эта женщина собирала в лесах и полях за городом, а потом вязала из них венки и букеты, делала сборы, мази и варила зелья. Кристина пару раз покупала у неё небольшие мешочки с мелко нарезанными засушенными травами и цветками — их можно было опускать в кипяток и готовить чай, от которого лучше и крепче спалось. Так ещё мама

делала и Кристину тоже научила. Но имени торговки она, конечно, не знала.

— Я помню тебя... вас, — поправилась девушка, в волнении сжав пальцами ткань на подоле платья. — Какое у вас дело ко мне?

— Да вот какое дело... — вздохнула Магдалина. — Соседка моя померла недавно... Пошли, Господь, её душе покой и спасение. У неё дом был и огородец небольшой рядом, ну, как и у меня. Дом она сыну перед смертью сыну передала, только сын-то её — гончар, ему-то этот огород не нужен, он другим способом себе на жизнь зарабатывает.

— А соседка ваша чем занималась? — не сдержала любопытства Кристина.

— Она и шила, и овощи свои выращенные продавала, чего только не делала, как и я сама, — улыбнулась Магдалина. — Жизнь у нас такая, что каждая монетка дорога, каждый грошик. Вот и ищем всегда способы этот самый лишний грошик получить... А у меня внучка маленькая, девять лет ей, сиротинка бедная без отца, без матери, мне её ещё на ноги надо поставить... Может, в приходскую школу её отдам...

— Ну, умерла ваша соседка, и? — подсказала Кристина, подаваясь вперёд. Ей всё ещё казалось, что стол полностью прячет её от глаз просительницы.

— Соседка умерла, дом сыну перешёл, а огород ему не нужен, и я вот подумала выкупить у него эту земельку-то... — отозвалась женщина, сжав пальцами ремень своей сумки. — И он-то не против, но сказал, что для таких дел ваше одобрение нужно — пергамент какой-то написать, подпись поставить...

— Нужно, — кивнула леди Коллинз, зная это с ранних лет. — Ещё нужно измерить общую площадь участка, который вы собираетесь купить, составить и подписать договор купли-продажи между вами и вашим соседом... Ну и моё разрешение тоже необходимо. Я могу послать людей, которые измерят участок, но это уже будет завтра. Вы пока с соседом можете составить договор...

— Ох, мледи, — невесело усмехнулась Магдалина, — какой с нас договор, мы ж люди неучёные!

— Ох... — опешила Кристина и бросила краткий взгляд на господина Гленна, который всё это время стоял молча и лишь сверлил просительницу внимательным взглядом болотных глаз.

— Я думаю, ничего страшного, если миледи сама составит договор, — подал голос он, — а вы, почтенная госпожа, вместе со своим соседом лишь подпишете его. Но всё это будет уже после замера участка.

— Позвольте узнать, сколько времени это всё может занять? — смущённо улыбнулась Магдалина, выдав явно заученную фразу — слишком уж она отличалась от живой речи женщины: она то глотала гласные, то употребляла особые, свойственные лишь простолюдинам слова, да и интонации у неё были своеобразные...

— Думаю, не очень много, — сказала Кристина. — Людей в городе осталось мало, большинство мужчин ушло на войну, и просителей у меня не так много, как раньше было у моего лорда-отца. Поэтому насчёт участка можете не переживать — вскоре он будет ваш.

Когда Магдалина, пылко поблагодарив её несколько раз, ушла, Кристина позволила себе расслабиться — села свободнее и сбросила с ног узкие туфли.

— По-моему, я неплохо справилась, — заявила она.

— Нужно быть строже, миледи, — покачал головой господин Гленн, и эти слова заставили Кристину ощутить небольшой укол обиды. — Помните, что вы, несмотря на юный возраст, гораздо выше по положению, чем такие, как она.

— Какие — такие? — подняла бровь Кристина.

— Простолюдины.

Она хмыкнула и не ответила. Ей было известно, что род Освальдов сам недалеко ушёл от простолюдинов: ещё прадед мамы был простым солдатом, которого граф Орелл посвятил в рыцари за доблесть и героизм в бою, принял в свои вассалы и наградил небольшим феодем с поместьем — даже не замком. Оттого и брак леди Лилиан и лорда Джеймса был неравным, и все говорили, что дочь простого рыцаря — не пара властителю Нолда... Но они любили друг друга, и им было плевать на чьи-то пересуды. И господину Гленну, видимо, тоже было плевать: он считал себя высокородным дворянином, и, в общем-то, упрекать его тут особо не за что.

— Я просто хотела быть с ней добрее, — сказала Кристина.

— На шею сядут и ножки свесят! — уже громче возразил господин Гленн и пару раз стукнул по полу своей тростью. — Будьте чуть более величественны, более... высокомерны.

Кристина вздохнула. Высокомерия ей никогда не хватало, да она и не считала его наличие необходимым. Можно просто иметь достоинство, уметь себя держать, быть вежливой и внимательной... Но господину Гленну, пожалуй, лучше знать. Наверное.

— Хорошо, в следующий раз я постараюсь быть более высокомерной, — отозвалась она с явной усмешкой в голосе.

***

В конце весны и летом часто пахло гарью, но Хельмут понимал, что сейчас этот запах вряд ли исходил из костров, которые жгут крестьяне. Возможно, в Бьельне и Шингстене оставшиеся дома люди ещё трудятся и палят прошлогоднюю траву. Но в Нолде... Разве что на южных территориях, которых не коснулась война. А здесь, на северо-востоке, Хельмут и не надеялся обнаружить работающих крестьян, засеянные поля и костры.

Вскоре дым можно было не только почувствовать, но и увидеть. Воздух наполнялся этим дымом, становилось тяжелее дышать — дым ел глаза и горло. Но поворачивать назад, к Клауду сейчас тем более нельзя. Дым свидетельствовал о том, что недалеко творится что-то неладное. Фарелльцы себя выдали — в очередной раз.

Всё время, что прошло после той неудачной битвы, бьельнцы работали без устали. Приказ Генриха насчёт сторожевых башен был выполнен незамедлительно: буквально за седмицу на указанных местах возвели высокие узкие сооружения с лестницей и площадкой для обзора, на которой помещалось около пяти человек. Впрочем, больше для дозора и не требовалось. Ещё десять человек совершали объезд территорий вокруг каждой башни, а остальные ждали внутри — вдруг потребуется подкрепление или нужно будет готовиться к бою?

Генрих и Хельмут в Клауде тоже без дела не сидели. Не так давно пришёл ответ от лорда Джеймса, который одобрил план своего бывшего ученика и обещал приехать на помощь как можно скорее. Нолдийцы освобождали пограничные территории за Белыми лесами — лорд Коллинз планировал разобраться с этим как можно быстрее, оставить на границах большие вооружённые отряды на случай, если фарелльцы захотят взять реванш, и поехать на юго-восток. После его письма Генрих весь расцвёл: стал чаще улыбаться и шутить, и не было больше этого бескрайнего отчаяния в его взгляде, не было тревоги, из-за которой он закусывал губы и хмурился, не было злости, в первую очередь на самого себя, не было ярости. И Хельмут даже не знал, что больше взбодрило друга: ответа лорда Джеймса сам по себе, его одобрение плана или обещание помощи.

И вот сегодня Генрих послал барона Штольца объезжать территории вокруг Клауда: несмотря на наличие сторожевых башен, не все отряды фарелльцев можно было разглядеть оттуда. По словам барона Клауда, фарелльские фуражиры иногда скрывались в лесах, нападали на встретившиеся им сёла, деревни, хватали случайных путников и без страха вступали в драки с разведчиками. Генрих решил, что не помешает таких наглецов прогнать прочь, а ещё лучше — уничтожить полностью.

Хельмут взял с собой двадцать пять человек — хорошо вооружённых, в крепких новых доспехах, и всё же... Всё же ему было немного тревожно, отчего чуть подрагивали плечи и то и дело закипала кровь. А вдруг фарелльцев окажется слишком много? Конечно, у бьельнцев было преимущество — неожиданность. Но если врагов будет в два раза больше, даже оно не спасёт. Впрочем, на фуражировку большие отряды ездят редко: для того, чтобы грабить незащищенных крестьян, женщин, детей и стариков, много народу не надо.

Хельмут презрительно усмехнулся, в очередной раз вдохнув порцию дыма.

— Едем вперёд, — кивнул он своим людям. — Горит, видимо, там.

И они поскакали, пришпорив коней. Вскоре он понял, что торопился не зря — из-за редких берёз и тополей послышался истошный крик.

Хельмут выругался и, дав знак отряду, перевёл коня на галоп. Одной рукой он держал поводья, а другой уже тянулся к мечу.

Среди леса оказалась деревня, видимо, некогда довольно большая придорожная весь — за ней деревья редели сильнее и виднелись две колеи тракта, что мог привести к северо-восточному побережью Серебряного моря. Но сейчас эта деревня пылала, от пары деревянных домов уже остались лишь груды чёрных брёвен, а вокруг колодца, к которому вело несколько протоптанных дорожек, валялось отнятое у крестьян добро — одежда, небольшие сундучки, посуда, мешки с зерном и даже пара кожаных кошельков. Фарелльцы хозяйничали здесь, видимо, уже давно и внимательно следили за тем, чтобы пламя с домов не перекинулось на деревья. Конечно, зачем жечь лес, ведь им так хотелось захватить ту землю, на которой он рос, и потом получать с него наибольшую выгоду...

Хельмут не сразу заметил трупы. Лишь когда его конь едва не налетел на окровавленное тело пожилой женщины в разорванных коричневых лохмотьях, он понял, что здесь уже, скорее всего, некого спасать. И всё равно, сжав поудобнее рукоять меча, повёл своё небольшое войско в атаку.

Им повезло, что большинство фуражиров спешилось — их кони были привязаны к деревянному столбу возле колодца. Поэтому Хельмут с лёгкостью рубанул мечом по голове одного из бросившихся прямо под копыта фарелльцев: алые брызги испачкали лощёные бока серого коня. Другому он вонзил лезвие в шею — оно вошло хорошо, плавно, с лёгкостью распарывая мягкую и податливую плоть. Ещё во время предыдущей битвы Хельмут познал это странное чувство лёгкости, с которым ты убиваешь своих врагов в бою. Только вот после эта лёгкость превращалась в непомерный груз, сдавливающий плечи и грудь — будто на тебя упал огромный жёсткий камень.

Но о последствиях битвы сейчас думать некогда. К тому же некоторые фуражиры всё же успели запрыгнуть в своих коней, отбирая у людей Хельмута преимущество.

Один из вражеских копейщиков попытался задеть его острием, но Хельмут вовремя увернулся. Взмахнул мечом — не попал, противник отъехал чуть назад и снова пришпорил коня. На Хельмуте была лишь лёгкая кольчуга с рукавами до локтей, наручи и поножи, но на фарелльце доспехов не было вообще, лишь стёганка и широкий кожаный пояс, может,

спасли бы его от глубокого ранения.

Со второго раза ему удалось таки попасть острием копья Хельмуту по плечу, но его спасла кольчуга. Хельмут, в свою очередь, задел мечом руку врага — он вскрикнул, сморщился, зашипел, но свои попытки проткнуть барона Штольца не оставил. Тот усмехнулся и снова занёс меч: на этот раз его клинок оставил более глубокую рану на плече врага, над локтем, а пока фуражир приходил в себя, Хельмуту удалось перерубить его шею почти полностью.

Внезапно под копыта его коня рухнул труп ещё одно фарелльца, из чьей груди торчала рукоять ножа. Пришлось срочно разворачивать коня, чтобы тот не споткнулся, но за спиной Хельмута уже поджидал очередной противник — конный воин с мечом. Клинки тут же столкнулись в воздухе, выбив кучу искр и издав противный лязг. Хельмут поморщился и снова нанёс удар — фареллец отбил и его. Это внезапное сражение злило и заставляло жалеть, что он не взял с собой лук сам и не велел кому-то из своих людей сделать это. Гораздо удобнее бы было расстрелять врагов из-за деревьев, а не идти в лобовую атаку... Но теперь уже делать нечего, придётся сражаться.

Противник попытался ударить Хельмута по ноге, но ему удалось поставить блок и даже чуть кольнуть фарелльца в бедро острием меча. На серой ткани его штанов выступило небольшое пятно крови, но врагу, кажется, всё было нипочём. Сжав зубы, он напал снова, Хельмут отбил целую серию его ударов, при этом едва не упав с коня — держать поводья и управлять весьма взволнованным жеребцом только одной рукой было нелегко.

Он улучил момент и нанёс колющий удар под ребро — противник в это время как раз ослабил защиту туловища. Меч вошёл с большим трудом, нежели в шею, но всё же вошёл и пронзил врага насквозь. Тот ещё пару секунд смотрел на Хельмута внезапно остекленевшим взглядом, а потом рухнул ничком на шею своего коня, зарывшись лицом в гриву. Конь, ощутив лёгкость и осознав, что им больше не управляют, понёсся прочь, к деревьям; труп рухнул на землю, в ворох чёрной золы.

Бьельнцы теснили фарелльцев: Хельмут озирался и видел, что фуражиров стало значительно меньше, что на некоторых из них его люди набрасывались по двое-трое и быстро забивали точными ударами мечей в грудь или голову. Теперь к трупам крестьян на земле прибавлялись ещё и трупы тех, кто их убил.

До ушей Хельмута снова донёсся душераздирающий женский крик. Он глянул в сторону колодца и обнаружил, что на единственную живую селянку накинулся один из фуражиров. Неизвестно, на что он рассчитывал: ему бы лучше побежать прочь, чтобы спастись от бьельнцев, или хотя бы взять меч и начать защищаться, а он напал на беспомощную девушку... У Хельмута закрипели зубы и засвистело в ушах от злости, он взмахнул поводьями, посылая коня вперёд, и на ходу прикончил проклятого фарелльца мечом — пронзил его спину и тут же извлёк из мягкой плоти полностью окровавленный клинок.

Сражение длилось не дольше десяти минут, больше времени бьельнцы провели в этом месте, разгребая его последствия.

Гвардейцы быстро потушили те дома, что ещё не успели прогореть до основания. От некоторых остались каменные фундаменты, кое-где торчали уцелевшие печи. У одного дома сгорела лишь крыша, а стены остались целы. Но в большинстве своём деревня была уничтожена: остатки горящих домов залили водой и закидали землёй, и весьма обширная некогда весь превратилась в сплошное пепелище.

Девушка всё ещё сидела у колодца, прижавшись спиной к камню и дереву. Она закрыла

лицо испачканными в крови руками, а трясло её так, что Хельмут испугался за её состояние. Ранить её не успели, но эта дрожь не предвещала ничего хорошего. Правда, рыдала девушка тихо: судя по всему, сорвала голос, когда кричала. Её чёрные волосы растрепались, выбившись из-под серой, замазанной копотью и грязью косынки, а подол коричневого платья изорвался так, что его, наверное, уже невозможно будет починить.

Хельмут спрыгнул с коня, кидая окровавленный меч в ножны (вытереть его можно и после), резко сорвал с себя фиолетовый плащ — посеребрённая фибула упала в политую кровью траву — и, присев на одно колено рядом с девушкой, накинул его ей на плечи. Она, впрочем, никак не отреагировала на это, продолжая трястись и рыдать, закрыв лицо руками.

— Есть свежая вода? — бросил Хельмут через плечо — его люди вытаскивали почерневшие трупы крестьян из-под обгоревших брёвен и тушили ещё бьющиеся в отдельных местах язычки пламени. Один из гвардейцев отвязал от своего седла сумку, извлёк из неё флягу и отдал Хельмуту. Тот протянул её девушке, но она не шевельнулась. — Пожалуйста, послушай, — позвал он. — Нам нужно уходить отсюда, слышишь? Мы заберём тебя в безопасное место.

Девушка не убрала рук от лица, но всхлипывать перестала. Хельмутов плащ сполз с её плеча, и он поправил суконную ткань, заодно приобняв бедняжку. Она ведь наверняка поняла, что он — не враг, но, видимо, была слишком потрясена, чтобы отвечать.

— Вот, выпей, — сказал он, стараясь сделать голос как можно более спокойным и ласковым. Это не составило особого труда — стоило лишь представить, что на её месте была Хельга. — Пожалуйста... — Он запнулся — не знал, как к ней обращаться, естетсвенно, она ему не представилась. — Чем раньше мы отсюда уйдём, тем быстрее тебе станет легче.

Но воду она не брала, и ему пришлось, отлив в ладонь несколько капель, брызнуть ей на не прикрытое руками пространство лица: верхнюю часть лба и виски. Девушка вдруг снова сильно вздрогнула и — о чудо! — убрала руки. Хельмут тут же, смочив край плаща водой из фляги, остудил её лоб и стёр со щёк слёзы.

— Выпей, — повторил он.

Девушка попыталась взять флягу, но руки её слишком тряслись, пальцы, видимо, одеревенели, и она уронила её, вылив воду себе на колени. Тут же сжалась, будто в предчувствии боли, зажмурилась и пролепетала севшим голосом:

— Простите.

— Ничего, — улыбнулся Хельмут, поднял флягу, потряс — вода там ещё осталась. Тогда он поднёс флягу к её рту и придерживал, пока девушка не выпила всё до дна. — Сможешь встать?

Она кивнула и, опираясь на его руку, поднялась на ноги. Хельмут заметил, что на ней были лишь тонкие шерстяные чулки, а обувь куда-то пропала, и что подол её платья был изорван ещё сильнее, чем казалось, когда она сидела, прижав ноги к груди. Наверное, её пытались изнасиловать, но не успели — Хельмут со своими людьми вовремя прискакал на помощь.

— Здесь ещё есть кто-нибудь живой? — спросил он у одного из гвардейцев.

— Нет, ваша светлость, — вздохнул тот. — Только она.

Услышав эти слова, девушка зарыдала; её пальцы разжались, и она снова закрыла лицо. Плащ упал на покрытую пеплом, окровавленную землю, и на этот раз на свою оплошность девушка не обратила ни малейшего внимания. Хельмут поднял плащ и снова набросил его на её плечи: пришлось приобнять её, чтобы он больше не падал. Ну и чтобы попытаться хоть

немного её успокоить.

Солдаты вырыли общую могилу и сложили туда тела погибших селян: как Хельмут и предполагал, это были в основном пожилые люди, мужчины и женщины, а ещё мальчик лет десяти. Обычно детей бывало больше, но, может, они успели сбежать... Старикам-то бежать сложнее, почти невозможно, а у молодых шансов больше. Главное, чтобы в лесу они не наткнулись на ещё один отряд фарелльцев.

Отпевать погибших теперь будут в замковой церкви Клауда. Сейчас же на молитвы времени нет.

На большинстве тел он обнаружил обычные колотые раны в области груди или живота; у одного старика было перерезано горло, и рана напоминала жуткое алое ожерелье; ребёнка, кажется, свернули шею. Девушка, конечно, на трупы не смотрела. Хельмут вздохнул. Наверняка она хорошо знала этих людей, но теперь они все жестоко убиты иноземными захватчиками, а она осталась совсем одна... Конечно, ему было её жаль. И теперь не получалось отделаться от мысли, что Хельга легко могла оказаться на её месте, если бы фарелльцы добрались до Бьельна.

Похоронив селян, Хельмут взглянул на трупы фуражиров. Их насчитали около десятка, но он помнил, что в целом людей было больше: некоторым, судя по всему, удалось ускакать ещё во время боя. На погибших фарелльцах почти не было доспехов, зато пояса едва ли не рвались от обилия различных ножен — с мечами, фальшионами, кинжалами, ножами.

— Можете взять себе их оружие, — кивнул Хельмут своим людям. — Остальное не трогайте. Пусть волки полакомятся.

Гостевое крыло в Клауде было маленьким, тесным, и поэтому Хельмут для начала оставил девушку у себя; он попросил барона Клауда прислать к нему пару служанок, чтобы привели её в порядок, и лекаря. А сам бросился докладывать Генриху о том, что произошло в лесу к востоку от Клауда.

— И это уже не первый случай, — кивнул лорд Штейнберг, выслушав его. Он сидел за своим столом, склонившись над стопкой пергаментов, и обе его руки были испачканы чернилами. Хельмут понял, что лишь сейчас разглядел, какие у его друга длинные красивые пальцы... И быстро одёрнул себя. — С западной башни недавно пришёл отчёт, что дозорные выследили в лесу отряд фарелльцев. Вслед за ним послали людей, и в итоге отряд был уничтожен, но судя по направлению лесной тропы, скакали эти гады к очередной деревне на фураж. Поэтому, я думаю... — Он откинулся в кресле и закинул ногу на ногу. Хельмут так и остался стоять возле запертой изнутри двери. — Я думаю, нам не стоит нападать на основную часть их армии, пока мы не зачистим территорию от таких вот отрядов. Мы лишим их сил, перекроем все пути, по которым они могут добывать провизию...

— Не все, — возразил Хельмут. — С севера к ним в любой момент может прийти подмога. Новое войско или наёмничий отряд. Пока мы зачищаем территории, уничтожая отряды по десять-двадцать человек, к их армии прибавится ещё тысяча или две.

— Ты думаешь, зачем я послал большой отряд к северу от их ставки? — усмехнулся Генрих и посмотрел на него поистине отцовским взглядом. — Как только в поле зрения наших людей окажется возможное фарелльское подкрепление, они сделают всё, чтобы оно до основного войска не добралось.

— Но там человек пятьсот, а вдруг...

— О лобовой атаке никто и не говорил. А отряды с западной и восточной башен всегда будут готовы прийти им на помощь.

Тут Хельмут даже ощутил укол зависти: ему бы буквально не хватило сил, знаний и догадливости, чтобы составить такой план... Впрочем, он был уверен, что у него ещё всё впереди, что опыта он наберётся в дальнейшем и вот уж тогда покажет себя как следует...

Поэтому на смену зависти быстро пришёл искренний восторг.

— Когда фарелльцы поймут, что на этой земле им поживиться больше нечем, потому что мы не пускаем их к «кормушкам», — продолжил Генрих, — они, конечно, запросят подкрепление у своего короля. Нам надо будет рассчитать этот момент и ударить прежде, чем их войско пополнится новыми силами. Разумеется, всех их в битве мы не перебьём... попробуем оттеснить к северу, к Ледяному мосту. Лорд Джеймс именно это мне и посоветовал, — добавил он с тёплой улыбкой после небольшой паузы.

Хельмут кивнул. На самом деле сейчас говорить с другом о тактике и стратегии, о военных планах и сложных ходах ему не хотелось. Ему хотелось рассказать о девушке из деревни — единственной выжившей, единственной, кого он успел спасти. Но вряд ли это настолько важно.

— Значит, в той деревне никого не осталось? — словно прочитав его мысли, резко поднял голову Генрих. — Ты присел бы. Устал, наверное?

— Да не очень, — отозвался Хельмут, почувствовав, как радостно затрепетало сердце от такой заботы.

Он отодвинул стул из-за письменного стола и сел рядом с Генрихом. Тут же обнаружил, что даже не переобулся — его чёрные ботфорты были вымазаны серым пеплом, несколько пятнышек виднелось на коричневых шерстяных штанах... Ну да ничего, это подождёт. Наполнить себе горячую ванну он велит позже.

И свою серебристую фибулу он оставил на пепелище... Хельга, конечно, расстроится — сестра всегда пеклась о таких недешёвых вещах, следила за сохранностью каждой и часто велела их чистить. Но ведь она должна понимать, что фибула — это не самая страшная потеря на войне.

— Вообще... пришлось сражаться, — вздохнул Хельмут, вспоминая, как легко и даже изящно сталь входит в человеческое тело. — Но это длилось недолго.

— Вы кого-нибудь успели спасти?

— Да, одного человека. Девушку. Но она... Она за всё время сказала только одно слово — «простите». Когда уронила флягу, которую я ей подал. Бедняжку, кажется, пытались изнасиловать, да и вообще... На её глазах перебили её односельчан, сожгли почти все дома дотла. Я не удивлён, что она так себя ведёт.

— Ты же не оставил её там, надеюсь? — встревожился Генрих.

— О, конечно, нет, — округлил глаза Хельмут — так его ещё никогда не недооценивали! — Она пока у меня. — И он кивнул на стену, что отделяла его комнату от комнаты друга.

— Видимо, она очень хорошенькая... Раз она у тебя.

— Да как ты смеешь! — уже совершенно искренне возмущился барон Штольц, сжав пальцами подлокотники. — Я же сказал: её едва не изнасиловали. Ты думаешь, после такого я стал бы к ней приставать? Ты считаешь меня полным чудовищем, да?

— Прости, я не подумал, что сказал, правда, — сник Генрих.

— А насчёт хорошенькой... — Хельмут прищурился. — Она почти всё время закрывала лицо руками. Да и лицо у неё было в сажи и грязи. Думаю, сейчас лекарь даст ей успокаивающих настоек, потом служанки её отмоют, и тогда увидим. И заодно поговорим с ней. Вдруг она может знать что-то полезное?

Но девушка долго приходила в себя: полтора дня она попросту спала, напившись предложенных лекарями снадобий. О ней заботились две служанки барона Клауда, после её пробуждения они наконец-то вымыли и накормили её, но она всё равно никому ничего не сказала, несмотря на вопросы и воззвания. Разумеется, Хельмут не мог оставить её в своей комнате, видит Бог, там и так было тесно, поэтому поначалу она спала в покоях лекаря, а потом её переселили в крыло для прислуги.

Когда лекарь наконец сказал, что девушка вполне здорова, лишь сильно эмоционально потрясена, Хельмут решил зайти к ней. Он постучал, как того требовали приличия, но ему, разумеется, не ответили, и он тут же открыл дверь.

Комната с несколькими простыми кроватями, парой тумбочек и шкафов пустовала — день был в разгаре, и большинство слуг занимались своими делами. Лишь спасённая девушка сидела на одной из кроватей в самом углу. Но, увидев Хельмута, она вздрогнула, округлила глаза и задрожала, прижав колени к груди. Хельмут замер в проходе. Лекарь не предупреждал, что она теперь так реагирует на людей... Впрочем, удивляться особо нечему: скорее всего, она запомнила окровавленный меч и бешеный взгляд Хельмута, наверняка видела, как он убивал людей, вспарывая их глотки, пусть те люди и были её мучителями и убийцами её близких.

Но, окинув его внимательным взглядом, девушка успокоилась. Расслабилась, переползла на край кровати и села, свесив босые ноги. На ней была лишь белая нижняя сорочка с короткими рукавами; чёрные длинные волосы, расчёсанные служанками, спадали на плечи и чуть сгорбленную спину. В серых глазах девушки блестели слёзы, но она быстро вытерла их тыльной стороной ладони.

— Простите, — сказала она куда громче и чётче, чем тогда, в деревне.

— А ты ещё какие-нибудь слова знаешь? — Хельмут не выдержал и съязвил, хотя понимал, что это крайне неуместно. Он прошёл в глубь комнаты и застыл возле кровати, опершись о спинку изножья. — Как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит? Тебя ранили?

— Нет, — слабо улыбнулась девушка. — Меня несколько раз ударили по лицу, но... — Она повернулась, чтобы он смог рассмотреть её правую щёку — на коже виднелся тонкий слой зеленоватой мази. — Лекарь сказал, что синяка не будет.

— Вот и хорошо. Я рад, что с тобой всё в порядке, — вполне искренне отозвался Хельмут. — Сейчас сюда зайдёт... наш командующий. Ты его не бойся, хорошо? Никого здесь не бойся. Мы не враги.

— Я знаю, — кивнула она. — Вы же меня спасли. Вы из Бьельна?

— Как ты догадалась? — Не по гербам же на их сюрко, в конце концов. Вряд ли её, крестьянку, с детства натаскивали в геральдике.

— Поговору. Говор не наш, не нолдский.

У неё, впрочем, тоже был необычный для уха Хельмута говор. Она чётко выделяла звук «о» там, где вопреки правилам правописания обычно произносился звук «а». И произношение звука «р» у неё было особое: если в Бьельне на этом звуке обычно хрипло рычали, то в Нолде, как успел заметить Хельмут, его как бы проглатывали, будто картавя.

— И как я не понял сразу... — улыбнулся он. — Ну так вот, наш командующий задаст тебе несколько вопросов. Я понимаю, что это может быть неприятно, что ты не захочешь многое вспоминать... — Он и сам с радостью бы забыл и о той неудачной битве, и о резне в сожжённой деревне. — Но всё же вспомни. Это может быть важно.

— Ох, вряд ли я что-то полезное знаю, — вздохнула девушка. — Но вспомнить постараюсь.

Генрих зашёл буквально через минуту, когда за окном пробил полдень. День был пасмурным, серым, а тесноватую комнатку и без того окутал сумрак, из-за чего пришлось зажечь несколько свечей. Девушка набросила на свои чуть широковатые плечи тонкую шаль, явно стесняясь, что на ней была лишь нижняя сорочка, но её платье изорвали в клочья, а новых ей, видимо, пока не дали.

На появление Генриха она отреагировала спокойнее — лишь сильно сжала простыню побелевшими мозолистыми пальцами, но забиваться в угол и дрожать не стала, слава Богу. Генрих ей улыбнулся: может, окажись на её месте женщина познатнее, он бы поклонился, хотя как лорд имел права этого не делать. Девушка же не сразу догадалась встать и присесть в неумелом реверансе. И лишь тогда Хельмут обнаружил, что она была довольно высокой.

— Сядь, — разрешил Генрих и окинул взглядом комнату. Увидел возле изголовья кровати высокий стул (видимо, на нём сидел лекарь), направился было к нему, но Хельмут его опередил: как достойный вассал, он поставил стул возле кровати так, чтобы Генрих мог смотреть на девушку без помех. — Как тебя зовут? — поинтересовался лорд Штейнберг будничным тоном, опускаясь на стул.

Хельмут вздрогнул. За всё это время он так и не выяснил её имя... Может, тогда, в

деревне, она бы и не ответила. Может, с лекарем и служанками она не разговаривала вообще. Но сегодня-то... Он пытался заботиться о ней, как мог, представляя на её месте свою сестру, но самое элементарное — имя — так и не узнал.

— Гвен, — коротко ответила чуть покрасневшая девушка.

— Гвен, надеюсь, ты сейчас достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы ответить на несколько моих вопросов? — Генрих с небывалой теплотой и заботой посмотрел на неё, будто и до этого хорошо её знал, будто она была чем-то дорога ему.

— Да, его... — Она запнулась и посмотрела на Хельмута в поисках подсказки.

— Светлость, — подсказал Хельмут. — Это его милость лорд Генрих Штейнберг, а я — его вассал, барон Хельмут Штольц. — Представиться, естественно, и представить друга он тоже забыл. Да что ж за дырявая голова...

— И мы, конечно, очень рады знакомству со столь прекрасной особой, — зачем-то добавил Генрих. Странно вообще, что он ведёт себя с ней как с равной себе. Хотя Хельмут сейчас, пожалуй, тоже вёл себя именно так. Девушка не заслужила пренебрежения, с ней и правда стоит быть вежливее и обходительнее.

— Его светлость уже спрашивал обо мне, спасибо, — смутилась Гвен. — Я готова рассказать вам всё, что знаю.

— Тот налёт на вашу деревню был первым?

— Вторым, — покачала головой она, поправляя шаль на плечах, будто пытаюсь спрятаться от возможного врага. — Когда они в первый раз приехали, мы не сопротивлялись, отдали им кое-что. Думали, они успокоятся... как же. На второй раз нам и отдавать-то особо нечего было. Бетти, моя подруга, собрала детей и увела их в лес, как только мы услышали топот копыт и этот смех... омерзительный, чужой... Только Том остался, внук нашего старосты, не захотел с Бетти идти. И я тоже осталась. Хотела защитить их, но... — Гвен зажмурилась, и Хельмут заметил слезинку, скатившуюся по её щеке. — О том, что у нас ничего не было, что нам самим-то есть нечего, они и слушать не хотели. Выволокли из домов всё, что нашли... Не знаю, зачем им всё это нужно было... Посуда, одежда... А людей они перебили, мол, за то, что сопротивлялись. Хотя как они могли сопротивляться? Это же беззащитные, слабые старики... — Голос Гвен задрожал, а слезинок на щеках стало больше. Генрих чуть склонился к ней, глядя на неё странным взглядом, будто впервые в жизни видел плачущего человека. — А меня они оставили в живых, потому что я была единственной молодой женщиной. Хотели в свой лагерь забрать...

Она презрительно скривилась, но слёз больше не сдерживала.

Тогда Генрих протянул руку и осторожно коснулся пальцами её щеки, вытирая солёную влагу. Гвен подняла на него поражённый взгляд, да и Хельмут тоже смотрел, мягко говоря, удивлённо. Конечно, эта девушка заслуживала сочувствия и заботы, особенно после своего рассказа, но... настолько?

— Теперь всё будет хорошо, — сказал Генрих тихо. — Я понимаю, что погибших близких ты не вернёшь...

— Бетти и дети, — всхлипнула Гвен, и в пустом взгляде её что-то вспыхнуло, — вы найдёте их? Они наверняка выжили, они же успели сбежать!

— Мы сделаем всё, что сможем. — Конечно, обещать этого не мог никто, да и у них были дела поважнее, чем искать сбежавших крестьян, но Генрих сказал это таким тоном, будто уже приказал снарядить отряд для поисков. — Всё наладится. Мы прогоним фарелльцев с ваших земель, и жизнь потечёт, как прежде. А ты можешь отправиться в Эори.

Сейчас там безопасно.

— Я не хочу. — Гвен резко покачала головой, и ему пришлось убрать руку. — Не хочу никуда ехать, я лучше в вашей войске останусь.

— Что ты имеешь в виду? — бросил Хельмут неожиданно жёстким тоном, скрещивая руки на груди. — Ты же не собралась сражаться, в конце концов?

— Я могу лекарям помогать, — возразила Гвен — голос её зазвенел на удивление громко. — Я кое-что уже умею, а остальному научусь. Не хочу я сидеть в безопасности, пока на моей родине бесчинствуют чужаки! Я хочу им отомстить за свою деревню и своих близких. Хоть как-то помочь вам выбить их прочь... дать им пинка под зад, — коротко ухмыльнулась она.

— Не думаю, что это возможно, — покачал головой Хельмут.

— Что ж, можно попробовать, — улыбнулся Генрих.

Они сказали это почти одновременно и тут же взглянули друг на друга вопросительно.

Ну, если Генрих даёт добро, то ладно... Пусть останется, пусть учится у врачей и помогает бьельнцам выбить захватчиков из нолдийской земли. Хельмуту вообще-то совершенно всё равно. Его сюзерен согласен, а это главное. Кто он такой, чтобы ему возражать?

— Если ты так хочешь помочь, — продолжил Генрих, не отводя внимательного взгляда от Гвен, — то, может, вспомнишь что-то о захватчиках? Ты видела ещё отряды помимо того, что напал на твою деревню? Соседи из других поселений ничего не рассказывали?

— Когда война началась, особо не до болтовни с соседями было, — пожала плечами Гвен. — Но я как-то видела... у реки, что к западу от нашей деревни... Пошла бельё стирать, а они туда коней приводили поить. Я сначала было подумала, что это ваши: слышу — говор не родной... А потом поняла, что и язык вообще другой, не наш. Но откуда они приехали и сколько их было — не помню. Это всё седмицы две назад произошло.

— Возможно, они часто ездят к этой реке поить коней и набирать воду, — задумался Генрих. — Нужно будет послать туда патрули. Займёшься?

— Займусь, — вздохнул Хельмут.

Когда Генрих попросил его остаться с ним в Клауде, он, конечно, не рассчитывал на особо спокойную жизнь. Но друг буквально заваливал его поручениями. Хельмут исполнял их ответственно и тщательно, но всё же он ожидал, что свободного времени, которое он сможет провести с Генрихом, у него будет больше. А оказалось... Теперь ещё и эта Гвен, о которой нужно заботиться, оберегая от моментов, которые могут всколыхнуть в ней ужасающие воспоминания... Кто бы его, Хельмута, от такого уберёг. Впрочем, она — девушка, существо слабое, а он — воин и рыцарь, так что она в такой заботе нуждается явно больше, чем он.

— А насчёт тебя, Гвен, я скажу лекарю... — задумчиво продолжил Генрих. — Не тому, который здесь, в Клауде, за тобой ухаживал, а нашему, бьельнскому. Он, я думаю, не откажется научить тебя тому, что должна знать его помощница.

— Спасибо, милорд, — склонила голову Гвен.

А потом вдруг резко посмотрела на Генриха таким взглядом, каким Хельмут обычно старался, несмотря на непреодолимое желание, не смотреть.

***

Холодная нолдийская весна закончилась, и ей на смену пришло холодное нолдийское лето. Ветер дул непрерывно, и солдаты постоянно молились, чтобы не пошёл дождь. Дожди

уже были в начале геужеса* — долгие, сильные ливни, сбивающие с ног и ледяными змеями заползающие под одежду. Некоторые воины простужались после такого, и к работе лекарей, помимо хлопот с ранами, прибавлялось ещё и лечение кашля и насморка. Простуда могла длиться долго, и свои первые несмелые шаги в лекарском искусстве Гвен делала именно в борьбе с ней. Лекари показывали, как настаивать травы и заваривать чай от боли в горле, что делать с жаром и ознобом, какие компрессы ставить и многое, многое другое... У девушки неплохо получалось, лекари на неё уж точно не жаловались, к тому же она стала всё чаще улыбаться и даже смеяться и в целом ходила весьма довольная.

Генрих был рад не только тому, что Гвен быстро оправилась, но и тому, что ей нашлось место в армии. Она ни в какую не хотела уезжать в безопасный Эори, но и оставлять её обузой тоже не стоило: она бы только мешала и невольно отвлекала солдат. А белый передник помощницы лекаря внушал у них даже некоторое уважение. Генрих ни разу не замечал, чтобы простые воины приставали к таким женщинам. Рыцарей и дворян это, правда, не касалось.

И вот настало лето. Дни длились дольше, солнце светило чуть ярче и давало больше тепла, чем прежде, но всё же в этих краях было куда холоднее, чем в Бьельне. Генрих помнил, как долго и неохотно привыкал к такой погоде, будучи оруженосцем, зато потом, по возвращении домой, так же долго и неохотно привыкал к погоде бьельнской. Воздух ему казался жарким и душным, он скучал по прохладе, дождям, снегам и морозам. Этого всего в Бьельне тоже было предостаточно, но обычно и снега там выпадало меньше, и морозы стояли не такие крепкие, и лето пригревало сильнее, чем в Нолде.

В этом году привыкать к холодам почти не пришлось. Будто и не было тех десяти лет, что отделяли его нынешнего, двадцатисемилетнего лорда, властителя целого аллода, от юноши восемнадцати лет, едва принявшего рыцарские обеты и получившего шпоры. И меч... Тот прекрасный, но неудобный меч лорда Джеймса, который остался в Айсбурге. Странно, что лорд Коллинз о нём не вспомнил и не спросил во время встречи на тракте — Генрих уже готов был извиняться и оправдываться, но не пришлось.

Настал биржелис*, первый месяц лета, время цветения анемонов и горечавки, ярких синих колокольчиков и белоснежных ландышей, вишни и яблонь. Вокруг Клауда расстилались поля, напоминавшие цветные ковры, и из леса пахло по большей части свежестью, листвой и хвоей, нежели гарью, как было весной. И всё чаще в Клауд дозорные отряды возвращались ни с чем, отчитываясь, что никого не нашли, всё реже из сторожевых башен поступали сведения об обнаруженных фуражирах. Генрих был рад: кажется, им удалось отпугнуть фарелльцев, отвадить их от захваченных территорий, заставить сгруппироваться в их лагере и не покидать его так часто, как раньше.

Значит, пришло время для новой битвы.

Ждать, когда с северо-запада вернутся нолдийцы, а с востока — шингстенцы, было некогда. Фарелльцев осталось не так много, и имеющейся армии Бьельна должно хватить, чтобы отогнать их к северу, к Ледяному мосту. Генрих предполагал, что к тому моменту враг уж наверняка дождётся подкрепления, но и к ним тоже придёт подмога... Может, тогда-то и состоится решающий бой и они смогут окончательно прогнать захватчиков с этой земли.

Был отдан приказ приводить в боевую готовность отряды со сторожевых башен. Тот отряд, что обошёл ставку фарелльцев с севера, уже давно ждал сигнала. Разумеется, в Клауде тоже спокойствием и не пахло: Генрих велел готовить подкрепление на случай, если и эта битва начнёт обращаться не в их пользу. Но нет, на этот раз они не проиграют.

Он не проиграет.

Властитель Бьельна и ученик лорда Коллинза попросту не имеет права продуть этот проклятый бой, к которому он так долго и тщательно готовился. Не могут провалиться его сложные планы, на продумывание которых ушла не одна ночь.

Генрих снова начал ощущать эту удушающую злость, но уже сам не знал, на кого или на что она была направлена.

День битвы выдался пасмурным, тревожным. По небу плыли серые облака, ветер шевелил листву и травы, слышалось бряцанье оружия и чьи-то громкие разговоры — солдаты из засадного полка гадали, пойдут они сегодня в бой или нет. Генрих тоже гадал, жалея и раздражаясь, что не может сказать точно. Тревожило это ощущение, что ты не в битве, что ты сейчас должен быть не здесь, а в гуще сражения — кромсать своих врагов... И тогда, во время первой битвы, тоже... Может, тогда бы всё было иначе. И им не пришлось бы сейчас строить сверхсложных планов, чтобы как-то исправить ситуацию.

Отправив в бой основную часть войска, Генрих заволновался ещё сильнее. Весь последующий час он ходил туда-сюда по замку и его внутреннему двору, проверяя, всё ли в порядке, готовы ли солдаты, хватает ли оружия и лат... При этом он едва не забыл облачиться в доспехи сам.

Генрих бросился к оружейной, где в сером полумраке солдаты подбирали шлемы и копья. А у дальней стены он обнаружил Хельмута — он, сидя на небольшой белой скамейке, нервно вертел в пальцах один из своих многочисленных метательных кинжалов. Будто надеялся метнуть этот кинжал, чтобы тот пролетел километры к северу, преодолел леса, горы и крепости и вонзился прямо в сердце фарелльского короля, затеявшего эту войну из-за своей гордости и амбиций, из-за желания заполучить во владение ещё больше земель — ещё больше власти...

— Всё-таки идём? — встрепенулся Хельмут, обнаружив Генриха в оружейной. — Давай я поведу подмогу.

Генрих замер и посмотрел на него вопросительно.

— Не надо, — холодно отозвался он. — Я поведу сам.

— Нет, ты... ты?! — Голос Хельмута эхом отразился от стен и взлетел под потолок.

— Именно.

За всё это время Генрих уже не раз пожалел, что не успел найти оруженосца, прежде чем наступила война, но сейчас Хельмут подвернулся под руку как нельзя кстати. Он быстро помог ему надеть доспехи, то подавая наплечник или наколенник, то застёгивая ремень, то поправляя стёганку. При этом он настойчиво пытался отговорить Генриха идти в битву, заикаясь и запинаясь от волнения, что вызывало лишь усталую улыбку. Очевидно, что Хельмут беспокоится, но ведь и Генрих беспокоился за него, когда тот участвовал в прошлой битве... Пришла пора им поменяться местами.

— Я же буду не один, — пожал плечами он, заодно проверяя, хорошо ли сидит горжет. — Герцог Рэйкер и Вильхельм уже там, пускают фарелльцев на фарш.

— Надеюсь, Вильхельм не будет творить всякую ерунду... — буркнул Хельмут и как следует затянул ремень набедренника.

— Ты о чём? — переспросил Генрих, опустив голову — друг стоял на одном колене, возясь с защитой ног.

— Да так... беспокоюсь, — после недолгой паузы отозвался Хельмут. Он поднялся и внимательно оглядел плоды своих стараний: доспехи сидели идеально. — Он же всё-таки

мой друг, — усмехнулся он уже увереннее, погладив пальцами костяную изогнутую рукоять кинжала у себя в ножнах. — И он жених Хельги. Если с ним что-то случится... она же убьёт меня. — В голосе Хельмута звучала насмешка, но во взгляде вспыхнула тревога.

— С чего ты взял, что с ним что-то случится?

Вильхельм, несмотря на юный возраст, был отличным воином, он превосходно владел мечом и копьём и одинаково хорошо дрался как пешим, так и конным.

— Ну, захочется ему погеройствовать... — пожал плечами Хельмут. Возникло чувство, будто он что-то скрывает, будто он что-то знал о Вильхельме или они вдвоем задумали нечто... Ну или Генрих от волнения начал придумывать какие-то жуткие прогнозы, не соответствующие действительности. — Он последнее время стал каким-то... вспыльчивым, несдержанным... Ты не заметил?

— Вообще-то заметил, — признал Генрих. — Но он ведь молодой совсем, моложе тебя.

— Да ладно, всего на год. — Хельмут снова опустился на скамейку и похлопал по её поверхности рядом с собой: — Присядь, кстати. В атаку пока не зовут.

Генрих присел, звякнув латами.

— Ну да, но всё же... возможно, это его естественная реакция на войну, — сказал он, задумавшись. — Каждый реагирует по-разному: кто-то прячется, замыкается в себе, а кто-то — как Уилл... — Кузен, помнится, просил не сокращать его имя на ноллдийский лад, но сейчас ведь его тут нет, он не услышит. — Лезет во все передраги и пытается стать героем. Кто знает, — сдержанно ухмыльнулся Генрих, — может, у него и получится. И у твоей Хельги будет самый лучший жених из всех, что можно представить.

— Главное, чтобы она была с ним счастлива, — разумно заметил Хельмут, одной рукой поправив воротник синей рубашки. Сейчас, пока они жили в замке, он не терял возможности одеться понаряднее. Но потом, в походе лучше от этого отказаться. Иначе сам же будет переживать, что любимый шёлк рвётся, а зашить — некому, что блестящая вышивка линяет, что кружево треплется, превращаясь в настоящие лохмотья. — Но он ей, кажется, очень нравится, — продолжил Хельмут вспоминать свою сестру.

— Ну да, — кивнул Генрих, позволив себе тёплую улыбку. — Я видел, как они смотрели друг на друга во время помолвки. Думаю, им будет хорошо вместе.

Такой разговор казался крайне неуместным сейчас, когда где-то неподалёку бушует битва, где этот самый жених рискует своей жизнью... Но о войне говорить тоже не хотелось — иначе можно попросту сойти с ума, поддавшись этой проклятой тревоге, что постоянно шла рука об руку с горячим страхом за свою жизнь.

— Пора, — сказал Генрих твёрдо через пару минут. — Если наша помощь всё-таки понадобится, разумно будет выехать сейчас.

— Может, ты... — снова попытался остановить его Хельмут, но Генрих тут же встал и направился к выходу из оружейной, звеня саботонами, и лишил его возможности договорить. Но Хельмут не был бы собой, если бы оставил всё как есть. Он бросился к выходу за ним.

— Если и у меня что-то пойдёт не так, — уже запрыгнув в седло боевого коня, сказал Генрих, — то я дам тебе знать. Новое подкрепление не присылай, мы лучше отступим. Хотя я не думаю, что это случится, — уже менее весело и уверенно добавил он и взмахнул поводьями, посылая коня вперёд.

Примечания:

Геужес — май

Биржелис — июнь

Битва разворачивалась далеко не в пользу бьельнцев, и Генрих поспешил повести в бой засадный полк. Две проигранных битвы подряд — страшный позор, позор всей его армии и его личный. Как он будет смотреть в глаза лорду Джеймсу? Что тот вообще подумает?

Генрих уверенным жестом закрыл забрало и пришпорил коня.

Враг встретил атаку засадного полка градом стрел — видимо, как-то прознал, что к бьельнцам пришло подкрепление. Стрел, к слову, следовало бояться даже закованным в сталь рыцарям: шальная стрела легко могла попасть в просвет между частями доспеха или пробить кольчугу... Чтобы избежать этого, Генрих придумал интересный ход и научил этому своих людей.

Зацепившись правой ногой за седло и схватившись за лук, нужно было свеситься вдоль крупа лошади, изображая, будто ты уже убит или ранен. Так можно и спрятаться от стрел, и ввести противника в заблуждение: стоило видеть лица вражеских солдат, когда, приблизившись к ним, ты вскакиваешь в седло и выхватываешь меч!

После долгих, изнурительных тренировок проделывать всё это было не так сложно даже в довольно тяжёлых доспехах. К доспехам вообще со временем привыкаешь настолько, что они кажутся буквально второй кожей. Генрих знал это не только по себе — многие говорили.

Первого противника, пешего, он рубанул по шлему — клинок проскрежетал о гладкую сталь, конь галопом промчался вперёд, и сложно было понять, принёс ли этот удар вражескому солдату хоть какой-то вред.

А вот уже второму, разойдясь, Генрих снёс голову на ходу.

Битва увлекала в свою глубь, будто водоворот. Не было ни страха, ни опасения за жизнь, даже когда Генрих сталкивался с конными вражескими воинами, рыцарями в крепких блестящих доспехах, у него не возникало ощущения беспомощности. Он свято верил в то, что был сильнее, уверенность в себе переполняла душу, смешиваясь с азартом и гневом, злостью на проклятого врага...

С пешими было скучно — он рубил их с небывалой лёгкостью, как колосья. Зато при столкновениях с конными у него внутри что-то загоралось, вскипало, обжигало сердце и лёгкие... Да, дышать становилось нелегко, шлем это лишь усугублял, но сил, как ни странно, прибавлялось.

Поэтому и с конными противниками сражаться поначалу было несложно.

Перерубив одному из них копьё, Генрих беспрепятственно смог ударить клинком сначала по плечу, а потом — по шее рыцаря: лезвие удачно вошло в щель между горжетом и шлемом. Кровь хлынула ручьями по светлой стали, но любоваться на это было некогда. Слева к Генриху подскакал ещё один фарелльский рыцарь, видимо, надеясь не позволить ему развернуть коня и тем самым лишить преимущества... Ему было невдомёк, что рабочей рукой у Генриха была левая.

Перехватив поудобнее меч, он рубанул — и растерянный противник едва успел отбить удар своим клинком. Сталь звенела и скрежетала, кони взволнованно ржали и били копытами по орошённой кровью земли.

И это постепенно начинало приводить Генриха в чувство.

Вокруг него царилась смерть, ненависть, страх, и осознание этого отрезвляло. Чувство

всесильности постепенно отступало, зато разумная в данном случае осторожность начала занимать его место. Если до этого Генрих только наносил удары (и ему пока везло), то теперь начал потихоньку защищаться, ставить блоки и уворачиваться. Противник занёс меч — Генрих пригнулся, и вражеский клинок лишь слабо скрежетнул по верхушке шлема.

Тогда фарелльский рыцарь попытался ударить снизу, но его меч столкнулся с мечом Генриха. Некоторое время они кружили друг напротив друга, выбирая, куда бы ударить и как защититься, изредка отбивая удары подбегающих пехотинцев, что пытались стянуть их из седла. В конце концов Генрих решился.

Он просчитал последовательность своих ударов и учёл, как противник будет защищаться, и всё сработало идеально. Сначала он якобы прицелился в голову, и этот удар был ожидаемо отбит, но потом резко опустил меч, рубанул противника в бок, по жёсткой чёрной бригантине, отчего враг пошатнулся, но в седле удержался. Впрочем, Генрих и не ставил себе целью выбить его из седла.

Он ударил повыше и задел лезвием незащищённую латами часть руки противника. Этот удар помешал фарелльцу поставить хороший блок, и последующий удар в плечо он уже никак не отразил.

Добить его не составило труда.

Генрих пришпорил коня, посылая его вперёд. Навстречу ему незнамо откуда выскочил ещё один вражеский всадник с мечом — он бы, может, и ударил, и удар его бы оказался смертельным... Но Генрих быстро сбросил стремя и спрыгнул с седла, держась при этом за лук, и меч, нацеленный в его голову или шею, прошёл слишком высоко, чтобы нанести вред. Когда опасность миновала и вражеский всадник оказался позади, Генрих оттолкнулся ногами о землю и вскочил обратно в седло.

Вокруг пылал настоящий ад, хотя ещё далеко не все ровные строи обеих армий смешались, превращая битву в резню и свалку. Ад заключался в другом — в невероятной противоестественности всего происходящего. Но остановить его было уже невозможно. Оставалось лишь прогнать противника прочь, и за этим, собственно, Генрих и привёл подкрепление для своей армии.

Краем глаза он успел оценить обстановку: если в тот момент, когда он с подкреплением только ворвался в бой, фарелльцы уверенно наступали, то теперь они начали потихоньку пятиться к северу. Численный перевес и ударная мощь засадного полка давали о себе знать.

Уже почти под конец сражения Генрих столкнулся с вражеским конным копейщиком. Так же, как и в начале, он попытался перерубить его копьё, но рыцарь орудовал им очень умело. Сначала он целился в ногу — Генрих знал эту тактику, когда ты бьёшь противника по ногам, нанося лёгкие, не смертельные, но всё же ощутимые раны, а когда тот выходит из строя от боли, добиваешь в какое-нибудь жизненно важное место. В основном такой ход работал в пешем бою, но и во время конного поединка мог оказаться очень действенным. Поэтому Генрих старался ловко и быстро уворачиваться, натягивая поводья. Конь волновался, норовил встать на дыбы, отчего хотелось спешиться, но Генрих сдерживал себя. И коня тоже.

Копейщик не подпускал близко к себе, постоянно целя Генриху в грудь — может, надеялся ударить чуть ниже горжета и пробить кольчугу? Но для этого ему стоило бы разогнаться, да и сил уйдёт немало... Хотя удара без разгона тоже следовало опасаться. Кольчуга, конечно, может спасти от смерти, но удар легко бы свалил с коня, а это тоже чревато если не смертью, то тяжёлыми ранениями и переломами.

Генрих попытался ударить противника по ноге, затем по плечу, но оба раза лезвие меча столкнулось со сталью лат. Фареллец уворачивался и сам предпринимал короткие атаки, но пока ни один из них не смог задеть другого.

Генрих выгадал пару мгновений, оглянулся — фарелльцев вокруг становилось всё меньше. Надо разделаться с этим выскочкой и вести своих людей в наступление, чтобы окончательно прогнать противника прочь.

Он поторопился, и это стало его ошибкой. Слава Богу, не смертельной... Но когда Генрих попытался ударить клинком по плечу, фареллец, ловко пригнувшись, сделал выпад копьём — и оно удачно вошло под наплечник, как-то так подцепив кольчужный рукав. Точнее, об этом Генрих потом догадался. Сейчас-то ему было плевать, как именно его ранили.

Он увидел окровавленный наконечник копья и — о, он был готов поклясться Господом! — полный злого торжества взгляд фарелльца. Казалось бы, что можно рассмотреть сквозь маленькие прорези забрала? Но Генрих видел этот блеск во вражеских глазах. И, несмотря на колющую огненную боль в плече, занёс меч.

Остаток боя продлился недолго. Расслабившийся противник не успел отразить удар клинка — лезвие опустилось на шлем, соскользнуло к плечу. Видимо, удар по голове выбил его из колеи. Генрих, привстав в стремях, прицелился и нанёс чёткий удар между шлемом и горжетом — в шею.

Тем временем остатки пехоты и некоторые кавалеристы всё чаще начали поворачивать назад, отказываясь от боя и стремясь попросту сбежать. На мгновение Генрих даже забыл о боли в плече. Он улыбнулся и пришпорил коня.

Ну вот. Он всё-таки победил.

***

Кристина сидела на коричнево-красном пушистом ковре и играла с котом. К небольшой лучине была привязана ниточка, а на конце ниточки болталось белое пёрышко: Кристина дёргала этой лучиной, а кот лапкой пытался поймать пёрышко. Она смеялась, радуясь свободной минутке — последние дни времени на отдых жутко не хватало. Сегодня утром ей пришлось решать хозяйственные вопросы: людей не хватало, некому было убирать, мыть посуду и стирать. И она поняла, что близка к тому, чтобы самой взять в руки метлу и начать мести коридоры.

Когда к ней в последний раз пришла травница Магдалина — поблагодарить за быстрое решение вопроса с продажей участка и выплатить необходимый налог, — Кристина предложила ей работу в замке. Но женщина лишь вздохнула и покачала головой:

— Простите, мледи, дома дел у меня много, — сокрушённо ответила она. — Да и внучку надолго я одну оставлять боюсь. В лавку её с собой ещё можно взять, может, и научится чему, но в замке-то она только мешаться будет.

Что ж, заставлять её Кристина не собиралась.

Как и не собиралась она, конечно, на самом деле подметать полы в замке. У неё выдался свободный час, и она решила провести его с котом.

День сегодня был просто золотой, светлый, солнечный — редко такое тепло одаривает Нолд своим присутствием. Шторы небольшого окна кабинета были распахнуты, хотя отец, кажется, не особо любил их раздвигать даже в столь погожие деньки. В лучах солнечного света плясали пылинки, и кот то и дело бросался ловить солнечных зайчиков, отвлекаясь от пёрышка. Позже можно будет и погулять — вечером, когда станет прохладнее. А пока

Кристина проводила время в кабинете, стараясь подавить в себе эту щемящую тоску, эту безграничную тревогу за отца, который всё ещё рисковал жизнью на войне.

Вдруг в дверь громко и настойчиво постучали. Кристина закатила глаза, вздохнула и встала, быстро убрав игрушку в ящик стола. Наверное, это сестра Эстер пришла ей напомнить, что завтра нужно сходить на мессу, и заодно отругать за кота в рабочем кабинете и праздное времяпровождение. Поэтому Кристина быстро расправила чуть смявшийся подол голубого платья, стряхнула с него кошачьи шерстинки и открыла дверь, готовясь к бесконечным нравоучениям. Но на пороге вместо сестры Эстер, всегда такой высокой и грозной, стоял господин Гленн. Он улыбался, одна его рука, как обычно, сжимала белое костяное навершие трости, а во второй он держал какой-то пергамент.

— Позвольте пройти? — уточнил он у замершей от некоего изумления Кристины.

— Ой, конечно! — спохватилась она.

Вернувшись в кабинет, она уселась в своё небольшое кресло за дубовым столом, что так и стояло здесь вместо массивного отцовского, и подняла заскучавшего кота на колени. Господин Гленн же занял небольшую, искусно сделанную табуретку возле потухшего камина, слева от стола, поставил рядом трость и развернул пергамент.

— Пишет граф Орелл, — объяснил он и, поймав её удивлённый взгляд — граф Орелл же отправился на войну вместе с лордом Джеймсом, — добавил: — Младший, сын то есть. Зовут его Келли, если вы не помните.

— Помню, — кивнула Кристина, ёрзая на кресле от нетерпения: что этому Келли Ореллу надо?

— Он уже вступил в совершенные лета... — На её смешок господин Гленн отреагировал сдержанной ухмылкой: — Посмотрите, он сам так и написал! Видно, что очень начитанный юноша. Ну так вот, он намерен сделать вам предложение. Он готов дождаться вашего восемнадцатилетия, но помолвку жаждет заключить уже сейчас.

— В отсутствие родителей? — изумилась Кристина.

— Граф Келли пишет, что делает своё предложение с благословения его батюшки.

— Но я-то благословения своего батюшки не получала!

— Он предполагает, что ждать лорда Джеймса с войны вам придётся меньше, чем совершеннолетия.

— И правда... — задумалась она.

Господин Гленн положил письмо на стол, она взяла его, быстро прочитала... Пергамент был чуть помятым, но тонким, сделанным искусно. Да и почерк возможного жениха тоже радовал — красивый, с бесконечными завитушками, но в то же время понятный. Граф Келли писал без ошибок и выражался очень изысканно и высокопарно, будто подсмотрел образец своего письма в какой-нибудь поэме. Это её рассмешило и даже обрадовало: видимо, наследник Орелла, как и сказал господин Гленн, был достаточно начитанным. Редко сейчас встретишь юношу, увлекающегося книгами так же рьяно, как и оружием.

Сын барона Бейкера, Людовик, помнится, был совсем другим... Простым, прямолинейным, даже чуть грубоватым...

Он какое-то время был её женишком, был — да сплыл. Пару лет назад барон Рэймонд Бейкер, вассал отца с Серебряного залива, пытался женить своего сына на тринадцатилетней Кристине. Поначалу всё шло хорошо, Людовик особо не нежничал и тем самым не досаждал, а Кристина постоянно расспрашивала его о заливе, море и кораблях, и он с удовольствием рассказывал, пока их отцы обсуждали важные политические решения, налоги, договоры и

всё такое прочее.

Но этому противному Людовику обязательно нужно было всё испортить, и когда вопрос с помолвкой оказался почти решён, он вдруг ни с того ни с сего полез целоваться. И тогда Кристина ударила его по носу. Шестнадцатилетний барон выл и ругался, лорд Джеймс смотрел на дочь с неодобрением (хотя в его взгляде, помнится, плясали весёлые искры), а барон Рэймонд смеялся от души. Помолвку отменили, Бейкеры вернулись в свои края, и с тех пор речи о грядущей свадьбе Кристины пока не заходило. И она была рада — о замужестве ей думать не хотелось, равно как и перспектива делить с кем-то права на наследство Коллинзов её не радовала.

И вот — это непонятное сватовство, которое стоило бы обсудить с отцом, если бы он был дома... Конечно, можно написать ему письмо и отправить гонца к северным крепостям искать армию лорда Джеймса и его самого, но сколько времени это займёт? С другой стороны, юный граф, кажется, не требовал немедленного ответа.

— Можно пригласить его в Эори, я с ним пообщаюсь и решу, стоит ли давать согласие, — предложила вдруг Кристина — неожиданно для себя самой. — И если отец потом одобрит...

— Неплохая мысль, — одобрительно кивнул господин Гленн.

Кот вдруг вскочил, спрыгнул с коленей Кристины и побежал к двери, но та была закрыта, и ему пришлось скрести коготками по дереву, прося выпустить его. Кристине не хотелось подниматься с тёплого кресла, но она знала, что если кота вовремя не выпустить, то он может напрудить лужу прямо в кабинете, а то и хуже... Поэтому она выпустила кота, вернулась на место и снова перечитала письмо.

— Знаете, господин Гленн, о чём я думаю? — сказала Кристина, не поднимая взгляда. — Что с Бейкером два года назад, что сейчас с Ореллом... Это же будет не вполне равный брак, верно? Мне кажется, леди достойна жениха, титулованного лордом, не ниже.

— К сожалению, в нашем королевстве мало лордов, — вздохнул Освальд, — то есть всего-то три, включая вашего отца. Лорд Бьельна намного старше вас, для него вы, по сути, ребёнок...

«Да и он для меня, по сути, почти старик», — мелькнула мысль. Лорду Штейнбергу осенью, кажется, исполнится двадцать восемь лет — это уже самое окончание молодости, а она ведь, несмотря на то, что давно созрела как девушка, всё равно — ещё подросток.

— У леди Элис из Шингстена есть шестнадцатилетний сын, — продолжил господин Гленн, — но вряд ли ваш отец захочет породниться с Шингстеном. Порядки у них другие, обычаи другие, законы... Вера...

Кристина кивнула — с ранних лет она знала, что в Шингстене царит язычество. Там поклоняются многим богам, молятся природе, не бывает у них ни месс, ни молебнов, ни панихид, лишь жрецы, обвешанные рунами, возносят руки к небесам и поют свои особые песнопения, а верховной жрицей всей земли считается леди — сейчас ею была Элис Карпер, истинная правительница Шингстена, вставшая на место больного мужа. И раз уж согласно законам и обычаям жена должна идти вслед за мужем, вступать в его дом и род, Кристине пришлось бы в случае брака с наследником Шингстена менять веру, принимать это поганое язычество, отрекаться от Единого Бога... Нет, такого не допустит никто. Сестра Эстер её лично тогда свяжет и спрячет, лишь бы не отдавать безбожникам. И Кристина, видит Бог, будет не против.

— Поэтому вам придётся брать мужа из дома помельче, чем ваш, — напомнил ей

господин Гленн изначальную тему разговора. — Не из рыцарского, конечно, но герцога, графа или барона — почему нет?

— Но моя мать была из рыцарского дома, — протянула Кристина, чуть привстав.

— О да, брак ваших родителей вызвал немало пересудов, — ухмыльнулся он. — Я и сам был несколько... поражён такой неожиданностью, а брат и подавно. Но я, разумеется, был рад за Лили. Когда лорд Джеймс внезапно приехал в Освальд, никто и подумать не мог, что привело его к нам. Брат, помнится, за год до этого ездил в Эори и Лили повёз с собой, желая найти ей жениха, но так и не нашёл... Точнее, он думал, что не нашёл. Лили тогда выдала такое, что он припоминал ей ещё долго.

— Что же? — поинтересовалась Кристина. В детстве она не раз спрашивала у родителей, как они познакомились, а они лишь смеялись и говорили, что это случилось на пиру по случаю вступления Джеймса в его права лорда. Но господин Гленн, кажется, знал что-то ещё.

— Лили была девушкой свободолюбивой, своенравной, — сказал он и снова зачем-то положил руку на навершие трости, будто собирался встать и уйти. — Несмотря на то, что отец её, сир Оливер, всегда старался её уберечь, запретить, помешать ей вырваться... Он считал, что она, обретя свободу, не справится с ней и навлечёт беду. Но в Эори он всё же её повёз, правда, по прибытии запер в комнате трактира. Но Лили смогла сбежать. Она весь вечер гуляла по городу и заблудилась, нарвалась на каких-то пьянчуг... или одного пьянчугу, я уже и не помню, если честно, — виновато улыбнулся господин Гленн и сильнее сжал белый шарик, венчавший трость. — Она рассказала мне всё это сразу по возвращении домой, сами понимаете, сколько лет прошло... Так вот, она встретила пьянчугу, он начал приставать к ней, а она врезала ему по носу. Гвардейцы же, увидевшие это, решили, что Лили нарушает общественный порядок, да ещё и ходит по городу по ночам... Думаю, вы сами понимаете, миледи, какие женщины обычно гуляют в столь поздний час.

Кристина кивнула — она была уже достаточно взрослой, чтобы знать о шлюхах и о том, чем они занимаются.

— В общем, ночь ваша мать провела в тюрьме. Оливер же сбился с ног, пытался её найти, кое-как добился срочной встречи с лордом Джеймсом... Вашему отцу тогда года двадцать четыре было, кажется, не больше. В итоге Лили нашли в темницах, милорд её, естественно, освободил, и, видимо, в тот момент она ему и приглянулась.

Кристина чуть покраснела: она помнила, что мама была очень красивой женщиной, даже в последние часы своей жизни, бледная, исхудавшая, умирающая от чахотки... Нет, Боже, нет. До сих пор слишком больно было это вспоминать. До сих пор она не могла без слёз думать о том, что случилось с мамой.

— На пир в честь вашего отца Оливер тоже её привёл, конечно, — продолжил господин Гленн.

— Да, про пир мне рассказывали, — кивнула Кристина, стараясь сдерживать слёзы. Почувствовала, что пальцы начали трястись, нервно поправила филлет* на лбу и сжала подлокотники кресла.

— Меньше чем через год лорд Джеймс почтил наше поместье своим присутствием. Я видел из окна своей комнаты, как ваши родители гуляли по роще недалеко от реки, взявшись за руки. Что самое любопытное, сначала ваш отец спросил именно у Лили, согласна ли она стать его женой, а потом, после её согласия, попросил её руки у Оливера. Обычно делают наоборот, но, как видите, и ваш отец, и юный граф Келли решили нарушить традицию, —

усмехнулся господин Гленн.

Возвращение к теме сватовства наследника Ореллов было неожиданным, Кристина уже и забыла, о чём они говорили изначально.

— Вы сказали, что мама была свободолобивой и своенравной, — задумалась она, — но я всегда помнила её очень... спокойной, что ли, тихой...

— Ну не скажите, на вашего отца она имела большое влияние, — возразил он. — Всегда могла убедить его, заставить поменять мнение... Не угрозами и криками, конечно. Мягко, спокойно, но настойчиво. Да и к чему ей было проявлять своенравие? — пожал плечами господин Гленн. — Это Оливеру она вечно хотела доказать, чего стоит. Мужу ей ничего доказывать было не надо.

— Да, отец всегда слушал её, — вспомнила Кристина и слабо улыбнулась. — А мама? Мама его слушала? Мне сестра Эстер все уши прожужжала про то, что жена должна мужа почитать и слушаться... О том, бывает ли наоборот, в Книге Божьего Духа, кажется, не написано.

— Конечно, Лили милорда слушала, почему нет? — кивнул господин Гленн, посмотрев на Кристину так, будто пытался разглядеть в её лице черты леди Лилиан. Его поиски бы наверняка увенчались успехом: лишь цветом и формой глаз Кристина пошла в отца, в остальном она была похожа на мать. Разве что такого же, как у Лилиан, рыжеватого отлива в каштановых волосах не было. — И вам тоже, скорее всего, придётся советоваться с мужем касаясь дел вашей земли. Он уже не будет правителем своего феода, каким мог бы быть, женившись на женщине, равной ему или ниже по титулу. Он станет правителем Нолда наравне с вами.

Кристина почувствовала, как в сердце заползает удушающее возмущение. Она не хотела разделять власть над Нолдом с кем-то ещё. Да, сейчас, когда ей было всего пятнадцать, многие дела она доверяла господину Гленну и капитану Фостеру. Но потом, во взрослые годы... Неужели ей придётся делиться властью с мужем? Или вообще передать ему бразды правления Нолдом, а самой целыми днями вышивать и петь колыбельные многочисленным детям? Неужели ради этого она постоянно отговаривала отца от второго брака, чтобы заранее избавить себя от младших братьев, которые наследовали бы Нолд вперёд неё? Неужели ради этого она столько лет училась не только риторике, дипломатии и благочестию, но и фехтованию?

Уж лучше ей до конца дней прислушиваться к советам господина Гленна. Он хотя бы родственник, дядя её матери, доверенное лицо отца. Он помогал ей разобраться с магической силой, а сейчас даёт ей бесценные советы по управлению замком и землёй. А муж... чужой человек, который переедет в Эори из какого-нибудь захолустного замка и начнёт здесь командовать! Ещё чего!

— Знаете, господин Гленн, — Кристина свернула пергамент в свиток и положила в ящик стола, прикрыв сверху какой-то небольшой книгой, — я, пожалуй, откажу графу Келли. Не могли бы вы мне помочь с составлением письма с отказом?

— Конечно, миледи, — улыбнулся Освальд — широко и абсолютно счастливо.

Примечания:

Филлет — тонкая лента, которую женщины повязывали вокруг головы.

Раненое плечо саднило и ныло, спать на правом боку было невозможно, но гноя или воспаления, слава Богу, не наблюдалось. Просто глубокая рана, которая неохотно заживала, несмотря на все усилия лекарей.

Шла уже вторая седмица с тех пор, как они покинули Клауд и разбили лагерь недалеко от Ледяного моста и замка, который принадлежал вассалу барона Клауда, сиру Лейту. Эти земли пока ещё были захвачены фарелльцами, территория Лейта находилась в оккупации, но сам хозяин, если верить разведке, оставался жив. О причинах такого милосердия со стороны врага можно было лишь догадываться.

Впрочем, планов по освобождению Лейта бьельнцы пока не строили. От разведки дошли сведения, что к фарелльцам таки подоспело подкрепление, а насчёт своей армии у Генриха иллюзий не было: после двух выматывающих битв и многочисленных мелких сражений с фуражирами она знатно истрепалась. Поэтому он ждал подмоги от лорда Джеймса, который не так давно написал ему, что уже вот-вот повернёт на юго-восток, выполнив свою первую миссию. Не стоило сбрасывать со счетов и восточных союзников: барон Клаус Остхен тоже прислал хорошие вести о том, что все острова Серебряного залива взяты, осталась лишь одна решающая битва — за побережье.

Что ж, на этой войне они сражались буквально за каждый клочок земли, за каждую башенку, за каждый лесок и за каждый островок. Иного выхода не было.

От мыслей о грядущих битвах Генриха отвлекала боль в плече.

Лекарь приходил к нему каждый день, делал перевязки и накладывал мази, иногда приносил также успокаивающие, обезболивающие настойки, но это почему-то не сильно помогало. Генрих, впрочем, и сам умел перевязывать и обрабатывать раны — научился как-то в юности, — но делать это с собственным плечом было не очень удобно. Он то и дело просил лекаря не тратить время и средства на него, раненого совершенно легко.

— У нас есть люди с гниющими конечностями и перебитыми позвоночниками, — говорил он, — а вы не можете отвязаться от моего пустякового пореза.

— Он вовсе не пустяковый, — возражал лекарь, — посмотрите, как неохотно заживает.

— Да, но раздробленные кости позвоночника явно будут заживать ещё менее охотно, — усмехнулся Генрих и тут же поморщился от очередного приступа боли, сковавшего плечо вплоть до локтя. — Уделите внимание тем солдатам, чьё состояние оставляет желать лучшего. А ко мне на перевязки отправьте свою помощницу.

Генрих даже удивился, когда на следующий день к нему вместо лекаря пришла Гвен. Она быстро училась и уже ловко и тщательно меняла повязки, варила всякие зелья и наносила мази. Генрих то и дело видел её в лагере: растрёпанные, непослушные чёрные волосы, окровавленный фартук, сумка, полная каких-то трав и цветков... Гвен без дела не сидела, но на усталость никогда не жаловалась. В конце концов она сама об этом просила и теперь делала то, чего так хотела.

— Как ты? — поинтересовался Генрих, распуская шнуровку серой рубашки. Гвен стояла, отвернувшись — кажется, смутилась...

— Для меня большая честь знать, что вы так обо мне беспокоитесь, милорд, — пролепетала она. Кажется, в день их первой встречи она была чуть смелее. Впрочем, тогда рядом находился Хельмут, а ему Гвен явно доверяла безоговорочно — он всё-таки спас её от

смерти или даже от судьбы похуже смерти. — Со мной всё хорошо. Лекарь, который учит меня своему делу, заметил, что я... что я ещё не отошла...

Генрих понимающе кивнул — попробуй не заметь... Поначалу Гвен боялась громких звуков и вся сжималась, если рядом с ней оказывался хотя бы один человек мужского пола. Лишь лекари её не пугали — их серые мантии всем и всегда внушали доверие.

Но со временем она оправилась, к солдатам подходила без боязни, перевязывала им раны и приносила обезболивающее питьё, отвечала на их улыбки и благодарности.

— Он дал мне несколько разных настоек, — продолжила она, — и я до сих пор их пью. Некоторые из них уже сама делать научилась. Так и сплю лучше, и воспоминания... почти не тревожат. — Гвен нервно сглотнула.

— Это хорошо, — улыбнулся Генрих и стянул рубашку. Девушка снова отвернулась, и он сдержанно хохотнул. — Продолжай их пить, но давай сейчас займёмся моей раной.

Тогда ей всё же пришлось подойти к нему, хотя она то и дело норовила спрятать взгляд. Генриха это сместило: Гвен казалась ему уже довольно взрослой, на вид ей было не меньше двадцати, и всё равно вид полураздетого мужчины внушал ей смущение. Она села на накрытую коричневым плащом лежанку, чуть трясущимися руками сняла с него вчерашние бинты и достала из сумки новые. Перевязывала она очень осторожно и медленно, боясь, видимо, из-за небольшого опыта сделать что-то не так. Иногда её пальцы случайно касались его кожи, и она тут же вздрагивала, а Генрих лишь улыбался — такие невинные, случайные прикосновения не могли вызывать в нём каких-то сильных чувств, а вот смущение Гвен почему-то умиляло.

На следующий день случилось то, чего они все так долго ждали. Лагерь наполнился шумом, ржанием коней, смехом; погода стояла тихая, тёплая, но сейчас каждый как будто ощутил дыхание ледяного северного ветра. Новые палатки словно выросли из-под земли, и в воздухе запахло грибной похлёбкой и жареный зайчатинной.

С севера вернулся лорд Джеймс Коллинз.

Его армия понесла не столь большие потери, а потому присоединение нолдийцев к бьельнскому войску предрекало скорую победу.

Генрих, наскоро набросив камзол, вышел из шатра и тут же обнаружил, как его бывший учитель спешивается с помощью оруженосца. В длинных густых волосах лорда Коллинза теперь блестело больше седины, чем каштана. На лице виднелась поблескивающая серебром щетина, не покрывающая лишь тонкий розовый шрам на левом щеке. Край чёрного дорожного плаща истрепался и ухлестался грязью. Тем не менее лорд Джеймс выглядел величественно и гордо, как и надлежало истинному полководцу-победителю.

Генрих поклонился, а то, что лорд Коллинз поклонился ему в ответ, до сих пор казалось непривычным. Хотя они уже давно были равными друг другу властителями аллодов, а не оруженосцем и наставником.

Лорд Джеймс улыбался, и это заставило Генриха выдохнуть с облегчением: он, словно ему до сих пор было восемнадцать, ожидал нагоняя за проигранную битву. Он тоже улыбнулся, и улыбка вышла самой искренней, хоть он и пытался быть сдержанным. Но глупо скрывать свою радость по поводу долгожданной встречи с бывшим учителем, особенно когда тот великолепно справился со своей миссией и остался цел и невредим.

Вскоре установили его шатёр, занесли туда все вещи, но лорд Джеймс отдыхать не особо стремился.

— Я оставил три тысячи человек на севере, — сказал он, присев на низкий раскладной

стул, — итого у меня осталось... — Он прищурился, пытаясь подсчитать. — Осталось тысяч семь. Думаю, для атаки на столь резко увеличившуюся армию Фарелла нам нужно дождаться подмоги с востока.

— Будем брать Лейт? — спросил Генрих, замерев у входа в шатёр. — Фарелльцы засели в нём и окрестностях. Лейт, несмотря на то, что его хозяин — простой рыцарь, замок большой: там несколько башен, хорошая крепостная стена... Штурм будет непростым.

— Выхода нет, — пожал плечами лорд Джеймс. — Нам нужен путь к Ледяному мосту, нам нужен сам этот мост: от него тракт ведёт к северным границам, а по тракту нам гнать фарелльцев будет легче, чем по лесам. Надо оттеснить их прочь. И вот ещё... — Он встал, оправляя края стёганого синего дублета, и приблизился к Генриху. — Нужно написать его величеству. Доселе он одобрял все наши планы, но, может, пора бы ему принять участие в их обсуждении?

— Вы хотите пригласить его... сюда? — Генрих усмехнулся, окидывая взглядом помещение шатра, но имея в виду нечто большее: этот разросшийся военный лагерь, полный шума и звона стали, эти леса, в которых они отлавливали фуражиров, и поля, где происходили кровавые битвы... Нечто прямо противоположное изысканному, утопающему в золоте и блеске королевскому замку.

— Именно, — кивнул лорд Джеймс. — Может, большой пользы в самом его присутствии не будет, но его величество Альвар станет символом нашего единства... особенно когда приедут шингстенцы, которые то и дело забывают, что мы с ними уже лет двести как единый народ.

Он был прав: возможно, при виде короля шингстенцы поубавят свой буйный нрав и станут сотрудничать с нолдийцами и бьельнцами охотнее, чем обычно.

— Фарелльцы прямо как зараза, — процедил вдруг лорд Джеймс, — так быстро расплозились по всему-северо востоку... Хорошо, что хоть до Эори не дошли. Благодаря тебе. — И он улыбнулся. — Несмотря на первую неудачу, ты их остановил. Не представляю, что было бы, если бы они взяли Эори... Вместе с Эори мы бы потеряли весь Нолд. И моя дочь... — Улыбка тут же пропала с его лица, и лорд Джеймс вздохнул. — Знал бы ты, как я соскучился по дочери. Ей я тоже напишу, но позже. Надеюсь, теперь опасаться того, что гонца перехватят, не следует?

— Теперь нет, — отозвался Генрих.

Нескрываемая тоска лорда Джеймса по маленькой Кристине его тронула, а заодно заставила вспомнить о том, что в Айсбурге Генриха ждали братья — восемнадцатилетний Вольфганг, едва получивший рыцарские шпоры, но оставшийся дома смотреть за замком, и семилетний Рихард. Конечно, он часто писал им и получал ответы — в письмах пару раз мелькали строчки, написанные неровным, корявым почерком совсем недавно научившегося писать Рихарда. Последнее письмо пришло буквально пару дней назад, но Генриху захотелось прямо сейчас написать им ещё — настолько вдруг обострилась его тоска по дому.

Следующим утром, ожидая, когда Гвен снова придёт перевязывать его рану, он решил, что она уже вполне оправилась, чтобы рассказать о своём прошлом. Ему было любопытно узнать многое: кем она была до войны, чем занималась, какая у неё была семья, имелся ли муж или дети... Удивительно, что какая-то крестьянка так смогла заинтересовать лорда, но Генриху и правда не была безразлична её судьба. Бедняжка многого натерпелась, но не сломалась, ещё и загорелась желанием отомстить своим обидчикам, и это не могло не вызывать восхищения.

При этом Генрих заметил, что Хельмут с Гвен как-либо взаимодействовать почти перестал, хотя именно его она никогда не боялась, никогда от него не шарахалась, именно с ним она поначалу говорила больше, чем с остальными, и в тот день, когда Генрих встретился с ней впервые, смогла рассказать то, что знала о фарелльцах, лишь в присутствии барона Штольца. Но сейчас... кажется, они даже не здоровались: разумеется, Гвен кланялась или приседала в неумелом реверансе при виде Хельмута, но тот лишь молча кивал и шёл дальше, не стремясь завести разговор и поинтересоваться о её делах и успехах. Генриху казалось странным это внезапное пренебрежение, хотя Хельмут и раньше простолюдинов не жаловал.

И это тоже было причиной, по которой ему так хотелось опекать эту девушку.

К слову, с Хельмутом Генрих о Гвен почти не разговаривал — и без того тем хватало. Чем больше времени они проводили вместе, тем сильнее была непонятная тоска, когда Хельмут уходил или им не удавалось встретиться из-за занятости. Он сам же поручил барону Штольцу и Вильхельму собирать отряды для осмотра окрестностей на случай новых диверсий, а потом жалел, что друга так долго нет в лагере. По двоюродному брату, как ни странно, он так сильно не скучал — они никогда не были особо дружны.

В тот день Хельмут снова уехал в дозор: Генрих предлагал заменить его, не сегодня, так завтра (сидеть в лагере осточертело, несмотря на возвращение лорда Джеймса), но друг беспокоился за его рану.

— Рана пустяковая, — закатил глаза Генрих.

— И не заживает, — кивнул Хельмут, поправив новенькую фибулу на своём плаще — он всегда следил, чтобы такие мелочи были идеальны. — Фарелльцы, ходят слухи, оружие ядом мажут...

— Слухи слухами, а доказательств нет. И лекари яда не нашли. Просто... ну заживёт же рано или поздно, — пожал плечами он и усмехнулся. День с самого утра наполнялся прохладой, и без плаща стоять на этой прохладе было не очень приятно.

— Знаешь, в народе говорят: «До свадьбы заживёт», — вдруг сказал Хельмут, поправив седло. — Наверное, не заживает она потому, что ты жениться не хочешь.

— Так, поезжай, — понизил тон Генрих, отмахнувшись. — Осмотри тут всё в пределах километров десяти и возвращайся, пожалуйста, поскорее. — И они пожали друг другу руки на прощание.

Когда Хельмут со своим отрядом скрылся за горизонтом, оставив после себя облако взбитой лошадиными копытами пыли, Генрих вернулся в шатёр. Гвен пришла через пару часов, уже после полудня, — с чистыми бинтами и зеленоватой, полупрозрачной, пахнущей травами мазью в маленькой деревянной миске. Когда он снял камзол и рубашку (ёжась при этом от холода), она не стала краснеть.

— Рана заживает, — заметила Гвен, когда он присел рядом с ней на лежанку. — Наконец-то, хоть какие-то улучшения!

— Она начала заживать как раз после того, как лекарь велел перевязывать меня именно тебе, — улыбнулся Генрих. Он вовсе не хотел её смущать, слова вырвались сами по себе, но ведь это было вполне справедливое наблюдение... Наверное, её нежные женские пальцы втирали в рану мазь лучше, чем натруженные лекарские.

— Ну что вы, милорд... До свадьбы, говорят, заживёт.

Генрих мог бы упрекнуть её в том, что она подслушала их с Хельмутом разговор, но в конце концов просто коротко рассмеялся этому совпадению.

— Что-то не так? — встрепенулась Гвен.

— Нет, всё хорошо, — отозвался Генрих, наблюдая, как тонкий бинт ложится на руку чуть выше локтя, закрывая длинный розовый порез. — А у тебя, Гвен, была свадьба?

— Была, — с готовностью кивнула девушка, — пару лет назад. Только детей не было. Да и с мужем нас родители свели, я-то его не любила совсем. Не особо дружная у нас семья была. Ну хоть не бил, слава Богу...

— А сейчас твой муж где?

— Когда война началась, он в солдаты ушёл... Не знаю, что с ним сейчас. Писем от него не получала, никаких вестей... — как-то холодно-отвратительно ответила Гвен и плотно завязала концы бинта. Генрих тут же быстро натянул рубашку, спасаясь от холода; несмотря на то, что девушка больше не смущалась, он привык после перевязки одеваться как можно быстрее. — Чует моё сердце, нет его уже на свете.

— О, — выдохнул Генрих, — мне жаль, если так.

— Да ничего, — пожалала плечами она. — Наоборот, я теперь чувствую себя такой свободной... свободнее, чем когда жила с ним. Говорю же — я его совсем не любила, чужие люди, считай. — Гвен странно скривилась, будто разговаривать о муже ей было крайне неприятно. — Поэтому, наверное, у нас и не было детей. Да даже если он жив... куда ему возвращаться? — Она резко сжала ремешок своей сумки и опустила взгляд. — От деревни-то не осталось ничего... Ой, а вы... вы Бетти не нашли? И детей? — вздрогнула вдруг Гвен и взглянула на Генриха с такой светящейся надеждой в глазах, что у него встал в горле ком.

Он лишь покачал головой в ответ.

— Что ж... — часто заморгала она. — Теперь ни им, ни мне возвращаться некуда. И куда я пойду, когда война закончится?

— Мы же предлагали тебе отправиться в Эори, — напомнил Генрих, взяв со шнуровкой рубашки.

— Я помню, но... кто меня там ждёт? Может, сейчас бы и приняли как беженку, но после войны-то? — В голосе Гвен зазвучало отчаяние, она закусил губу и зажмурилась на миг, видимо, пытаясь справиться со слезами. — А сейчас я туда всё равно не пойду... Вы славно разбили этих нелюдей под Клаудом, и я хочу видеть, как вы разобьёте их под Лейтом, — уже твёрже сказала Гвен. — Я всё ещё побаиваюсь ваших солдат, потому что на первый взгляд они ничем не отличаются от *тех* солдат... Те же кольчуги, шлемы... Смеются так же грубо, иногда смотрят на меня, ну, понимаете... И убивают они наверняка не хуже, — горько усмехнулась она. — Только вот убивают они захватчиков, а не мирных крестьян. Поэтому обвинять их в чём-то я не стану.

Генрих молчал, думая, что ответить, и глядя на неё пристально и с сочувствием. Гвен была храброй и прямолинейной, и это не могло не вызывать определённого уважения. Но всё же, несмотря на всю храбрость, слёз она не сдержала: по её чуть впалой щеке пробежала одна слезинка, затем другая... И Генрих не выдержал; как тогда, в момент их первой встречи, он осторожно, одним пальцем, провёл по её лицу, вытирая слёзы, а вторую руку положил на её поддрагивающее плечо.

— Я не заставляю тебя делать что-то, что тебе не хочется, хотя мог бы, а ты, в свою очередь, имеешь полное право на месть. И если твоя месть будет в виде лекарской помощи тем, кто убивает твоих обидчиков... Что ж, это вполне достойно, — улыбнулся Генрих.

Гвен часто-часто заморгала, пытаясь смахнуть слёзы, и кивнула.

— Думаю, завтра последний раз перевяжу вас, — сказала она тихо. — Уже совсем зажило почти. Мазь на ночь наносите сами, и всё... пройдёт.

И если до этого Генрих думал, что Гвен оправилась, успокоилась, то теперь с невесёлой ухмылкой он подумал о том, что её рана, в отличие от его, скорее всего, не пройдёт. Да, её уже почти не пугали мужчины, а к нему она и вовсе тянулась, не пытаясь оттолкнуть и не отвергая его утешений... Она говорила, что ей легче, что спала она лучше и на болезненные воспоминания почти не отвлекалась... Но Генрих прекрасно понимал, что эти самые воспоминания её просто так не оставят. Да и вряд ли бы она смогла полностью от них избавиться за столь короткий срок.

Гвен приподнялась, хотела было уйти, но он не убрал руки с её плеча. Девушка удивлённо на него посмотрела — в округлившись серых глазах всё ещё стояли слёзы, — а потом отчего-то улыбнулась. Улыбнулась тепло, нежно и ласково. Будто это она его утешала, а не он её.

А обветренные губы её оказались на удивление мягкими.

***

В этот раз объезд территорий оказался более хлопотным, чем обычно. Хельмут, встревоженный состоянием Генриха, был весь на взводе, а потому, услышав звук случайно хрустнувшей ветки, не на шутку испугался и решил, что это дал о себе знать отряд вражеских фуражиров. Однако тщательный поиск результатов не принёс, солдаты не обнаружили ни следов конских копыт, ни примятой травы, ни каких-либо других примет того, что недавно здесь проскакал десяток всадников.

Хельмуту казалось в тот миг, что солдаты посчитали его озверевшим тираном, гоняющим их почём зря, но он особо не переживал по этому поводу. Волновало его другое. Всё время после битвы он не мог не думать о ране друга, которая заживала очень медленно и приносила ему немало боли. Хельмуту не давало покоя чувство вины: он же вызывался сам повести подкрепление, но Генрих его опередил... И вот результат. И помочь Хельмут тоже ничем не мог; доброе слово и проявление заботы, конечно, приятно, но как оно заставит затянуться края глубокой раны?

Это было странное ощущение, раньше Хельмут ничего подобного не испытывал: даже когда Хельга в детстве, бегая по каменным дорожкам их сада или брусчатке внутреннего двора, падала и ранила колени, он ругал её за неосторожность, но такого дикого волнения, такой бесконечной тревоги не испытывал. Впрочем, содранные колени тоже заживали быстрее и охотнее, чем боевая рана.

Хельга, Хельга... Хельмут возвращался в лагерь, думая о сестре и стараясь этими мыслями погасить костёр тревоги за друга, тлеющий в его душе. Он то и дело заправлял за ухо неровные пряди золотистых волос: дома их всегда очень аккуратно и бережно обрезала сестра, которая хорошо умела стричь, почти как опытный цирюльник. Теперь же подравнивать причёску Хельмута было некому, и он пытался орудовать ножницами сам, но не всегда получалось хорошо. Чёлку он подстригал перед зеркалом, но вот волосы на затылке таким образом разглядеть не мог, и они продолжали расти, будучи длиннее остальных прядей на несколько сантиметров.

Хельга часто писала, что скучает и ждёт, и Хельмут, конечно, тоже скучал и ждал их воссоединения. Ему не хватало её ясных голубых глаз, широких искренних улыбок и звонкого смеха, не хватало этих милых веснушек на носу и щеках, не хватало тёплых объятий, поцелуев в щёку... Не хватало даже того, что раньше его раздражало: бесконечной болтовни, насмешек и подколов, глупых шуток и неуместных вопросов. Сейчас бы Хельмут всё отдал, чтобы услышать голос Хельги. Но ждать всё равно придётся долго.

Да и потом... После войны, если все они будут живы и здоровы, сестра выйдет замуж за Вильгельма. То есть Хельмуту предстоит провести с ней всего-то около двух лет, а после... Она уедет в чужой замок на всю жизнь, и они смогут видеться не так часто, как раньше. Впрочем, если Хельга будет счастлива со своим мужем, если между ними так и продолжит гореть взаимная любовь, то Хельмут даже будет рад за них и отпустит сестру в Остхен с лёгким сердцем. Да, последнее время Вильгельм творил какую-то ерунду, но он, возможно, был просто взволнован и даже напуган, ведь шла война, а это, видит Бог, не какое-то рядовое событие из повседневной жизни. Вот он и сошёл с ума немного... Наверняка, когда жизнь повернёт в мирное русло, он успокоится и снова станет таким, как прежде.

Хельмут увидел Вильгельма прямо на въезде в лагерь и усмехнулся: вспомнишь заразу — появится сразу. Видимо, друг закончил свой объезд раньше и теперь отправлялся на заслуженный отдых. Хельмут хотел окликнуть его, но вдруг заметил, что барон Остхен, спешившись, тут же взял под руку какую-то девушку, на помощницу лекаря не вполне похожую: ни белого фартука, ни косынки, ни сумки, в которой могли бы лежать склянки с настойками, бинты и свежесобранные травы и цветки. На девушке было яркое красное платье — не шёлковое, конечно, льняное, но украшенное причудливой вышивкой на весьма глубоком вырезе, а на шее висел жёлтый шарф.

Жёлтый шарф был отличительной чертой нолдийских шлюх. Бьельнские предпочитали зелёные длинные вейлы, которыми покрывали голову. Впрочем, иногда обычаи менялись, и Хельмут всё чаще замечал зелёное покрывало и среди нолдиек.

Конечно, он прекрасно знал об одежде шлюх, потому что сам пользовался их услугами, в том числе и на войне. Но он ведь не был связан узами брака или помолвки. Он разорвал свою помолвку незадолго до войны и оттого был совершенно свободен. А вот Вильгельм... На большом пальце его левой руки виднелось подаренное Хельгой золотое кольцо — знак того, что он обручён. Однако ни самого барона Остхена, ни встретившую его шлюху это, видимо, не смущало.

Хельмут хотел было высказать Вильгельму всё, что думает о нём, но тот стремительными шагами, не выпуская руки шлюхи, прошёл к своему серо-зелёному шатру и скрылся внутри. Хельмут и пискнуть не успел. Вот чёрт, застыл в изумлении, задумался и проморгал момент, когда можно было урезонить засранца... Тут же почему-то совершенно расхотелось разговаривать с женихом своей сестры. Чувство пренебрежения заставило Хельмута отшатнуться, будто Вильгельм был зачумлённым и заражал своей лживостью всё окружающее пространство. Поэтому и говорить с ним не хотелось, приближаться и прикасаться к нему не хотелось...

Но он знал наверняка, с кем ему поговорить точно стоит.

Шатёр Генриха был одним из самых высоких, его чёрно-серая верхушка выделялась издалека. Искать его долго не пришлось, хотя Хельмут от волнения, напряжения и возмущения едва не потерялся и не повернул в сторону собственного шатра. В какой-то миг это показалось ему наиболее удачным выходом: просто уйти к себе и переварить всё, что он увидел, так сказать, переспать с этими мыслями... Как Вильгельм, помолвленный с Хельгой, переспит с той шлюхой.

Всё-таки Хельмут повернул к Генриху, который, как известно, первым предложил устроить этот брак.

Он ведь двоюродный брат Вильгельма. Он должен хорошо его знать. Наверняка они в детстве часто проводили время вместе, и Генрих наблюдал за взрослением кузена, и вот это

всё... Не мог же он не знать, каким вырос Вильгельм! Что он нарушает данное девушке слово, обещание быть верным и любящим, что он попросту позорит и себя, и её!

Стражники прекрасно знали Хельмута, поэтому пропустили его в шатёр лорда Штейнберга без лишних слов.

Генрих был там не один.

Хельмут увидел Гвен, сидящую рядом с ним на походной лежанке, и одно только это позволило ему сделать определённые выходы. Конечно, он знал, что девушка из разорённой деревни, став помощницей лекаря, приходила к лорду Штейнбергу делать ему перевязки. Но он помнил, что ранили Генриха в плечо, и для того, чтобы перебинтовать его, достаточно снять рубашку. Штаны снимать совершенно необязательно. А Генрих сейчас возился с пряжкой ремня, спешно и неуклюже пытаясь его застегнуть. Гвен же поправляла шнуровку платья, а её белый фартук одиноко лежал в изножье скомканной постели.

Хельмут был не маленький и всё понял.

И отчего-то его сердце кольнуло такой болью, какой он не испытывал даже тогда, когда застал Агату Шнайлер за изменой.

Увидев его, Гвен вскочила, схватила фартук и сжалась — у неё оставалась такая привычка, но всё же на спасшего её Хельмута она всегда реагировала куда спокойнее. А теперь... Будто у него в руках был окровавленный нож, в глазах горело безумие, а изо рта капала пена. Генрих продолжал сидеть, застёгивая ремень, с какой-то странной, полупьяной улыбкой. Но когда Гвен сделала несмелый шаг к выходу, он резко встал и сжал её руку.

— Сходи к лекарю и попроси у него снадобье... — прошептал он ей на ухо, но Хельмут расслышал всё. — Ну, ты понимаешь. На всякий случай.

Гвен, покраснев, улыбнулась и кивнула. Через мгновение она выпорхнула из шатра.

Хельмут замер, будучи не в силах ни выйти прочь (где-то там снаружи сейчас была Гвен, а он не питал уверенности, что сможет спокойно смотреть на неё), ни подойти к Генриху. Он чувствовал, как бешено бьётся сердце в груди, отчего стало невыносимо жарко, дыхание спёрло из-за огромного кома в горле... Ему показалось, что он сейчас умрёт.

— Ты что-то хотел? — раздался голос Генриха — не с расстояния нескольких шагов, разделяющих их, а снизу и сверху, обрушиваясь на Хельмута, будто упавшая с неба наковальня.

Он пошатнулся, понимая, что не чувствует ног. В ушах раздался какой-то звон, а потом он понял, что это были звуки шагов Генриха. Тот подхватил его за локоть, и Хельмут даже был благодарен ему за это, несмотря ни на что, — иначе бы он попросту упал ничком.

— Всё в порядке? Ты такой бледный... — продолжал гудеть в ушах голос друга, давя на мозг. Хельмут зажмурился. — Что-то при объезде случилось?

— Я просто... — простонал он. — Я там Вильгельма видел...

— Так, присядь-ка. — Генрих приобнял его за плечи и чуть сжал их.

Хельмут с трудом сделал пару шагов вперёд, к лежанке, всё ещё держась за Генриха, но когда он увидел саму лежанку, и смятую постель — взбитую простыню, сползшее одеяло, — и маленькую белую льняную косынку, которую, видимо, забыла Гвен... Когда он увидел это, то отшатнулся, резко вырвался из объятий Генриха и посмотрел на него округлившимися глазами. Прядь чёлки упала на лицо, защекотала переносицу. Нет, он ни за что не сядет на лежанку, где его лучший друг только что имел эту девку.

Может быть, раньше он не стал бы так брезговать, но сейчас... Хельмут сам не мог сказать, что изменилось сейчас. Но связь Генриха с Гвен он не мог воспринимать иначе, как

предательство.

— Ты так удивлён из-за того, что только что увидел? — усмехнулся друг уголком фарфоровых губ, и Хельмут не мог поверить, что эти губы только недавно целовали кого-то... кого-то другого. — Ты же сам советовал мне лечить страх и неуверенность с помощью... любви. — Он был весел, в голосе его слышалась насмешка, глаза сияли, а Хельмут чувствовал, что сейчас умрёт. — Что-то не так? Скажи, пожалуйста, не пугай меня.

— Ты... — выдохнул Хельмут, чувствуя, как горло снова стискивает спазмом. Он приложил ладонь к горлу, но рука безвольно упала, будто собственное тело отказывалось подчиняться. — Ты тут ни при чём, — выдал он на удивление уверенно. Конечно, это была ложь, и ему хотелось наорать на Генриха, не сдерживая себя, наорать до хрипоты и боли в горле и груди, до слёз и дрожи в коленях, но... Но он совершенно не понимал, в чём ему следует обвинять друга, за что его упрекать. — Я же сказал, я видел Вильгельма... — Хельмут сам не понял, каким образом вообще ему удалось вспомнить об Остхене. Возможно, пронзительный взгляд зелёных глаз Генриха, что были так похожи на глаза Вильгельма, позволил ему поднять из глубин памяти картину: донельзя довольный Уилл спрыгивает с коня, берёт под руку лагерную девку и как ни в чём не бывало проходит в ней в свой шатёр... — Я его видел со шляхой какой-то.

— Ну, видимо, он приехал раньше тебя и теперь имеет полное право отдохнуть, — пожал плечами Генрих. Только сейчас Хельмут заметил, что шнуровка его тёмно-серой рубашки не была завязана, и раскрывшийся воротник обнажал шею и проступающие ключицы.

Хельмут покачал головой, вспоминая, зачем пришёл.

— Ты не понимаешь? — голос прозвучал пискляво и визгливо.

Генрих покачал головой — он и правда не понимал. Вся весёлость исчезла из его взгляда, на её смену пришло искреннее недоумение.

— Он ушёл к себе со шляхой. — Хельмут постарался проговорить эти слова как можно чётче. — С лагерной девкой. И он явно не стихи читать с ней там будет и не в шахматы играть.

— Ну да, и что тебя смущает-то? Ты же сам снимаешь шлях.

— Я не снимаю с тех пор, как... — Он одёрнул себя — чуть не проболтался. С тех пор, как Генрих вернулся с той битвы раненый, с тех пор, как Хельмут осознал, насколько переживает за него... Или даже раньше. С тех пор, как он всё чаще не мог оторвать взгляда от его изумрудных глаз, бледных тонких губ, острых скул и длинных пальцев... Он до сего момента не мог связать эти два обстоятельства: нежелание принимать у себя в шатре шлях и осознание того, что его лучший друг до дьявольского очарования красив... И вот связал. Но было уже поздно. И это чертовское обаяние его не спасёт. — Да при чём тут я? — продолжил он, повысив тон. — Я расторг помолвку, я абсолютно свободный человек и имею право проводить время так, как хочу! Но Вильгельм дал слово мне, тебе и моей сестре... Он всё ещё носит её кольцо, никаких внезапных отказов от него я не слышал, кажется, он всё ещё не прочь жениться на Хельге, но при этом позволяет себе...

— Он помолвлен, но не женат, — перебил его Генрих, присаживаясь на лежанку. Смотреть на друга сверху вниз было странно, но при этом Хельмут не ощущал себя выше и значимее. Скорее, наоборот — он казался себе беззащитным ребёнком, которого подозрительно спокойный внешне, но крайне обзлённый в душе взрослый сейчас будет отчитывать за споры, а потом даст ремня. Даже несмотря на то, что ребёнок-то, по сути,

прав. — Вот если бы женился, то да, тогда с его стороны это было бы не очень порядочно. Но сейчас... я думаю, его особо не в чем винить. Хельмут, ты же видишь, в каком мы положении: война, жестокие битвы, долгие переходы и изнуряющие ожидания... Позволь парню расслабиться. Если ты сам решил отказаться от услуг шлюх — я тебя поздравляю, это достойный шаг, я же не раз тебе говорил, что такие связи до добра не доведут...

— А Вильгельма доведут, стало быть? — саркастически хмыкнул Хельмут, понимая, что усмешка его напоминает скорее хищный оскал.

— Вильгельм меня не слушает — и чёрт с ним, он взрослый, <i>свободный</i>, — Генрих выделил голосом это слово, — человек, который пока ещё может себе это позволить. Через два года он окажется весь во власти твоей сестры, и если он будет изменять ей, она получит полное право расторгнуть брак. Но сейчас это не считается изменой, — заключил он и вздохнул.

— То есть, советуя мне выдать Хельгу за своего кузена, ты прекрасно знал, каков он... — У Хельмута вновь затряслись руки и перехватило дыхание. — Что он падок до шлюх и может изменить... И всё равно со спокойной душой дал добро на их помолвку и брак?

Генрих почему-то промолчал.

Хельмут не знал, что сказать. Возмущение разъедало разум и мешало словам строиться в цельные фразы. Генрих сам себе противоречил: он не одобрял связи со шлюхами, но не осуждал своего двоюродного брата за то, что тот вступает в эти связи. Он предложил Хельмуту выдать Хельгу за Вильгельма, но при этом знал, что Остхен не будет верным мужем. Теперь же в ответ на возмущения друга он попросту улыбался, свято уверенный в своей правоте. Хельмуту захотелось дать ему пощёчину, но он вовремя вспомнил, что мог за это лишиться руки или чего похуже — земель, рыцарской чести и дворянского титула. Генрих всё-таки был ему не только другом, но и сюзереном.

— Слушай... когда ты зашёл, ты был зол и на взводе, — заметил Генрих, прищурившись, — но потом, когда Гвен ушла, ты от меня отшатнулся так, будто испугался... Ты ведь не только о Вильгельме хочешь поговорить, верно? — поднял бровь он. — Я тоже... тоже что-то сделал не так?

Последние слова он произнёс с явной насмешкой, отчего Хельмут снова ощутил в груди эту холодную боль, будто его несколько раз ударили в сердце или лёгкие ледяным кинжалом.

— Нет... ваша милость, — процедил он сквозь зубы и сжал руки в кулаки. Сейчас нужно говорить без яда и сарказма, спокойно, с достоинством. Так, как с Генрихом говорят те его вассалы, с которыми его не связывают дружеские или родственные отношения. — Это вы простите, что я посмел повысить голос и предъявить вам обвинения, которые следовало бы предъявить самому барону Остхену. И за то, что лезу в вашу личную жизнь и отношения с госпожой Гвен, тоже простите.

С этими словами он, взмахнув плащом, вышел из шатра в холодный, серый, бездушный вечер.

Когда к нему подошёл Вильхельм, Хельмут даже не посмотрел на него, даже бровью не повёл. Так и продолжил стоять как вкопанный, скрестив руки на груди, и смотреть вдаль, на Узкий тракт, который заполнило множество всадников, пеших воинов и повозок. Уже можно было хорошо разглядеть лица тех всадников, что ехали впереди. Искать среди них барона Клауса Остхена смысла не было — он приехал несколькими днями ранее, привезя радостные вести: Серебряный залив взят, фарелльский флот разгромлен, а часть шингстенских войск и весь остхенский отряд присоединяется к основной армии, чтобы нанести ещё один удар.

Когда Серебряный залив был в руках врага, по морю из Фарелла туда поставляли продовольствие и солдат, но теперь эта червоточина закрыта, что, несомненно, ослабит вражескую армию. Правда, противники ещё могли надеяться на поставки с севера, но лорд Джеймс обещал об этом позаботиться: часть его людей осталась в недавно освобождённых северо-западных крепостях, и теперь солдаты могли совершать вылазки, отслеживать фарелльские обозы с продовольствием и не позволять им добраться до цели.

Что ж, это всё несколько обнадеживало.

Думая о таком положении, Хельмут вглядывался в лица шингстенцев и пытался понять, с какими людьми ему предстоит иметь дело. Нолдийцам он доверял, неплохо их зная, да и авторитет лорда Джеймса для него был неоспорим. Но шингстенцы... всегда себе на уме, и вера у них своя, и никогда не знаешь, чего от них ждать.

— Общался когда-нибудь с шингстенцами? — подал голос Вильхельм, ухмыльнувшись — Хельмут не видел, но кожей почувствовал эту несколько пренебрежительную ухмылку.

— Ещё спрашиваешь, — закатил глаза он. — Географию в детстве не учил? Вот я, южнее — Шнайлер, будь он неладен, дальше Пурпурный Хребет, а за ним — Шингстен. Мне уже доводилось ездить на границу разбойников гонять... — Он поёжился, в сердце вдруг затрепетала боль — разбойников гонять они ездили вдвоём с Генрихом. А теперь, после ссоры, вспоминать об этом было, мягко говоря, неприятно. — Конечно, я общался с шингстенцами.

— Ну, теперь появился шанс познакомиться не со всякой швалью из приграничных трактиров, а с дворянами, — продолжил Вильхельм, кивая на тракт.

Стоять рядом с ним по-прежнему не хотелось: Хельмут всё ещё помнил о выходке Остхена, но он до сих пор не поговорил с ним об этом. Что-то мешало ему, что-то отвлекало, постоянно на его пути вставали помехи: то он попросту забывал, то Вильхельма не было в лагере, то Генрих (теперь уже через посыльных, конечно) поручал Хельмуту какие-то мелкие дела... Вот сейчас можно было бы поинтересоваться у Вильхельма, что это, чёрт возьми, было и почему он считает, что имеет право изменять своей невесте... И ведь именно из-за него в итоге Хельмут поссорился с лучшим другом! Но теперь он отчего-то не мог найти в себе силы сказать Вильхельму хоть что-то — и дело было вовсе не в нерешительности или в роде того.

— Ты же знаешь, что лорд Шингстена тяжело болен и почти не встаёт с постели? — сказал Вильхельм, скрестив руки на груди и чуть наклонив голову влево. Вид у него был весьма довольный, будто он только что выскочил из постели очередной шлюхи... Хельмут бы не удивился, если бы это предположение оказалось правдой. Впрочем, волосы

Вильгельма были тщательно расчёсаны и аккуратными чёрными волнами спадали до плеч, и зелёная рубашка с серым камзолом сверху выглядели весьма опрятно, золотистая пряжка ремня и начищенные коричневые сапоги сверкали в лучах полуденного солнца... Наверное, если он и развлекался недавно с кем-нибудь из лагерных девок, то потом долго и тщательно приводил себя в порядок. — А сыну его шестнадцать лет, в рыцари его ещё не посвящали, поэтому их армией сейчас руководит брат леди Элис, герцог Вальтер Эрлих.

Хельмут пригляделся. И правда, во главе всей процессии на высоком гнедом коне ехал нестарый ещё мужчина — лет сорока, может быть. Над его головой развевалось знамя Карперов и всего Шингстена — красный огнедышащий змей на чёрном поле. У герцога были русые редкие волосы, зачёсанные назад — видимо, так он пытался прикрыть стремительно растущую лысину. Цвет глаз пока ещё разглядеть было сложно, но Хельмут увидел его густую щетину, которая была чуть темнее волос на голове, и застёжку серого плаща в виде дубового листка — гербового символа Эрлихов.

— Вояка из него, говорят, плоховат, и сам он в бой ходит редко, — продолжил Вильгельм, — но армия у них большая и мощная, солдаты сражаются, как стая волков. И самое интересное... впрочем, сейчас поближе подъедут — сам всё увидишь.

Хельмуту не хотелось больше здесь стоять, особенно в компании Остхена. Нужно было решать проблему с Генрихом, но... Подойти и извиниться перед лучшим другом мешала гордость, а ещё возмущение из-за того, что Генрих устроил брак Хельги с таким засранцем, как Вильгельм. Оттого странно было обнаруживать себя стоящим рядом с этим засранцем и даже отвечающим ему, в то время как с лучшим другом ты вообще не разговариваешь... Правда, насчёт брака Хельмут ещё ничего не решил. С Вильгельмом поговорить пока не получалось, будто какие-то потусторонние силы мешали ему сказать даже слово... Хотя именно сейчас сказать слово не давал ему сам Вильгельм.

— Видишь, видишь? — рассмеялся он. — У них есть девушки в войске, но не те, о которых ты мог подумать.

Хельмут пригляделся и всё же увидел. Чуть дальше герцога Эрлиха на вороной лошадке ехала молодая женщина. Волосы у неё были длинные, каштановые, собранные в простую причёску: две пряди у висков заведены на затылок и там, видимо, перевязаны шнурком или сколоты шпилькой. На женщине была меховая бобровая жилетка, из-под которой виднелась серая рубашка, на ногах — чёрные штаны и сапожки в тон. Она улыбалась, оглядывая военный лагерь, к которому ей предстояло присоединиться. Видимо, увиденным она осталась вполне довольна.

— Баронесса Кассия Кархаузен, шингстенская ведьма, — сообщил Вильгельм. Поймав удивлённый взгляд Хельмута, он усмехнулся: — Это солдаты её так прозвали. Она — убеждённая язычница и, видимо, правда владеет магией. Но для разведки или атак огненным дождём её использовать бесполезно, ей больше по душе всякие заговоры, яды, руны и предсказания. Говорят, шингстенцы лекарей вообще на войну не взяли — одной этой стервы достаточно, чтобы после битвы залечить раны целой армии.

Хельмут не поверил. Даже если эта ведьма была так сильна, как говорит Вильгельм, даже если на залечивание одной раны с помощью магии у неё уходит не более минуты, ей бы пришлось исцелять раненых несколько дней, чтобы помочь всем. А пока от одного она дойдёт до другого, кто-то обязательно успеет умереть. Несколько опытных образованных лекарей — оно как-то надёжнее...

Тут же Хельмут вспомнил Гвен и снова поёжился. После ссоры с Генрихом он её

больше не видел и не мог предположить, приходила ли она к нему снова или нет. И вообще, как давно они это делают? Или тогда был первый раз? А последний ли? И почему его, Хельмута, это так волнует? Генрих в конце концов имеет право спать с кем хочет. Не снимает шлях из принципа, так почему бы не соблазнить наивную крестьянку, спасённую из разорённой деревни? Генрих — мужчина красивый, ещё довольно молодой, обращаться с девушками он явно умеет... Но почему, почему это всё так задевало Хельмута?

— Она, конечно, не одна, — прервал его размышления Вильхельм. — С ней братец, барон Адриан. Тот ещё бешеный змей, скажу я тебе, — хмыкнул он. — За сестрой следит в оба — не дай бог девушку обесчестят. А сражаются они, говорят, всегда бок о бок и режут врагов похлеще, чем повар капусту в суп крошит.

— Она не замужем? — отстранённо спросил Хельмут. — А сколько ей лет?

— Лет девятнадцать, может, двадцать, — пожал плечами Вильхельм, не сводя взгляда с подъезжающей к лагерю Кассии. — А брату на три-четыре года больше, и он её так опекает... Надеюсь, ты с Хельгой ведёшь себя поспокойнее. — И он легонько толкнул Хельмута локтем в бок.

Тот чуть отшатнулся и снова вспомнил, что собирался поговорить с Вильхельмом о помолвке, судьба которой висела на волоске. А что он, к слову, имел в виду? Хельмут и правда не всегда мог следить за сестрой не смыкая глаз и часто отпускал её гулять по саду наедине с Вильхельмом. Однако в то время он ещё доверял другу и был уверен, что тот до свадьбы невесте под юбку не полезет... Но теперь, когда он разглядел его истинную натуру... Да нет, Хельга бы не позволила. И всё-таки на душе стало беспокойно: Хельмут ещё не познакомился с бароном Адрианом, но уже прекрасно понимал его опасения за честь сестры.

Барона Адриана он разглядел прямо рядом с Кассией: это был весьма похожий на неё молодой человек, разве что короткие волосы его были светлее, с медным отливом, да и роста он был довольно высокого; из толпы его выделяли широкие плечи, накрытые грубым чёрным плащом, и крупный прямой нос. Хельмут тут же невольно перевёл взгляд на Кассию — её нос был поменьше, весьма аккуратным. Также он заметил на её шее коричневый кожаный шнурок с деревянной пластинкой — видимо, одна из рун, о которых говорил Вильхельм, защитный амулет.

— А откуда ты всё это знаешь? — уточнил Хельмут, рассматривая шингстенцев.

— Дядя мне рассказал, — охотно ответил Вильхельм. — Он же сотрудничал с ними на Серебряном заливе и хорошо со всеми познакомился. Любопытный народ, говорит... — поднял он бровь и тем самым напомнил Хельмуту Генриха. Стало едва ли не тошно. — И скоро, я думаю, мы сами в этом убедимся.

Понимая, что серьёзного разговора сейчас точно не выйдет, Хельмут вздохнул и развернулся, направившись в свой шатёр. Ветер растрепал неровно обрезанную чёлку, и он резким жестом убрал её с глаз. С шингстенцами он ещё познакомится — в непринуждённой обстановке, встретив кого-нибудь из них в лагере, или на военном совете, или как-то ещё... Это неважно. Да, они союзники, но крепко дружить с ними Хельмут не собирался. Может, при других обстоятельствах Кассия заинтересовала бы его как женщина — видит Бог (и её боги тоже), она всё-таки была довольно привлекательной, к тому же её необычные способности, как магические, так и боевые, не заинтересовать не могли. Но сейчас... боль, обида, раздражение, ссора с лучшим другом и, как итог, мерзейшее настроение не позволили Хельмуту даже думать о ней.

Он шёл, шаркая по пыльной земле и не смотря ни под ноги, ни вперёд. Задумчивость его была так сильна, что он не заметил, как с кем-то столкнулся. Тут же замер, покачал головой, пытаясь прийти в себя, вырваться из этой бескрайней пучины невесёлых мыслей... Опустил взгляд и увидел Гвен.

Видимо, именно с ней он и столкнулся.

Она присела на одно колено, собирая с земли выроненные склянки. Кажется, ни одна из них не разбилась... Чёрные локоны упали Гвен на лицо, и она нервно сдула одну из прядей. Собрав склянки, она сложила их в сумку, встала и, увидев Хельмута, тут же присела в реверансе — куда более изящном, чем раньше. Видимо, Генрих научил.

— Смотри, куда идёшь, — зло процедил Хельмут, бросив на неё пренебрежительный взгляд.

— Простите, — пролепетала Гвен и наклонила голову. Кажется, она была испугана.

Он кивнул, разрешая ей идти дальше, и она бросилась прочь едва ли не бегом.

Простите... Это было первым словом, которое она ему сказала. Сказала, когда Хельмут, отбив её у фарелльских фуражиров, протянул ей флягу с водой, а она её уронила, ибо руки её тряслись от страха и потрясения. И сейчас она повторила его, и Хельмут вполне был готов простить Гвен за это случайное столкновение и невнимательность.

А вот то, что она переспала с Генрихом, простить ей он не мог.

***

Кристина раскладывала маленькие круглые дощечки с рунами вокруг себя, сидя на коленях на полу. Слуги отодвинули стол к стене, убрали ковёр по приказу господина Гленна — он хотел, чтобы ей ничего не мешало.

— Вы долго и весьма успешно упражнялись в фехтовании, — сказал он, стукнув тростью по полу, — пришло время поупражняться в магии.

Поэтому Кристина достала все руны, что у неё были, и принялась раскладывать их в круг. На камине горело три свечи, ещё одна — на столе: после небольшой перестановки он оказался далеко от центра кабинета, и оттого в комнате царил таинственный полумрак. Свечи источали лёгкие запахи жимолости, гвоздики и хвои, которые, по поверьям, лучше всего способствовали колдовству. Пару дней назад Кристина послала служанок в лавку Магдалины за этими сборами, а потом их смешали с воском и сделали свечи, которыми сейчас и освещался кабинет. Тени сгущались в углах и танцевали на полу, окна были зашторены, и Кристина в тишине слышала стук своего сердца. Но продолжала раскладывать руны, заставляя себя быть смелее. Она всегда знала, что магию не стоит бояться, что она может стать другом, если приручить её. Прямо как дикий зверь. Это тебе не кот, что ластится даже к тем людям, которых видит впервые. Это — волк, дракон, лев... словом, хищник.

Господин Гленн стоял напротив, наблюдая за ней, и в темноте Кристина могла рассмотреть лишь его седые волосы, желтовато-бледную кожу и светящиеся какой-то странной радостью глаза, прикрытые стёклами очков, которые он придерживал рукой. Чёрный удлинённый камзол сливался с окутавшей кабинет темнотой, и только шорох ткани выдавал, что они ещё не провалились в эту гулкую, густую тьму, а остались здесь, в настоящем мире.

В свободной руке у господина Гленна была книга — справочник по рунам, объясняющий каждое заклинание, которое можно сотворить с их помощью.

— Давайте сначала проверим, насколько хорошо вы помните руны, — сказал господин

Гленн, когда Кристина закончила раскладывать дощечки. Она не встала, продолжая сидеть на коленях посреди кабинета, будто молилась в храме в наиболее важный момент мессы. Прядь волос, перевязанных синим филлетом, упала на лицо, но она не посмела убрать её. — Телекинез?

Кристина уже владела телекинезом и без рун, но всё же указала на нужную дощечку — на ней были нарисованы две длинные параллельные чёрточки, а между ними едва виднелась маленькая ломаная линия.

— Верно, — кивнул господин Гленн и перевернул страницу. — Морок?

А вот с мороком уже сложнее. Заклинание это было многогранным: оно могло запутать человека, заставить его пойти не туда, куда он хотел, неосознанно отойти от руны или её хозяина, заблудиться даже там, где заблудиться в принципе невозможно... Но руна была одна, и Кристина знала её хорошо. Она указала на лежащую справа от неё круглую дощечку с начерченным углём ромбиком, в центре которого также был изображён маленький крестик.

— Защита от болезней? — спросил господин Гленн, поднося очки ближе к глазам.

Кристина тут же, не раздумывая, показала на ещё одну дощечку справа, но её наставник покачал головой с лёгкой улыбкой.

— Это защита от дурного слова, — поправил он. — Что это, кстати, такое — дурное слово?

— Оскорбления, клевета, — начала перечислять Кристина, прищурившись. — Если ты кому-то откроешь свой секрет и на тебе будет защита этой руны, то человек, которому ты открылся, не сможет разболтать этот секрет. Если кто-то застал тебя за каким-то тайным делом, он не сможет никому об этом рассказать. Руна свяжет его язык. В общем, никто не сможет сказать про тебя что-то дурное или разболтать твою тайну, если случайно узнает её.

— Именно, — улыбнулся господин Гленн. — И где же всё-таки руна против болезней?

Кристина оглядела кружок из рун, выискивая нужную дощечку. Руны защиты от болезней и защиты от дурного слова были очень похожи, и наконец она нашла нужную: две линии, образующие тупой угол, и такая же фигурка, но поменьше, внутри этого угла. Руна против дурного слова отличалась лишь тем, что внутри угла был треугольник.

— Теперь найдите руну, блокирующую заклинание взгляда сквозь пространство.

И взглядом сквозь пространство Кристина пользовалась с необычайной лёгкостью: поначалу с руной, а потом и без неё она, закрыв глаза, могла посмотреть, что происходило в нескольких десятках, а то и сотнях метров вокруг неё — в другой части замка, в Нижнем городе, в Мёртвой роще или на тракте неподалёку... Дальше пока не получалось, но Кристина очень хотела научиться. Руна взгляда сквозь пространство лежала по правую руку от неё — напоминающая букву «М» фигура с тремя точками внизу.

Однако существовала руна, помогающая не сотворить это заклинание, а остановить, заблокировать. Она была угловатой и резкой, похожей на букву «Р» с длинной чертой внизу.

— Какая руна дарит забвение? — спросил господин Гленн, перевернув пару страниц.

Невольно вспомнились слова из песни, которую каждый вечер исполняла недавно заехавшая в Эори бродячая певица: «*Счастье — в забвении, в забвении — покой...*»* Как порой хотелось забыть, что идёт война, что отец сражается в кровавых битвах и вернётся не так скоро, как хотелось бы... Что он вообще может не вернуться. И что тогда?..

— Миледи? — позвал господин Гленн, чуть наклоняясь. Видимо, заметил, что она застыла, задумалась и про руны совсем забыла... — Что-то не так?

— А, нет, ничего! — встrepенулась Кристина. Она быстро отыскала взглядом руны

забвения — две полоски, скрещённые по диагонали, и маленькую галочку над ними — и указала на неё. — Просто... вспомнила об отце, — призналась она. — Уже так много времени прошло, и я... я очень соскучилась.

Господин Гленн улыбнулся. Он закрыл книгу, убрал очки в карман камзола и подошёл ближе к Кристине, протянул руку — она оперлась на неё, вставая. Тут же отряхнула и расправила подол сине-серого повседневного платья — пол, на котором она сидела, был довольно пыльным, а тонкая ткань чуть примялась.

— Я уверен, что ваш отец вернётся в добром здравии, — мягко сказал господин Гленн, приобняв её за плечи. Затем, хромая, подошёл к столу, положил на него книгу и взял свою трость, лежавшую на столешнице. — Судя по его письмам, война в самом разгаре, но вы сами знаете, что за кульминацией обязательно следует развязка. Поэтому скоро всё закончится. Не может же война длиться вечно.

Кристина лишь кивнула, устало вздохнув. Война длилась всего полгода, это не такой большой срок: она читала, что порой войны могут длиться и семь, и тридцать, и даже сто лет... Кто знает, как скоро лорду Джеймсу удастся разгромить врага.

— Но вы должны быть готовы к тому, — словно прочитав её мысли, добавил господин Гленн, — что вам, возможно, придётся взять власть над Нолдом в свои руки в ближайшее время. Простите за мои слова, они могут ранить вас, — понизил голос он, — но... мне кажется, вы должны понимать, что милорд не бессмертен.

— Я понимаю, — отстранённо вздохнула Кристина, смотря на пол, на котором всё ещё лежали руны: ровный круг, который она так тщательно выкладывала, оказался немного повреждён подолом её платья, когда она вставала.

— И, может, в таком случае именно магия станет вашим главным подспорьем. — Господин Гленн, сжав набалдашник трости, наконец оторвался от стола и приблизился к Кристине. Она подняла на него удивлённый взгляд. — Юной леди будет тяжело править одной первое время, — пояснил он, глядя на неё ласково.

— Но разве вы не будете помогать мне, если... если отец...

— Конечно, буду, — успокоил её господин Гленн. — Я и сейчас стараюсь быть для вас хорошим помощником и наставником, и если что-то, упаси, Господи, случится с милордом на войне, я тем более вас не оставлю. Взамен мне нужно лишь ваше доверие, оно для меня — великая честь. — Он положил руку на грудь, как при молитве. — Вы же доверяете мне, миледи?

— Конечно, доверяю! — выпалила Кристина.

— Верные люди, армия, разведка — это всё хорошо и важно, — продолжил он, — но у вас должен быть козырь, с помощью которого вы покажете народу, вассалам и союзникам свою силу. Разве плохо будет, если вы дадите им понять, что владеете весьма развитой магической силой?

— Попробуй шингстенцев магией удиви, — хмыкнула Кристина и носком туфли попыталась поправить одну из деревянных пластинок. Она слышала, что в Шингстене даже простые, не владеющие магией люди носят защитные руны и не начинают ни одного дела без заговора.

— Ваш отец выстраивает союзнические отношения с Бьельном, а не Шингстеном, и вы можете удивить именно бьельнцев, — заметил господин Гленн.

— Да, пожалуй... Но я всё же надеюсь, что всё это предпринимать мне придётся нескоро, — стараясь сделать голос веселее, ответила Кристина. — Я смею рассчитывать, что

отец вернётся с войны и проживёт ещё много лет в добром здравии, а я за это время освою магию как можно лучше.

— Я тоже. Вы устали? Может, продолжим завтра? — И он кивнул на разбросанные по полу руны.

— Нет, давайте ещё! — попросила Кристина. — Сейчас я соберу руны, и мы что-нибудь ещё поделаем, ладно?

— Ладно, — с тёплой усмешкой отозвался господин Гленн. Но, когда она наклонилась, чтобы поднять руны с пола и убрать в небольшой бархатный мешочек, вышитый серебром, он вдруг постучал тростью по полу. — Нет, миледи. Соберите их... силой. Магией. Телекинезом.

— Все сразу или по одной? — насторожилась Кристина.

— Как вам удобнее.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Отгадывать руны было легко и просто, но колдовать... Это, конечно, отнимало больше сил. В груди стало жарко, глаза будто наполнились слезами, хотя на самом деле жгла их магия, вспыхивая в радужках золотым огоньком. Руны одна за другой взлетали в воздух, а оттуда — в раскрытый мешочек, который Кристина держала в руках. Она не видела этого, продолжая стоять с закрытыми глазами, но чувствовала, ощущала подсознанием, внутренним взором. И смогла расслабиться лишь тогда, когда все руны оказались в мешочке.

Кристина открыла глаза и рассмеялась от облегчения, как ребёнок.

— Прекрасно! — Господин Гленн, кажется, тоже пришёл в искренний восторг. Он взял мешочек с рунами из её дрожащих пальцев, будто до сих пор не мог поверить в произошедшее.

— Я хочу ещё, — заявила Кристина, пытаясь отдышаться. — Что-то... посложнее, потяжелее.

— Вы уверены? Кажется, вы устали.

Она покачала головой. Усталость прошла быстро, и ей тут же захотелось поупражняться ещё немного. Поднять в воздух крохотную руну — это детская игра, хоть рун и было около десятка. Но если поднять, например... нет, книгу тоже слишком легко... подсвечник — опасно, вдруг уронит и обожжётся? Кристина оглядывала полутёмную комнату, судорожно пытаясь выбрать, с чем бы ей поупражняться, и тут взгляд её упал на небольшой, но явно тяжёлый сундучок на столе. Чуть потемневшее от времени резное дерево, стальная оковка, маленький, но довольно объёмный замочек... Кристина улыбнулась.

— Подниму его, — кивнула она.

— Вы точно справитесь? — встревожился господин Гленн, сжимая пальцами набалдашник трости. — Он, кажется, довольно тяжёлый.

— Поэтому я и хочу попробовать именно с ним.

Кристина подошла поближе, оглядела сундук повнимательнее... И правда, тяжёлый. Стоявшие рядом с ним свечи источали аромат жимолости, и это её успокоило. Всё получится, если верить в себя. А Кристина верила. Телекинез — это не так сложно, она знала, что ей ещё предстоит освоить более сложные заклинания... а господин Гленн к тому же уверяет, что магия сможет ей помочь стать влиятельнее, добиться того, чтобы к ней прислушивались... Кристина верила его словам, поэтому решила сейчас сделать всё, что было в её силах.

— Прошу вас, будьте осторожнее, — донёсся голос наставника откуда-то издалека.

Она снова закрыла глаза, напряглась, ощущая приятно согревающий грудь жар. Жар этот начал нарастать, почти до боли, но она терпела. Боль пройдёт, когда у неё всё получится. Глаза уже привычно заслезились, и Кристина невольно зажмурилась, сжала руки в кулаки... И потом резко открыла глаза, решив попробовать иначе, нежели с рунами.

Сундук тут же взлетел.

Скрипя зубами и впиваясь ногтями в кожу ладоней, она сверлила взглядом сундук, стараясь держать его на приличном расстоянии от стола: он взлетел где-то на полметра, но она хотела выше... Пока не получалось, и Кристина смирилась — пусть пока так, полметра — это уже хорошо! Сундук парил в воздухе, словно таковым было его прямое предназначение или словно его держал кто-то невидимый, и Кристина, прикусив губу, слабо улыбнулась.

Сундук с оглушительным грохотом рухнул на стол.

— Чёрт! — взвизгнула Кристина и пошатнулась — резко закружилась голова. Если бы господин Гленн не придержал её за плечо, она бы точно упала.

— Миледи, это было прекрасно, но не многовато ли сил у вас на это ушло? — прозвенел его голос над головой.

Он никогда не говорил слишком громко, но сейчас эти слова прозвучали для Кристины просто оглушающе. Она приложила пальцы в вискам и чуть помассировала их.

— Многовато, — призналась она, — но то, что получилось в итоге, меня устраивает.

— И поаккуратнее с выражениями, прошу вас, — продолжил господин Гленн. — Дело даже не в том, что «чёрт» — это какое-то страшное ругательство. Просто если вас услышит благочестивая сестра Эстер, она тут же решит, что мы призываем адских духов именем нечистого.

Кристина рассмеялась.

Внезапно дверь с протяжным скрипом петель открылась, и полумрак кабинета резко разрубил исходящий из коридора свет — там возле каждого окна было по два-три факела. Кристина и господин Гленн одновременно обернулись.

На пороге, скрестив руки на груди и нахмурившись, стояла сестра Эстер. Она, как всегда, вошла без стука.

— Ну вот, я же сказал, — пожал плечами господин Гленн.

— Что происходит, почему грохот? — Монахиня прошла в комнату, не закрывая дверь: в кабинете становилось всё светлее, отчего Кристина испытала некоторое облегчение. — Миледи, почему вы позволили себе произносить богомерзкие слова?

— Всего-то одно словечко, — тихо отозвалась она.

Сестра Эстер оглядела комнату, её взгляд задержался на руническом справочнике, который, подобно нашалившему мальчишке, пытался спрятать за спину господин Гленн (правда, у него ничего не вышло), потом она явственнее ощутила запах благовонных свечей и поморщилась.

— Вы опять проводили свои греховные опыты, миледи? — процедила монахиня.

— Вовсе не греховные, я просто подняла взглядом сундук, но не выдержала, и он упал... — Кристина не понимала, почему оправдывается перед ней, но голос наставницы звучал так строго и сама она выглядела так требовательно, что как-то проявить характер и возразить резче попросту не получалось. — Мы не занимались некромантией, магией крови, мы не призывали призраков... Это просто телекинез, он безвреден!

— А вы не думали, кто помогал вам поднять этот сундук? Кто направлял вашу силу? —

ещё громче и злее заговорила сестра Эстер, вперив в Кристину яростный взгляд.

— Никто не помогал, я всё сделала сама, — заявила та. — Ну, господин Гленн мне много чего объяснял, но сейчас...

— Дьявол! — воскликнула монахиня и тут же, положив руку на грудь, поклонилась и пробормотала: — Прости, Господи, что произношу поганое имя врага твоего... А вы, миледи, завтра же пойдёте в церковь на исповедь и расскажете священнику всё, что делали сегодня вечером.

— Я уже говорила со священником об этом, — хитро улыбнулась Кристина, почувствовав, как на её плечо ложится рука господина Гленна. — Он сказал, что в телекинезе нет ничего страшного. И если я могу двигать предметы взглядом, то я должна быть благодарна Господу за дарованные мне силы...

— Значит, вы пойдёте к другому священнику, который не будет столь мягок по отношению к такому греху, — не терпящим возражений тоном прервала её сестра Эстер.

— Вы не смеете мне приказывать, — процедила Кристина, не на шутку разозлившись. — Вы, может, моя учительница, но я — ваша леди, вы должны учить меня шитью, каллиграфии и этикету, но никак не...

— И благочестию, ваша милость, благочестию, — тут же поумерила пыл монахиня — слова леди Коллинз на неё явно подействовали хорошо.

Тут же она, напоследок оглядев помещение и особо внимательно, с прищуром посмотрев на господина Гленна, покинула комнату и закрыла дверь.

Примечания:

Курсивом выделена цитата из рок-оперы "Орфей", песня "Оставь"

— У нас появился неплохой шанс отбить Лейт, — сказал лорд Джеймс, склоняясь над столом, на котором лежала карта. — Прямо за ним — Ледяной мост через реку Гренту, открывающий дорогу к границе. Нам осталось сделать последний рывок, господа. — Он поднял голову и внимательно оглядел всех присутствующих.

Генрих стоял рядом с лордом Джеймсом, по правую руку от него, а вот Хельмут присел на скромный табурет за самым дальним краем стола. Раньше он, скорее всего, встал бы рядом с другом, но сейчас... сейчас он даже не знал, имеет ли право называть Генриха другом. Зато Вильхельм ходил за Хельмутом хвостом, и было не вполне понятно, с чего он вдруг начал проявлять такую привязанность. Может, Остхен узнал, что Хельмуту было известно о его проступках, и теперь пытался его задобрить? Давно им нужно поговорить прямо...

— Боюсь, милорд, не последний, — возразил герцог Арнольд Вэйд. Этот нолдийский дворянин, обладатель стальных серых глаз, чей холод так не вязался с вечной доброжелательной улыбкой, и смоляных коротких волос, никогда не боялся говорить то, что думает. Но и лорд Джеймс уважал его, прислушивался к его мнению и доверял ему. — Мы прогоним фарелльцев с земель Лейта, но ведь граница останется за ними. Там есть крепости, и нужно будет освободить ещё и их.

— Я согласен с его превосходительством, расслабляться нам пока рано, — кивнул Генрих, и Хельмут вздрогнул. Он давно не слышал его голос, они не разговаривали уже пару седмиц, и сейчас, когда друг... или бывший друг заговорил, он ощутил странную тоску. Захотелось что-то ему сказать, но Хельмут одёрнул себя. Стоило прежде помириться, а потом вести беседы на военных советах. — Одной битвой мы не отделаемся, впереди самое малое — две. Хотя я не утверждаю, что с границ мы их прогоним с первого раза, — добавил он со вздохом.

Если несколько дней назад Хельмут был свято уверен в своей правоте, если он был зол на Генриха и не хотел даже думать о примирении, то теперь... наверное, это было раскаяние. Когда в детстве Хельмут ссорился с Хельгой, отец всегда заставлял его просить прощения первым: он — старший брат, мужчина, будущий рыцарь, он всегда должен первым идти на примирение... И даже если именно сестра вроде бы случайно сожгла его любимую книгу, даже если она обзывалась и портила его вещи, пусть и не столь часто, всё равно первым извинялся Хельмут. Однако раскаяния он не чувствовал, ибо точно знал, что виновата была Хельга.

Теперь же... Да, с Вильхельмом сразу поговорить не получилось и после этого правда стоило пойти к Генриху. Тут Хельмут считал себя полностью правым. Но зачем нужно было обвинять его в чём-то? Зачем нужно было злиться? Вильхельм — взрослый человек, он сам должен отвечать за свои поступки, Генрих его воспитывать не обязан... А Хельмут возложил весь груз вины на него. Да, ещё свою роль сыграла Гвен, при виде которой он совсем потерял власть над собой. Осознал, что она переспала с его лучшим другом, разозлился на обоих, и эта злость ещё сильнее разожгла огонь его возмущения из-за Вильхельма, заставила Хельмута думать, что тут есть вина Генриха...

Но Гвен-то тут вообще ни при чём. Семейные проблемы и вопросы брака Хельги её совершенно не касаются.

И вот теперь Хельмут раскаивался. Искренне раскаивался, что за все двадцать с небольшим лет его жизни случилось едва ли не впервые. Но он не знал, как подступиться к Генриху, что ему сказать. Конечно, стоило просто извиниться и... наверное, что-то ещё...

Поэтому весь совет Хельмут пялился на друга, пытаясь понять, что он чувствует и каково его настроение, но мозг отказывался работать, разум заволочло волнением, и это мешало разобраться, злится ли Генрих или уже нет. При посторонних он, как всегда, был совершенно спокоен и даже хладнокровен, говорил достаточно тихо, чтобы к нему прислушивались, но чётко, голос его был ровным и уверенным... Взгляд тоже не выдавал никаких эмоций.

И Хельмут совершенно не знал, что делать.

Случайно он посмотрел на Кассию Кархаусен, шингстенскую ведьму. Она была единственной женщиной на совете, но вела себя раскованно, самоуверенно, а вид её брата, барона Адриана, говорил о том, что никто не смеет пренебрегать этой девушкой. Хельмут заметил, что у Кассии были голубые глаза, но не такие ясные, как у него самого. Они напоминали скорее море во время шторма или сумрачное небо. На носу и щеках её виднелись веснушки, напомнившие Хельмуту о сестре. Кассия много улыбалась и даже посмеивалась, и он обнаружил, что один из её передних зубов был немного больше второго. И, пожалуй, посчитал это милым.

Однако он всё же не воспринимал её как объект возможных ухаживаний. Такое с ним уже было во время помолвки с госпожой Агатой: Хельмут упорно твердил себе, что не имеет права смотреть на других женщин, не смеет увлекаться ими, ведь его сердце уже занято... Так и теперь, невзирая на всю непосредственность и особую привлекательность Кассии, он так и не смог впустить её в свои мечты. Как будто эти мечты были уже заняты кем-то.

Однако Хельмуту не удалось как следует подумать о личном: обсуждались важные вещи, и ему следовало прислушиваться.

— Набросать примерный план взятия Лейта стоит уже сейчас, — заметил лорд Джеймс, — а потом я как можно быстрее постараюсь согласовать его с королём. Лейт — не какая-то жалкая башенка, это довольно большой замок, хоть и принадлежит он простому рыцарю.

Хельмут знал, что изначально хозяином этого замка был барон Клауд, но впоследствии он построил себе новый — тот, где недавно гостила вся бьельнская армия. А старый отдал своему самому верному вассалу взамен скромного тесного поместья. Далеко не каждый рыцарь или сквайр мог похвастаться таким подарком, а Лейт получил ещё и дочь своего сюзерена в жёны... Всё это произошло лет тридцать назад, и теперь сын того счастливого рыцаря, получившего большой баронский замок, оказался в плену в собственном доме.

— В этом замке несколько входов, — кивнул герцог Вэйд. — Я знаю о главном, северном, и дополнительном, южном, но, говорят, есть ещё какой-то вход, заброшенная калитка в крепостной стене: в неё можно войти и по тайным ходам пробраться в основную часть замка...

— Такая есть, — вдруг подтвердил Вильхельм, поднимаясь со своего стула. — Барон Хельмут, вы же знаете об этом?

Хельмут встrepенулся и тоже резко встал, будто против своей воли.

— Знаю, — кивнул он нехотя. — В моём замке большая библиотека, пожалуй, самая большая в Бьельне. — Голос зазвучал громче совершенно неосознанно, но так было всегда, когда Хельмут говорил о своих заслугах, и сейчас всё случилось совершенно по привычке. —

И там есть не только поэзия и романы, но и различные пособия по тактике и стратегии, а также схемы замков... В одной из книг есть схема Лейта, — сообщил Хельмут, внимательно взглянув лорда Джеймса, который всем своим видом так и излучал недоверие, скрестив руки на груди и приподняв бровь. — И тайный ход там действительно обозначен.

— Но этой книги, скорее всего, с вами нет, — заключил лорд Джеймс. Кажется, непосредственно к Хельмуту он обратился впервые.

— Конечно, — пожал плечами он. — Но я могу попросить свою сестру сделать копию этой схемы и отправить мне.

— Как бы гонца фарелльцы не перехватили, — усмехнулся герцог Вэйд.

— Южнее фарелльцев нет, — напомнил барон Адриан — голос у него был низким и скрипучим, как у старика, хотя самому Кархаусену было не более двадцати трёх. — Если они и попытаются пробиться к югу, то наткнутся на нас и наших дозорных. Путь из Нолда в Бьёльн безопасен, так что его светлость, — он кивнул Хельмуту, — может спокойно посылать гонца.

— Посылайте, — подтвердил лорд Джеймс и даже сдержанно улыбнулся, отчего в уголках его серо-голубых глаз образовались лучики глубоких морщин. — Будем ждать схемы. Как раз к этому времени придёт ответ его величества, мы ещё раз всё обсудим, составим подробный план штурма и решим, кто поведёт свой отряд к тайному ходу. Думаю, эта диверсия вполне может дать нам преимущество... Отряд попробует пробиться к главным воротам и открыть их основной части армии, а заодно по пути прикончит несколько десятков захватчиков. Но об этом позднее.

Хельмуту было тревожно. Да, битва состоится не так скоро: надо дожидаться, пока гонец привезёт схемы и когда пришлёт ответ король... Но она всё же состоится, и это будет очень важное событие, от которой зависит исход войны. Если они возьмут Лейт и прогонят фарелльцев к северу, то останется лишь побить их на границах. Если же нет... Сложно сказать, что будет тогда. Придётся собирать подкрепление и готовиться к новому штурму, а сколько времени это займёт, неизвестно.

Однако мысль о том, что он вот-вот напишет письмо сестре, его утешала. И, конечно, получить ответ от Хельги было бы тоже невообразимо приятно. Хельмут очень скучал по ней, а после выходки Вильгельма ему было ещё и жаль влюблённую девушку, которая ничего не знала... Но пока он решил ничего ей не раскрывать. Стоит сначала поговорить с Вильгельмом: может, он поклянется, что больше так не поступит, и тогда всё наладится. Они дождутся окончания войны, а там все обиды и недоразумения забудутся на радостях.

И тогда точно всё будет хорошо.

После, спустя месяцы и даже годы, барон Штольц вспоминал этот момент и смеялся над собой, неустанно повторяя: «Какой же ты дурачок, Хельмут. Юный наивный дурачок».

***

Хельга качалась на качелях в саду.

Стоял солнечный тёплый летний день, запахи благоухающей зелени наполняли воздух, солнечные лучи, преодолевая путь от небес до земли, грели не слишком сильно и донельзя приятно, и Хельга с удовольствием подставляла лицо навстречу этим лучам и лёгкому ветерку, вдыхая запахи сада — роз, нежных анемонов, гортензий...

Этот сад вырастила мама, ныне покойная баронесса Джолента Штольц. Хельга её не помнила — мама умерла спустя примерно луну после рождения дочери. Но все обитатели Штольца вспоминали Джоленту как женщину весёлую, деятельную, добрую: на всех она

смотрела с улыбкой, для всех находила доброе слово... И этот чудесный зелёный сад, благоухающий ароматами и радующий глаз яркими цветами, не вырос бы таким чудесным без её любви.

Отец, барон Кристофер, и Хельмут всегда говорили, что характером Хельга пошла е мать: такая же мягкосердечная и улыбчивая. Поэтому и наследие мамы девушка тоже старалась сохранять. Она велела ухаживать за садом и сама тоже постоянно порывалась то полить какую-нибудь клумбу, то подстричь кустик, то удобрить деревце... Служанки, садовницы, учительницы и Хельмут в один голос говорили, что юной баронессе не стоит пачкать руки, но Хельга не слушала: мама-то пачкать руки не боялась!

Впрочем, ей пачкать руки при работе в саду было не впервой. Никто в Штольце не скрывал, что родом Джолента была из семьи купца, то есть, по сути, простолюдинка. Хотя у неё было и богатое приданое, и хорошее образование, на которое её отец не пожалел денег, и достойное воспитание... Но не было титула. А барон Кристофер на это почему-то внимания не обратил: видимо, слишком уж был очарован невестой. Да и состояние её отца тоже сыграло свою роль — говорили, что он был богаче, чем любой из вассалов Штольцев. А Джолента, прибыв в Штольц, тут же занялась его благоустройством, и так серо-жёлтый замок, расположенный на невысоком скалистом холме, зацвёл, стал ярче и приятнее. Пустующее пространство в старом внутреннем дворе, тогда необитаемом, она велела засадить цветами, кустарниками и деревьями, сама, бывало, вскапывала и рыхлила землю, а опытные садовники смотрели на неё, открыв рот.

Барону Кристоферу настолько понравился результат, что он приказал расширить сад, выделив для этого ещё больше земли: так в саду появились тропинки, скамейки и эти чудесные качели. Когда Джолента забеременела Хельмутом, работу пришлось оставить, но она до последнего приходила в сад и руководила слугами.

Всё это Хельге рассказывали отец и брат. Она бережно хранила в сердце эти истории, веря, что пока она помнит о маме, мама будет жива. Пусть её уже и нет рядом с ней.

Хельга качалась на качелях и любовалась этим обширным зелёным садом, хотя у неё было довольно много дел. После отъезда брата на войну она начала управлять Штольцем самостоятельно, и не всё получалось хорошо, не всё давалось легко. Хельге казалось, что её неудачи возникали из-за волнения, из-за страха за Хельмута и Вильгельма. Брат почти не рассказывал ей о битвах в своих письмах, видимо, боялся напугать, но и без этого она почти каждую ночь видела сны о войне, о кровавых сражениях и жестоких убийствах. Будь Хельмут дома, он сказал бы, что это её воображение разыгралось из-за прочитанных книг. Но на этот раз дело было не в книгах. Хельга думала о настоящей войне, которая коснулась и её тоже, хотя она сидела дома, в безопасном замке далеко от места основных боевых действий. Но её брат и жених были там, в бурном шторме битв, и она не могла не тревожиться за них.

Поэтому сейчас она и ушла в этот чудесный сад, чтобы хоть немного расслабиться, отвлечься от невесёлых мыслей и опасений за своих любимых.

На дорожке перед качелями показался один из слуг в фиолетовом котарди — выглядел он одновременно встревоженно и радостно. Хельга затормозила ногами и остановила качели.

— Ваша светлость, — слуга поклонился, — к вам герцогиня Эрика Рэйкер.

Хельга подскочила, спрыгнула с качелей и оправила подол платья. Она не ждала Эрику сейчас, хотя та, проводив мужа на войну, пообещала рано или поздно приехать в Штольц. И вот сдержала своё обещание... Конечно, Хельга обрадовалась, а потому тут же бросилась из

сада к главному въезду в замок встречать гостей.

Герцогиня Эрика вышла из резной кареты, подав руку лакею, и тут же с улыбкой взглянула на подоспевшую Хельгу. Кажется, она была искренне рада ей, и это, видит Бог, было взаимным. Хельга ужасно соскучилась по общению с кем-то, кто не был бы слугой, садовником, поваром или учителем.

— Моя дорогая баронесса! — воскликнула Эрика и стремительно приблизилась к ней. Присела в реверансе, но уже через мгновение обняла её за плечи и расцеловала в обе щёки. Губы её были покрашены тёмно-розовой помадой, и Хельга поняла, что следы этой помады остались на её щеках. — Как же я рада, что наконец-то добралась до вас, — продолжила Эрика. — Так осточертел пустой замок мужа, так я устала от этого ожидания...

— Я тоже, — кивнула Хельга. — Прошу вас, проходите. Вы устали с дороги?

Эрика тут же взяла её под руку и прошла с ней в замок сквозь широкие ворота.

— Я не устала, я же ехала в карете, — усмехнулась Эрика. — Но мне всё же стоит привести себя в порядок.

— Тогда я буду ждать вас в саду, — сказала Хельга. — Слуги проводят вас туда и принесут вина и немного еды. Вы же не против?

— В саду, как прекрасно! — воскликнула герцогиня. — Ни Остхен, ни Рэйкер такой роскошью похвастаться не могут... В Остхене было жутко сыро из-за окружающих его болот, а в Рэйкере — душно. Хотя бы у вас я вдохну свежего воздуха.

Долго ждать не пришлось: буквально за полчаса герцогиня Эрика успела сменить скромное серое дорожное платье на более яркое и нарядное — из фиолетового шёлка с золотой отделкой на невероятно широких рукавах. Она расчесала и красиво уложила русые волосы и подвела глаза. Хельга тоже переделась: вместо повседневного синего платья надела зелёное, на шею повесила ожерелье из стекла и изумрудов, а волосы украсила зелёным филлетом, отделанным жемчугом.

Она присела на краешек качелей, а слуги принесли небольшой деревянный столик, два скромных стула, вино, фрукты, хлеб и сыр. Хотелось поболтать с Эрикой здесь, на свежем воздухе, в тишине, а не в шумном замке, где туда-сюда бегают слуги, переговариваются прачки и гвардейцы, а из окон доносится шум лежащего у подножья холма городка.

— Такой чудесный сад, хотя я бы ни за что не подумала, что на суровых скалах может расти такая буйная зелень, — призналась Эрика, присаживаясь за стол. Хельга тоже села, спрыгнув с качелей, и тут же налила себе вина. Брат запрещал ей много пить, а сам не пил вообще, но сейчас, в его отсутствие, она могла пить сколько хотела. — Я правильно помню, что к его созданию приложила руку ваша мать?

— Да, это Хельмут вам рассказал? — ухмыльнулась Хельга. Конечно, утро её помолвки с Вильгельмом запомнилось ей не только долгожданным соглашением с женихом. То, что брат вступил в связь с герцогиней Эрикой, тоже произвело на неё особое впечатление.

— Я и без него знала, — фыркнула Эрика. — По Бьельну ходят об этом легенды.

— Правда? Я не слышала... — растерялась девушка.

— Наверное, из-за того, что вы давненько не покидали Штольц? Проводов наших братьев в Айсбурге я не считаю.

— Около года назад ездила в Остхен с Хельмутом, — пожала плечами Хельга. Та поездка принесла ей немало удовольствия: девушка проводила время со своим женихом, и никто не мешал им наслаждаться обществом друг друга в полной мере. Хельга вздохнула, поняв, насколько соскучилась по Вильгельму, и взяла одну виноградную ягоду. Виноград

был ещё не вполне зрелым и довольно сильно кислил, но она именно такой и любила. Хорошо созревший виноград ей не нравился, от него чесались губы и язык. — А до этого Вильхельм часто ездил к нам в Штольц.

— Что ж, тогда я буду рада в ближайшее время увидеть вас в Рэйкере, — улыбнулась Эрика, отпив глоток вина. — Вы ещё не бывали в наших краях?

— Нет... но моя мама как раз родом из тех мест, — отозвалась Хельга, пожёвывая виноград. — И, кстати, она никогда не говорила, что во владениях герцога Рэйкера душно. Напротив, она рассказывала, что там много зелени и цветов, по которым тут, в Штольце, она очень скучала. Поэтому и вырастила этот сад. — Она окинула взглядом окружающую их зелень — розовые кусты, клумбы с георгинами, растущие вдоль дорожки бархатцы и, конечно, качели. — Точнее, она это не мне рассказывала, а...

— О, я имела в виду, что душно именно мне, — чуть сникла Эрика. — От скуки и тоски... и волнения. Очень переживаю за мужа и брата. И за барона Хельмута, конечно, тоже. — Произнося эти слова, герцогиня подмигнула.

— Простите за вопрос, — не выдержала Хельга — и тут же почувствовала, как кровь приливает к щекам. — Мой брат... Вы любите его?

— Как бы вам сказать, — задумалась Эрика. — Он очень красив, поэтому сразу мне понравился, и мы не успели с ним хорошо друг друга узнать, чтобы я точно могла сказать, что полюбила его... Иначе мне бы пришлось полюбить лишь вымышленный образ, то, каким я его представляю, а не каким он является на самом деле. Прямо как в каком-нибудь романе, — добавила она с улыбкой и отпила из бокала немного вина. — По сравнению с его светлостью мой муж начал казаться мне таким скучным, к тому же он так и не позволил мне подарить ему ребёнка...

Она снова помрачнела и вздохнула. Следующий глоток вина, сделанный ею, был больше всех предыдущих, будто Эрика пыталась запить свою горькую тоску. А Хельга отчего-то начала размышлять над её словами, хотя, казалось бы, всё это её совершенно не касалось. Герцогиня Рэйкер после стольких лет брака, который не принёс плодов, могла бы потребовать развода. Да, добиться его нелегко, но если приложить усилия, найти союзников в этом деле — свидетелей и поручителей, — то можно достичь успеха. Хельга слышала о нескольких таких случаях, когда женщина, не родив в первом браке ни одного ребёнка, разводилась, выходила замуж повторно и вскоре благополучно рожала.

И если Эрика попробует, если добьётся своего, то она может выйти замуж за Хельмута... Это ведь здорово, когда в браке соединяются не чужие друг другу люди, испытывающие хотя бы взаимную симпатию и привязанность! Хельга сама выходила замуж по любви и другим девушкам желала исключительно того же, хотя и понимала, что союзы по расчёту, по договорённости бывают необходимы и полезны. Но всё же это было так несправедливо...

— О, простите, что смущаю! — спохватилась Эрика, увидев яркий румянец на щеках Хельги. — Но я так скучаю по его светлости, так беспокоюсь... Едва ли не сильнее, чем за брата, и уж точно сильнее, чем за мужа, которого я совершенно не люблю.

— Я тоже беспокоюсь, — призналась Хельга. Потянулась было к бокалу с вином, но обнаружила, что он опустел. Эрика тоже увидела это, быстро взяла кувшин и наполнила бокал собеседницы, и Хельга улыбнулась. Она была благодарна не только за вино, но и за то, что ей теперь было с кем разделить все свои волнения и страхи. Они обе опасались за жизни Вильхельма и Хельмута — и это их сближало. — Ещё и сны кошмарные снятся... Но этот

чудесный сад спасает от тревоги.

— Ваша мама просто волшебница, — произнесла Эрика. — Если я не ошибаюсь, она была...

— Простолюдинкой, да. Дочерью купца, хоть и очень богатого.

— Очень интересная судьба, несмотря на трагичный конец... Однако такое возвышение вашей матушки по сословной лестнице не может не радовать, — сказала герцогиня и тут же вздохнула: — К сожалению, моей матери повезло меньше.

— Почему? — не поняла Хельга. Она всё-таки сделала глоток вина, своего любимого красного сухого, и вся обратилась в слух.

Баронессу Аделину Остхен, мать Вильгельма и Эрики, она видела пару раз, когда приезжала в гости к своему жениху — впрочем, тогда женихом он ей не был, а связывала их лишь детская дружба и общие игры с Хельмутом. Аделина иногда наблюдала за играющими детьми из своего окна, и Хельга ловила её странные взгляды, в которых сложно было прочесть какие-либо эмоции. Она помнила, что Вильгельм был очень похожим на свою мать: те же чёрные волосы и зелёные глаза, те же скулы и бледная кожа... А Аделина в свою очередь была похожа на леди Викторию, мать лорда Генриха, который и унаследовал от неё общие с Вильгельмом черты.

— Моя мать, баронесса Аделина, родилась в семье герцогов Вайзер, чей замок находится недалеко от Айсбурга, к юго-западу от него, — начала Эрика, отведя взгляд: засмотрелась на крупные белые розы. — У неё была старшая сестра Виктория — вы, должно быть, знаете её как леди Викторию Штейнберг, мать нашего нынешнего лорда. Но когда-то они обе были юными герцогинями, которым по достижении должного возраста родители подыскивали мужей.

Тогда Хельга начала понимать ход её мыслей: обе сестры были равными, родившись герцогинями, но одна из них стала леди, а другая — баронессой... После Завоевания Драффа, случившегося около двухсот лет назад, герцоги, графы и бароны уравнились в правах, а разные титулы остались лишь как дань традиции. Но до этого события бароны были вассалами графов и герцогов, и некоторые до сих пор считали их ниже себя. Видимо, поэтому Аделина и оказалась не так довольна своей партией, как Виктория.

— Мою мать выдали за барона Остхена, — подтвердила её мысль Эрика, поставив бокал на стол с глухим стуком, и закинула ногу на ногу, выставляя напоказ отделанную золотом туфельку. — Он был и сейчас остаётся человеком богатым, но всё же, сами понимаете, не лорд. А вот тётушке Виктории повезло больше... — Она усмехнулась. — Впрочем, тут уж с какой стороны посмотреть. Мой отец обожает мою мать, он всегда был готов на руках её носить, даже сейчас, в уже не столь юном возрасте, он ей восхищается, как сказочные рыцари восхищаются своими королевами любви и красоты... А лорд Франц Штейнберг был пьяницей и тряпкой. Так что с титулом и властью Виктории повезло, а вот с мужем — нет. И в итоге моя мать живёт и здравствует, а вот леди Виктория... — Эрика снова вздохнула, будто искренне скорбела о почившей тётке, хотя Хельга явно услышала в её голосе нотки злорадства.

Леди Виктория погибла семь лет назад, рожая своего третьего сына. Только она, в отличие от баронессы Джоленты, не мучилась ещё какое-то время от тяжёлой болезни, а умерла сразу же, как только мальчик появился на свет. Хельге говорили, что леди Виктория и её мать были дружны и часто навещали друг друга и что Виктория даже успела приехать на похороны Джоленты... Впрочем, Хельга леди Штейнберг вообще не знала, в глаза её не

видела и не могла судить о её достоинствах и недостатках. А Эрика, кажется, знала её лучше.

— И моя мать, вспоминая свою судьбу, часто говорила нам с Вильгельмом, чтобы мы всегда стремились к большему. Чтобы мы не боялись добиваться лучшей участи, не боялись искать что-то... — Эрика задумалась, сжав пальцы в кулак. — Что-то, чего мы достойны. Чего мы заслуживаем.

— И вы ищите? — будто замороженная, спросила Хельга тихим голосом.

— Ищу, — кивнула Эрика и улыбнулась.

Это несколько удивляло. Её новая подруга вышла замуж за ничем непримечательного герцога, и не похоже, что баронесса Аделина была против этого брака. Так как же Эрика искала новых высот, как планировала их достичь? Может, через связь и возможный брак с Хельмутом? Но как он бы мог ей помочь? Да, Хельмут был близким другом лорду Штейнбергу, но ведь Эрика, как и Вильхельм, приходилась ему непосредственной родственницей... Род Штольцев не мог похвастаться большим богатством, нежели род Рэйкеров или Остхенов, хотя Хельга верила, что у Хельмута ещё всё впереди.

И как же, в конце концов, герцогиня Эрика искала то, чего она достойна? И чего вообще, по её мнению, она достойна?

Хельга не решилась задавать все эти вопросы. Во-первых, это невежливо: если бы герцогиня Эрика захотела, она бы сказала сама. А во-вторых, Хельга попросту боялась услышать ответ.

В саду вдруг снова появился всё тот же слуга в фиолетовом котарди, но на этот раз в руках у него был объёмный свиток, перевязанный тесьмой с красной печатью.

— Ваша светлость, ваше превосходительство, — слуга поклонился и протянул свиток, — письмо с севера.

— С севера! — воскликнула Хельга и встала. — Наверняка от Хельмута.

Она забрала письмо и, когда слуга удалился, начала судорожно его распечатывать, но без ножа было сложно разорвать тесьму. Чёрт, стоило бы велеть слуге, чтобы принёс нож... Хельга шипела, из-за неаккуратности она чуть надорвала тонкий пергамент, и тогда сзади послышался мягкий голос Эрики:

— Моя дорогая, позвольте?

Хельга отдала ей письмо. Эрика ловко разорвала тесьму и, не раскрывая свитка, протянула его Хельге.

— Мне тоже недавно пришло письмо от брата, — улыбнулась она. — Не волнуйтесь, наши братья сражаются бок о бок, и раз вести от моего были хорошими, то и от вашего должны быть не хуже.

Хельга кивнула и развернула свиток.

Хельмут писал, что у него всё благополучно, если не брать в расчёт какие-то мелкие разногласия с Генрихом. А так он жив и здоров, все его небольшие раны, полученные в первой битве, давно зажили, и он готов к новым сражениям. Сражение состоится скоро: это будет штурм замка, и воины хотят пойти на хитрость. Для выполнения этой хитрости Хельмуту нужны схемы этого замка, которые каким-то чудом оказались именно в библиотеке Штольца, в одной из книг. И Хельмут просил Хельгу сделать копию этих схем и прислать ему.

Брат, конечно, сообщил название книги, описал, как она выглядит, но Хельга всё равно вздрогнула при мысли, что ей придётся перекопать всю библиотеку, пытаясь её найти. Да, можно попросить о помощи Эрику, а ещё приказать грамотным слугам... Но на это всё

равно уйдет много времени! А Хельмут на что надеется? Если им так срочно нужно провести штурм, пусть проводят без схем и диверсий через тайные ходы!

В конце письма Хельмут отмечал, что у Вильгельма всё хорошо, что он сейчас стоит у него над душой и передаёт привет невесте. Ну, хотя бы это радовало — жених её не забыл.

А просьбу Хельмута выполнить ей придётся, как бы сложно это ни было... Хельга вздохнула и скатала письмо. Оставалось надеяться, что герцогиня Эрика ей не откажет.

Предупреждаю, что в этой главе указанные в шапке элементы слэша дают о себе знать в полной мере и потом будут регулярно проявляться.

В библиотеке они находились почти до самого вечера. Эрика с радостью отозвалась на просьбу Хельги помочь ей найти книгу, и несколько часов они шарили по полкам и шкафам. В итоге книгу нашла именно Эрика: это был тяжёлый фолиант в чёрной обложке, исписанный мелким полууставным почерком. Страницы его пожелтели и стали совсем хрупкими, а потому на книгу было страшно даже дышать.

Эрика благоговейно положила книгу на стол, что стоял в центре библиотеки, и Хельга начала её листать, пытаясь найти схему тайных ходов Лейта. Схема оказалась начерчена не на одной из страниц книги (на них, кроме сдержанных виньеток после каждого раздела, не было никаких рисунков), а на куске пергамента, вложенном в середину фолианта. Значит, копию делать не придётся; вырывать страницу из книги было бы жалко и неразумно, а вот отправить брату отдельный лист не составит труда.

— Спасибо, ваше превосходительство, — устало улыбнулась Хельга. Эрика кивнула. — Утром я напишу брату ответ и вложу в письмо схему. Сегодня я слишком устала даже для того, чтобы держать перо... — С этими словами она рухнула на стул и прикрыла глаза — сильно хотелось спать, но впереди были ещё ужин, умывание и вечерняя молитва.

— Вы можете не утруждать себя, — послышался низкий голос Эрики. — Я прямо сейчас собиралась написать ответ Вильхельму, заодно могу отправить схемы... Чем раньше они придут в их лагерь, тем лучше, правда? У нашей армии на счету каждый день.

— Но уже поздно, вряд ли гонец поедет на ночь глядя... — растерялась Хельга.

— Мой — поедет, — твёрдо заявила Эрика. — Если вы доверитесь мне, то уже через день схемы окажутся в их лагере.

— Именно Хельмут попросил меня отправить схемы, — возразила Хельга, чувствуя неладное. — Вильхельм просто привет мне передал...

— Схемы нужны им всем. И Хельмуту, и Вильхельму, и его милости лорду Штейнбергу... Какая разница, кто из них их получит? — Будто спохватившись, Эрика вздрогнула и добавила: — Правда, ваша светлость, вам не стоит утруждаться. Позвольте мне взять все заботы на себя и идите спать. Поверьте, в посторонние руки я их не отдам. Их получают мой брат и ваш драгоценный жених, которых мы с вами так любим.

Хельга замолчала, отведя взгляд. Она не знала, откуда взялось это непонятное предчувствие чего-то нехорошего, и не понимала, зачем Эрика так упорно её уговаривает. Конечно, нет особой разницы, кто получит схемы, Хельмут или Вильхельм, герцогиня ведь права — они нужны не кому-то одному из них, они нужны всем. Но ведь просил её именно Хельмут...

— В своём письме я попрошу Вильхельма передать привет вашему брату, — мягко добавила Эрика, — от вас и от меня. Я не думаю, что его светлость Хельмут сильно расстроится, если не получит от вас подробного сообщения о ваших делах и настроениях. Вряд ли у него есть время читать долгие письма.

Хельга кивнула. Не признать правоту Эрики она не могла, но всё же...

Понятно, что чем раньше они получают эти схемы, тем скорее Хельмут и Вильхельм вернутся домой, вернутся к ней. Наступит мир, всё будет по-старому, она снова окажется

окружена любимыми людьми и получит своё долгожданное счастье, которое отняла у неё война...

Хельга взглянула на Эрику, и та улыбнулась ей в знак поддержки. Разве есть у неё причины не доверять новой подруге? Разве она, как и все в этом королевстве, не желает скорейшего мира, скорейшей победы над Фареллом? Она делает всё, чтобы приблизить эту победу, и Хельга должна поступать так же.

— Хорошо, — кивнула она и протянула ей лист со схемами. — Отправьте это Вильхельму. И... — Хельга покраснела и поднесла руки к лицу, не зная, имеет ли право попросить... — Если сможете... напишите Вильхельму, что я люблю его.

***

Ожидая ответа от Хельги, Хельмут не находил себе места. Он знал, что чем быстрее ответит сестра, тем скорее они смогут начать штурм... Но, чёрт возьми, как же ему не хотелось, чтобы этот штурм начинался! Снова смерти, снова страх, кровь и убийства, адская усталость и пугающий азарт... Да, азарт... Несмотря ни на что, ради этого непередаваемого ощущения Хельмуту всё же хотелось вернуться в битву и ощутить на языке пьянящий вкус азарта. Это была безграничная свобода, бурлящая кровь, бешено стучащее сердце, это были блеск и шум, которые очаровывали и завлекали...

Хельмут покачал головой.

Нет, нельзя о битве думать... *так*. Это неправильно. И ничего хорошего его там не ждёт.

Он в одиночестве метался по шатру, не зная, что делать. Внутри заползал вечерний холодок: приближалась осень, и в Нолде становилось прохладнее. Почти всё лето они проторчали под проклятым Лейтом, не зная, как и когда к нему подойти, то ждали подкрепления, то теперь ждут эти чёртовы схемы... Хельмут злился и волновался, отчего горло будто чем-то сковывало, становилось трудно дышать, а тело охватывала сильная дрожь.

Нужно было как-то успокоиться, но как?.. Раньше он бы пошёл к Генриху и поделился с ним всем, что его волновало, а тот со свойственным ему спокойствием мягко бы утешил друга, подобрав пару добрых слов. Но теперь... Они не разговаривали уже много дней, и чем дольше это длилось, тем хуже становилось Хельмуту. Он безумно скучал, раскаяние раздирало душу, но пресловутая гордость мешала подойти к Генриху и попросить прощения за свои глупые претензии.

Можно было бы сходить к Вильхельму, но Хельмут всё ещё испытывал пренебрежение — так и не смог до конца простить ему выходку со шляхой. Хотя Остхен сам шёл на сближение: часто заводил разговоры, задавал вопросы, что-то рассказывал — и попросил Хельмута передать Хельге привет, когда тот писал письмо. Кажется, его чувства к невесте и правда были искренними и неподдельными. Он даже начал продумывать обстановку их будущей супружеской спальни в Остхене — хотел, чтобы она была яркой и в то же время нравилась Хельге.

— Она в последнее время на чём свет стоит ругала наш геральдический цвет, — смеялся Хельмут, — так что с фиолетовым ты поосторожнее. Может... — Он задумался, вспоминая утро помолвки: Хельга тогда надела зелёное платье, а не фиолетовое. — Может, зелёный? Раз уж она станет баронессой Остхен, то будет обязана носить ваши цвета.

— Мне тоже нравится зелёный, — кивнул с улыбкой Вильхельм.

Но всё же открывать ему душу Хельмут не хотел. Боялся, что Остхен не поймёт и лишь посмеётся. Он помнил его, увлечённого вихрем битвы: горящий взгляд, сжатые губы, меч,

рубящий врагов направо и налево... Сражение явно доставляло Вильгельму больше удовольствия, нежели страданий. Вряд ли он сможет убедить Хельмута в том, что думать о предстоящей битве в положительном ключе — неправильно. А ведь избавиться от этих мыслей для него сейчас было крайне важно.

В итоге Хельмут решился. Невозможно молчать целую вечность, нельзя постоянно делать вид, что ничего не произошло. Он понял, что даже с лордом Джеймсом за последнюю луну общался больше, чем с Генрихом, и это было жутко несправедливо. Они дружили с детства, вместе катались на лошадях и бегали по обширному внутреннему двору Айсбурга или саду Штольца; несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, они были как ровесники, как родные братья, и даже отъезд Генриха на службу оруженосцем не помешал их дружбе. Именно Генрих посвятил Хельмута в рыцари в день его восемнадцатилетия; именно Хельмут был главной поддержкой Генриху, когда у того за полгода умерли и отец, и мать. Ничто не могло разлучить их долгие годы, и неужели сейчас их разлучит глупое недопонимание?

Хельмут попытался загнать свою гордость в глубины души и настроить себя на самые жестокие унижения. Хотя вряд ли Генрих потребует этих унижений. Его поведение предсказать было сложно: кажется, он был искренне оскорблён и всё ещё таил в сердце обиду, но... но, может, он сразу же простит старого друга, и всё будет как раньше... Хельмуту хотелось верить во второе, но и первого он тоже не исключал.

Порывшись в сумках с вещами, он нашёл аккуратно сложенную светло-сиреневую рубашку, чей воротник был украшен золотистой вышивкой. Сверху надел чёрный шерстяной камзол, отделанный кожей. Слишком роскошных нарядов на войну Хельмут не брал, но сейчас ему хотелось выглядеть как можно лучше. Сверху он накинул фиолетовый плащ, скреплённый на груди золотой застёжкой в виде вставшего на задние лапы льва — геральдического зверя дома Штольцев. Причесал волосы, что из-за давности последней стрижки стали неровными и непослушными, как смог уложил и оглядел себя в небольшое зеркало. Выглядит вполне прилично, главное, чтобы Генрих оценил его старания...

Страшнее всего сейчас было бы снова обнаружить друга в шатре с Гвен... или с любой другой девушкой.

Хельмут прошёл по лагерю от своего шатра до шатра Генриха медленно, считая шаги и глядя под ноги. Окружение его не интересовало, хотя до слуха доносился то чей-то смех, то звон стали (видимо, солдаты всё ещё не прекратили тренировок), то ржание лошадей, то треск костра... Приятный запах дыма щекотал ноздри, и этот запах всегда наводил мысли об осени. Да, деревья ещё не желтели, и темнело по-прежнему поздно, но Хельмут чувствовал приближение осени, что не могло не навеять лёгкую грусть по так быстро прошедшему лету.

Наконец он поднял голову, замерев в нескольких шагах от входа в шатёр Генриха. Небо темнело, на нём уже показывались первые звёзды, но полоса горизонта пока ещё отливала алым и розовым. Хотелось верить, что эта ночь принесёт ему долгожданное успокоение и примирение с другом.

Хельмут глубоко вздохнул, стараясь усмирить внезапно накрывшее его волнение, и зашёл, приподняв тяжёлое входное полотнище.

Генрих был один, и Хельмут мысленно возблагодарил Господа за это. Если бы он снова застал его с девушкой, то попросту бы расплакался, как малое дитя. Но, слава Богу, друг был один, и Хельмут даже позволил себе улыбнуться. Однако это всё, на что его хватило. Он

замер у входа, ожидая, когда Генрих обратит на него внимание.

Тот как будто нехотя поднял голову, отрываясь от полировки меча; пальцы сильно сжали оселок, во взгляде вспыхнуло недоумение, уголки губ нервно дёрнулись. Он молча смотрел на Хельмута, ожидая чего-то, каких-то слов и действий, но Хельмут не знал, с чего начать.

— Ваша милость... — просипел он — горло будто сжало стальным ободом, отчего было трудно дышать и говорить. Пульс колотился в висках, грозя вот-вот разрушить хрупкие кости. — Милорд, я...

— Ой, да прекрати! — воскликнул Генрих.

Он отбросил меч и оселок и встал. Хельмут ощутил странную мелкую дрожь, видя, как друг медленно приближается к нему, заведя руки за спину, и смотрит на него пристально, выжидательно, оценивающе... Взгляд его задержался вдруг где-то в области груди Хельмута, и тот понял, что Генрих рассматривает его застёжку.

— Я хотел сказать, — начал Хельмут, невольно опуская взгляд, затем резко, усилием воли, поднял голову и заставил себя посмотреть другу в глаза, — что... — Снова ком в горле помешал договорить, и он откашлялся. Опять опустил взгляд и опять заставил самого себя поднять его. — Прости меня. Пожалуйста.

Генрих, кажется, несколько опешил, и слабая улыбка исчезла с его лица. Он чуть нахмурился и как-то слишком тяжело вздохнул.

— Мне не стоило тогда обвинять тебя, — продолжил Хельмут, решив не дожидаться его вопроса — за что? — Ты и правда не обязан отвечать за поступки Вильгельма, а я... я просто дурак, — пожал плечами он и горько усмехнулся. — И насчёт тебя и Гвен тоже... Не надо было лезть, — выдохнул он наконец и замолчал. В голове стало абсолютно пусто, и все слова, что Хельмут смог выскрести из парализованного страхом разума, он уже сказал. Чудо, что ему удалось собрать эти слова в связные предложения.

Генрих вдруг счастливо улыбнулся (чёрт, как же красивы его тонкие фарфоровые губы!) — и положил руку Хельмуту на плечо.

— Ну всё, забыли, — негромко сказал он, а потом притянул его к себе и обнял.

Хельмут застыл на несколько мгновений, понимая, что начинает дрожать ещё сильнее, и крепкие объятия Генриха от этой дрожи не спасали. Однако он всё равно неловко положил руки на поясицу, а затем — на спину Генриха, ещё сильнее прижимая его к себе и зарываясь лицом в его плечо. Плотный, но мягкий лён серой рубашки, поверх которой была накинута кожаная жилетка, приятно щекотал щеку. Хельмут закрыл глаза.

— Ты прощаешь? — шепнул он тревожно.

— Прощаю, — послышался тихий голос Генриха.

— Я просто подумал, — сказал Хельмут, когда друг выпустил его из объятий и усадил на лежанку, — что ты был прав. Вильгельм действительно не сделал ничего поистине страшного. Он же не собрался жениться на той шлюхе в обход моей сестры, — ухмыльнулся он, пожимая плечами.

— И то верно, — кивнул Генрих, поднимая с пола меч и оселок. Ещё пару раз провёл им по лезвию и убрал клинок в ножны. — Однако ты не подумай, что я одобряю и поощряю подобные действия. Я думаю, Хельга бы обиделась, если бы узнала об этом.

— Я тоже... Поэтому говорить ей не буду, — решил Хельмут. — К тому же и Уилла я с другими женщинами больше не видел.

— Возможно, с его стороны это был единичный порыв, — отозвался Генрих. —

Пытался отвлечься от воспоминаний о битвах... ну или просто молодая кровь разыгралась, — хохотнул он. — Со мной тоже такое бывает, как ты мог заметить.

Хельмут коротко рассмеялся. Боль, что он почувствовал, когда застал друга с Гвен, уже давно сошла на нет. И на девушку он больше не злился, разве что прощения у неё просить, конечно, не собирался. Если это и правда был, как выразился Генрих, единичный порыв, то зачем переживать? Да и вряд ли что-то серьёзное могло связывать лорда и нолдийскую крестьянку.

— Просто неожиданно было увидеть с тобой именно Гвен, — признался Хельмут, кладя руки на колени.

— Я же говорил, что со шлюхами не сплю, — с наигранным укором взглянул на него Генрих. Положив меч на подставку, он присел на одно колено, приподнял крышку простого деревянного сундука и извлёк оттуда небольшую бутылку из зелёного стекла. Хельмут встрепенулся. — Но ты, кстати, навёл меня на мысль... — Генрих задумался, прищурился, так и придерживая одной рукой крышку сундука, а другой сжимая бутылку вина. — Ты бы, может, у лекарей проверился, а?

Хельмут посмотрел на него крайне недоуменно. Это он к чему клонит?

— Ну, знаешь... — усмехнулся Генрих и тут же достал из сундука два серебряных кубка без каких-либо украшений или камней. — Шлюхи иногда бывают... немного нездоровы.

— Я не... — Хельмут не знал, что ответить, а Генрих вдруг рассмеялся и громко захлопнул крышку сундука.

— Да шучу я, Господи. Извини, — добавил он — Но это, кстати, тоже важный довод, почему я обхожу шлюх стороной. К тому же, насколько мне известно, далеко не все из них выбирают такое ремесло по собственной воле, у некоторых и выбора-то нет... А Гвен отдалась мне добровольно, по обоюдному желанию. Впрочем, этого желания хватило на один раз, — признался он.

— Бережёшь себя для суженой? — хмыкнул Хельмут, закидывая ногу на ногу. Стало жарко в кожаных ботинках, но снимать их прямо сейчас было как-то неловко.

— Да нет, почему же... — Генрих поставил бутылку и бокалы на небольшой столик в изножье лежанки. — У меня и до Гвен были девушки, ты же не думаешь, что я за неполные двадцать восемь лет ни с кем ни разу...

— Вовсе я ничего такого не думаю! — Хельмут подсел ближе к столику.

Разговоры о близости между мужчиной и женщиной — это не то, чего он ожидал, по крайней мере, на этот раз. Может, раньше или, наоборот, в обозримом будущем он был бы рад с ним это обсудить, но сейчас... после столь эмоционального примирения... Это казалось странным.

— Ты же пользуешься правом первой ночи, — вспомнил Хельмут — Генрих ему об этом как-то рассказывал.

— Не на постоянной основе. — Он разлил вино по бокалам с лёгкой улыбкой. — То есть я не забираю невесту с каждой крестьянской свадьбы, конечно. Так, пару раз... Недавно, например, был интересный случай. — Генрих поставил бутылку на столик, взял бокал и наконец-то уселся на край лежанки. — Я, кажется, не рассказывал... Это случилось буквально за пару седмиц до начала войны. В небольшом городке к востоку от Айсбурга играли свадьбу, я как раз проезжал мимо и решил заглянуть. Сам знаешь, простолюдины обычно воспринимают такие визиты как явный намёк на желание воспользоваться правом господина... — Он усмехнулся и сделал глоток. — Невеста всё время, что шёл пир, смотрела

на меня не отрываясь, а когда мы ушли в спальню, сразу же кинулась в ноги и зарыдала. — Он отпил ещё. Хельмут слушал внимательно и с интересом: с ним такого не бывало, если он решал воспользоваться своим правом господина, то девушки в основном вели себя смиренно. — В общем, выяснилось, что выдали её за нелюбимого. Это не такая уж и редкость, но невестушка была просто в отчаянии. Умоляла забрать её с собой в Айсбург и избавить от такой жизни. — Генрих снова усмехнулся, на этот раз с явной горечью. — Я, конечно, не мог этого сделать: и на моей репутации пятно, мол, девушку похитил и наложницей сделал... и ей самой только хуже. Но я пообещал ей подумать, и тогда она сама едва ли не накинулась на меня, едва ли не затолкала в кровать.

Хельмут не удержался и рассмеялся — громко, заливисто. Конечно, и у него были крестьянки, которых не приходилось принуждать и они с радостью прыгали в его постель, но чтоб до такого...

— Утром я уехал до того, как она проснулась, — продолжил Генрих. — Не знаю, что она сейчас обо мне думает, но, надеюсь, хотя бы та ночь ей и правда понравилась. Ты пей, кстати, не стесняйся. — И он кивнул на второй бокал, к которому никто так и не притронулся.

— Нет, я не хочу, — покачал головой Хельмут. — Не люблю вино.

— У меня есть виски, хотя он очень крепкий...

— Тем более! — округлил глаза он и отшатнулся. — Я вообще не люблю алкоголь, упаси, Господь!

Генрих, в свою очередь, тоже рассмеялся и наполнил свой бокал, оставив второй нетронутым — видимо, надеялся, что Хельмут всё-таки одумается. Но одумываться он не желал: алкоголь казался ему противным и невкусным, а ощущение хмеля попросту бесило.

— Ты так скоро лыка не будешь вязать, — заметил он, — а у нас, если сестра успеет побыстрее отправить схемы, завтра совет...

— Я не пьянею, — буркнул Генрих, будто это его до ужаса злило. — Хочу ли напиться, не хочу, хоть целый мех в себя вливаю — не получается. И похмелья тоже не бывает.

— Но, думаю, по печени оно всё равно бьёт, — усмехнулся Хельмут, приглядываясь: и правда, ни во взгляде, ни в мимике, ни в жестах друга не было ничего такого, что выдало бы в нём опьянение. — А отчего так, не знаешь?

Генрих пожал плечами.

— Как у тебя дела? — вдруг поинтересовался он. — Если честно... прости, но выглядишь усталым.

— Я в порядке, — улыбнулся Хельмут — эта забота его тронула. — Да, устал немного, и, знаешь... Скоро штурм этот проклятый, и кто знает, как всё пройдёт... После нашей первой неудачи я боюсь и второй.

— Я тоже, — кивнул Генрих, скрыв улыбку, и поставил бокал на столик. — Но это было уже так давно... ещё весной, а сейчас осень. Прошло несколько лун, мы за это время уже набрались опыта, учли все промахи, и у нас есть возможность исправить ошибки.

Хельмут прикрыл глаза. Ему казалось, что за эти несколько лун они ещё и повзрослели на пару лет. Он-то уж точно повзрослел. И тем вздорным мальчишкой быть перестал. Наверное. Время покажет.

— Ой, к слову... — Генрих вздрогнул и прижал ладонь ко лбу. — Я из-за наших разногласий забыл о твоих именинах!

— Да ничего...

Но друг снова наполнил свой бокал и пододвинул второй поближе к Хельмуту.

— Давай выпьем за тебя! Двадцать один год — это тебе не шутки, — заявил он, поднимая свой бокал. — Прими мои запоздалые поздравления, хоть именины у нас отмечать не особо принято, я желаю тебе счастья и удачи.

— Спасибо, — искренне улыбнулся Хельмут.

Генрих, не дожидаясь, когда он возьмёт бокал, залпом осушил свой до дна и даже не поморщился.

— Ну выпей хоть бокальчик! Тебе тревожно и даже страшно, а вино... Оно неплохо успокаивает.

— Тебя-то, может, и успокаивает, но я уже после половины бокала начну петь, — невесело усмехнулся Хельмут и посмотрел в пол. — Думаю, матерные крестьянские песни с ярко выраженным бьельнским говором — это не то, что хотят слышать наши солдаты на ночь глядя.

Он верно подметил насчёт ночи: сквозь тонкую щель входного полотнища было видно, как темнеет вечернее небо, приобретая чёрно-синий оттенок, и как всё ярче загораются звёзды... В шатёр заполз прохладный ветерок, и Хельмут зябко повёл плечами, хотя на нём по-прежнему был тёплый плащ.

— Ну, может, это их развеселит, — возразил Генрих как-то отстранённо и слишком тихо. — Поднимет боевой дух. Да и тебе самому бы тоже не помешало...

— Не стоит, я просто... — Хельмут вздохнул и резко взглянул ему в глаза. — Просто всё-таки страшно, как ни крути. И всегда есть риск и погибнуть самому, и потерять тех, кого любишь. — Он снова поёжился, на этот раз уже не от ветра, и Генрих, заметив это, приобнял его за плечи. Хельмут сначала недоуменно взглянул на ладонь, лежащую на левом плече, а затем на самого друга, который, как всегда, был спокоен и сдержан. Однако в глазах его тоже плескалось волнение — Хельмут не мог этого не заметить. — Я ведь не хочу тебя потерять, ты же понимаешь? — Он ни капли не выпил, но внезапно начал нести какую-то чушь, достойную пьянчуги. Обнаружил вдруг вторую руку Генриха на своём колене и не раздумывая накрыл её ладонью, чуть погладив прохладную кожу. — Стоит, наверное, воспользоваться примером сестры и помолиться на ночь... — проронил он.

— Хорошая идея, — кивнул Генрих. — Тогда я тоже буду молиться, чтобы ты меня не потерял. И чтобы я тебя не потерял тоже.

Никто из них толком не понял, как шутки и весёлые разговоры вдруг сменились такой серьёзной, тревожной темой.

Они смотрели друг на друга невероятно долго, и их лица были просто до невозможности близко. Где-то снаружи кричали ночные птицы и трещали дрова в кострах, а здесь, в шатре, царил смертельная тишина. Хельмут даже не мог понять, чьё сердцебиение слышит отчётливее — своё или Генриха.

Левой рукой он продолжал поглаживать пальцы друга, лежащие на его колене, а правой вдруг зачем-то коснулся его бледной щеки, провёл пальцем по острой скуле, словно желал порезаться о неё, а Генрих тихо улыбался, и лишь ресницы его вздрагивали каждый раз, когда Хельмут касался его лица.

Потом Генрих крепче сжал его плечо и приблизил к себе сильнее — и в следующий момент Хельмут почувствовал, как их губы несмело соприкасаются.

Он подумал, что целоваться с мужчиной, наверное, иначе, чем с женщиной, но ошибся: когда Генрих наконец вовлёк его в настоящий поцелуй, ничего особо нового он не

почувствовал. Около минуты они целовались не спеша, нежно лаская губы друг друга и изредка соприкасаясь языками. Потом поцелуй стал глубже, требовательнее, Хельмут невольно прикусил верхнюю губу Генриха, и тот усмехнулся, не разрывая поцелуя. В низу живота начало тянуть, но это возбуждение его вовсе не испугало — оно было ожидаемым и закономерным, никак не удивляло и не тревожило.

Равно как и всё то, что произошло потом. Может, для других это было неправильным и безумным, но Хельмут в конце концов осознал, что счастлив. И что именно этого и желал от Генриха последние несколько лун.

Проснувшись, Хельмут обнаружил, что ему было как-то тесно, словно спал он не на лежанке, а в узком сундуке или ящике.

«В гробу», — невесело усмехнулся внутренний голос.

Ну, учитывая, что идёт война... такая ассоциация неудивительна.

Ремешки, придерживающие чулки, сдавили икры ног, отчего те затекли. Странно, что чулки вообще на нём — обычно он спит без них... Несмотря на приближающиеся холода осени, было жарко и душновато. И в целом ощущения были те же, что и в детстве, когда маленькая Хельга, напуганная кошмарами и темнотой, приходила к нему в комнату и они засыпали вместе. Сестра всегда обнимала его во сне, но она всё же была маленькой и лёгкой, а сейчас...

Хельмут открыл глаза и обнаружил рядом с собой спящего Генриха. Вот прямо очень рядом, совсем близко — их лица располагались в считанных сантиметрах друг от друга. Генрих закинул руку на плечо Хельмута и прижался к нему всем телом: лежанка была очень узкой, и если вот так друг к другу не прижиматься и друг за друга не держаться, то можно легко упасть во сне.

Хельмут осознал это не сразу, лишь когда почувствовал, что медленно катится куда-то назад и вниз. Тут же схватился за руку Генриха, ногу инстинктивно закинул на его колени и всё-таки не упал. Правда, Генриха разбудил, но это нестрашно: уже утро, им, пожалуй, и так пора вставать. Если гонец из Штольца прибудет вовремя, то сегодня состоится решающий военный совет, на котором утвердят планы штурма Лейта, а до этого нужно ещё умыться и позавтракать... Ну и переодеться, наверное, тоже.

Генрих зажмурился и нехотя разлепил глаза. И тут же улыбнулся. Пальцы едва заметно погладили плечо Хельмута сквозь ткань рубашки.

— Доброе утро. — Голос друга звучал как-то приглушённо, с хрипотцой.

— Так это был не сон, — отозвался Хельмут.

Он, по правде говоря, не сразу вспомнил, что делает в шатре своего сюзерена, на его лежанке и в его объятиях, но как только увидел лицо Генриха напротив своего... Его тут же окатило с ног до головы приятной волной воспоминаний о вчерашнем вечере, и внутри — в груди и в низу живота — тут же всё отозвалось на эти воспоминания. Где-то в глубине разума мелькнула мысль: всё, что произошло вчера и происходит сейчас, — неправильно и противоестественно. Но Хельмут быстро заглушил эту мысль другой: «Я? Я бы уж точно не стал делать что-то противоестественное!»

Он опрокинул Генриха на спину и навис сверху.

— Ты всех, с кем когда-либо ссорился, прощаешь так же? — усмехнулся Хельмут, проводя пальцами по его щеке и в который раз на мгновение задевая скулу.

— Нет, только тебя, — отозвался он с небывалой теплотой в голосе. — И ничего такого меня ни с кем доселе не связывало, так что...

— Как радостно это слышать. И ты даже не побрезговал?

Генрих поднял бровь в изумлении, и Хельмут звонко рассмеялся.

— Ну, помнишь, ты говорил про заразных шлях и что я рискую...

— Ох... — Генрих закатил глаза. — Я, конечно, не лекарь, но исходя из того, что я видел... Думаю, ты вполне здоров. — Было не очень понятно, серьёзно он это или шутит. —

Сегодня у нас совет, ты помнишь? — вдруг сообщил Генрих после короткой паузы. Опустив взгляд, обнаружил, что шнуровка на воротнике его рубашки порвана, и посмотрел на Хельмута с укором. Тот в долгу не остался.

— Конечно, помню, — парировал он и закатил глаза. — И это не то, что я ожидал услышать от тебя утром после такой... интересной ночи.

— Напомнил на случай, если ты от счастья всё позабыл и решил проваляться здесь со мной весь день, — пожал плечами Генрих. — Вообще я и сам не против, но... у нас тут всё-таки война. Долг зовёт.

Хельмут фыркнул и, будучи выпущенным из объятий, наконец привстал и сел на край лежанки. Свои камзол и плащ, смятые и сваленные в фиолетово-чёрную кучу, он обнаружил в изножье. Ботинки стояли рядом, и возле подошвы одного из них одиноко лежала блестящая застёжка для плаща. Шнуровка на штанах осталась развязанной, а ремень — расстёгнутым, и за это Хельмут был готов от всего сердца возблагодарить Господа, Генриха и Господа в лице Генриха, потому что иначе пряжка бы точно впилась в кожу до боли.

Хельмут сначала обулся, потом оделся — плащ на плечи накидывать не стал, свернул его и перекинул через локоть. Застёжку он бережно поднял, отряхнул и спрятал в карман камзола. Вся одежда измялась и пропиталась тысячей запахов прошедшей ночи, так что не помешает перед советом переодеться и найти одеколон.

— Мне пора, — вздохнул Хельмут. — Увидимся на совете.

— Пообещай не заигрывать со мной при всех, — рассмеялся Генрих. Он наклонился, чтобы зашнуровать немного пыльные чёрные ботинки, потом вдруг резко разогнулся, сжал плечи Хельмута и внимательно посмотрел ему в глаза. — В том числе и взглядом, да, — добавил он уже серьёзнее и оставил короткий поцелуй на его губах.

Хельмуту тут же захотелось большего, и он прижался к Генриху, притянул его к себе, обняв за шею, но тут же ощутил на губах его тёплый палец. Да, конечно, повторять вчерашнее прямо сейчас не очень разумно, но всё же... Что делать, если тело в таком случае отзывается быстрее, чем разум?

— Зайдёшь вечером, после совета, если хочешь, — улыбнулся Генрих.

— Если назначим штурм на завтра, то прямо перед битвой? — изогнул бровь Хельмут, всё ещё не выпуская его из объятий. Заметил на его шее бледно-красный след от поцелуя и довольно ухмыльнулся.

— Обещаю, что не буду драть тебя в зад всю ночь. — Генрих вдруг сделал лицо серьёзным, будто на самом деле хотел совершить нечто подобное, но раз битва, то тогда ладно, тогда его милость лорд Штейнберг дарует величайшее благоволение своему презренному слуге...

— Ловлю на слове, — кивнул Хельмут.

Он вышел из шатра и обнаружил, что снаружи уже совсем рассвело: солнце чуть пригревало, лёгкий ветерок разогнал тонкие, похожие на куски ваты облака, а неподалёку от лагеря, выступая из-под верхушек шатров и палаток, виднелись башни Лейта, захваченного врагом. Хельмут вздохнул. После прошлой ночи идти в бой ему совершенно не хотелось, но, услышав звон стали с тренировочной площадки, где упражнялись рыцари и солдаты, он тут же вспомнил тот азарт, что завлекал его и затуманивал мысли, вспомнил невероятной красоты брызги крови и ту лёгкость, которую ощущаешь всем телом и всей душой, когда твой остро заточенный меч пронзает чью-то мягкую плоть... Это опьяняло сильнее, чем вино или даже виски, и заставляло забыть о риске погибнуть самому.

Мимо прошёл крайне сосредоточенный лорд Джеймс; Хельмут заметил, что с каждым днём в его каштановых, отросших до плеч волосах и небольшой бородке виднелось всё больше седины, а во взгляде серо-голубых глаз всё явственнее светилась усталость. Оно и понятно: лорд Коллинз с Генрихом сейчас вдвоём командовали огромной армией, и на плечи властителя Нолда как более старшего и опытного ложилась большая часть ответственности.

Хельмут поклонился ему, на что лорд Джеймс ответил лёгким кивком и слабой улыбкой.

Барон Штольц уже почти дошёл до своего шатра, как вдруг увидел Вильгельма. Тот стремительными шагами вышел откуда-то из-за солдатских палаток, ведя под уздцы коня. Хельмута он не заметил — резко запрыгнул в седло, расправил серый плащ так, чтобы он покрывал круп жеребца, и взмахнул поводьями, направившись куда-то на восток, прочь из лагеря. Один.

Хельмут насторожился. Только он начал снова доверять Вильгельму, стараясь не обращать внимания на его резкие слова, попытавшись забыть о том, из-за чего они проиграли первую битву, и о его связях со шлюхами... как Остхен снова выкинул что-то странное.

Он оглянулся. Лорд Джеймс давно уже ушёл, и никого больше здесь не было — и никто этого внезапного отъезда не заметил. Хельмут стоял далеко и вряд ли мог как-то себя выдать. Поэтому он ещё раз воровато оглянулся, убедился, что никто за ним не следит, и, забыв о завтраке, умывании и переодевании, стремительно, но тихо и осторожно последовал за Вильгельмом.

Конечно, за скачущим рысью конём поспеть было трудно, и Остхен всё сильнее удалялся, оставляя Хельмута далеко позади. Он объехал солдатские палатки и выехал из лагеря, направившись в лес. Хельмут понимал, что проследить за ним будет нелегко, но всё же не терял надежды. К тому же копыта коня оставляли на начинающей желтеть траве довольно глубокие следы, по которым и можно было идти. И Хельмут шёл, ускоряясь с каждым шагом, хотя уже начинал запыхиваться.

Он оглядывался, проверяя, не заметил ли их кто-то, но вроде бы всё было чисто. Насчёт себя он почти не беспокоился: можно оправдаться, что ходил по нужде. А вот Вильгельм... какие оправдания найдёт он?

В конце концов Хельмут устал. Он остановился, опершись о дерево с жёсткой корой (кажется, это была сосна), и замер. Вильгельма он из виду потерял окончательно, хотя стук копыт ещё слышал. Он попытался отдышаться, вдохнул побольше свежего лесного воздуха — запах хвои всегда приносил удовольствие. Особенно приятно было оказаться в таком прохладном, благоухающем зеленым месте после столь жаркой и душной ночи... Хельмут усмехнулся.

Дальше, смотря под ноги и пытаясь идти по следам, он двигался шагом, не срываясь на бег. Не забывал оглядываться, и не только для того, чтобы заметить возможную слежку. В этой части леса не было протоптанных дорожек, поэтому велика вероятность заблудиться и потерять ход к лагерю. А Хельмуту только этого и не хватало.

Вдруг он услышал голос Вильгельма и замер. Сердце пропустило удар. С кем он может беседовать здесь, в лесу?

Остхен говорил вкрадчиво, но достаточно громко, и Хельмут мог его чётко и ясно расслышать.

— Схемы у меня, — донеслось до его ушей. — Гонец прискакал несколько минут назад. Я их внимательно изучил и нашёл тайный вход в замок в юго-восточной части внешней крепостной стены. Так что можете ждать меня там. Во время штурма я поведу туда своих людей. Вообще, для вас это должно стать неожиданным, но... — Видимо, он усмехнулся.

— И мы точно можем вам доверять? — ответил кто-то Вильхельму. Голос незнакомый, довольно высокий, но всё же явно мужской. И говорил этот кто-то с жутким акцентом: окает, звук «р» глотает даже не так, как нолдийцы, а ещё хлеще, смягчать согласные у него получается плохо... Хельмут узнал фарелльский говор и невольно прижался к дереву спиной. Холод в груди с каждым мгновением становился всё неприятнее. — Мы можем быть уверены, что вы не перережете наших людей, когда зайдёте в Лейт через тайный ход?

— Я уже поклялся вашему герцогу и могу поклясться королю, если он соизволит приехать к месту боевых действий, — заявил Вильхельм, в голосе его слышалось раздражение. Легко было представить, как он закатил глаза. — Я приведу людей, мы пройдем в замок и будем сражаться за вас. Если же за мной увяжется кто-то лишний...

Он замолчал, и Хельмут почувствовал, как кровь в жилах начала стынуть из-за ощущения липкого страха — кажется, его заметили! В тот миг он пожалел, что у него не оказалось с собой метательных ножей: два нехитрых движения, и оба — и фареллец, и Вильхельм — были бы мертвы... Хельмут почти всегда носил метательные ножи с собой, но когда он шёл к Генриху, то и подумать не мог, что они пригодятся!

Но после двухсекундной паузы Вильхельм продолжил как ни в чём не бывало, и это вызвало небольшое облегчение.

— Если за мной кто-то увяжется — снимите стрелами. А так в моём отряде две тысячи человек, они верны мне и сделают всё, что я скажу.

— И вы уже сказали? — поинтересовался его собеседник.

— Нет, а вдруг кому-то не понравится моя идея и он откажется идти к тайному ходу? — В голосе Остхена зазвучали возмущение и пренебрежение. — Скажу, как только мы зайдём в этот ход. Там у них и выбора-то не будет.

— Вы поклялись, но ваши люди никаких клятв не давали!

— Если они будут иметь что-то против, тогда уже я перережу их.

Хельмут представил оскал Вильхельма и поёжился. Захотелось убежать прочь, потому что сердце сковало ледяным страхом, но он сдержался. Нужно дослушать этот разговор до конца, а потом... Хельмут понятия не имел, что делать потом.

— Солдаты, впрочем, пойдут как миленькие, — продолжил Вильхельм, — потому что делают всё, что им прикажут. А рыцари... в основном они доверяют мне. И если я скажу, что так будет лучше для них, то они мне поверят.

— О, к слову... — снова раздался голос таинственного собеседника. — Герцог просил поинтересоваться... с какой целью вы это делаете, господин...

— Ваша светлость! — огрызнулся Вильхельм. — Господами у нас называют сквайров, а мой титул выше.

— Простите, ваша светлость, — в голосе собеседника послышались нотки яда, — но... зачем вам всё это? Вы предаёте свою страну, своего лорда и короля... для чего?

— Моя мать всегда говорила, что я должен искать для себя лучшей доли, чем у меня есть, — охотно ответил Вильхельм. — Но я, конечно, за свою перебежку многого не потребую... Хотя даже это возвысит меня над остальными вассалами лорда Штейнберга.

— Да-да, мы помним: все земли Клауда и Шелли к востоку, но... ваш дядя отбил залив.

— Дядя обо мне не знает, и чёрт с ним, — фыркнул Вильхельм. — Нам нужно просто не позволить Коллинзу и Штейнбергу отбить Лейт, потом оттеснить их назад, к югу, вплоть до Эори... а дальше они сами сдадутся и с радостью отдадут вам тот кусок земли, на который вы претендуете, а Серебряный залив, как известно, входит в эти территории. В оттеснении я вам тоже помогу, естественно. И вот ещё что, — добавил он, снизив тон, и Хельмуту пришлось прислушиваться ещё сильнее. — Мне, помимо земель, нужно будет ещё и позволение привести сюда мою невесту, бьельнку. На фарелльской девушке я жениться не стану, хотя и понимаю, что ваши герцог и король могут этого потребовать в знак моей верности... Но я уже принёс клятву своей невесте, и нарушать её я не намерен.

Зато вассальной клятвой лорду и королю Вильхельм, видимо, не настолько дорожил. Хельмут хмыкнул: это бы уж точно потешило самолюбие Хельги.

— О-о-о! — довольно протянул незнакомец. — Конечно, госпо... ваша светлость, конечно! Столь обширным землям нужен не только лорд, но и леди.

Дальше Хельмут слушать не хотел.

Он медленно побрёл в лагерь, еле переставляя ноги и не боясь, что Вильхельм настигнет его на коне и поймёт, что за ним следили. В конце концов, ему тоже можно что-нибудь соврать. А если Остхен что-то заподозрит... да чёрт с ним. Хельмут его тут же повалит на землю и придушит.

Какая-то часть разума до сих пор не могла поверить в то, что он только что услышал. Вильхельм, конечно, тот ещё непредсказуемый засранец, вечно себе на уме, с задумчивым взглядом и неожиданными идеями... Но чтоб до такого? До предательства? Это же просто бред какой-то. Наверное, это всего лишь сон; наверное, Генриху всё-таки удалось вчера влить в Хельмута пару бокалов вина, после чего его развезло, и него напали такие вот бредовые похмельные сновидения. Захотелось поскорее проснуться и прийти в себя.

Но другая часть разума понимала: всё услышанное — правда. Хельмут застал друга, жениха своей сестры, союзника на месте преступления. Услышал, как тот договаривался с врагом. Как потребовал от него взамен на двухтысячный отряд часть захваченных земель. Хельмут не знал, что думать: злиться, негодовать, недоумевать, рыдать? В глазах и правда стало как-то больно, но ещё больнее — в груди, в душе, и руки затряслись от переизбытка чувств, и ноги сделались почти ватными...

Как он мог?

Хельмут не хотел в это верить, но он услышал достаточно, чтобы поверить.

Его осенило, и он снова замер.

Вильхельм говорил о схемах, которые Хельмут ждал сегодня с гонцом. Хельга должна была их найти и отправить, а они бы потом на совете обсудили и составили план штурма, исходя из местоположения этого тайного хода... Но схемы попали в руки Вильхельма. Наверное, пока Хельмута не было, Остхен встретил гонца и забрал письмо. Или Хельга отправила их не брату, а жениху... Вильхельм просил не сватать его с фарелльской девушкой, чтобы сохранить свою помолвку с Хельгой... Уж не в заговоре ли она с ним?

Хельмут покачал головой. Нет, сестра бы так ни за что не поступила. Она, конечно, любила Вильхельма, но всё же хотелось верить, что на предательство из-за этой любви она бы не пошла. Разве что... её могли обмануть. Хельга всегда была доверчивой, возможно, Вильхельм запутал её, убедил, чтобы она послала схемы ему, а не Хельмуту... Или не Вильхельм, а, например, Эрика. Наверняка её прекрасных белых рук дело. Хельмуту стало даже как-то неловко от того, что он с ней спал.

Он заскрипел зубами, сжал руки в кулаки, впиваясь ногтями в кожу, и ускорил шаг. Эрика так ему нравилась, она была такая хороша и изысканна... Конечно, он не был в неё влюблён, но всё же они провели вместе ночь, и эта женщина очаровала его напрочь. А в итоге... в итоге она оказалась такой же предательницей, как и её братец. Что ж, следовало ожидать.

Хельмут не заметил, как вернулся в лагерь. Сердце бешено колотилось, в мыслях царила полная неразбериха, пальцы мелко дрожали. Пройдя мимо палаток солдат, он оказался возле шатров командующих. Сразу же взгляд упал на чёрно-серый шатёр Генриха, и Хельмут понял, что наилучшим выходом было бы пойти к нему и рассказать всё, что он услышал. Тогда Вильхельма, скорее всего, схватят и допросят, возможно, с пристрастием. Есть вероятность, что «случайно» убьют под пытками. План штурма поменяют или вообще отменят его, придумают что-то новое. Война затянется ещё на несколько лун, Хельга будет убита горем, а Хельмут, несмотря ни на что, почувствует себя последней мразью.

Но Вильхельм-то явно себя последней мразью не чувствует?

Нет, это точно была какая-то магия. Остхен не в первый раз творил глупости, чего стоит та попытка разделить авангард, из-за которой битва за Клауд оказалась проиграна. Но Хельмут каждый раз не мог никому об этом сказать. Ни Генриху, ни лорду Джеймсу... и теперь тоже что-то мешало ему, что-то будто бы затыкало рот и путало мысли: Хельмут вроде бы шёл к Генриху в шатёр не очень уверенными шагами, но внезапно обнаружил себя у собственного шатра, хотя, чёрт возьми, вообще не помнил, как до него добрался.

Видимо, Вильхельма и вправду заколдовали либо сами фарелльцы, либо кто-то ещё — может, Эрика, кто её теперь разберёт, вдруг она, помимо всего прочего, была ещё и ведьмой? И теперь о предательстве Остхена никто не узнает, потому что Хельмута — единственного, кто знал обо всём этом, — заморочили и заставили ощущать себя таким же предателем, каким был сам Вильхельм, если не хуже.

Но если это магия, значит, её можно разрушить — тоже магией? Хельмут особо не разбирался в ворожбе и колдовстве, но всё же кое-что понимал, вычитав из книг, сказок и легенд. Если Вильхельма заколдовали, позволив ему творить что угодно и защитив его от опасности выдать себя, то, значит, расколдовать его тоже можно... Хельмут поначалу совсем отчаялся, а потом вспомнил... Бобровая жилетка, высокие ботфорты, кулон с руной на шее и рассыпанные по носу веснушки... Убеждённая язычница, целительница-магичка, сражающаяся бок о бок со своим братом...

Кассия Кархаусен, шингстенская ведьма, прибывшая сюда не столь давно с Серебряного залива.

Хельмут вскочил и бросился искать её шатёр.

***

Кассия сидела на скромном деревянном стуле возле шатра и безучастно смотрела в небо, наблюдая за редкими маленькими облаками. Несмотря на ранний час, встала она, судя по всему, давно и уже успела привести себя в порядок после сна: густые каштановые волосы заплетены в косу, поверх серой рубашки накинута всё та же бобровая жилетка, на шее висит шнурок с тремя рунами... Хельмут замер в паре метров от неё и даже чуть попятился — несмотря на безобидный вид, эта девушка внушала какой-то неестественный страх. В Бьёльне шингстенцам и так не доверяли, а Хельмут, живущий недалеко от границы с их землёй, не понаслышке знал о хитрости и коварстве этого народа. Однако Кассия пугала вовсе не возможным коварством — дело было вообще не в её происхождении, а, наверное, в

её способностях, о которых по лагерю ходило множество слухов.

И Хельмут не сразу заметил, что её устремлённые в небо глаза светились магическим золотом.

— Доброе утро, барон, — проронила Кассия, не глядя на него, губы её едва заметно дрогнули в ухмылке. — Простите, я сейчас немного занята...

— Ваша светлость, я не хочу вас отвлекать, — откашлявшись, сказал Хельмут, — но у меня правда дело срочное. От этого зависит исход грядущего штурма и, пожалуй, всей войны в целом.

Кассия закатила глаза, на мгновение смежила веки, а когда открыла их, то радужки её вновь приобрели голубой оттенок. Она вздохнула, встала и приподняла входное полотнище своего коричневого шатра, приглашая Хельмута внутрь.

— А ваш брат?.. — уточнил он, подходя ближе.

— Он ещё спит у себя, — хмыкнула Кассия. — Я уговорила его поставить себе отдельный шатёр — мне нужно личное пространство. А рассказам о том, как он блюдёт мою честь, вы не верьте. На самом деле он ничего не видит.

Хельмут лишь пожал плечами.

Даже в паре услышанных от неё фраз был слышен ярко выраженный шингстенский акцент. Она сильно выделяла звуки «ж» и «ш», будто растягивая их, а «ч» у неё звучал очень твёрдо.

В шатре Кассии густо пахло ладаном, как в церкви, а ещё травами, отчего дышать стало немного труднее. Мебели тут оказалось немного: кровать, накрытая огромным меховым одеялом, пара стульев и стол, на котором виднелось множество каких-то баночек, склянок, бутылочек и прочих ёмкостей для жидкостей или порошков. Помимо них, можно было рассмотреть и перья, и потухшие маленькие свечи, и камешки, и дощечки с рунами... Кажется, понятно, почему Кассия попросила своего брата поселиться отдельно — ему бы здесь попросту не нашлось места.

Она, на ходу сбрасывая жилетку и кидая её на кровать, подошла к этому столику, в то время как Хельмут застыл у входа, и принялась переставлять баночки и скляночки, словно что-то искала.

— Баронесса, могу я поинтересоваться, что вы делали сейчас, до того, как я вас отвлек? — решился наконец подать голос Хельмут, потому что Кассия, кажется, слишком уж увлеклась своими сосудами. Ему и правда было интересно узнать, над чем она колдовала, смотря в небо.

— Молилась, — бросила она через плечо. — Молилась за нашу победу, ваша светлость.

— Разве для молитвы требуется магия?

— Какой вы наблюдательный. — Кассия оглянулась и осмотрела Хельмута с ног до головы оценивающим взглядом. Он лишь усмехнулся и гордо вскинул голову. — А что это у вас на лице? — вдруг нахмурилась она. — На левом виске?

Хельмут вздрогнул. После вчерашнего он так и не умылся, и, видимо, на лице остались следы его с Генрихом маленького преступления... Кажется, девушка не догадалась о природе этих следов, и он быстро потёр пальцами висок и щеку, пытаясь их убрать.

— Таким, как я, — да, требуется, — продолжила Кассия. — У таких, как я, с богами особые отношения. — Вдруг она вытянула руку и разжала кулак, и Хельмут обнаружил на её ладони небольшую круглую деревянную пластиночку с чёрной руной. — И боги говорят, что скоро вы, барон, переживёте очень болезненное предательство.

Он внимательно осмотрел руну, но так и не смог понять, что в ней говорило о предательстве.

— Есть руны для заклинаний, которыми пользуются лишь маги, — словно прочитав его мысли, произнесла Кассия, не сводя с Хельмута пронзительно-насмешливого взгляда, — а есть руны для гадания, их и обычные люди могут использовать. У меня есть и те, и те. И руны для гадания говорят именно то, что вы слышали.

Хельмут не знал, как относиться к её словам. Единый Бог, в которого верили в Нолде и Бьельне, не позволял гадать и заглядывать в будущее, потому что будущее может быть известно лишь Богу, а люди, смертные его дети, об этом знать не должны. А вот множество богов Шингстена, видимо, подобную ворожбу поощряло... Быть может, обычному гаданию доверять не следовало, но ведь Кассия — ведьма, как она сказала, у неё с богами отношения особые... Возможно, они открыли ей часть правды о Вильхельме, ну или она просто угадала.

— Об этом я и хотел поговорить. — Кассия смогла произнести слово «предательство», а вот Хельмут не смог — язык не послушался. — Один человек среди нашего командования... мой друг... он... не очень хорошо поступил.

— Кто? — встрепенулась Кассия, убрав с лица улыбку. — Неужели милорд Генрих?

— Нет, что вы! — Хельмут даже нервно рассмеялся. — Это... чёрт. — Язык словно прилип к нёбу. — Я не могу назвать его имя.

— Не можете, потому что не хотите или боитесь? — уточнила девушка, вертя в пальцах руну.

— Не могу, потому что попросту не способен. Что-то мешает. Поэтому я к вам и обратился, ваша светлость, — наклонил голову Хельмут. — Я чувствую, что здесь замешана магия.

— Вероятно, — задумалась Кассия.

Она снова отвернулась и принялась перебирать свои скляночки, руны и свечи, а Хельмут замер в растерянности, не зная, что сказать дальше. Он не мог назвать имени Вильхельма, не мог передать то, что услышал от него в лесу... Да и не хотелось ему доносить на друга, на человека, с которым он дружил с детства и который приходился женихом его сестре... Да, его предательство было страшным ударом и могло переломить ход войны в пользу врага, и разумом Хельмут прекрасно это осознавал, но вот в душе он совершенно не хотел никому говорить о том, что Вильхельм — предатель, потому что всё ещё считал его своим другом.

Видимо, магия, о которой он сказал Кассии, подействовала именно на душу, и теперь в ней бурлили такие противоречия.

Оставалось надеяться лишь на то, что шингстенская ведьма с помощью магии сможет как-то выяснить, что происходит, и помочь Хельмуту от этого избавиться. Но Кассия молчала, будто забыла о присутствии гостя в своём шатре.

Хельмуту было ужасно неудобно стоять здесь, чувствуя себя полностью потерянным, а ведь он хотел привести себя в порядок, переодеться, уложить волосы... Рубашка измялась к чертям, и ему больно было представлять, как он выглядел сейчас со стороны. К тому же жутко хотелось есть, ведь позавтракать Хельмут тоже не успел.

Он сделал вдох, наполнив лёгкие этим пропитанным таинственными запахами воздухом, и осторожно позвал:

— Ваша светлость?

— Скорее всего, на вашем друге заклятие защиты от дурного слова, — глухо заговорила

Кассия. — Я могла бы попробовать его снять, но нужно убедиться, что оно вообще есть... Желательно, чтобы на нём была руна... тогда я могла бы попробовать убить заключённую в ней магию.

— Вот-вот начнётся военный совет. — Хельмут даже испытал некоторое подобие радости, когда вспомнил об этом. Вильхельм наверняка придёт на совет и принесёт схемы, чтобы обсудить план... — Как только вы туда придёте, то сразу поймёте, о ком я говорю. И если у вас получится снять наложенное на него заклинание, то я...

Он не придумал, как мог бы отблагодарить ведьму за её возможную помощь, но верил, что был в силах исполнить для неё буквально всё. Лишь бы она как-то поспособствовала спасению Вильхельма...

— Подождите, барон, мы ещё ничего не сделали.

Кассия снова повернулась к нему лицом и улыбнулась. У неё на лице были веснушки, но не такие, как у Хельги. Сестра всегда пудрила их, говоря, что они её раздражают, а вот эта шингстенка, кажется, особо не беспокоилась. Поэтому веснушки светились на её лице, придавая девушке задорный вид. Однако тот непонятный страх, вызванный, скорее всего, магическими способностями Кассии, так и не покинул сердца Хельмута. Хотя он и понимал, что сейчас она ему вреда не причинит.

— Но если всё действительно настолько важно, как вы говорите, — продолжила девушка, опираясь ладонями о столешницу, — то я постараюсь снять заклинание как можно скорее.

После получения схем Вильхельм обязан был тут же сообщить об этом кому-то из главнокомандующих — Генриху или лорду Джеймсу. По крайней мере, Хельмут поступил бы именно так. Однако если бы Остхен внезапно забежал в шатёр к Генриху в тот момент, когда оттуда ещё не вышел Хельмут... пожалуй, это было бы очень смешно. Ну или страшно.

Но Вильхельм решил первым делом отчитаться своим новым фарелльским друзьям. Или не новым? Интересно, сколько он уже поддерживает с ними связь? Когда и при каких обстоятельствах они заключили союз?

Хельмут покачал головой. Всё это, конечно, любопытно, но времени на раздумья не было — нужно как можно быстрее остановить его, воспользовавшись помощью Кассии. Остановить — и спасти.

Перед советом Хельмут всё же успел выпить глоток воды и позавтракать (или уже пообедать?) вчерашней давно остывшей картошкой. Переоделся, заменив измятую сиреневую рубашку на более скромную, чёрную. Быстро причесался, умылся, надеясь, что смог избавить своё лицо от следов прошедшей ночи, и брызнул на шею капельку одеколона. Из-за всех этих сборов (точнее, из-за слезки за Вильхельмом и разговора с Кассией, после которых он наконец-то успел хоть как-то привести себя в порядок) Хельмут чуть не опоздал на совет.

Генрих уже был в командирском шатре, видимо, загодя придя вместе с лордом Джеймсом. Было хорошо заметно, что между повелителем Нолда и его бывшим оруженосцем до сих пор существовала особая связь, что вдвоём им обсуждать некоторые вещи было удобнее, чем с кем-то ещё, что они доверяли друг другу и прислушивались друг к другу во всём...

Заметив его, Генрих подмигнул, но Хельмут лишь закатил глаза — друг ведь сам просил с ним не заигрывать! Не сразу он заметил, что Генрих повязал на шею тёмно-зелёный платок — это вызвало у него сдержанную ухмылку. Сам он успел заглянуть в зеркало и убедился, что на его собственной шее прятать нечего. Но на всякий случай всё-таки поправил воротник камзола.

Совет длился не очень долго: основной план по взятию Лейта у них был обозначен уже давно, а детали зависели целиком и полностью от схем, присланных Хельгой. Схемы внимательно изучили, согласно им подправили слабые моменты плана, заново расставили войска... И Хельмут ни капли не удивился, когда Вильхельм вызвался вести отряд к тайному ходу. Что главное, ни у Генриха, ни у лорда Джеймса, ни у кого-то другого не было повода ему отказать. Неудача после битвы за Клауд уже замялась, да и тогда всё-таки никто не узнал, что эта неудача была на совести Вильхельма. А в остальном он вёл себя безукоризненно.

— Я тоже могу, — подал голос Хельмут, почувствовав на себе требовательный взгляд Кассии. — Думаю, тысяча моих солдат лишней не будет.

— Не беспокойтесь, ваша светлость, я справлюсь самостоятельно, — широко улыбнулся Вильхельм — может, раньше эту улыбку можно было бы принять за искреннюю, но сейчас... Хельмут видел, какая она натянутая и наигранная. — Но спасибо за предложение помощи.

— Собственно, я не вижу причины, по которой вам следует от этой помощи отказаться, — мягко заметил лорд Джеймс, со странным прищуром посмотрев на

Вильхельма. Тот улыбку убрал и приосанился.

Хельмут бросил мимолётный взгляд на Кассию — та стояла, закрыв глаза и сцепив пальцы в замок. Что она, чёрт возьми, делает? Больше на неё никто внимания не обращал, а она, в свою очередь, за весь совет ни разу не подала голос. Ведьма начала едва заметно покачивать головой, затем резко распахнула глаза — Хельмут заметил, как они на долю мгновения вспыхнули золотом и погасли. Вряд ли это кто-то заметил, кроме него.

Он догадался, что свою магию Кассия направляла на Вильхельма. Может, чтобы заставить его изменить мнение и согласиться идти к тайному входу с Хельмутом... Но, посмотрев на Остхена, Хельмут не обнаружил в его состоянии и поведении никаких изменений.

— Поверьте, барон Вильхельм, что помехой я уж точно не стану — спокойно, но довольно твёрдо сказал он, взглянув другу (теперь, наверное, уже бывшему...) в глаза. — Потом ещё убедитесь, что моя помощь будет неоценимой.

— Барон Штольц себе не изменяет, — тихо, хоть и с явной надеждой, чтоб его услышали, шепнул граф Варден герцогу Рэйкеру — тот кивнул.

— Что ж, если вы так настаиваете... — Вильхельм согласился нехотя, хотя Хельмут ожидал более ожесточённого сопротивления. Впрочем, наверняка Остхен уже придумал, как избавиться от внезапного и столь ненужного ему союзника в пылу битвы.

И Хельмут на самом деле тоже это придумал.

Конечно, следовало бы крикнуть на весь шатёр, на весь лагерь, на весь Нолд, что Вильхельм — предатель, что его прямо сейчас нужно схватить и допросить... И он понял, что наконец-то может это сделать, он больше не чувствовал власти над своей речью и разумом, ничто больше не сковывало его язык. Его голос могли услышать, к нему могли прислушаться, Генрих бы вступился за него в случае недоверия...

Но Хельмут не сказал ничего.

Он придумал, как остановить Остхена, как не позволить ему перевести войска на сторону противника и как спасти его от страшной ошибки, которую ему уже никогда не простят... если, конечно, о ней кто-то узнает.

Пока о ней знали лишь Вильхельм, Хельмут и Кассия. И последняя, как он надеялся могла бы помочь ему спасти заблудшего друга и остановить его от шага в адскую пропасть.

***

— Почему вы никому ничего не сказали? — вспыхнула Кассия, заталкивая его в свой шатёр.

На совете она была с братом, как всегда, поэтому после того, как все разошлись, она сначала проводила Адриана в его шатёр, а потом уже перехватила несколько растерявшегося Хельмута и повела его к себе.

— Я сняла заклятье, и вы это видели, — заявила она, встав прямо посреди шатра с поистине грозным видом — барон Штольц немного поёжился от этого гневного, раздражённого взгляда. Даже веснушки, даже растрепавшаяся коса не смягчали образа разозлённой Кассии. — На нём была руна, он прятал её под одеждой или в кармане... — сказала она уже спокойнее, тише. — Я убила всю магию в ней, и вы видели, как я эта сделала. Вы могли бы сказать лорду Штейнбергу и лорду Коллинзу, что среди нас есть предатель, но вы какого-то чёрта промолчали, и я, видят боги, не хочу слышать оправданий!

Её голос снова зазвенел гневом, и Хельмут испугался, что барон Адриан в соседнем шатре услышит и прибежит сюда с обнажённым мечом отстаивать честь сестры... Но ничего

подобного не произошло. Они с Кассией по-прежнему оставались один на один, и девушка смотрела на Хельмута так, будто предателем был он, а не Вильгельм. Нужно что-то ей ответить. Кассия, возможно, не поймёт его, но Хельмут всё-таки надеялся донести свои мысли и убедить её в правильности своих действий.

— Вильгельм — мой друг, — начал он, вдохнув побольше воздуха, пахнувшего травами и ладаном. — Мы дружим с детства. Он жених моей сестры. Она правда влюблена в него, а я правда к нему привязан, несмотря ни на что. Полагаю, что не только заклинание не позволило мне сказать всем о том, что он задумал, — признался Хельмут, понизив тон и опустив взгляд, словно его резко заинтересовали пряжки на собственных ботинках. — В глубине души я... я не хотел, чтобы кто-то узнал о нём. Ваша светлость, просто представьте, что будет с Вильгельмом, если все узнают, что он предатель. Не только наши командующие, но и вся страна. Поверьте, скрыть такое будет невозможно. Даже если лорд Джеймс или лорд Генрих решат сохранить преступление в тайне... об этом всё равно постепенно узнают все, от короля до самого нищего крестьянина. По стране поползут слухи, и дом Остхенов будет покрыт позором. Я не могу судить, причастна ли к предательству сестра Вильгельма, Эрика, и знала ли об этом их мать, баронесса Аделина... Но и им тоже будет нелегко.

Вильгельм сказал, что именно слова матери толкнули его на такой страшный шаг. Он пытается добиться большего, чем у него есть... Интересно, каким образом? Вряд ли он рассчитывает сохранить за собой своё остхенское наследство, но те земли Нолда, что пообещали ему фарелльцы, будут явно побольше, чем его родной феод. А потом... после перебежки Вильгельма семья отречётся от него, а наследство достанется Эрике, ведь больше детей у барона Остхена-старшего нет. Конечно, есть ещё барон Клаус, и он тоже может претендовать на Остхен, если вернётся с войны живым... Впрочем, в этом Хельмут начал сомневаться. Теперь он почти полностью был уверен, что герцогиня Эрика причастна к предательству, хоть и не мог никак это доказать себе самому. Детей у неё нет — она может потребовать развода и получить земли Остхена, вернув отцовский титул и фамилию. А Вильгельм, устранив ещё и дядю, получит часть завоёванных Фареллом нолдийских территорий, и все они будут счастливы.

Место Хельги в этом плане Хельмут пока определить не мог и верил всем сердцем, что она ничего не знала и оказалась втянута в весь этот ужас не по своей воле.

— Дом Остхенов покроют позором, — повторил он, приближаясь к замершей в недоумении Кассии. — О моём друге, о женихе моей сестры будут помнить как о предателе. Его имя войдёт в историю, но не так, как мы — я, он, Хельга — об этом мечтали. И я, ваша светлость, этого не хочу.

— Но ведь он и есть предатель, — покачала головой Кассия. — Он поступил подло и мерзко. Зачем вы его спасаете? Что вам до его посмертной чести?

Хельмут не ответил, потому что сам не знал, зачем его спасает.

— Я ведь не говорил, — хрипло добавил он спустя полминуты напряжённого молчания, — что хочу сохранить ему жизнь. Я убью его сам. И никто никогда не узнает, что замыслил Вильгельм на самом деле.

— Какой вы самонадеянный, — невесело усмехнулась Кассия, не сводя с Хельмута раздражённого взгляда. Кажется, он утратил её доверие, и вряд ли теперь она поможет ему... Что же делать?

— Скорее уверенный в себе, — поправил он с фальшивой улыбкой, — и не вижу в этом ничего плохого.

Кассия не ответила. Она глухо выдохнула, отвернувшись, закусив губу...

— Вы могли бы сказать об этом лорду Генриху, — буркнула она, — вы же друзья.

Почему вы пошли ко мне?

— Тут всё ещё замешана магия, и без неё мне Вильгельма так просто не убить. А насчёт магии я могу довериться, кажется, только вам.

— Он может погибнуть в битве раньше, чем доберётся до этого тайного входа, — закатила глаза Кассия, приближаясь к своему заставленному склянками и заваленному травами столику. — Возможно, вам даже не придётся его убивать самостоятельно. Шальная стрела со стены — и...

— Какова вероятность, что эта стрела попадёт именно в него и именно тогда, когда он ещё не успеет перевести свой отряд на сторону врага? — Хельмут тоже сделал пару шагов вперёд, приближаясь к Кассии: говорить громко было нельзя, а он хотел, чтобы она хорошо его слышала. — Пожалуйста, баронесса...

— Не могу же я изменить реальность... — снова начала злиться она, но Хельмут перебил:

— Можно его отравить. Дать ему яд, который подействует не сразу, а завтра, в гуще битвы. — Хельмут задумался. Конечно, слишком много обстоятельств должно совпасть, чтобы план точно сработал... И наверняка что-то пойдёт не так, можно не сомневаться. Но всё же попробовать стоит. Остановить Вильгельма, убрать его так, чтобы показалось, будто он пал в битве... И чтобы никто так и не узнал о том, что он хотел сделать. — В общем, ваша светлость, я очень надеюсь на вашу помощь.

Кассия не отвечала. Она смотрела то вниз, то на свою кровать, на которой поверх мехового одеяла всё ещё лежала бобровая жилетка, то поворачивалась к столику... и молчала. И по лицу её невозможно было прочесть, что она думает и какое решение намерена принять. Хельмут уже даже успел смириться, что ему придётся действовать в одиночку и молить Бога, чтобы Кассия не проболталась, не рассказала о его плане брату, лорду Джеймсу или Генриху...

Возможно, Хельмут расскажет обо всём Генриху сам, но позже. Не хотелось втягивать в такое мутное дело лучшего друга... или уже не друга? Кто они теперь друг другу, после того, что между ними было?

Хельмут отбросил эти мысли на задворки сознания. О своих отношениях с Генрихом он подумает позже.

Наконец он дождался ответа Кассии.

— Я знаю один яд, — тихо сказала она, почти шёпотом. — Он действует медленно и почти незаметно, убивая человека внезапно, спустя часов шесть-восемь после приёма... Я могу приготовить его и магией увеличить срок действия часов до двенадцати. Но каким образом вы дадите это зелье барону Остхену?

Хельмут пожал плечами. У него впереди было полдня, чтобы как-то отравить Вильгельма, и он считал, что об этом задумываться пока рано.

Поняв это, Кассия закатила глаза.

Между столиком и лежанкой у неё был втиснут сундучок: тёмно-коричневое дерево, блеклая стальная оковка безо всяких украшений... Совершенно непримечательный, самый обычный сундук, но Кассия, присев возле него на корточки, бережно, едва ли не с любовью погладила его крышку и осторожно приоткрыла. Быстро достала что-то и тут же захлопнула, не позволив Хельмуту даже мельком взглянуть на содержимое сундука.

— У меня есть небольшая бутылка неплохого южношингстенского вина, — задумчивым тоном произнесла Кассия, поворачиваясь к нему лицом. — Сейчас я сделаю яд и добавлю туда пару капелек. Подарите вино барону Вильхельму. Не думаю, что он откажется, вы же друзья...

— А если он предложит выпить мне? — похолодел Хельмут. Жертвовать собой таким глупым образом он не собирался. Умереть от яда, да ещё и собственноручно добавленного в вино... позорнее смерти не придумаешь.

— Я дам вам противоядие, — пожалала плечами Кассия, будто говорила о какой-нибудь закуске.

— Вдруг оно не подействует?

Ведьма вздохнула. Бутылку она прижимала к груди, будто младенца. Сама бутылка была небольшой, из прозрачного зелёного стекла, украшенного тонкими узорами. Она была закупорена, поэтому запаха Хельмут не чувствовал. И слава Богу — иначе он от одного лишь аромата начал бы петь как пьяный моряк.

— Вы доверили мне секрет, которым не хотите делиться даже с лучшим другом, — закатила глаза Кассия, не выпуская вино из рук. — Вы ни слова не сказали, когда я заикнулась про яд, то есть моим навыкам изготовления отравы вы доверяете тоже. Вы втянули меня в настоящее преступление, сделали соучастницей убийства, ведь пока вина барона Остхена не доказана, ваши действия действительно являются обыкновенным убийством, самосудом... И это вы мне тоже доверили. Но почему вы не можете доверить мне создание противоядия? В чём разница-то?

— В том, что в этом случае речь идёт о *моей* жизни! — вспыхнул Хельмут.

Если не подействует яд, то ничего, можно будет как-то попробовать прикончить Вильхельма в пылу боя... А если подействует яд, но не подействует противоядие? Хельмут не очень хотел падать в ад вслед за Остхеном. По крайней мере, сейчас.

Но он уже дал Кассии понять, что доверяет ей, он и правда раскрыл ей важнейший секрет, и теперь отступать поздно. Придётся доверить ей и свою жизнь в том числе. Так что пусть готовит и яд, и противоядие... И если Вильхельм попросит Хельмута выпить редкого южношингстенского вина вместе с ним, тот даже попытается изобразить удовольствие.

Кассия несколько минут колдовала (и в прямом, и в переносном смысле) над своим столиком, выбирая нужные скляночки и выискивая мешочки с засушенными травами. Она предложила Хельмуту зайти попозже, когда всё будет готово, но он всё же решил остаться и понаблюдать за процессом, хотя ничего не смыслил ни в изготовлении зелий, ни в ядах, ни в магии. Ему просто было любопытно. Он сел на лежанку поверх мехового одеяла, а Кассия, выбрав нужные склянки и мешочки, а также подготовив всю необходимую посуду, опустила прямо на землю. Она распустила волосы, сняла ремень и сапоги, выпростала из-под рубашки три руны на грубом шнурке... И вдруг хитро улыбнулась, посмотрев на Хельмута снизу вверх прищуренными глазами.

— На самом деле я привыкла колдовать полностью обнажённой, — призналась Кассия. — Но раз уж вы решили составить мне компанию...

Он ощутил что-то вроде смущения после этих слов. Представить эту девушку без одежды было несложно, да и ничего против того, чтобы она сейчас разделась, Хельмут не имел. Он бы с радостью понаблюдал за ней в этот момент, но... но не более.

Кассия смешала несколько мелко нарезанных засушенных листков в железной миске, вылила туда флакон какой-то тягучей жидкости серо-зелёного цвета... Глаза её то и дело

вспыхивали золотом — видимо, она пробуждала в травах и зельях их магическую силу. Хельмут следил за этим, не отрываясь. Он не смел не признать, что Кассия была прекрасна. И без того привлекательная девушка с большими синими глазами, длинными густыми каштановыми волосами, милыми веснушками и в целом с весьма приятными чертами лица в момент ворожбы стала потрясающе красивой.

Кассия провела ладонью над миской, пошевелив пальцами, потом быстро влила туда немного воды из обычной фляги... жидкость в миске начала будто бы шевелиться, на её поверхности появились пузыри — россыпи мелких и шишки крупных. В глазах ведьмы вновь вспыхнуло золото, и она влила в миску ядовито-розовой блестящей жидкости из крошечной прозрачной склянки, а сверху присыпала какими-то мелкими цветками, напоминающими пастушью сумку. Всё это забурлило, словно водоворот в горной реке, и Хельмуту подумалось, что сейчас магическое варево взорвётся и уничтожит окружающее пространство...

Но ничего не произошло. Кипение успокоилось, улеглось, и поверхность мутной густоватой жидкости стало гладким, словно зеркало, и полностью бесцветным, несмотря на то, что в него было добавлено множество ингредиентов различных оттенков. Запаха тоже от него не исходило. Наверняка и вкуса у яда нет, иначе испортит вино и выдаст себя...

Кассия крошечной ложечкой зачерпнула немного получившегося зелья и вылила в бутылку. Затем ещё и ещё... Вливала она предельно аккуратно, стараясь не пролить ни капли, и Хельмут понимал, чем может быть чревата неосторожность.

Изготовление противоядия тоже не заняло много времени. В целом Хельмуту пришлось ждать около часа, и всё это время он, стараясь сохранять внешнее спокойствие, безумно волновался в душе. Он ещё никогда не видел магию так близко, не ощущал кожей её присутствие... она напоминала волны, лижущие ступни, только чувствовалась не физически, а душой. Каждый раз, когда глаза Кассии вспыхивали золотом, на Хельмута будто накатывала эта незримая, бесплотная волна, а ведь он был обычным человеком, смертным, родившимся без магических способностей... Интересно, что же тогда чувствовала сама Кассия?

Прежде чем отдать Хельмуту вино, она заставила его выпить противоядие.

Он по-прежнему не вполне доверял этому противоядию, но когда ведьма, не поднимаясь с земли, на вытянутых руках протянула ему миску с зельем, стало понятно, что выбора особо-то и нет. Либо он выпьет и получит отравленное вино, которое потом вольёт в Вильгельма, либо откажется и уйдёт ни с чем, думая, как убить его по-другому. Видит Бог, Кассия поступила очень хитро, и за это её следовало уважать.

Зелье оказалось довольно горячим, но вкуса и запаха у него не было совсем.

Поднявшись и отряхнув штаны, Кассия наконец отдала Хельмуту вино. Видно было, что девушка устала: дышала она тяжело, прерывисто, ресницы и губы её дрожали... Кто бы мог подумать, что такая эфемерная, незримая вещь, как магия, отнимает столько сил?

Отдав бутылку, Кассия тяжело опустилась на лежанку и провела ладонями по лбу, убирая с лица растрёпанные волосы. Не хотелось больше как-то её беспокоить, ей пора хорошенько отдохнуть, набраться сил перед завтрашней битвой, может, поспать... Но Хельмут не сделал самого главного, поэтому не ушёл.

— Спасибо вам, ваша светлость, — улыбнулся он. — Я правда благодарен вам, но слова в карман не положишь, сами знаете... Как я могу отблагодарить вас?

— Я подумаю, — глухо и хрипло отозвалась Кассия, не поднимая на Хельмута

взгляда. — Скажу вам после битвы, если мы оба её переживём, но... Я всегда рада вас видеть у себя.

Вдруг она посмотрела на него — в глазах пляшут черти, губы медленно растягиваются в странной полуулыбке, ресницы дрожат уже не устало... Хельмут даже чуть отпрянул.

Он понял намёк.

Совсем недавно Хельмут думал о том, насколько Кассия хороша собой (а в процессе колдовства так вообще прекрасна). К тому же она была умна и отважна — не побоялась пойти на войну, хотя имела права не делать этого как женщина. Ей было всего-то лет двадцать — на год младше самого Хельмута. Она стала бы идеальной невестой для него, несмотря на шингстенское происхождение. Возможно, ему бы даже удалось убедить её отказаться от язычества и принять веру в Единого Бога... Это был бы обиденный союз между двумя дворянскими домами, брак без особой любви, но с симпатией — то, что случалось в Драффарии едва ли не каждую седмицу.

Но мысли об этом то и дело вытеснялись воспоминаниями о прошедшей ночи. Об объятиях Генриха, о его пальцах, поглаживающих кожу сквозь рубашку, о поцелуях, таких глубоких и одновременно бережных... О его изумрудных, чуть затуманенных страстью глазах, о припухших от поцелуев губах, которые так нежно могут касаться шеи и запястий...

Хельмут понял, что забывается и что подобные мысли легко могут вызвать зуд в штанах и тем самым выдать его... Он покачал головой, возвращаясь в реальность.

Кассия смотрела на него с выжиданием.

— Я понял, — отозвался Хельмут. — Спасибо.

Когда он вышел из её шатра, то обнаружил, что день уже начал клониться к закату. Воздух становился холоднее, и Хельмут поправил плащ на плечах, чтобы не озябнуть. Небо темнело, стало даже видно прозрачную, едва заметную луну. Час битвы неотвратимо приближался, а Вильхельм ещё не сделал ни глоточка отравленного вина... Стоило поторопиться.

Хельмут оглянулся: молодой мужчина, выходящий из шатра незамужней девушки, мог вызвать определённые пересуды, а если учесть, что рядом с шатром Кассии стоял шатёр её брата Адриана... Вильхельм, помнится, говорил, что барон Кархаусен готов убивать за честь своей сестры, хотя сама Кассия уверяла, что он ничего не видит и не знает. И всё же Хельмут встревожился: ему не хотелось, чтобы их с Кассией заподозрили в том, чего они не делали.

Однако вокруг было пусто. Подумалось, что это баронесса навела морок вокруг своего шатра, чтобы к нему не приближались посторонние... Хельмут усмехнулся этой мысли. Если его догадка верна, то Кассия и вправду весьма умна.

Он направился к шатру Вильхельма, молясь, что не застанет его там с очередной шпуюхой. На самом деле помолиться стоило бы за свою удачу, за то, чтобы план сработал, Вильхельм выпил хотя бы пару глотков вина (Кассия сказала, что этого будет достаточно) и чтобы завтра яд подействовал... Чтобы он даже не подумал предложить Хельмуту выпить с ним, а на случай, если вдруг предложит, — чтобы противоядие не подвело. Чтобы проклятый штурм прошёл хорошо, чтобы эти несчастные две тысячи человек, которые должен привести Вильхельм, оказались для фарелльцев ощутимой потерей. Чтобы без них враг не смог удержать замок и чтобы битва для драффарийцев закончилась победой.

Но об этом можно будет помолиться ночью, перед сном. Сейчас же Хельмута волновали более приземлённые проблемы.

— Хельмут! — вдруг окликнул его знакомый голос, от которого мигом бросило в дрожь.

Он замер и оглянулся.

Генрих направлялся к нему быстрым шагом, улыбаясь, а глаза его счастливо светились. Отрадно было думать, что он действительно рад видеть Хельмута. Кажется, прошедшая ночь ему понравилась не меньше.

— Моё предложение зайти всё ещё в силе, — напомнил Генрих, останавливаясь в преступной близости от Хельмута. — А это что у тебя?

Хельмут замялся, не зная, как поубедительнее соврать.

— Слушай, прости, но... наверное, сегодня я не найду, — вздохнул он, опустив голову. Зайти и правда хотелось, но волнение за успех отравления и страх перед штурмом, скорее всего, помешают ему насладиться тем, что они с Генрихом могли бы делать. — С тобой-то я помирился, а вот с Вильгельмом ещё нет, — нашёлся Хельмут и кивнул на серо-зелёный шатёр Остхена. — Вот, думаю, подарок его ко мне расположит... — Он показал бутылку вина, стараясь при этом не приближать её к Генриху, хотя яд был заточён за стеклом и не представлял опасности.

— Это хорошая идея, — кивнул Генрих. — Перед такой сложной битвой и правда стоит примириться со всеми, с кем ты был в ссоре. Мало ли чем всё может закончиться, — добавил он и вздохнул. — Но ты не переживай и, если останется время, всё-таки приходи.

Хельмут лишь кивнул. Он понимал, что даже при наличии уймы свободного времени попросту не решится зайти к Генриху до тех пор, пока не разберётся с Вильгельмом окончательно. На плечи словно навалилась тонна камней, а развлекаться с другом при таком душевном грузе было попросту невозможно.

— Доброй ночи, — улыбнулся Генрих, подходя ещё ближе.

Хельмут подумал, что он сейчас его поцелует, и даже неосознанно прикрыл глаза в предвкушении, но вовремя очнулся. Они стояли посреди военного лагеря, их окружали тысячи человек, от рыцарей до солдат, от кузнецов до шлях, и вряд ли хоть кто-то из них спокойно бы отнёсся к этому возможному поцелую. Хельмут даже представить не мог, что начнётся, если о них с Генрихом узнают. Конечно, титулов и земель их вряд ли лишат, но всеобщего осуждения, перешёптываний за спиной и каких-нибудь наказаний со стороны церкви точно стоит ожидать.

А Хельга... Хельга будет очень сильно смеяться.

Конечно, Генрих его не поцеловал — он и сам прекрасно знал, чем это может обернуться. Он лишь на мгновение коснулся пальцами его руки и, не дожидаясь ответа, направился в свой шатёр, оставив после себя ниточку тонких запахов, напомнивших о вчерашней ночи.

Хельмут долго не решался подойти к шатру Вильгельма — вся самоуверенность, вся дерзость и желание решить всё самостоятельно внезапно испарились. В одиночку попробовать избавиться от предателя, никому не говоря, никого не предупредив... Глупо, просто до безумия глупо. Но отступить было некуда.

Как оказалось, Вильгельма всё это время в шатре не было. Когда Хельмут уже решился зайти, он вдруг увидел Остхена неподалёку, отдающего слуге своего коня. И сразу догадался, куда он ездил. Наверняка отчитывался своим фарелльским друзьям о том, как прошёл совет и что его план со схемами сработал... Что уже завтра он приведёт к ним две тысячи человек, заставив их сражаться на стороне врага и убивать тех, с кем они совсем недавно сражались в одном ряду... Хельмут напрягся, пытаясь сдержать вскипевший в душе гнев и унять желание прямо здесь разбить бутылку о голову Вильгельма. Нерешительность пропала, страх улетучился, а вот желание прикончить предателя вернулось, усилившись стократно. Он больше не чувствовал пренебрежения по отношению к Остхену — он ощущал лишь горячую, обжигающую грудь злость.

— О, Хельмут, здравствуй! — улыбнулся Вильгельм, ничуть не смутившись. Впрочем, с чего ему смущаться — он же не знал, что его раскрыли. — Ты чего тут?..

— А я как раз к тебе, — ответил Хельмут, попытавшись выдавить улыбку.

— Да? Ну заходи.

Надо же, какой весёлый и довольный... Впрочем, неудивительно. Наверняка он в своих мыслях уже вместе с Хельгой правит этими самыми землями, по которым они сейчас ходят и с которых выбивают захватчиков.

Вильгельм приподнял входное полотнище, пропуская Хельмута вперёд, и сам зашёл следом. В шатре его было несколько тесновато и довольно темно — свечи не горели, а свет закатного солнца сквозь плотную ткань проникал плохо. Зато здесь было не так душно, как у Кассии, и травами не пахло.

Вильгельм зажжёт пару-тройку свечей, затем снял чёрный с серо-бежевым пером берет, чуть тряхнул головой, и тщательно расчёсанные и уложенные чёрные волосы рассыпались по его плечам. Он никогда не убирал волосы в хвост, даже во время битвы прятал их под подшлемник, не заплетая и даже не перехватывая ремешком.

— Ты присаживайся, — кивнул Вильгельм на небольшой изящный стул возле стола.

Хельмут послушно присел и поставил бутылку на стол, рядом с парой наполовину расплавившихся свечей. Огоньки их едва заметно трепетали, и точно так же, мелко и навязчиво, дрожали пальцы разволновавшегося Хельмута. Кровь стучала в висках, и он боялся как-то выдать себя, но Вильгельм, кажется, совсем не обращал на него внимания. Он суетился, пытаясь убрать свой камзол в заполненный вещами сундук, для чего пришлось перекладывать одежду с места на место.

— Тяжеловато без оруженосца, конечно, — сквозь зубы процедил Вильгельм, взясь с крышкой сундука.

Хельмут не мог не согласиться, и ему тоже было нелегко... Но до войны он не успел найти достойного юношу из благородного дома, чтобы взять его в оруженосцы, обучить искусству владения мечом, стрельбе из лука, основам военного дела и прочим подобным вещам. А тот бы взамен прислуживал ему, помогая с одеждой, оружием и прочими

мелочами. Хельмута самого посвятили в рыцари не столь давно — три года назад, и он думал, что ещё сто раз успеет найти оруженосца... Но война пришла внезапно, и он не успел.

У Генриха оруженосца тоже не было по схожей причине. Он не раз сожалел, что в своё время не взял в оруженосцы Хельмута: когда ему исполнилось двенадцать (примерно в этом возрасте юноши обычно и становились оруженосцами), лорду Штейнбергу было уже девятнадцать и он давно имел на это право. Но Хельмута «перехватил» герцог Гидельшгос, а Генрих с тех пор подходящего мальчика так и не выбрал.

А Вильхельм... Вильхельм на оруженосца уже может не рассчитывать.

Хельмут как-то злорадно ухмыльнулся — он увидел это злорадство на своём лице, мельком посмотревшись в стоящее на столе зеркало.

— Что там у тебя? — наконец повернулся к нему Вильхельм, встав рядом и сложив руки на груди.

— А, ой! — очнулся Хельмут. — Я просто подумал... Завтра очень сложная битва. Штурм, из которого многие не вернутся. И ведь никто не хочет умирать, верно? — Вильхельм без возражений кивнул. — У кого-то точно остались незаконченные дела в этом мире, кто-то кому-то что-то не сказал... Мы с тобой последнее время редко общались, — наконец дошёл до самого главного Хельмут. — Словно между нами возникло какое-то недопонимание, какая-то недосказанность... Я подумал, что стоило бы её разрешить.

— Может, это всё из-за нехватки времени, не более того, — пожал плечами Вильхельм, присаживаясь на соседний стул.

— В любом случае прими от меня этот небольшой подарок, — улыбнулся Хельмут и указал на бутылку — зелёное стекло тускло мерцало в скуповатом свете свечей. — Удалось раздобыть белого полусладкого из южного Шингстена. Немного, но... говорят, вкус просто райский.

— Говорят? — протянул Вильхельм, приподняв бровь (точь в точь как Генрих — Хельмут поёжился, обнаружив это сходство). — Неужели сам и глотка не выпил?

— Я не пью, ты же знаешь.

— Ох, точно! Ну ничего, — и он заговорщически улыбнулся, прищурив изумрудные глаза, — сейчас я тебя заставлю. Заодно поужинаем, к слову.

Не то чтобы Хельмут этого не ожидал... Он сначала подумал, что можно было бы даже посопротивляться для приличия: он ведь отказался пить даже с Генрихом, а уж с таким человеком, как Вильхельм, пить было попросту грешно. Поэтому, конечно, стоило отказаться, но не хотелось тратить время на лишние разговоры. Нужно поскорее влить в Вильхельма отравленное вино, а ещё помолиться Господу, чтобы противоядие Кассии сработало. Всё было так сложно и напряжённо, что нервы не выдерживали... Сердце трепетало, пальцы дрожали, и хотелось просто сбежать к себе, броситься под одеяло и уснуть, уткнувшись лицом в подушку. Или не к себе, а к Генриху, и уснуть уже с ним, в его объятиях на узкой, тесной лежанке...

— Заставлять не надо, наливай, — громко заявил Хельмут и рассмеялся.

Конечно, перед битвой много пить нельзя, но Вильхельма это явно не останавливало. И лишь в тот момент Хельмута посетила интереснейшая мысль: когда Вильхельм умрёт, его вещи будут отправлять в Остхен, в том числе и недопитую бутылку... Нужно куда-то её спрятать после всего, может, вернуть Кассии или попытаться уничтожить... Хельмут понял, что сейчас об этом думать не может. Ещё одна забота, ещё один груз на его плечи... Господи, да сколько можно-то?!

Но раз уж взялся — надо доделать.

— Подожди, не одним же вином ужинать будем, — усмехнулся Вильхельм.

Хельмуту стало не по себе. Мысли и так роились, как испуганные, разозлённые пчёлы, и догадка, что Остхен обо всём знает, привела их в ещё большее смятение. Он ведь, в свою очередь, может отравить еду, и кто знает, справится ли с такой отравой противоядие Кассии... Хельмут нервно сглотнул. Придётся внимательно следить за Вильхельмом и есть лишь то, что попробовал он.

Вскоре на небольшом столике в самом глубине шатра появилась запечённая на углях зайчатина с овощами, несколько ломтиков солёной красной рыбы, мягкий белый хлеб и небольшое блюдо с фруктами — виноградом, яблоками, завезёнными с юга апельсинами... Посмотрев на всё это, Хельмут почувствовал, как рот наполняется слюной. И вспомнил, что ничего не ел с полудня.

— С утра лично застрелил, — похвастался Вильхельм, указывая на заячьи ножки.

— Я посмотрю, ты времени зря не терял, — усмехнулся барон Штольц. Видимо, Остхен успел поохотиться сразу после встречи с фарелльцем, а заячьи тушки, привезённые им из леса, стали своеобразной отмазкой. — А рыба откуда?

— Дядюшка с залива привёз. Это лосось, причём законсервированный очень хитро, по-фарелльски. Сестра рецепт подсказала, — добавил Вильхельм вполголоса, словно сообщал некую семейную тайну. — Может, эти гады нам и враги, но готовить они умеют что надо.

Он достал два небольших серебряных кубка и осторожно откупорил бутылку. Хельмут внимательно наблюдал за каждым его действием, мысленно благодаря судьбу и Бога, что Остхен не попросил его разлить вино. Он бы тогда всё пролил из-за дрожи в руках, что явно вызвало бы вопросы.

Вильхельм налил полбокала себе и чуть меньше — Хельмуту. Тот наблюдал, как полупрозрачное желтоватое вино наполняет серебряные чаши, чувствовал лёгкий, едва уловимый аромат... Хельга любила другое вино — красное и сухое, оно пахло резче и выглядело, конечно же, иначе.

Боже, Хельга... Что же с ней будет, когда она узнает о смерти Вильхельма? Пожалуй, чёрные вести долетят до неё едва ли не раньше, чем до его родителей. Но самое главное — чтобы она ничего не узнала о его предательстве. Хельмут не мог предсказать её реакцию, но понимал, что она будет опустошена и убита. Может, слова о том, что её жених погиб как герой, её хоть немного утешат...

— Выпьем за мою невесту, — предложил вдруг Вильхельм так вовремя. — Кажется, у неё скоро шестнадцатые именины, так что, думаю, мой тост уместен, — добавил он с улыбкой. — Более достойной девушки, чем она, я не встречал. Она ждёт нас обоих и любит, смею предположить, тоже обоих.

— А ты? — Хельмут вдруг резко взглянул на него. — Ты её любишь?

— Конечно! — тут же отозвался Вильхельм, состроив обиженное лицо. — Конечно, я её люблю. — Тут же он перестал ёрничать и опустил взгляд, взбалтывая вино в бокале. Болтай, болтай, может, яд лучше растворится... — Я уже не могу дождаться момента, когда мы с ней встретимся вновь. Очень скучаю, — признался он, посмотрев на Хельмута: в полутьме плохо было видно, но можно предположить, что глаза его сияли теплотой. — Так что за Хельгу! — вновь улыбнулся Вильхельм, приподняв бокал. — За будущую баронессу Остхен!

Хельмут кивнул. Вильхельм тут же поднёс к губам свой бокал и осушил в несколько уверенных глотков. Кассия говорила, что яд не имел вкуса и запаха и обнаружить его

наличие в вине было невозможно. Вильхельмпил совершенно спокойно, не зная, что пьёт собственную смерть, принятую из рук друга.

А Хельмут всё не решался даже взглянуть на свой бокал. Вдруг противоядие не подействует? Или подействует, но плохо, и яд будет убивать его медленно, мучительно, лунами и годами, принося адскую боль? Вильхельм выпил, дело сделано, но если не выпьет Хельмут, то это явно вызовет вопросы... Он поднёс бокал к губам, поводит языком по серебру и вдохнул аромат белого полусладкого. Полноценный глоток делать не стал.

Но Вильхельм этого вроде бы не заметил.

Он поставил пустой бокал на стол, зажмурился...

— Хорошее вино ты достал, — заметил он, поправив воротник рубашки, и тут же принялся за зайчатину. Хельмут выдохнул с облегчением: видимо, не отравлено, можно есть...

Хотя... возможно, Вильхельм оказался таким же предусмотрительным и тоже выпил противоядие перед едой? Хельмут покачал головой. Подобные мысли — признак не вполне здорового рассудка, а живот от голода совсем подвело, сил уже нет... Увидев, как Вильхельм откусил от заячьей ножки кусочек, Хельмут накинулся на другую ножку и обглодал её до чистой кости.

— Да, — растерянно кивнул он, пережёвывая прекрасное мясо. — Да, вино приятное, но... прости, я больше не буду. — Кажется, Вильхельм не заметил, что в бокале его отравителя вина совсем не убивалось. — Ты же знаешь, меня с одного глотка уносит так, что... я до своего шатра не доползу, — усмехнулся он.

— Можешь у меня остаться, если что, — подхватил его смех Вильхельм, подливая себе ещё немного вина, похожего на отравленные слёзы.

«Ты, конечно, похож на Генриха, но не до такой же степени!» — Хельмут чуть не сказал это вслух, но вовремя сдержал себя. Он ведь всего лишь понюхал вино, даже капли не выпил, а мысли уже начали цепляться друг за друга, образуя какую-то кашу, и язык потихоньку развязывался... Или это всё от волнения?

Вильхельм выпил ещё, зайчатина вскоре закончилась, они перешли к рыбе... и чем больше времени проходило, тем более жутко становилось Хельмуту. Он вцепился в свой бокал, хотя пить не собирался, и в волнении смотрел на Остхена. Тот, разомлев от вина, смеялся и что-то рассказывал, в том числе и о Хельге, вспоминая их детские игры и прогулки по саду...

Аппетит резко пропал, хотя Хельмут думал, что сможет съесть ещё по меньшей мере одного целого откормленного зайца.

— Она так хороша, Хельмут, — заявил Вильхельм, будто был первым и единственным, кто знал это. — Я ради неё готов на всё. — «В том числе и на предательство, да?» — Она заслуживает лучшего, целого мира... Это ведь правильно, — покачал он головой, прикрыв глаза. — Ну, то, что мы женимся...

Боже, Хельга будет просто уничтожена его смертью. Она места себе не найдёт. Сколько она будет плакать, и представить сложно... Хельмут почувствовал, как сердце сжимает ледяная боль. Видит Бог, сестра не заслужила таких страданий. Не заслужила терять свою любовь, не заслужила переживать острое чувство потери. Но и быть женой предателя тоже не заслужила. Однако Хельмут помнил, что сообщать ей о преступлении Вильхельма нельзя. Это наверняка принесёт ей ещё больше боли.

Вильхельм кинул в рот виноградину и мечтательно протянул:

— Поскорее бы увидеть её вновь.

Что ж, если верить, что после смерти души влюблённых встречаются в раю... Лучше бы вам не видеться как можно дольше.

Он хотел налить себе ещё, но Хельмут жестом остановил его, сжав руку.

— Завтра битва, — напомнил он. — Хочешь с похмелья на штурм идти?

— Точно, — спохватился Вильхельм. Он, конечно, закусывал, но было видно, что всё же немного опьянел.

Вечер сменялся ночью, становилось холоднее, темнее... и страшнее. Хельмут смотрел на Вильхельма, и дрожь была всё сильнее, и сердце по-прежнему сковывала ледяная жуть. Странная мысль молотом била по разуму. Пока ещё Остхен был жив. Он сидел в своём мрачном шатре, за небольшим дубовым столом, пил вино, поглощал фрукты, смеялся и рассказывал о своей невесте... Он знал, что завтра совершит один из важнейших — и страшнейших — поступков в своей жизни, он рассчитывал добиться богатства и получить во владение обширные земли... Хельмуту было сложно догадаться, о чём думал Вильхельм, когда решался на предательство. Да и не хотел он догадываться.

Пока Вильхельм жив, но завтра, часов через двенадцать, как предрекала Кассия, это изменится. Он умрёт, когда яд подействует в самый разгар битвы, исчезнет, прекратит существовать... Это так странно. Это так страшно, в конце концов, когда ты смотришь на человека, пока ещё живого и здорового, и знаешь, что завтра он умрёт.

И что ты сыграешь в этом не последнюю роль.

***

Со стен Лейта летели камни, стрелы и арбалетные болты — всё это напоминало безумную бурю с ливнем и градом, только вместо дождевых капель и кусочков льда с неба падали более опасные вещи, несущие смерть. Прикрываясь щитом, в который уже попала стрела, Хельмут думал, каково сейчас самому сиру Лейту и его семье... если хоть кто-то из этой семьи ещё жив. Жутко, наверное, понимать, что на людей, которые освобождают твой замок, льётся смертоносный водопад со стен этого самого замка, и ничего нельзя с этим поделать, никак нельзя это остановить. Фарелльцы, конечно, хитры и не допустят каких-либо диверсий со стороны захваченного ими рыцаря. Поэтому несчастному Лейту остаётся лишь сидеть взаперти, дай Бог, хотя бы в своей комнате, а не в темнице, и ждать исхода.

Наверняка страшно думать и о том, что освободители могут волей-неволей разрушить стены замка катапультами и таранами, ибо иного выхода у них нет... Осадные орудия были совсем новыми, недавно доставленными из Клауда и Шелли, они ещё пахли свежим деревом и не успели пропитаться мерзкими ароматами войны. И работали, естественно, отлично, без огрехов.

Вильхельм и Хельмут вели к юго-восточным воротам, к тайному входу двадцать человек — по десять каждый. Остальная часть их отряда осталась позади и должна была подойти позже, когда командующие доберутся до ворот и откроют их. Хельмут волновался, Вильхельм же так и источал уверенность. Забрало его шлема, бацинета с острым верхом, приподнято для лучшего обзора. Пальцы в латной перчатке сжимают меч, стальной обод выкрашенного серой и зелёной краской щита тускло сверкает в лучах утреннего солнца... Вильхельм полон решимости и упорства, он намерен поскорее вступить в бой и победить...

Вильхельм ещё жив.

Но скоро будет мёртв.

Однако яд пока, кажется, не действовал: Вильхельм чувствовал себя прекрасно, был

бодр и настроен на боевой лад... Он всё время чему-то улыбался: видимо, предвкушал скорую победу и ждал момента, когда наконец получит свои новые земли. Судя по всему, никакого недомогания от яда пока ещё не было, и Хельмут терпеливо ждал, считая секунды. Впрочем, пока ещё рано: сейчас, когда они спокойно подбираются к юго-восточным воротам, изредка встречая стрелы щитами, его смерть будет выглядеть неестественно и подозрительно. Нужно подойти как можно ближе к стенам, и тогда...

Самочувствие Хельмута тоже было отличным, и он искренне надеялся, что не рухнет замертво вместе с Вильхельмом. Впрочем, вряд ли с ним что-то случится от вдыхания паров отравленного вина... Но если всё-таки случится, то он даже после смерти не успокоится, восстанет в виде призрака и будет являться Кассии в кошмарах. И никакие руны, никакие обереги и шингстенские боги не защитят её от его гнева.

От гнева вообще не защитит ничто, а вот от стрел защищали щиты и латы — с каждой минутой стрел становилось всё больше, и пролетали они над головами всё чаще.

Конечно, три тысячи солдат не могли подойти к замку незаметно. Но Хельмут предполагал, что именно со стороны юго-восточных ворот их обстреливать не будут — фарелльцы ведь знали, что Вильхельм ведёт им подмогу. Хотя... он же тогда сказал фарелльцу: «Снимите стрелами», а потом наверняка предупредил своих новых друзей о том, что Хельмут увязался с ним. И теперь лучники на стенах вполне могут целиться именно в людей из Штольца.

— Карта у тебя? — зачем-то уточнил Вильхельм. В грохоте битвы плохо было слышно его голос, но Хельмут всё же расслышал.

— Я её выучил. А ты разве нет?

— Выучил, но так... на всякий случай, — отмахнулся Вильхельм и направился дальше.

Стрелы свистели уже почти непрерывно, и защищаться от них было всё сложнее и сложнее.

Хельмут заметил, что Вильхельм стал идти несколько медленнее и опустил щит, несмотря на стрелы. Неужели яд начал действовать?.. Это вселяло тревогу, потому что, пока Вильхельм ещё был жив, Хельмут отравителем себя не чувствовал. Но что будет, когда он умрёт? Одно дело — убивать врагов, захватчиков, крошить их в бою без разбора, а другое — отравить человека, который долгое время был другом, пусть даже и оказался предателем.

Вильхельм замер, и Хельмуту пришлось жестом остановить отряд.

Вильхельм осторожно снял шлем, тряхнул головой, сбрасывая капюшон-подшлемник, и его смоляные волосы разметались по блестящей стали кирасы. Хельмут приподнял забрало, не решаясь снимать собственный шлем — инстинкт самосохранения ещё никуда не делся. Он осторожно приблизился к Остхену и увидел, что тот зажмурился, словно спасаясь от слишком яркого света. Хотел, видимо, протереть глаза рукой, но вовремя очнулся и вспомнил, что на нём были латные перчатки. Тогда Вильхельм просто покачал головой и резко распахнул веки.

— Ох, что-то я... — тихо проговорил он и пошатнулся.

Очередная стрела просвистела в паре сантиметров над их головами — Хельмут чудом успел вовремя пригнуться. Только он выпрямился и опустил щит, как буквально кожей почувствовал острое приближение смерти и свист в ушах...

Но Вильхельм пошатнулся снова.

Он сбил бы Хельмута с ног, если бы не впившаяся в его шею стрела. Хельмут слышал, с каким мерзким хлюпающим звуком она вошла, как Вильхельм захрипел и как забулькала

кровь в его рту... Хельмут неосознанно бросился к нему и, несмотря на тяжесть доспехов, смог подхватить и осторожно уложить на жухлую весеннюю траву, будто это могло бы как-то его спасти. Стрела застряла в правой части шеи, изо рта Вильгельма вытекали кровавые, смешанные со слюной пузырящиеся ручейки. Он дико хрипел, округлив глаза, но потом вдруг его ресницы задрожали и веки начали неумолимо тяжелеть.

Хельмут дрожал.

Вильгельм умирал не из-за яда, а из-за шальной стрелы, случайно долетевшей сюда и предназначавшейся Хельмуту. Если бы Вильгельм не пошатнулся и не оказался прямо на её пути, невольно закрыв Хельмута собой... Если бы не яд, из-за которого у него, видимо, закружилась голова... Всё-таки яд тоже был причиной смерти, хоть и не прямой.

И Хельмут даже не ощутил облегчения от того, что в итоге Вильгельма убила стрела. Ему не было приятно думать, что он сам сейчас избежал неминуемой смерти или тяжёлого ранения. И он вовсе не был рад тому, что весь его план сработал без сучка без задоринки, словно ему помогали какие-то высшие силы...

— Скажи... скажи ей... — прохрипел Вильгельм, выхаркивая целый фонтан крови, которая залила его идеально вычищенную кирасу из светло-серой стали. — Я её... люб...

Он не успел договорить.

Зато Хельмут вовремя успел очнуться. Он поднялся, оставив мёртвого друга на земле, оглядел стоявших позади солдат и редкие, но весьма раскидистые сосны, которые тоже, будто воины, дополняли их ровный строй... Потом посмотрел на замок — наверняка с юго-восточной части стены на его отряд уже открывался прекрасный обзор. Поэтому стоит поторопиться.

— Так, вы... — кивнул он на ближайших двух солдат. Прикинул и добавил: — Ну и ты тоже. Возьмите тело его светлости и отнесите в лагерь. — Приказы сами собой слетали с его языка, по привычке, инстинктивно. — Дайте сигнал к атаке — и за мной.

Воины, кажется, растерялись. Особенно те, что принадлежали Вильгельму, — они всегда слушались лишь его, а приказы других дворян для них были чужды и непривычны. Но выбора у них не осталось: их хозяин погиб, и им придётся подчиняться барону Штольцу.

Благодаря подоспевшей основной части их отряд сильно растянулся в длину, но при нападении они планировали перестроиться и рассредоточиться по ширине ворот и стены. Хельмут отдал команду и в глубине души испугался, что её не исполнят. Впрочем, он привык, что его приказы исполняли всегда, поэтому не собирался терпеть неповиновения. Наверное, эта, с одной стороны, внезапная, а с другой, столь ожидаемая смерть Вильгельма чуть выбила его из колеи и лишила хвалёной уверенности в себе... Нужно поскорее взять себя в руки.

Когда строй таки начал менять свою форму, Хельмут с облегчением выдохнул.

И снова повёл солдат в бой.

Даже издали было видно, что лучников на стенах стало больше — они напоминали живой частокол. Поэтому Хельмут велел поднять щиты и прикрылся сам.

Что ж, это сражение будет определённно не из лёгких.

Враг, видимо, уже обнаружил, что тысячи солдат, которые должны были перейти на их сторону, внезапно бросились в бой, готовые взгромождать огромные осадные лестницы на стены, а из-за деревьев полетели пущенные катапультами камни.

Ворота довольно быстро пробиты тараном, несмотря на ожесточённое сопротивление со стен: стрелы посыпались градом, и порою даже щиты и доспехи не спасали.

Хельмут видел, как падали замертво пронзённые стрелами солдаты и рыцари, как наконечники, вспарывая стёганки и пробивая кольчуги, проникая в просветы между латами и «волчьими рёбрами» на шлемах, пронзали людскую плоть... Это всё вызывало адскую дрожь, от которой, казалось, звенели и бряцали друг о друга части доспеха, но вокруг стоял такой грохот и шум, что вряд ли это слышали остальные. Да и чужие доспехи тоже бряцали, скрежетали и звенели, вместе с криками, грохотом тарана о ворота, треском дерева, создавая безумную, яростную, дикую песнь смерти и ненависти. И тот звук, с которым стрела вонзилась в шею Вильгельма... Этот звук стал особым мотивом адской песни, Хельмуту казалось, что он усилился стократно, давя на уши и разум.

Когда ворота пробили, фарелльцы тут же высыпали наружу, пытаясь оттеснить нападавших обратно к лесу и не позволить им прорваться в замок. Хельмут отбивался, скрипя зубами, и вспыхнувшая в груди ярость заставила его на время забыть о том ужасе и той пустоте, что сковали душу после смерти Вильгельма. Он надеялся проникнуть в этот вход как можно быстрее, но столь яростная оборона фарелльцев рушила все планы. Они знали, что Вильгельма здесь нет и что на их сторону переходить никто не будет, а потому сражались, как стая бешеных собак. Хельмут отбивал удары, принимал клинки на щит, кажется, вообще не дыша.

В гуще боя он столкнулся с одним из фарелльских рыцарей — на нём был старомодный топхельм, кольчуга, в руках — алебарда. Лезвие с ярким звоном задело наплечник Хельмута, он чуть отпрянул, затем, прикрывшись щитом, стремительно рубанул врага по ногам, выпрямился и нанёс удар по руке.

Следующим оказался мечник, тоже со щитом, причём даже больше, чем у Хельмута. Это его разозлило, он бросился на врага, стараясь как-то обойти этот щит и ударить по незащищённому месту. Но воин отлично прикрывался, а к ногам, до которых щит не доходил, Хельмута не подпускал, выставляя клинок. Сталь звенела, мечи, сталкиваясь, выбивали искры и глухо стучали по щитам, сколупывая краску. И доспех у противника тоже был хороший, но Хельмут уже нашёл пару брешей, в которые то и дело прицеливался. Однако пока все его удары оказались отбиты.

Внезапно и совершенно неожиданно противник ранил его в ногу — Хельмут даже не успел среагировать, когда воин внезапно пригнулся, прикрыв голову щитом, и нанёс рубящий удар по икре. Клинок задел незащищённую часть сзади и противно скрежетнул по поножу. Нога загорелась болью, Хельмут сжал зубы, пытаясь не заорать — не столько от боли, сколько от злости, — и бросился на врага, в сотни раз яростнее нанося удары и ухитряясь при этом уворачиваться от его выпадов. Ярость заставила его забыть о боли и всякой жалости.

Хельмут рубанул врага по плечу — один раз клинок столкнулся с доспехом, но на второй раз попал в просвет между наплечником и налокотником, и тусклая сталь с многочисленными вмятинами тут же оказалась окрашена алым. Из-за ранения противник опустил щит, и Хельмут без труда нанёс удар — лезвие меча удачно столкнулось с шейей, защищённой одним лишь воротником поддоспешника. Он почувствовал, как легко, почти без усилий меч пробил кожу и прорубил плоть. Прямо как ложка в густую кашу.

В щит со звоном вонзилась стрела, и Хельмут выругался.

Поначалу фарелльцы и правда теснили драффарийцев назад, к лесу, прочь от замка, но со временем ситуация начала меняться, и враг потихоньку отступал. Правда, в замке им уже не спрятаться — ворота разбиты, прикрываться нечем. Хельмут велел усилить натиск,

подавая пример: одного из попавших под горячую руку противников он уложил точным ударом в бедро — клинок прошёл между низом кольчуги и набедренником, — другому отсёк сжимавшую фальшион кисть, третий оказался оглушён ударом щита по голове и рухнул под саботоны и кованые сапоги драффарийской армии.

С копейщиками было совсем просто. Обычно копья давали солдатам, вышедшим из крестьян. Мечами с острием имели право пользоваться только рыцари, фальшионы и алебарды были у гвардейцев и опытных пехотинцев, а вот простые солдаты довольствовались лишь копьями, и крошить их в битве было слишком легко, Хельмут считал такие победы даже ниже своего достоинства. Но когда вражеские копейщики бросались на него, будто надоедливые муравьи, отбиваться приходилось усердно.

От одного удара фарелльский копейщик увернулся и даже попытался задеть Хельмута острием копья... Второй удар, более мощный, он пропустил — лезвие меча прочертило алую линию от шеи до плеча, обнажив ало-розовое, пульсирующее кровью мясо.

Мимо снова пролетела стрела, наконечник скрежетнул о шлем, отчего направление её полёта сбилось, и она упала, не долетев до живой цели, и хрустнула под саботоном.

Разделавшись с очередным противником (пронзить его горло под шлемом острием клинка не составило труда), Хельмут понял, что устал. Битва была недолгой, но стремительной, не было ни времени, ни возможности толком вздохнуть: приходилось постоянно махать клинком и прикрываться щитом, отталкивать врагов локтями и коленями, пинать их ногами и валить наземь... Нужно было любой ценой пробиться внутрь, на это уходило много сил, а в бацинете со сплошным вытянутым забралом, помимо всего прочего, было ещё и тяжело дышать.

Фарелльцы отступали, их ряды редели: увернувшись от очередного копья, Хельмут прикончил его обладателя — рубанул по руке, а потом вонзил меч в верхнюю часть груди, — следом на него бросился воин с фальшионом, заточенный с одной стороны клинок скрежетнул по латному вороту, и Хельмут понял, что допустил одну из своих наиболее частых ошибок — подпустил противника слишком близко. Он начал отталкивать его, ударил ногой по коленям, а когда тот от боли чуть сгорбился — занёс меч и ударил по спине. Воин упал, а добивать его не было ни времени, ни смысла.

Ещё одному Хельмут прорубил бедро, но тот в ответ наградил его порезом на руке — лезвие его алебарды прошло под локтем, над наручем, и едва не перерубило до самой кости, лишь чудом воин не смог ударить с достаточной силой... Рука будто загорелась огнём, и Хельмут едва не выронил меч. Он ударил противника щитом по плечу, затем — по голове, хоть она была защищена шлемом. Воин покачнулся, и Хельмут, воспользовавшись этим, пронзил мечом его шею.

Наконец фарелльцы были окончательно разгромлены. Кто-то побежал, а оставшиеся держали оборону плохо, видимо, тоже вымотавшись изнурительной, стремительной битвой. Стрелы со стен уже почти не летели: Хельмут видел, как нескольких вражеских лучников сбило камнями, пущенными катапультой.

Строго говоря, бежать фарелльцам было некуда. Оставалось либо принимать смертельный бой и погибать, либо сдаваться в плен, потому что юго-восточные ворота уже были определённо взяты, и внутри замка скрыться невозможно.

Хельмут вошёл в Лейт без особого трепета, вовсе не чувствуя себя завоевателем-победителем. Это был его долг — захватить ворота, облегчив задачу тем, кто штурмовал ворота центральные.

— Идите к главным воротам! — проорал он, приподняв забрало. Говорить тише было невозможно из-за нервного перенапряжения и по-прежнему царящего вокруг шума, криков, звона стали и скрежета.

Лейт был взят достаточно быстро, в основном благодаря тому, что план с юго-восточными воротами всё же сработал на славу: Хельмуту удалось войти в них раньше, чем отряды, штурмующие центральные ворота, понесли большие потери и прорвались внутрь слишком дорогой ценой.

Мысли о центральных воротах медленно переплавились в мысли о Генрихе. Надо сказать, что во время того кровавого месива, что вовлекло его в себя, Хельмут совсем забыл о нём. Но сейчас резко вспомнил и будто протрезвел или проснулся от долгого сна: усталость как рукой сняло, боль в ранах резко прошла, голова кружиться перестала, зато нервное напряжение увеличилось в разы — казалось, что голову сейчас разорвёт на части, а сердце выпрыгнет из груди, и даже доспехи не станут ему помехой.

Как он там? Жив ли вообще? А вдруг тяжело ранен? Хельмут набрал в грудь побольше воздуха, чтобы успокоиться и не думать о плохом. Правда, ему тут же захотелось броситься вслед за отрядом, что он послал к главным воротам, разыскать там Генриха, даже если он ещё не прорвался внутрь... Хотелось самому сломать эти ворота к чёрту одним ударом ноги, броситься навстречу штурмующим, прорвавшись сквозь толпу воинов — как сейчас он прорывался сквозь вражеские ряды, оцетинившиеся копьями и алебардами. Генрих где-то там, в большой опасности, в водовороте смерти, и Хельмут не мог думать об этом без боли в сердце.

Но он, естественно, никуда не побежал и не стал никого искать. Это было бы очень опрометчивым, неразумным поступком: пытаюсь удостовериться, что жизни Генриха ничего не угрожает, Хельмут мог бы лишиться собственной жизни, и это было бы попросту смешно.

Военный лагерь из-под стен Лейта никуда не делся. Далеко не все смогли покинуть свои шатры и палатки и перебраться в отвоёванный замок: видит Бог, гостевое крыло и казармы не были бесконечными и могли вместить лишь ограниченное количество человек. Осень пока ещё не мучила холодами и дождями, хотя леса уже начали покрываться золотыми вуалями, а солнце с каждым днём всё раньше закатывалось за горизонт, не особо щедрясь на тепло и свет.

Хельмуту повезло не только поселиться в одной из комнат гостевого крыла, но и снова оказаться рядом с комнатой Генриха — их разделяла одна стена, толстая и холодная.

После битвы они виделись, и не раз, но мельком, коротко, успев уточнить друг у друга только о самочувствии после боя. Генрих был цел и невредим, Хельмут на свои лёгкие раны тоже не жаловался — их быстро обработали и перевязали, после чего боль и неудобства тут же исчезли.

Да и не о ранах Хельмут думал в тот момент.

Точнее, была у него рана, которую вряд ли мог исцелить лекарь.

Казалось, та злосчастная стрела, случайно прилетевшая откуда-то с центральных ворот, попала в не только в Вильгельма, убила не только его, пронзив его шею насквозь... Казалось, что и Хельмута она как-то тоже смогла задеть. Не снаружи, нет: ни один миллиметр его тела от той стрелы не пострадал. А вот душа... Наконечник стрелы оказался отравлен, но не ядом, а горечью потери и чувством вины, тревожным опустошением и страхом...

Хельмут носился по своей комнате туда-сюда, не зная, что с этим делать.

Холодный разум уверял: «Вильгельм был предателем, если бы он перевёл свой отряд на сторону врага, штурм вряд ли бы увенчался успехом. И о его преступной попытке узнали бы абсолютно все, его имя бы оказалось покрыто позором — и не только имя». Хельмут уже не раз пытался объективно рассуждать об этом — и до битвы, и после. Он знал, что у него не было выбора и что он, исходя из здравого смысла, поступил совершенно правильно и не заслуживал осуждения или угрызений совести.

Гордыня вторила: «Не мог *ты* ошибиться, ты ведь всегда поступал правильно; вспомни, как гладко и чётко сработал твой план!» И Хельмут понимал, что имеет право собой гордиться, хотя он и не ожидал, что у него всё получится настолько хорошо.

Но эта проклятая совесть... День и ночь она твердила: «Он был твоим другом, женихом твоей сестры, он хотел для неё лучшего, он доверял тебе, он пустил тебя под свой кров и делил с тобой пищу и вино... А ты убил его». Эти воображаемые слова вбивались в мозг стальными клинками и стеклянными осколками, и хотелось обхватить голову руками и закрыть уши, чтобы не слышать их... Но Хельмут и не слышал. Эти слова звучали в его душе, в подсознании, и как-то оградить себя от них было невозможно.

Генрих был слишком занят, чтобы выслушивать его переживания. Он с лордом Джеймсом последние дни проводил в кабинете сира Лейта — тот рассказывал об осаде, оккупации, о разговорах фарелльцев, их планах и стратегиях... Наверняка сир Лейт успел попросить у лорда Джеймса денег на восстановление замка, чьи стены значительно пострадали после двух штурмов. Ещё нужно было составить очередной отчёт для короля и обсудить дальнейшие планы. Да и со взятым в плен фарелльским дворянином, что был

главным среди захвативших замок людей, тоже стоило бы поболтать... Интересно, а не тот ли это человек, что вёл переговоры с Вильгельмом? Не то чтобы Хельмут горел желанием побывать на допросе и понять это по голосу, манере речи, но всё же...

Будь он религиозным — сходил бы к священнику на исповедь, благо, служителей веры в походе было немало. Но Хельмут не верил, что это поможет. На Бога он не надеялся, молиться не привык, в храм ходил редко, а исповедовался — и того реже, называя лишь мелкие, обобщённые грехи. Поэтому рассказать постороннему человеку, пусть даже опытному священнику, о причастности к смерти друга для него было чем-то диким и неразумным. Он скорее бы сознался, что не хранил себя до свадьбы, что спал с замужней женщиной... Да даже про Генриха бы рассказал охотнее, чем про весь этот ад с Вильгельмом.

Хельмут ходил из угла в угол, чувствуя себя не гостем, поселившимся в небольшой, но уютной комнатке, а пленником в темнице. Отвлекать Генриха не хотелось, да и нельзя, чтобы он узнал что-то о своём кузене. Пусть и дальше считает, как все остальные, что он погиб от случайной стрелы, выполняя тайное поручение по взятию юго-восточных ворот.

Тело Вильгельма отправили домой почти сразу после битвы. Большинство его вещей поехало следом, но Хельмуту удалось найти и забрать ту злосчастную бутылку. Сейчас она, завёрнутая в какие-то тряпки, лежала под кроватью — не очень надёжный тайник, но на нервах он не придумал ничего лучше. Мысль о том, что её следует вернуть Кассии, не давала покоя. А вдруг она уже пожалела о том, что оказалась в это втянута, и не станет помогать дальше? Вдруг она расскажет об этом брату или ещё кому-то? Если до сих пор не рассказала, конечно... Впрочем, Хельмута пока не звали ни на какие серьёзные разговоры, допросы или вроде того, поэтому стоит предположить, что всё же не рассказала.

Он понял, что нужно срочно найти эту ведьму и убедиться, что она держит язык за зубами... ну и бутылку отдать, конечно. Если Кассия оказалась такой мастерицей ядов, то наверняка и раньше травила кого-нибудь, так что отравленное вино ей ещё вполне может пригодиться.

Проходя мимо комнаты Генриха, Хельмут замер на мгновение... Судя по чуть приоткрытой двери — не заперто. Но звуков не слышно — ни шагов, ни скрипа кровати, ни шороха одежды. Возможно, он просто забыл запереть дверь, прежде чем уйти. Да и заходить к нему сейчас, с этой завёрнутой в тряпье бутылкой... Хельмут усмехнулся и направился дальше. Совсем разум растерял.

Он точно не помнил, где поселилась Кассия, но надеялся найти её комнату по тому особому запаху трав и ладана. Правда, он боялся наткнуться на барона Адриана — тот ведь может решить, что Хельмут покушается на честь его сестры... На такие частные склоки во время войны ни у кого не было ни сил, ни времени, и оставалось лишь надеяться, что слова Кассии о том, что её брат, несмотря на всю свою хвалёную бдительность, на самом деле ничего не видит, окажутся правдой.

Слава Богу, комнату баронессы Кархаусен искать по запаху не пришлось — не сразу Хельмут сообразил, что это было бы попросту глупо. Он встретил девушку у окна в дальнем конце коридора: она стояла, опершись руками о каменный подоконник, и с интересом смотрела на светлый внутренний двор. Не могло не удивить её платье — светло-голубое, немного мешковатое, с серебристой отделкой на широких рукавах и синим пояском, вышитым серебром. Всё это резко контрастировало с привычными рубашками, ботфортами и бобровой жилеткой, и Хельмут, поначалу не узнавший шингстенскую ведьму, замер в

нескольких шагах от неё, пытаясь понять, она это или нет. Но всё же узнал по мягкому профилю и задумчиво-игривому выражению лица.

Волосы Кассии были распущены, и сердце Хельмута пропустило удар: он привык, что женщины носили незаплетённые локоны в знак траура, и его разум кольнуло мыслью, что барон Адриан мог погибнуть... Потом он вспомнил, что в Шингстене другие традиции и что Кассии с распущенными волосами удобнее колдовать. Да и брата её он видел недавно, вполне живого и здорового.

— Добрый день, барон, — подала голос Кассия. Кажется, у неё было хорошее настроение.

— Нужно поговорить, — безо всяких предисловий начал Хельмут, даже не поздоровавшись в ответ.

Он подошёл поближе и тоже глянул в окно, желая рассмотреть, что так сильно заинтересовало её... и тут же отпрянул. Кассия наблюдала за тренировкой своего брата: тот, держа одной рукой тренировочный меч, а другой — большой щит, отбивал удары какого-то незнакомого шингстенского рыцаря. Конечно, он был увлечён боем и вряд ли мог заметить Хельмута... Но всё же — мало ли что?

— Не волнуйтесь: он ничего не видит, — повторила Кассия и хохотнула. — Особенно здесь и сейчас. Он увлечён боем, а мы на два этажа выше чем он. — Девушка повернула голову и внимательно взглянула на Хельмута, прищурившись. — Вы очень встревожены, — вздохнула вдруг она, убрав улыбку. — Пойдёмте. — И кивнула на ближайшую дверь.

Хельмут по привычке воровато оглянулся, боясь, что их заметят, но в коридоре было пусто и тихо. Поэтому он спокойно пошёл вслед за Кассией, которой, кажется, совершенно не было дела до собственной репутации.

В её комнате оказалось две кровати — видимо, на этот раз она согласилась делить кров со своим не очень-то всевидящим братом. И запахов трав и ладана здесь уже не было. Пахло свежестью, деревом, побелкой... Но не тем, чем пахло в шатре Кассии.

— Присаживайтесь. — Она отодвинула от стола, расположенного у небольшого зашторенного окна, изящный деревянный стульчик. — Пожалуйста, не волнуйтесь вы так. — В её голосе зазвучали нотки искреннего сочувствия. Она распахнула шторы и на пару мгновений закрыла глаза — фитильки трёх свечей в небольшом деревянном подсвечнике на столе вспыхнули жёлтым, неестественно ярким пламенем. Хельмут вздрогнул, но Кассия не обратила внимания на это. — Я никому не сказала, даже Адриану. Вы по-прежнему можете мне доверять. Что у вас?

Хельмут присел, положив на колени бутылку, быстро, несмотря на чуть подрагивающие пальцы, развернул тряпицы, побросал их на пол — Кассия лишь покачала головой, но ничего не сказала. Под её пристальным взглядом он поставил на стол бутылку, в которой ещё плескались остатки вина — чуть меньше половины.

— Для начала... хотел бы вернуть. — Хельмут попытался улыбнуться, но губы предательски дрогнули. — Мне оно теперь без надобности, и я не знаю, что с ним делать.

— Уверены, что без надобности? — ухмыльнулась Кассия, но, поймав его укоризненный взгляд, кивнула. — Я разберусь. — Она так и не села, хотя буквально в паре шагов от неё стоял второй стул, и Хельмуту было неуютно смотреть на неё снизу вверх... Он, будучи человеком довольно высоким, наоборот привык смотреть на других сверху. А то, что он вынужден просить эту ведьму об услугах и советах, и вовсе казалось ему несколько унижительным. — Что же, как моё противоядие? Подействовало? Пока я не заметила, чтобы

вы ощутили на себе действие яда. — В её голосе зазвучала едкость, а губы дёрнулись в ухмылке.

— Я не пил вина, — тихо признался Хельмут. — Сделал вид, что выпил глоток, а он ничего не заметил.

Произносить вслух имя Вильгельма в тот момент показалось ему святотатством.

— Ну вот и хорошо! — Кассия хлопнула в ладоши, подняла бутылку и внимательно её осмотрела. — Значит, всё прошло как нельзя лучше, вы сделали то, что хотели, Лейт успешно взят, и мы все на шаг ближе к победе. Я так полагаю, благодарить меня сегодня вы не станете?

Хельмут лишь покачал головой. Так, как она предлагала, он не собирался её благодарить не только сегодня, но и вообще никогда. Вернее, он пытался настроиться и представить Кассию рядом с собой, и поначалу это не составляло труда: вот его рука скользит по её длинным, мягким каштановым волосам, а губы касаются веснушек на щеках, вот она кладёт руки на его плечи и притягивает к себе, а затем — опрокидывает на постель...

Но... В такие моменты мысли переставали слушаться и фантазии о шингстенской ведьме плавно перетекали в грёзы о Генрихе.

Конечно, Хельмут думал над тем, чтобы отблагодарить её как-то иначе. Что-то подарить, что-то сделать для неё... Но пока ничего стоящего так и не придумал.

— Вижу, вы в смятении, — заметила Кассия. Она поставила бутылку обратно на стол и наконец присела. — Неужели так тоскуете из-за смерти предателя?

— Тише, — попросил Хельмут — ему показалось, что она слишком громко произнесла последнее слово. Потом он понял, что говорила она самым обычным, ровным, спокойным тоном, просто это слово, «предатель», било по его ушам и разуму сильнее, чем набат. — Да, я... он был моим другом, — напомнил Хельмут, повысив голос — в нём неожиданно зазвенел гнев. — Он был кузеном моего лучшего друга и женихом моей сестры. Нас столько связывало... — Он вновь заговорил тише. — И я до сих пор до конца не могу поверить в то, что он собирался сделать. Вдруг я ошибся? Что-то неправильно понял?

— Боги предсказали, что вы столкнётесь с предательством, барон, — вздохнула Кассия. — Да и вы сами, помнится, говорили, что разговор был недвусмысленным.

— Да... — прорычал Хельмут и несильно стукнул кулаком по столу — огоньки на свечах задрожали, зелёное стекло звякнуло о дерево. — Чёрт, я... я не знаю. Если честно, я не ожидал, что всё так совпадёт... Я думал, что он умрёт от яда, а я потом незаметно нанесу ему рану, которую и посчитают смертельной. — Это был очень ненадёжный план, глупый и непродуманный, но Хельмут понял это только что. — Стрела убила его раньше, чем яд. Как она так удачно долетела-то...

Кассия ничего не ответила, лишь пожала плечами.

Вильгельм мог бы пригнуться, увернуться от случайной стрелы — она всегда был очень внимательным и ловким, с отличной реакцией... Но он не пригнулся, потому что голова закружилась от яда. Более того, Хельмут помнил, что та стрела летела в его сторону, а Остхен, пошатнувшись, просто оказался на её пути. Как много случайностей определило такой исход... И как много случайностей порой определяет всю жизнь в целом.

«Он был предателем», — напомнил холодный разум.

«Ты всё сделал правильно, ты не мог ошибиться», — поддакнула гордыня.

— Я не знаю, как мне теперь с этим жить, — признался Хельмут.

— Ваши священники вроде бы умеют лечить такие душевные раны. — Он лишь покачал головой, удивившись, как она смогла угадать его недавние мысли. — Да и вообще, будто вы до этого никого не убивали... — Уголки губ Кассии постепенно опустились. Стало даже немного неловко за то, что пришлось испортить ей настроение. Она была так весела, так улыбочива пять минут назад... — На этот раз вам даже особых усилий прикладывать не пришлось, а вы так убиваетесь.

— Зато вы, я посмотрю, подозрительно спокойны, — заметил Хельмут. — Вы же участвовали в битве... В этой и в предыдущих, на Серебряном заливе. Неужели они никак не отразились на вас?

Ему и правда было интересно об этом узнать. Если он, взрослый мужчина, так тяжело переносил все ужасы войны, то каково было ей, женщине? Как бы Кассия ни кичилась своей силой, в том числе и магической, Хельмут ни за что бы не поверил, что ей не было тяжело видеть смерть и убивать.

— Если бы я после каждой битвы только и делала, что жалела себя и вспоминала пережитый ужас, то я бы уже давно сошла с ума, — закатила глаза Кассия. — Вы когда-нибудь видели морские бои? — Хельмут покачал головой, и она усмехнулась. — Это тот же штурм, только... только штурм корабля. — Она положила ладонь на гладкую поверхность столешницы, и он увидел, как дрожат её пальцы. — Он не менее жуткий и кровавый, и, помимо всего прочего, существует ещё и риск утонуть... Хэан, наш водный бог, забирает всех, кто не может выбраться из его владений. А когда корабль поджигают, не знаешь, что хуже — сгореть заживо или уйти на дно. Я видела, как друг моего брата рухнул с палубы прямо в морскую пучину. Я видела, как сына графа Лассена убили метательным топориком — а между нашим кораблём и судном противника было не менее тридцати метров! Я видела, как один корабль таранит другой, слышала треск дерева и те жуткие звуки, когда корабль уходит на дно, будто его тянут туда щупальца гигантского кракена. Я видела, как с подожжённого корабля прыгают в море горящие люди — и больше не всплывали, потому что доспехи тянули их вниз. Да я сама чуть не утонула однажды, повезло зацепиться за обломок!

Она помолчала минуту, а с губ её не сходила эта странная усмешка — горькая, презрительная, болезненная... Густая каштановая прядь упала Кассии на лицо, но девушка продолжала сидеть неподвижно и волос за ухо не убрала. Хельмуту захотелось сделать это, но он сдержался.

— Раньше я очень любила море, — выдохнула Кассия, — а теперь, кажется, никогда не смогу спокойно на него смотреть. Раньше море для меня олицетворяло красоту и силу природы, а сейчас... Сейчас — лишь опасность. И вы думаете, что я каждую ночь воскрешаю в себе эти воспоминания, чтобы вдоволь наплакаться? Но зачем? Наоборот, я хочу об этом поскорее забыть и никогда больше не вспоминать.

Хельмут слушал её, округлив глаза. Он никогда не видел морских боёв, хотя читал о них и примерно представлял, как они могут происходить... Но он впервые услышал о них от очевидицы, а не от хладнокровного хрониста или наполненного романтическим пафосом писателя. Кассия говорила об этом, смотря куда-то вперёд, в стену; а под конец рассказа руки её сжались в кулаки, она закусила нижнюю губу... и больше не сказала ни слова.

Она и правда была сильной, но имела право позволить себе иногда проявлять слабость, и это не могло не вызывать хотя бы уважения.

— Простите, что... — подал голос Хельмут.

Он медленно протянул руку, но Кассия не обратила на это никакого внимания. Тогда он осторожно положил руку на её левое плечо в знак поддержки, хотя касаться её отчего-то было боязно, словно девушка болела заразной хворью. Образно выражаясь, так оно и было: хворью можно считать и магический дар, и её искреннюю веру во множество шингстенских богов — языческих, ложных... Но Хельмут вовсе не брезговал и уже смелее сжал её плечо.

Она вдруг негромко вскрикнула, вскочила, как ошпаренная, и схватилась за плечо правой рукой.

— Простите! — повторил Хельмут, отшатываясь. Неспроста ведь боялся трогать... — Вы ранены?

Сердце заколотилось от волнения и тревоги за здоровье этой девушки. Она же тоже участвовала в битве, тоже подвергала свою жизнь опасности... Если честно, рассказы Кассии о морских сражениях, о штурмах кораблей и смерти в воде и огне Хельмут так и не смог воспринять как правдивые. Но сейчас он понял, что баронесса Кархаусен — не легендарная королева-воительница из старинных нолдийских сказаний. Она — настоящая, живая женщина, которая, тем не менее, владела оружием, участвовала в сражениях... убивала... И вот теперь она ранена, и наверняка это далеко не первая её рана.

Даже как-то слабо верилось теперь, после этого открытия, что Кассия успешно борется со страхом и угнетающими воспоминаниями о пережитых ужасах. Легко было представить её плачущей под одеялом в ночной тишине. Наверняка она просто тихо всхлипывает, чтобы брат её не услышал и не отослал домой... Но наедине с собой рыдает в три ручья, выбивая из себя всю боль, всё отчаяние, а потом стискивает зубы, берёт в руки меч и идёт сражаться дальше.

Хельмут поднялся, но так и не решился приблизиться к ней.

— Простите, ради Бога, я... — Ему было жутко неудобно, что он задел её рану. — Если бы вы только сказали...

— Ничего, — отмахнулась Кассия. — И вообще, с чего вы так вдруг заволновались о моём состоянии?

— Просто... вы же женщина. Вам наверняка тяжелее. — Поймав её недоуменный взгляд, он пояснил: — Мне всегда казалось, что война — не женское дело.

— Да, не женское, — хмыкнула Кассия, отводя взгляд, словно вид голубых занавесок на окне её интересовал сильнее всего на свете. — И не мужское тоже. Это ничьё дело, войны вообще быть не должно... но мы почему-то по-прежнему продолжаем делать это дело, причём хорошо, с рвением, словно нам приятно, хотя на самом деле все, — она окинула взглядом комнату, имея в виду, конечно, не только себя и Хельмута, — все, кого я знаю, страдают из-за него. Вы тоже страдаете — тогда напейтесь и забудьте.

— Это очень подлый совет, не находите?

— Вы сами ко мне за ним пришли, — возразила Кассия, пожав плечами. — Если бы хотели чего-то другого — наверняка заглянули бы не ко мне, а к милорду Генриху. Он — советчик получше, чем я. А я... я предлагаю то, что могу, — покачала головой она. — Напейтесь. Забудьте о вашем друге. Забудьте обо всём. Не будет никакого барона Остхена, не будет яда, будете только вы и вино, которым я, так и быть, вас угощу.

— Этим? — горько усмехнулся Хельмут, кивая на бутылку с остатками отравленного белого полусладкого.

— Найду для вас кое-что получше.

Пока она искала ещё одну бутылку в своих сундуках, звеня склянками и шурша

мешочками с засушенными травами, Хельмут думал, не сбежать ли ему прямо сейчас. Он не любил алкоголь и не переносил состояние опьянения, но сейчас оно и правда показалось ему долгожданным избавлением. Конечно, потом станет только хуже, но почему хотя бы на один вечер не отвлечься, почему бы не позволить себе забыть о том, что произошло?

Интересно, а что на это сказал бы Генрих?.. Он сам-то выпить не прочь, но пьянеть не умеет, оттого и желание забыться посредством вина может считать неправильным... Впрочем, Хельмут — не маленький и сам разберётся. Выслушивать нравоучения, пусть даже от лучшего друга и человека, вызвавшего в душе такие странные и сильные чувства, сейчас хотелось меньше всего.

Наконец Кассия достала вино — бутылка была побольше, чем предыдущая, из такого же тёмно-зелёного, чуть запыленного стекла. Следом девушка поставила на стол два серебряных кубка — на чашах были выгравированы руны. Хельмут посмотрел на них недоверчиво, но Кассия лишь улыбнулась.

— Не бойтесь, это просто узоры. — Она подняла один из кубков и внимательно его осмотрела. — Они не заговорены.

Хельмут хотел ей верить, а поэтому тут же перестал думать о рунах. Чёрт с ними, хуже уж точно не будет. И когда Кассия налила ему полный бокал бордового ароматного вина, вдруг напомнившего ему густую, фонтаном бьющую из горла Вильгельма кровь, он выпил всё почти сразу, не раздумывая.

***

Было скучно.

Беспокойно, но скучно.

Война и заботы, связанные с ней, настолько контрастировали с редкими часами отдыха, что этот самый отдых казался попросту пустым и бессмысленным времяпровождением. Хотелось что-то делать, чем-то заниматься, что-то решать... Несмотря на то, что Генрих адски уставал и в конце каждого дня попросту валялся в постель, не чувствуя ног, ему всё равно было неуютно в минуты покоя. А ведь после битвы прошло всего-то несколько дней, большая часть проблем ещё не решена, и всё это — только начало...

Конечно, свободные минутки можно было бы проводить с Хельмутом, но он почему-то не заходил. Видимо, не хотел отвлекать, видя занятость Генриха.

Поэтому это время приходилось проводить наедине с собой. Пока не нужно было думать о войне, о последствиях минувшей битвы и планах насчёт грядущих, Генрих думал о кузене. Вильгельм погиб так внезапно и так неожиданно, хотя казалось бы — на войне всегда, в любую минуту стоит ожидать смерти, не только своей, но и своих близких... Но Вильгельм пережил поражение во время первой битвы за Клауд, без единой царапины прошёл вторую, успешно объезжал территории, гонял фарелльских фуражиров и возглавлял дозорных на сторожевых башнях. Всё шло хорошо, как по маслу, так что же вдруг изменилось?

С Генрихом Вильгельм никогда не был так дружен, как с Хельмутом, но всё же между ними всегда существовала прочная родственная связь, обеспеченная ещё их матерями. Поэтому он всегда воспринимал его именно как родственника, двоюродного брата, а потом уже — как друга, причём не очень близкого. Так почему же его внезапная смерть создала такое странное ощущение пустоты в душе? И ещё слабое, но всё же заметное чувство вины — перед тётушкой Аделиной, которая уже наверняка узнала о смерти единственного сына и теперь места себе не находит от горя... Да и перед мамой почему-то тоже... И перед Хельмутом с его сестрой, которые потеряли верного друга и любимого жениха

соответственно. Это ведь Генрих решил, что было бы замечательно поженить Хельгу и Вильгельма, которые нравились друг другу с детства... А теперь бедная девушка будет страдать и долго переживать острую боль потери.

Именно поэтому Генрих так жаждал и одновременно боялся встречи с Хельмутом. Не хотел смотреть ему в глаза, не хотел обсуждать то, что произошло, не хотел вспоминать Вильгельма... Конечно, им следовало бы выпить по глотку вина за упокой его души, но делать это с Хельмутом отчего-то было боязно.

Поэтому Генриху так невыносимо было терпеть часы, когда он не решал никаких проблем вместе с лордом Джеймсом, не вёл важных бесед и переписок, не планировал дальнейшую стратегию и не подводил итоги прошедших битв. Разум, освобождаясь от мыслей о делах, наполнялся столь мешающими переживаниями.

Внезапно дверь скрипнула — кто-то снаружи её слегка приоткрыл и лишь потом, видимо, догадался постучать. Но при этом не дождался, когда ему позволят войти, и снова толкнул дверь.

Генрих привстал. Несколько минут назад он лёг в постель прямо в верхней одежде, найдя в себе силы снять разве что ботинки, — и только сейчас осознал, что в таком виде ему стало весьма жарко. В комнате было тепло, сегодняшней день не радовал прохладой, будто лето, ушедшее из этого мира пару седмиц назад, внезапно решило напомнить о себе... Поэтому Генрих поспешил скинуть камзол, но когда увидел на пороге комнаты Хельмута, то от волнения и неожиданности запутался рукавах. Гость выглядел странно, но Генрих не успел его рассмотреть получше и понять, что именно показалось ему странным. Хельмут, неуклюже закрыв за собой дверь и резко, со скрежетом задвинув засов, подлетел к кровати и тут же рухнул на одно колено — то ли намеренно, то ли не удержавшись на ногах.

Было не очень понятно, что происходит, ровно до тех пор, пока Хельмут не заключил Генриха в объятия и не уткнулся лицом в его плечо. Сразу же почувствовался лёгкий запах алкоголя, и это не могло не вызвать некоторого удивления. А когда Хельмут через мгновение прижался к его губам резким, рваным поцелуем, отчего даже их зубы со стуком столкнулись, этот запах стал ещё явственнее и не оставил никаких сомнений, что барон Штольц был пьян.

— Что ты делаешь? — высвободившись из его несокрушимых объятий, поинтересовался Генрих.

— Целую тебя, — пожал плечами Хельмут. — Мы уже делали так, помнишь?

— Я-то помню. — Попробуй забудь такое... — Но сейчас ты не в том состоянии, чтобы это повторить.

— Почему это?

Хельмут отпрянул и попытался подняться, но ноги, видимо, держали его слишком плохо, и Генриху пришлось схватить его за плечо. Со стороны это могло показаться смешным, но лишь тому человеку, который плохо знал барона Штольца. Зато Генрих знал его хорошо и помнил, что Хельмут не пьёт. Он не раз говорил об этом, выражая свою неприязнь к вину и прочим напиткам подобного рода. Так что же случилось теперь? Неужели смерть Вильгельма настолько выбила его из колеи, что он решил пойти против своих принципов, против правил, что сам себе установил? Вряд ли сейчас уместно задавать подобные вопросы, и вряд ли Хельмут на них ответит, но его неподобающее поведение всё же стоит пресечь.

— Ты пьян, — сказал Генрих.

— Не очень, — отмахнулся Хельмут и снова попытался поцеловать его.

— Очень. Ты едва на ногах стоишь.

С этими словами Генрих, отбросив одеяло и камзол, спрыгнул с кровати и усадил на неё Хельмута — тот даже не успел оказать никакого сопротивления, даже не пискнул ничего в ответ. Чувствовалось, как дрожат его плечи, а уж трясущиеся пальцы не разглядел бы только слепой. Волосы спутались, а на фиолетовой рубашке темнели пятна от вина. Было очень непривычно видеть Хельмута таким... Словно за те дни, что прошли после битвы, он успел настолько сильно измениться, что стал совсем другим человеком, — а Генрих и не заметил.

Он присел рядом с ним и приобнял его за плечи.

— Я в порядке, — заверил Хельмут с усмешкой. — Ты же помнишь, мы с тобой тогда многое... многое сделали... — Говорил он вполне чётко, но с долгими паузами, будто ему не хватало воздуха. — Но и не сделали тоже многого, — наконец произнёс он и многозначительно посмотрел на Генриха. Его голубые глаза, всегда такие ясные, были подёрнуты хмельным туманом. Он часто моргал, наверное, пытаясь не заснуть на ходу, и покусывал губы. — Я готов сделать это сейчас.

— Ты не готов, — возразил Генрих спокойно.

Спать с пьяным человеком он считал верхом непорядочности. Тем более то, на что намекал Хельмут... Генрих предполагал, что это могло быть сложно и болезненно, причём для обеих сторон, так что вино в этом случае — не лучший помощник.

— Мы могли бы попробовать, — прервал он собравшегося как-то возразить Хельмута, — но не сейчас, а когда ты будешь трезв.

— Какая разница? — отмахнулся тот. — Слушай, мне... Буду откровенен: мне хреново. — Он перестал ухмыляться и на мгновение даже показался совершенно трезвым человеком, но запах алкоголя выдавал его с головой. — Я места себе не нахожу, мне тошно и душно... а всё этот твой проклятый Уилл. — Имя Вильгельма, сокращённое на нолдийский лад, он произнёс как-то неуверенно, с опаской. — Меня не покидает чувство, будто это я его убил. Он совершенно случайно... случайно оказался на пути стрелы... — Хельмут набрал в грудь побольше воздуха, на миг зажмурившись. — Которая изначально летела в меня.

— Это не твоя вина, — покачал головой Генрих, усиливая объятия и сокращая расстояние между ними.

— Я знаю, но... но чувствую себя... — Хельмут сжал пальцы в замок, впиваясь ногтями в кожу, и опустил голову. Спутанные золотые пряди упали на его лицо, и Генрих с трудом поборол в себе желание убрать их, заведя за ухо. Хельмут мог расценить такой жест как согласие на то, чего он так просил. — Я чувствую себя дерьмом и не знаю, что с этим делать, — выговорил он наконец на удивление чётко и быстро.

— Мне правда очень жаль, что ты настолько тяжело это переживаешь. — Генрих испугался, что его слова звучали неискренне, что он казался равнодушным и чересчур хладнокровным... Видит Бог, ему не хотелось таким казаться. Он правда сочувствовал Хельмуту, и сердце разрывалось от его несчастного вида, от его слов и признаний... Но Генрих сомневался, что утешение, которое от него так ждали сейчас, окажется хоть маломальски действенным. — Поверь, ты не виноват в смерти Вильгельма — и никто не виноват. Идёт война, люди погибают... — Он покачал головой. В горле возник противный ком, и руки затряслись едва ли не сильнее, чем у пьяного Хельмута. — Я понимаю, что тебе требуется утешение, и делаю что могу. Но то, что ты просишь... это не лучшая мысль. Пожалуйста, не делай поспешных выводов! — предостерёг он тут же, сделав голос громче.

Хельмут, резко подняв голову и тряхнув спутанными волосами, посмотрел на него внезапно прояснившимся взглядом. И в этом взгляде было столько непонимания, что Генрих на миг решил, что говорил с ним сейчас не на драффарийском языке. Ясно, что всё сказанное им не было воспринято хельмутовым разумом, затянутым плотной пеленой опьянения. Ну или он его попросту не слушал.

Генриху удалось в этом убедиться тут же, через пару мгновений: Хельмут встрепенулся и снова бросился на него с объятиями. Так хотелось обнять его в ответ, прижать к себе и коснуться пальцами золотистых волос... Хотелось погладить его по спине, по плечам, а потом положить руку на затылок и позволить уткнуться лицом в свою грудь... Но Генрих знал, что если позволит Хельмуту приблизиться к себе, то уже не сможет сдержаться. Этот проклятый запах алкоголя хоть как-то мешал желанию победить здравый рассудок, но если бы не он, то Генрих уже давно бы позволил опрокинуть себя в постель и целовать везде, где только можно.

Быть так близко к Хельмуту и в то же время так далеко от него казалось попросту невыносимым.

Генрих почувствовал, как дрожащие ладони поглаживают его спину, щекоча кожу сквозь рубашку, как губы касаются шеи и мочки уха... Не хотелось, чёрт знает как не хотелось останавливать это всё, и он даже на миг поддался, прикрыв глаза и подумав о том, какое наслаждение доставляют ему эти неловкие поцелуи... Но когда Хельмут переместил руки на его грудь и принялся расшнуровывать рубашку, Генрих очнулся.

Он сжал его запястья и заставил отстраниться. Посмотрел на него строго и даже грозно. Вид у Хельмута был взъерошенный, раззадоренный, в глазах — ни капли осмысленности.

— Я тебе не шлюха и не крестьянка из городка под Штольцем! — прикрикнул Генрих, молясь, чтобы голос не задрожал. — Не думай, что ты можешь себе такое позволить. — Он поправил рубашку, нервно пригладил волосы и встал. Хельмут следил за каждым его движением, не сводя с него распахнутых в изумлении глаз. — Ложись. Ляг сейчас же, — велел Генрих. За почти тридцать лет жизни он неплохо научился приказывать, но приказывать лучшему другу, с которым он даже ухитрился переспать, было непривычно, пусть даже этот самый друг был его вассалом.

Хельмут покорно лёг, попутно сбросив ботинки — один закатился под кровать, другой отлетел к противоположной стене. Генрих успел выхватить из-под его спины свой камзол и быстро накинул на плечи, словно пытаясь защититься таким образом. Во взгляде Хельмута вспыхнула надежда — видимо, он решил, что его сейчас всё-таки поимеют... Но когда Генрих оделся и обулся, явно показывая своё намерение уйти, то он снова сник.

— Лежи здесь, — холодно сказал лорд Штейнберг и направился к выходу из комнаты.

— Ваша милость... — послышалось сзади, но он не оглянулся.

Вечер уже давно вступил в свои права и плавно перетекал в ночь. Оранжевое небо темнело; ветер гнал к югу прозрачные маленькие облачка, окрашенные последними солнечными лучами в нежные оттенки розового. На чахлую осеннюю траву ложилась хрустальная роса, становилось холоднее, вечерняя свежесть резко сменила дневное тепло, и в одном камзоле, без плаща, этот холод ощущался наиболее явственно. Но Генрих не стал возвращаться в замок: он надеялся, что его прогулка не продлится долго.

Солнце всё ближе подходило к горизонту, и тени, лежащие на землю от деревьев, палаток и башен замка, становились длиннее. Чувствовался запах влаги, приносимый ветром от реки неподалёку. И как-то не верилось, что во время войны могут быть такие благодатные вечера.

Гвен он нашёл в восточной части лагеря: она сидела на большом бревне, накрытом куском старой шерстяной ткани, и что-то искала в своей сумке. Рядом сидели ещё две девушки, обе светловолосые — только одна заплела волосы в небольшую косичку, а вторая просто убрала две пряди на затылок и перевязала тёмно-серой лентой. Они болтали и смеялись, но Гвен не обращала на них никакого внимания, не отрываясь от своей сумки. В её руках мелькали то белоснежные бинты, то небольшие флаконы, пустые или заполненные настойками, то пучки засушенных трав, из-за чего её сумка казалась бездонной. Однако нужной вещи Гвен, судя по всему, так и не нашла.

Генрих окликнул её, попытавшись изобразить искреннюю улыбку. Не хотелось портить ей настроение угрюмым выражением лица.

Гвен подняла голову и тоже улыбнулась. Она отложила сумку и быстро подошла к Генриху, шаркая по суховатой траве, а её подруги тут же замолчали, но с места не сдвинулись — не их всё-таки звали.

— Добрый вечер, милорд, — негромко сказала Гвен, присев в неловком реверансе.

— Гвен, как у тебя дела? — поинтересовался Генрих, причём интерес этот не был наигранным. Девушка выглядела какой-то растерянной, и взгляд её серых глаз был мрачноватым, что вызывало небольшое беспокойство. — Никто не обижает?

— Меня-то? — удивилась Гвен, будто не могла поверить, что кому-то вообще есть до неё дело. — Да нет, никто... — пожалала плечами она. — Солдаты ведь знают, что я им помогаю, поэтому хорошо ко мне относятся.

— Вот и славно. Слушай, мне нужна твоя помощь.

— Чем могу быть полезна, милорд? — восторгалась Гвен, обрадованная его внезапной просьбой.

Девушки, не сводившие с них удивлённых глаз, негромко зашептались, одна что-то сказала другой, склонившись к её уху, та кивнула.

— Мне нужна настойка от похмелья. Там должны быть мята, семена расторопши, залитые кипятком... — Генрих задумался, вспоминая невестку где услышанный или прочитанный рецепт. — Может, ещё ромашка...

— Я помню, милорд, — улыбнулась Гвен, решившись его прервать. — Я помню рецепт. Мужу часто делала... — вздохнула она и опустила взгляд, но улыбку не убрала. — Не все травы у меня есть, но у лекарей попрошу, если что. Завтра с утра принесу.

— Спасибо, Гвен. Ты очень выручишь. — Генрих осторожно коснулся её руки, и

девушка вздрогнула. Подняла на него округлившиеся глаза, будто он её чем-то напугал, но всё же не отпрянула.

Стоило предположить, что она не забыла об их недавней близости. Она сама тогда призналась, буквально за мгновение до того, как в шатёр ворвался Хельмут, что только с Генрихом ей было хорошо, что с мужем она удовольствия вообще не получала... Это вызывало смешанные чувства. Конечно, Гвен было жаль: в браке она не знала счастья, не знала любви и не была любима, а муж, судя по всему, ещё частенько прикладывался к бутылке... Но Генрих не мог также не ощущать радости от того, что хотя бы сейчас и именно с ним эта девушка наконец-то почувствовала себя счастливой.

Но ведь Гвен не была глупа и слишком наивна, и она не должна придавать тому, что случилось между ними, особого значения. Не могла же она позволить себе мысль, что её и лорда Штейнберга связывает что-то большее, чем минутная, вспыхнувшая и тут же погасшая страсть?

Да, он проявлял к ней сочувствие и по-своему опекал, несмотря на огромную разницу в происхождении. Он помог ей устроиться и оправиться после набега на её деревню. Он считал себя её другом, но не более... И странно, что Хельмут, который первым пожалел Гвен и привёз её в замок из разорённой деревни, впоследствии совершенно забыл о ней.

Внезапная мысль заставила Генриха вздрогнуть.

— Тебя точно никто здесь не обижает? — повторил он, нахмурившись.

Вспорхнувший в воздухе ветерок взлохматил волосы Гвен — её чёрная коса давно расплелась, и три переплетённые пряди держались лишь на честном слове.

— Насчёт солдат понятно, — продолжил Генрих, убирая одну из прядей ей за ухо, отчего девушка покраснела. — Они благодарны тебе за помощь и не пристают. А кто-то повыше простых солдат? Мои вассалы, например?

Гвен тут же покачала головой, и было понятно, что она что-то скрывает, но допрашивать её Генрих не стал. Краем глаза он заметил, что её подруги уже вовсю переговаривались и посмеивались, ничего и никого не стесняясь.

— Тогда доброй ночи, — сказал он тихо, убирая руку от её лица. — И жду тебя завтра с настойкой.

Гвен кивнула и, вновь присев в быстром неглубоком реверансе, направилась прочь; ветер окончательно расплёл её растрёпанную косу, и чёрные пряди издали напминали небольшой плащик, сливающийся оттенком с ночным небом.

***

Когда Генрих вернулся в свою комнату, Хельмут уже спал — крепко и спокойно, безмятежным сном вусмерть пьяного человека. Это не могло не вызвать улыбки и тут же вырвало из души кипящую злость. Стараясь не ступать слишком громко и не шаркать, Генрих приблизился к кровати и осторожно накрыл Хельмута одеялом. Ночь, судя по всему, будет холодной, а вино хоть и согревает, но недолго...

Не сразу Генрих понял, что ему самому спать теперь негде. О том, чтобы будить Хельмута, и речи не шло. Можно, конечно, пойти в его спальню и в отместку уснуть там... но, чёрт возьми, это же просто смешно! Главное сейчас — случайно не разбудить его: он может проснуться и снова начать творить всякую ерунду, и, видит Бог, на этот раз отказать ему будет ещё сложнее... Пусть лучше проспится как следует, а утром получит свою освежающую и отрезвляющую настойку.

И что же делать? Не спать всю ночь — плохая затея: завтра Генрих и лорд Джеймс

вместе с сиром Лейтом собирались ещё раз допросить пленённого фарелльского дворянина, попытаться как-то его разговорить... Ни кнут, ни пряник на него не действовали, этот гад никак не желал раскалываться. Тех сведений, что случайно услышал от захватчиков сир Лейт, когда его замок находился в оккупации, было недостаточно, чтобы подробно выстраивать дальнейшую стратегию, хотя разведка продолжала работать на славу и то и дело привозила что-то новое. Но для полноты картины не хватало иных сведений — из первых, так сказать, уст...

Спать, между тем, хотелось нестерпимо. Генрих ещё раз окинул взглядом кровать. Наверное, стоит просто прилечь рядом и попытаться не упасть во сне с того крошечного краешка кровати, который Хельмут соизволил оставить свободным. Генрих вздохнул. Нужно хотя бы раздеться, умыться, а лучше — найти зубной порошок и велеть принести таз горячей воды... Но сил не было ни на что, и он смог лишь скинуть камзол, относительно аккуратно повесив его на спинку стула.

Прилёг рядом с Хельмутом, стараясь не обращать внимания на запах алкоголя.

Показалось, что утро настало не через несколько часов, а буквально через пять минут после того, как Генрих закрыл глаза. Удивительно, что он смог уснуть, лёжа на самом краю кровати, однако весь вечер он чувствовал себя таким уставшим, что уснул бы и стоя. И не то чтобы сейчас ему стало лучше...

Шея болела так, что поворачивать голову было просто невыносимо; плечи затекли, спина ныла. Генриху ещё не исполнилось двадцати восьми, а он уже чувствовал себя стариком.

Хельмут всё ещё спал, причём как-то беспокойно: ресницы его слабо дрожали, он то хмурился, то успокаивался — кажется, ему что-то снилось. Генрих улыбнулся, на мгновение забыв о вчерашней выходке Хельмута. А если бы под его горячую руку попала какая-нибудь девушка? Вряд ли бы ей хватило сил и воли отбиться от его настойчивости...

Нужно было вставать, но Хельмут вдруг задрожал — и Генрих почти невольно сжал его плечо, привлекая ближе к себе. Стало немного тревожно, особенно когда он что-то забормотал, сначала неразборчиво, но потом всё громче и отчётливее:

— Это я, это я его убил, я его убил...

Генрих придвинулся к нему, приобнял за плечи, провёл рукой по волосам...

— Нет, не ты.

Хельмут поморщился, кажется, выбираясь из объятий кошмара, — пришлось потрясти его за плечо, чтобы окончательно разбудить. Лишь через полминуты он с огромным трудом разлепил глаза и тут же зажмурился — в комнату постепенно начал проникать прозрачный утренний свет, а светлая тонкая штора никак не мешала его путешествию в глубь помещения.

Хельмут приложил пальцы к вискам и сдавленно простонал.

— Чёрт возьми... — хрипло заявил он.

— И тебе доброе утро, — ухмыльнулся Генрих.

Он приподнялся, и Хельмут тоже попытался встать. Стоило ему пошевелить ногой, как тяжёлое одеяло сползло на пол. Причём ни Хельмут из-за головокружения и тошноты, ни Генрих из-за боли в шее пока не были в состоянии его поднять. Всё происходящее казалось слишком смешным и нелепым, чтобы быть правдой... Но, увы, это было по-настоящему.

Хельмут всё-таки смог усесться на край кровати, хотя это далось ему с трудом, он едва не рухнул в постель снова. Генрих наблюдал за этим с беззлобной улыбкой, стоя в изголовье со сложенными на груди руками. Хельмут поёжился — от этой улыбки или от утренней

прохлады, залетевшей в комнату сквозь щели в окне.

— Помнишь, что вчера было? — поинтересовался Генрих, и Хельмут снова поморщился.

— Ты ждёшь извинений? — ответил он вопросом на вопрос.

Что ж, это было неожиданно, и Генрих не сразу нашёлся с ответом.

На самом деле — да, он ждал извинений. Пьяное поведение Хельмута, разумеется, никуда не годилось, благородному барону, рыцарю, мужчине не пристало так себя вести. А уж по отношению к своему сюзерену — тем более... Правда, Генрих иногда забывал о том, что Хельмут был его вассалом, — этому способствовала многолетняя дружба и то, во что она вылилась в итоге, — то, что они чувствовали друг к другу теперь.

Сейчас настойчивость Хельмута казалась попросту смешной и даже милой, но вчера... Генрих вспомнил, что был взволнован, растерян и разозлён, не знал, куда деваться и что делать: плюнуть на всё и поддаться неуклюжим ласкам пьяного Хельмута, даровав ему то утешение, о котором он просил, или всё-таки сдержаться. Слава Богу, хватило ума и воли на второе. Иначе бы сейчас пришлось извиняться самому.

— Прости, — глухо, почти шёпотом, сказал Хельмут, не поднимая взгляда. — Я хорошо помню, что было вчера, и... Прости, я... я вёл себя совершенно неподобающе. — Вдруг он поднял взгляд и улыбнулся, будто вся его головная боль мигом прошла. — Снова я перед тобой извиняюсь, а ты помнишь, чем закончились мои прошлые извинения?

— Так, не сейчас, — рассмеялся Генрих — этот чёртов хитрый лис всё-таки не оставил мысли лечь под него так или иначе! — Всё в порядке, — добавил он серьёзнее. — Я не злюсь. Как ты себя чувствуешь?

— Всё ещё дерьмово, — кивнул Хельмут, массируя пальцами виски. — Тошнит и голова раскалывается. У тебя нет чего-нибудь?..

В дверь несмело, тихо постучали, и Генрих радостно встрепенулся.

— Сейчас будет, — бросил он.

Как и ожидалось, пришла Гвен — в руках её был небольшой глиняный кувшин, видимо, с настойкой.

— Опять она, — послышался сзади крайне недовольный голос Хельмута.

Гвен, до этого сдержанно улыбавшаяся, мигом поникла. Генрих же, бросив на друга укоризненный взгляд, приободряюще похлопал её по плечу и забрал кувшин.

— Спасибо, Гвен, — ласково улыбнулся он. — Настойка чистая, или надо разводить?

— Я всё развела, — сказала она, — можно сразу пить.

Тут же она сделала реверанс и быстро ушла — видимо, ей стало неуютно под тяжёлым взглядом Хельмута. Генрих закатил глаза. Он закрыл дверь и направился к столу, сжимая в руках гладкий кувшинчик, на коричневой поверхности которого был нарисован трогательный белый цветок. Хельмут продолжал дуться, при этом он то и дело прикладывал ладони к вискам или хватался за горло, пытаясь остановить рвотный позыв.

— Гвен тебе сделала отвар от похмелья, — покачал головой Генрих. Он никак не мог вспомнить, куда положил бокалы или хотя бы кружки. — За что ты с ней так?

Хельмут не отвечал. Видимо, стыдился признавать, что ревновал.

Генрих быстро осознал, что посуду с больной шеей найти не удастся, и протянул ему весь кувшинчик — выпьет сколько захочет, главное, чтобы настойка подействовала и Хельмута хотя бы перестало тошнить. Чудо, что ночью его не вырвало...

Хельмут послушно выпил примерно половину кувшина, даже не поперхнувшись, хотя от

жидкости резко пахло мятой, стоило предположить, что и на вкус она была тоже очень резкой. Однако желание избавиться от похмелья волновало Хельмута явно сильнее, чем вкус настойки.

— Ну, как? — взволнованно спросил Генрих и как-то неосознанно положил руку на его плечо.

— Вроде проходит... — кивнул Хельмут. В его взгляд постепенно возвращалась осмысленность, и цвет радужек становился более ярким. Складки на лбу и переносице разгладились, ресницы перестали мелко дрожать... Всё-таки красив он, чёрт возьми. Красив не слишком резкой, не слишком мужественной красотой, но именно такая изысканность, что ли, в нём и привлекала.

Генрих отвернулся, понимая, что выдал себя с головой — Хельмут заметил, что его рассматривают, и через силу, но вполне искренне улыбнулся.

— Спасибо, — тихо сказал он, водя пальцем по ручке кувшинчика.

— И Гвен потом тоже поблагодари, — предложил Генрих, зная, что Хельмут ничего ей не скажет. По крайней мере, ничего хорошего. Ну вот зачем он так взъелся на неё?

— Который час? — буднично поинтересовался Хельмут, не обращая внимания на слова о Гвен.

— Часов восемь. Ох, к слову... У меня сегодня много дел, так что прости, но я вынужден тебя оставить. Можешь ещё поспать, если хочешь, я не против, — улыбнулся он и хлопнул ладонью по кровати. — Заодно голова пройдёт.

— Да нет, я... — Хельмут провёл рукой по голове, приглаживая взъерошенные волосы. — Я приведу себя в порядок, и... может, тебе помочь? С делами.

Генрих задумался. На самом деле в помощи Хельмута он особо не нуждался — они с лордом Джеймсом прекрасно справлялись вдвоём, разве что фарелльца разговорить пока не смогли... А Хельмут на допросе мешать уж точно не будет — наоборот, вдруг что-то подскажет или даже сам сможет заставить пленника говорить? Пожалуй, лучше всего с этим справился бы Вильхельм — упёртости и жёсткости ему было не занимать. Но Вильхельм погиб, хотя поверить в это до сих пор было сложно. Бедная тётя Аделина, наверняка она от горя буквально воет...

— Хорошо, даю тебе полчаса, — усмехнулся Генрих, подсаживаясь ближе к Хельмуту.

Шея почти перестала болеть, и ему не составило особого труда чуть наклониться, приближаясь к его лицу. Пахнуло свежестью мяты, будто Хельмут только что прожевал свежесорванный лист. Конечно, прямо сейчас дать ему то, о чём он просил вчера, Генрих не мог. Но всё же отдаляться от него, вновь устанавливая рамки чисто дружеских отношений он тоже не хотел и понимал, что и Хельмут этого вовсе не желает.

Ощувив на щеке слабое прикосновение чуть дрожащих пальцев, Генрих ухмыльнулся и на долю мгновения прижался к его губам.

***

Сад наполнился нежными переливами арфовых струн.

Герцогиня Эрика играла какую-то старинную песню, невероятно красивую — мелодия напоминала журчанье лесного ручья, трели соловья, трепетную весеннюю капель... Она звучала то тише, то громче, то быстрее, то медленнее, пальцы Эрики порхали по струнам, касались их легко и невесомо, и Хельга не могла оторвать от них взгляда.

Вместе с музыкой по саду разливался полумрак прохладного вечера: очередной день подходил к концу, и Хельга была счастлива, что ей удалось провести этот день вместе с

герцогиней Эрикой.

Она хотела подыграть ей на лютне, но не решилась, да и песню эту знала не так хорошо. Играть на лютне Хельга училась с детства, однако сейчас, наблюдая за игрой герцогини Эрики, поняла, что её мастерство не сравнится с талантом её новой подруги. Та играла вдохновенно, самозабвенно, прикрыв глаза и почти не смотря на струны, и при этом ни разу не запнулась, ни единой ошибочки не допустила... Её игра была прекрасна, равно как и исполняемая ею песня.

Наконец переливы стихли, и ещё несколько мгновений над садом раздавалось тревожное тремоло, но затем затухло и оно.

Хельга спрыгнула с качелей и захлопала в ладоши, не скрывая довольной широкой улыбки.

Эрика открыла глаза, опустила руки на колени и выдохнула.

— Спасибо, моя дорогая, — тихо произнесла она уставшим голосом.

— Такой чистый хрустальный звук! — восхищённо воскликнула Хельга, подходя к арфе. Она уже рассмотрела этот инструмент, как только слуги внесли его в сад несколько минут назад, однако до сих пор не могла вдоволь насмотреться. Не так уж часто ей доводилось видеть арфы — лишь у заезжих менестрелей и певцов на ярмарках, и то издалека... А теперь этот сказочный инструмент стоял так близко, что попросту не верилось.

— Это всё благодаря дереву королевского ореха, — улыбнулась герцогиня Эрика, кладя руку на гладкую блестящую поверхность арфы. — Оно всегда даёт такой звук — холодный, кристальный, будто горный ручей. Дома у меня есть ещё одна арфа... — Заметив, как глаза Хельги расширяются в изумлении, она рассмеялась, запрокинув голову. — Она из клёна, а передняя часть — из ели. И звучит уже более мягко и прозрачно.

— Вы так хорошо в этом разбираетесь, — восхищённо, но при этом с нотками зависти протянула Хельга.

— Я училась играть на арфе с детства, — пожала плечами Эрика, а на скулах её выступил слабый румянец. — Жаль только, что к пению предрасположенности нет... Но, может, вы, моя милая, что-нибудь споёте? А я подыграю. — И она провела пальцами по струнам.

Хельга встрепенулась. Она не ожидала, что ей придётся сегодня петь, однако для Эрики была готова спеть всё что угодно. Неужели не найдётся песни, которую знают они обе?

Вспомнилось, как она пела для Вильгельма в минуты их уединения в этом саду. Это были тёплые, спокойные вечера, тишину нарушали лишь переливы струн лютни и голос Хельги, а где-то вдалеке стрекотали сверчки и ветер едва слышно шелестел свежей листвой. Последний раз они гуляли здесь совсем недавно — весной, и прошло с тех пор всего полгода, но сейчас Хельге казалось, что минуло много лет, что она ждёт своего жениха уже так давно... Больше всего она боялась, что он забудет о ней, разлюбит её и, вернувшись, передумает на ней жениться.

Не то чтобы Хельга сомневалась в Вильгельме, но всё же она не могла угадать его мыслей и чувств. Она знала, что война меняет людей и что её жених, уйдя одним человеком, вернуться может совершенно другим.

Но она-то уж точно его не забудет и не разлюбит. Да и как можно забыть эти бездонные зелёные глаза, эти мягкие смоляные волосы, которые она так любила перебирать и гладить? Как можно забыть все эти жаркие поцелуи, которые они дарили друг другу, эти невинные прикосновения и слова, произнесённые шёпотом? Слава Богу, что Хельмут обо всём этом не

знал... Из окон замка хорошо было видно весь сад, однако Хельгу и Вильгельма всегда укрывали листья и кроны плодовых деревьев, а ещё вечерний сумрак и закатные тени...

Вспомнив свидания со своим женихом, она наконец поняла, какую песню споёт для Эрики. Точнее, на самом деле петь она будет для Вильгельма, который сейчас так далеко, в холодных северных краях, рискует жизнью, сражаясь с иноземными захватчиками за свободу и мир... Он не услышит этой песни, но её услышит его сестра, и Хельга считала это не менее важным.

Но она не успела сообщить Эрике название песни — их уединение прервал встревоженный слуга. В его руках был запечатанный свиток пергамента, и Хельга смогла разглядеть на печати изображение льва. Значит, письмо от Хельмута! Хотелось надеяться, что в письме были радостные новости — что штурм уже прошёл, прошёл благополучно, присланные схемыгодились и замок взят... Да даже если и нет, если брат решил написать перед штурмом — Хельга всё равно была рада весточке от него.

Она ощутила прилив волнения и прижала руки к груди, наблюдая, как герцогиня Эрика забирает у слуги письмо, ломает печать и разворачивает свиток. Однако её лицо почему-то не засияло радостью или восторгом... Она читала письмо и хмурилась, а в во взгляде её проступало смятение.

— Ваше превосходительство, что там? — подала голос Хельга — терпение лопнуло, а волнение превратилось в настоящий страх.

— Письмо для вас, моя дорогая... — вздохнула Эрика и протянула ей письмо. Было видно, как дрожали её руки и как нервно сверкал блик заходящего солнца на её перстне с аметистом. — Прочитайте, пожалуйста, сами. И держитесь.

Хельга взяла письмо, не зная, чего ей ожидать. Она затряслась, в глазах появились слёзы, хотя она не прочитала ещё ни слова. Оставалось лишь уповать на милость Господа и надеяться, что никаких страшных новостей брат не передавал... Но что же тогда так встревожило Эрику? Её тревога передалась Хельге, из-за неё стало одновременно холодно и жарко, и захотелось убежать и спрятаться, лишь бы не становиться свидетельницей чего-то страшного...

Лишь на мгновение опустив глаза на письмо, Хельга поняла, что ошиблась в своих надеждах.

«Моя милая сестра! Спешу сообщить тебе, что штурм закончился благополучно и благодаря отправленным тобой схемам мы смогли взять Лейт. Со мной всё в порядке, я отделался лишь парой лёгких царапин. Однако вынужден передать тебе печальную новость — штурм пережили не все. Мой дорогой друг и твой возлюбленный жених Вильгельм Остхен погиб, погиб как герой. Хочу, чтоб ты знала, что его последними словами были слова любви к тебе.

Прошу тебя, дорогая Хельга, не отчаивайся. В тот час, когда ты получишь это письмо, тело Вильгельма уже, скорее всего, доставят в Остхен. Возможно, ты захочешь попрощаться с ним.

Твой любящий брат Хельмут».

Письмо оказалось кратким, но сколько же страшных слов в нём было написано... Видно, что рука брата очень дрожала, когда он писал это, отчего его и без того небрежный почерк стал ещё менее разборчивым, а на словах о смерти Вильгельма виднелось несколько небольших клякс.

Колени задрожали, ноги стали какими-то ватными, и Хельга поняла, что вот-вот упадёт

на жёсткий гравий, испортит платье и раздерёт ладони... И она бы обязательно упала, если бы герцогиня Эрика не оказалась рядом. Она быстро и бесшумно подошла к ней и сжала в объятиях, проведя ладонью по волосам.

Хельга разрыдалась.

Она выронила письмо, и лёгкий ветерок отбросил его на клумбу почти отцветших бархатцев.

Девушка не слышала ничего, кроме своих всхлипов и тяжёлых, прерывистых вздохов, однако через какое-то время до её слуха донёлся нервный шёпот герцогини Эрики:

— Он не мог, не мог... — Она, кажется, обращалась вовсе не к Хельге и говорила сама с собой. — Он не мог просто так погибнуть, не мог такого допустить! Здесь явно что-то не так... — Было не очень понятно, о чём она говорит, однако в её голосе слышалось больше злости и недоумения, нежели горя и отчаяния. — Моя дорогая, моя бедная Хельга! — Эрика отстранилась, заглянула девушке в глаза, сжав её плечо одной рукой и проведя по влажной от слёз щеке другой. Герцогиня то и дело покусывала губы, не обращая внимания на слой тёмной помады на них, а во взгляде её Хельга вдруг обнаружила всплеск какого-то поистине пугающего гнева и невольно отшатнулась. — Я поеду в родительский замок, — негромко сказала Эрика, и стало ясно, что это был вовсе не отблеск злости, а прозрачная слезинка. — Нужно похоронить брата...

— Я тоже поеду, — вырвалось у Хельги, и голос прозвучал на удивление громко. — Пожалуйста, не отговаривайте меня, — попросила она, прервав собравшуюся что-то сказать герцогиню Эрику. — Я должна увидеть его ещё хоть раз и проводить в последний путь.

Эрика кивнула, вздохнув. Она вытерла слёзы ладонью и попятилась к своей арфе.

— Нужно написать родителям, что я приеду... — проронила она.

Родители... Хельга покачала головой, не сразу поняв, о ком шла речь. Барон Людвиг и баронесса Аделина... Её несостоявшиеся свёкор и свекровь... Они ведь потеряли единственного сына и сейчас наверняка тоже изнывают от боли и горя не меньше, а то и больше, чем Хельга. Захотелось как можно скорее отправиться в Остхен, чтобы увидеться с ними и разделить их общую печаль — может, тогда станет полегче...

Хельга всё ещё не чувствовала ног, зато ощущала обжигающую боль в груди и страшную резь в глазах. Хотелось рухнуть на грубый гравий, разодрав всё лицо, и тут же умереть, чтобы оказаться рядом с Вильгельмом, чтобы не позволить ему её оставить, оставить навсегда... Все её мечты и надежды рухнули за одно мгновение, разбитые безжалостной судьбой, и теперь осколки впивались ей в сердце и глаза, не давая шанса даже сделать вдох. Когда Хельга закрывала глаза, то видела лицо своего погибшего жениха, отчего сердце разрывалось на части. А когда она их открывала, то обнаруживала, что вокруг всё плывёт и мутнеет, отчего кружилась голова.

Однако Хельга всё-таки нашла в себе силы не упасть. Мысль о том, что она была не одинока в своём горе, её немного воодушевляла, возвращала жизни хоть какую-то ценность.

А солнце тем временем закатывалось за горизонт, и вечернее небо окрашивалось алым.

— Ногу уже не спасти, — покачал головой лекарь, даже не вздохнув, даже не попытавшись изобразить сожаление. Он был сдержан и хладнокровен, как всегда, и удивляться тут нечему: этот не старый ещё монах, отправленный послушником на войну, явно многое повидал на своём веку. И вид гангрены, поразившей почти всю стопу оказавшегося на лекарском столе воина, его уж точно не смущал.

Гвен тоже успела привыкнуть и к огромным кровоточащим ранам, и к отрубленным конечностям, и к культям, и к страшным ожогам... Но гангрену она сегодня увидела впервые, и поначалу ей с трудом удалось сдержать тошноту. Она и слова-то такого раньше не знала — «гангрена»... Это лекарь ей только что объяснил, как называется и от чего возникает. Со временем вид почерневшей стопы стал совсем привычным, и Гвен смотрела на неё без страха и отвращения.

Однако, в отличие от хладнокровного лекаря, не сострадать раненому воину она не могла.

— Нужно отрезать, — продолжил лекарь как ни в чём не бывало. — Где-то у меня оставался маковый отвар...

Он отошёл к небольшому столику в дальнем конце шатра, а воин, сначала, видимо, не очень понявший, что речь идёт о его ноге, вдруг подскочил и замотал головой. Гвен пришлось сжать его плечи и мягко, но настойчиво заставить лечь обратно на покрытый шерстяными постилками длинный стол.

— Если не отрезать стопу, язва перейдёт на всю ногу, — сказала она, — а потом и на всё тело. Простите, не хочу вас пугать, но так оно и есть...

— Но как же... как же я... Она уже не болит! — вскрикнул воин. — Не надо резать, как же без ноги-то...

— Зато вам больше не придётся сражаться. — Гвен хотелось верить, что это хоть немного его приободрит. — Вы отправитесь домой.

— И буду обузой для своей семьи, — вздохнул он, кажется, уже смирившийся со своей участью.

— Зато останетесь живы, — возразила она.

Раненый ещё пытался уговаривать её и лекаря не резать ногу, но уже как-то слабо и не очень уверенно. Впрочем, лекарь его не слушал. Он без лишних слов влил в него чашку макового отвара — это снадобье притупляло боль. Обычно после него человек погружался в сон, однако сейчас это вряд ли может хорошо помочь. Воин, даже уснув, тут же проснётся, когда его начнут резать. Но что есть, то есть — может, хоть немного полегче будет...

Вдруг входное полотнище лекарского шатра приподнялось — в желтоватый сумрак ворвался луч солнечного осеннего дня. Гвен обернулась и увидела баронессу Кассию Кархаусен, женщину из Шингстена, которая наравне с мужчинами сражалась на этой войне. Среди нолдийцев (а именно с ними Гвен общалась больше всего) о ней ходили разные слухи. Одни говорили, что она умеет колдовать и верит в сотни языческих богов, которые помогают ей творить ворожбу... Другие возражали: нет, мол, не боги ей помогают, а дьявол и демоны! Третьи замечали, что она умеет лечить, но не так, как обычные лекари, а, опять же, колдовством, но лучше к такому лечению не прибегать — грех большой...

Сама Гвен ничего из этого воочию не видела. А баронесса Кархаусен вела себя очень

мило и непосредственно, так что относиться к ней с опаской казалось бессмысленным. Недавно, через пару дней после битвы за Лейт, она попросила у Гвен сбор трав для обеззараживающей настойки, однако от лекарской помощи отказалась — заявила, что с обработкой раны и сама может справиться. Гвен лишь пожала плечами, но травами поделилась.

Подруги потом спрашивали, какого чёрта она общается с язычницей, грешно ведь... Гвен нечего было на это сказать. О вере баронессы Кархаусен она не задумывалась — пусть верит в кого хочет, Бог ей судья. И в общении с ней Гвен никакого греха не видела. К тому же не так давно она сама очень согрешила — тогда, с милордом Генрихом...

Нет, нельзя сейчас об этом думать.

Гвен покачала головой и поклонилась так, как её учили женщины в Клауде — они называли этот поклон реверансом. Девушка не сразу сообразила, что стоит перед высокородной дворянкой, потому что привыкла к несколько иному их виду. Не то чтобы она в своей жизни видела много дворянок, но те, которых всё же довелось увидеть, носили изящные шёлковые платья, укладывали волосы в замысловатые причёски и украшали себя ожерельями, браслетами и кольцами.

А баронесса Кассия носила мужскую одежду — штаны, высокие сапоги, рубашки и неизменную бобровую жилетку сверху... Волосы она заплетала в простую косу, а из украшений носила лишь подвеску с тремя небольшими деревянными дощечками, на которых были начерчены какие-то странные угловатые узоры.

И всё равно это выглядело куда красивее и опрятнее, чем то, что было на Гвен: старое синее платье, запачканный кровью фартук, измятая косынка на взлохмаченных волосах. Сегодняшний раненый с гангреной был далеко не первым (и не последним), девушка очень устала, поэтому привести себя в порядок у неё не было никакой возможности. Она немного смутилась своего вида, но баронессе Кархаусен, кажется, не было до него никакого дела.

— У тебя не осталось ещё немного коры ивы? — с улыбкой спросила она, проходя в шатёр. Раненого воина на столе она, кажется, совсем не заметила.

— Осталось, — кивнула Гвен и бросилась к своей сумке, лежащей возле стола.

Всё самое необходимое — обеззараживающие, обезболивающие отвары и мази, сборы трав, маковую настойку во флаконах — она всегда носила с собой. Поэтому найти нужный мешочек с небольшими кусочками коры не составило труда. Гвен протянула его баронессе, и та вновь приветливо улыбнулась.

— Как ваша рана? — поинтересовалась Гвен, убирая с лица спутанную прядь — волосы выбивались из-под косынки и лезли в глаза.

— Заживает потихоньку, — отозвалась баронесса Кассия. Говорила она необычно: очень уж шипела в некоторых словах... Гвен никогда раньше не слышала шингстенского говора и теперь поняла, что он отличался от нолдийского ещё сильнее, чем бьёльнский, к которому она уже совсем привыкла.

— А должна бы не потихоньку... Может, вы всё-таки к лекарю обратитесь?

Гвен кивнула на своего наставника, который в это время готовил всё необходимое для отрезания ноги, остановки крови и заживления культи: острейшие лекарские ножи, пилу, жгут, бинты...

— Нет, не стоит. — Улыбка шингстенки стала будто бы виноватой. — Я сама справлюсь, правда. Сделаю себе мазь от боли — мне только коры ивы не хватало.

— Вы женщина, а самоуверенны как мужчина, — позволила себе заметить Гвен. —

Может, не зря вы носите штаны...

Баронесса Кассия рассмеялась, и лишь тогда её наконец-то заметил лекарь. Он видимо, хотел шикнуть и призвать к тишине — смех в этом шатре, где царили боль, смерть и страдания, был крайне неуместен, — но, увидев, кто перед ним, лишь почтительно склонился.

— Пилить будете? — усмехнулась баронесса Кархаусен, пряча кору ивы в поясную сумочку из чёрной блестящей кожи. — Может, помочь?

Ни лекарь, ни Гвен ничего не успели ей сказать — она сделала пару уверенных шагов вперёд и взглянула на почерневшую ногу, причём взглянула безо всякого отвращения или испуга.

— Да уж, тут и правда только пилить... — заметила шингстенка, чуть нахмурившись. — Что вы ему дали?

— Ваша светлость, я не думаю, что... — начал лекарь, но Гвен посмела его прервать:

— Маковый отвар, — ответила она. — Он может немного ослабить боль.

— Но не до конца. Начнёте пилить — он будет вертеться, и тогда отрезать ногу будет куда сложнее. Давайте я его подержу, — предложила баронесса Кассия.

В шатре повисла тишина — слышалось лишь тяжёлое, прерывистое от тревоги дыхание раненого воина.

Лекарь смотрел на баронессу не меньше минуты, и в его взгляде сложно было прочесть что-то определённое. Он будто оценивал шингстенку: насколько она сильна, насколько ловка, чтобы справиться с мужчиной, пусть и раненым и напоённым маковым отваром? Однако Гвен понимала, что им сейчас не помешает любая помощь: людей лекарям жутко не хватало, а раненых после штурма было много... Сама она, конечно, тоже могла бы подержать воина, чтобы не дёргался и не мешал резать, но лекарю от неё всё-таки понадобится помощь несколько иного рода. А баронесса Кархаусен к тому же была воительницей, то есть наверняка превосходила по силе многих обычных женщин и, наверное, справилась бы с ослабленным мужчиной...

— А вылечить его гангрену своей магией вы не можете? — вдруг спросил лекарь тихо.

Баронесса лишь покачала головой.

— Многие переоценивают мои лекарские способности, — отозвалась она.

Тогда лекарь молча кивнул, и Кассия, почему-то снова улыбнувшись Гвен, пошла за ним к раненому.

***

Здесь, на севере, приближение зимы ощущалось особенно остро. Дни становились всё короче, а ночи пугали кромешной темнотой и резким холодом, который по утрам оседал на траве ледяной росой, а иногда даже инеем. А ведь только-только закончился рукшеиссентябрь и до зимы оставалось не менее шести седмиц...

— Когда выпадет снег и начнутся морозы, нужно будет что-то делать с этим всем, — вздыхал Генрих, из окна замка оглядывая лагерь под стенами. Солдаты кучковались возле костров, подбрасывая в них дрова и протягивая руки к огню.

— Тут кругом ещё остались нетронутые врагом деревни, а чуть северо-восточнее стоит небольшой ремесленный город, — успокаивал его лорд Джеймс, не убирая с лица тёплую покровительственную улыбку. — Он почти не пострадал. Так что расселимся... Нам бы только о планах противника узнать, — хмурился он в задумчивости, — и уже в соответствии с ними строить собственные. Фарелльцы сейчас сосредоточили свои силы на

северной границе и далеко от неё не отходят. Надо бы идти туда, но сколько человек нам брать с собой, а сколько отправлять на отдых в деревни и город?

Разведчики действительно постарались хорошо и разузнали, что после поражения под Лейтом остатки фарелльских войск бежали к северным границам, к пограничным крепостям, которые были захвачены раньше всех. Возможно, они ждали подкрепления и готовились принимать бой или, напротив, собирали силы, чтобы снова атаковать... Генрих и лорд Джеймс рассчитывали выпытать более точные данные у пленного фарелльского рыцаря, но тот уверял, что ничего не знает. Клялся, что он всего лишь покорный слуга своих короля и герцога... Что ему было поручено просто держать Лейт и в случае чего бежать на север, а что планировалось потом, он действительно не знал...

Хельмут неплохо понимал по-фарелльски, однако в душу и мысли пленника залезть не мог, оттого и был не в силах понять, лжёт он или говорит правду. Поэтому предпочёл стоять молча.

Фарелльца держали в одной из башен замка, в маленькой тесной комнате. Обнаружив это, начитавшийся рыцарских романов Хельмут несколько удивился — он ожидал, что пленника бросят в подземелье, в сырые и холодные темницы... Но как выяснилось, в Лейте вообще не оказалось ничего такого — замок стоял на скалистой местности, где копать подземелья было бы почти невозможно. Однако лорд Джеймс, заметив его удивление, понимающе усмехнулся.

— В Эори есть подземные темницы, — сообщил он, — но и Эори, как можно понять, намного старше Лейта, его архитектура несколько... устарела, — признал он с явной неохотой, — как устарели понятия о том, как следует содержать благородного пленника.

А этот пресловутый благородный пленник, оправдываясь и заикаясь, вдруг как-то очень прозрачно намекнул, что вёл переговоры с Вильгельмом — и Хельмут не выдержал.

— Ты не смеешь говорить такое о наших людях! — вспыхнул он, поднимаясь и нависая скалой над фарелльцем.

Его вид внушал если не отвращение, то хотя бы пренебрежение — руки дрожат, взгляд опущен, спина сгорблена... Кажется, он сам боялся собственных признаний, понимая, что ничего хорошего его не ждёт в любом случае.

— Если среди вашей стаи хищников завелись крысы, это не значит, что у нас возможно то же самое. — Хельмут не сразу понял, что сорвался с фарелльского на драффарийский — языки были родственными, очень похожими. Но он тут же опомнился и повторил фразу на родном для пленника фарелльском, чтобы до него как следует дошло. — Наши рыцари верны и порядочны, в отличие от ваших разбойников, а переметнуться на вашу сторону для них было бы наивысшим бесчестьем. Ты наших людей по себе не суди... И вообще попридержи-ка язык и говори лучше то, чего от тебя требуют, желательно побыстрее. — И он резко отвернулся, хотя даже так ощутил на себе испуганный взгляд фарелльца, явно не ожидавшего такого напора от доселе молчавшего барона Штольца.

Он и сам не мог понять, что на него нашло. Фареллец выражался не настолько открыто, чтобы Генрих и лорд Коллинз догадались, что речь шла о Вильгельме. Однако даже толика подозрения могла испортить всё, разрушить то, что Хельмут так кропотливо выстраивал долгие седмицы. Поэтому он и осадил пленника... ну или потому, что до сих пор пытался как-то оправдать Вильгельма в собственных глазах. Несмотря на то, что прошло уже достаточно много времени, Хельмут всё ещё не мог до конца принять то, что его друг детства решился на предательство. Это казалось ему противоестественным, противоречащим

его жизненному опыту, и иногда он думал, что всё произошедшее с Вильгельмом ему попросту приснилось. Но в таком случае Хельмут был причастен к смерти невинного человека, а это только всё усложняло...

Кассия при встречах улыбкой и взглядом давала понять, что всё ещё ждёт благодарности за свои труды и манипуляции с ядом, но Хельмут лишь качал головой. Ей-то Вильгельм не приходился другом и даже хорошим знакомым, она верила барону Штольцу, пожалуй, даже сильнее, чем он верил себе... Кассия не сомневалась в предательстве Остхена, а потому совесть её, кажется, совершенно не мучила. Хельмуту бы её уверенность...

Однажды она перехватила его во внутреннем дворе, когда он упражнялся в метании кинжалов. Доселе Хельмут ни разу не видел шингстенскую ведьму с мечом, поэтому даже не сразу её узнал. Волосы Кассия убрала в пучок на затылке, вместо привычной свободной рубашки и бобровой жилетки на ней была серая стёганка, из-за которой девушка казалась более крупной и широкоплечей, чем была на самом деле. В правой руке она держала тренировочный затупленный меч, в левой — большой треугольный щит с гербом Кархаусенов: ржаво-коричневое поле и светло-серая летящая вверх стрела. Щит выглядел весьма побитым: с небольшими вмятинами, облупившейся краской и чуть поржавевшим ободом.

— Впервые вижу вас здесь, — улыбнулась Кассия после формальных приветствий. — А где ваш меч?

— Я сегодня вот... — Хельмут кивнул на мишень, из центра которой торчали изогнутые рукояти метательных кинжалов. — Меч я не очень люблю, если честно.

— Неразумно, — заметила она. — В бой вы идёте именно с ним, а на тренировках уделяете внимание тому, что используете реже.

Хельмут лишь пожал плечами — и тут же воровато оглянулся, боясь обнаружить где-нибудь у стены барона Кархаусена, сверлящего их гневным, озлобленным взглядом.

Заметив это, Кассия рассмеялась.

— Не беспокойтесь, Адриан уехал с патрулями, — сказала она. — Ну же, возьмите меч. Наверное, тогда мне стоило не вливать вас в вино, а вызвать на учебный поединок. Тоже, знаете ли, неплохо лечит...

На самом деле Хельмут не очень был готов к тренировке на мечах: во-первых, он просто не настроил себя на это, во-вторых, оделся он тоже не вполне подходяще. Серая рубашка из плотного льна и шерстяная фиолетовая жилетка с кожаными вставками метать кинжалы никак не мешали, но вот для сражения на мечах больше пригодилась бы стёганка.

Однако что-то заставило его согласиться. Хельмут так много слышал о Кассии, знал, что она прошла немало сражений, да и сама она уже успела рассказать ему о том, что пережила... Но он лично хотел убедиться в её силе. Не может же женщина быть сильнее его, пусть даже он не такой хороший мечник.

Она и правда не была сильнее, зато оказалась увёртливой, ловкой, удары наносила не особо мощные, но болезненные, а Хельмуту не всегда удавалось их вовремя отражать. Но всё же в конце концов он, приняв один её стремительный удар на щит, а другой отразив мечом, чуть пригнувшись, резко ударил Кассию по колену, а затем толкнул щитом в плечо, отчего она пошатнулась и в конце концов упала.

— Я просто устала, — рассмеялась она, улегшись на мостовой так, будто это была самая мягкая на свете перина, — вот вы и оказались в выигрыше.

Хельмут снисходительно улыбнулся и протянул руку, чтобы помочь ей встать, но

Кассия лишь хохотнула и поднялась сама. Её причёска растрепалась, пара длинных прядей выбилась из пучка, что придавало девушке донельзя милый вид. Отдышавшись и отсмеявшись, она вдруг замерла рядом с Хельмутом и взглянула на него с каким-то вызовом, будто хотела сразиться ещё раз. Но он понял, что ждала она вовсе не атаки или удара... Он так и не отблагодарил её за помощь с ядом, а Кассия явно дала понять, чего хочет.

Вот только Хельмут не мог отплатить ей именно так. Поэтому, когда девушка, не прекращая так выжидательно смотреть на него, чуть привстала на цыпочки, он сделал резкий шаг назад, кивнул в знак прощания и бросился в оружейную.

После того учебного боя они стали видеться реже. Зато Хельмут много времени проводил с Генрихом, наверное, даже больше, чем когда-либо. До войны они жили в седмице езды друг от друга. Теперь же они оказались совсем близко — и в прямом, и в переносном смысле. И Хельмут старался не упускать шанса сохранить эту близость как можно дольше.

Никто из них не знал, как можно было бы назвать их отношения, потому что теперь это было нечто большее, чем дружба. Но пока что они и не стремились отыскать этому какое-то название.

И только рядом с Генрихом Хельмут мог забыть о той буре, что разрывала его душу в клочья. Он забывал о Вильхельме, о своих сомнениях и надеждах; забывал о Кассии, её многозначительных взглядах и её совершенно чистой совести; забывал о фарелльском пленнике, который почему-то захотел раскрыть то, что с ним связывался драффарийский предатель... Только рядом с Генрихом Хельмуту казалось, что этого всего попросту не было, и с его плеч спадал, хоть и на время, невероятно тяжёлый груз.

***

Они сидели в комнате Хельмута — дело шло к ужину, в комнате стало совсем темно, ибо закат уже почти догорел. Но никому из них не хотелось идти в обеденный зал, такой шумный и многолюдный. Удивительно, каким живым может оказаться замок, совсем недавно переживший штурм.

— Знаешь, я... — начал Хельмут, пожалуй, неожиданно для самого себя. — Всё ещё переживаю из-за Уилла. — Почему-то вслух он до сих пор не мог называть погибшего друга полным именем, заменяя его сокращением, которое тот, к слову, не любил. — И сестра моя...

— Ты передал ей мои соболезнования? — встрепенулся Генрих.

Хельмут кивнул, хотя он чуть лукавил. В первом письме, сообщая сестре о смерти её жениха, передать соболезнования лорда Штейнберга он забыл. Но за ним последовало второе письмо, больше и эмоциональнее, и тогда уже память его не подвела. Хельга ответила на оба, уверяла, что держится и благодарит его милость за сочувствие и брата за то, что не стал ничего утаивать.

— Я испытываю вину перед ней, — признался Генрих, опустив взгляд.

— Она и без тебя была влюблена в Уилла без памяти. — Хельмут нашёл в себе силы усмехнуться. — Так что не переживай, прошу тебя.

Генрих лишь вздохнул. Его перепады настроения тоже можно было понять — он ведь потерял двоюродного брата и друга и тоже очень тосковал, хотя старался этого не показывать. Однако Хельмут считал, что его чувство вины перед Хельгой было бессмысленным — вряд ли сестра сейчас вообще задумывалась о том, как и кем была устроена её помолвка.

— Надеюсь, она оправится, — тихо сказал Генрих.

Время шло, ничего особенного не происходило, и застой раздражал всех. Солдаты хоть и рады были не участвовать в сражениях, но всё же страдали от бездействия и усиливающегося с каждым днём холода. Рыцари были недовольны тем, что никак не могли пустить в ход свою силу и оружие — и Хельмут вполне разделял их недовольство. Учебные бои и на сотую часть не удовлетворяли этого желания броситься в бой. Хотя в последнее время они начали нравиться Хельмуту больше, чем раньше, ибо Генрих находил время потренироваться с ним... Правда, боевой задор во время таких тренировок то и дело перерастал во взаимную страсть — и Хельмут понимал, что именно это ощутила Кассия во время их единственного совместного боя.

Король отправлял письмо за письмом, торопил, и Генрих с лордом Джеймсом очень нервничали из-за этого. Последний так вообще всё чаще стал жаловаться на боли в сердце, а в его густой каштановой гриве появлялось всё больше седины. Подводить короля, который доверил им ведение войны, ему явно хотелось меньше всего.

— Надо рискнуть, — в какой-то момент решил лорд Коллинз. — Разведка доносит о примерной численности противника — мы возьмём на пару тысяч побольше и пойдём к границам, а остальных расселим по округам. Ждать больше нельзя.

— А вдруг Фарелл пришлёт подкрепление? — недоверчиво протянул Генрих.

— Пока об этом не докладывали... Но в таком случае срочно велю остаткам наших войск маршировать к границам.

Из Лейта выдвинулись в начале спалисаоктябрь, и настроение в войске сразу поднялось: воины шутили, иногда даже пели на привалах у костров, дни пробегали быстро и незаметно, да и ночи, тянущиеся часов по десять-двенадцать, тоже не особо угнетали продолжительностью. Время будто ускорило свой бег. И всем хотелось верить, что война скоро закончится, что больше не будет сложных битв и долгих, утомительных переходов, что враг наконец-то угомонится, смирится с неизбежным поражением и покинет драффарийские земли...

Оставалось надеяться на то, что это воодушевление не окажется пустым и хоть немного поможет в боях за границу, потому что, как ни мечтай, враг с захваченных территорий вряд ли уйдёт добровольно.

Но чем глубже на север проходило войско, тем тревожнее становилось на душе. Точнее, это бьельнцы беспокоились из-за скорых морозов и долгих ночей, а нолдийцы, в том числе и лорд Джеймс, лишь посмеивались — им-то было не привыкать. Нолдийские воины, как простые, так и знатные, поддерживали своих бьельнских товарищей, давая советы и делись хитростями, как лучше защититься от холодов, ветра и непогоды.

— Помнится, когда я жил в Нолде, в середине осени таких холодов не было, — заметил Генрих, одной рукой поправляя серый, подбитый собольим мехом плащ, а другой придерживая поводья. Усилившийся ветер вдруг сорвал с него капюшон, и волосы сразу же растрепались, причёска потеряла всякую форму и мало-мальски приличный вид.

День стоял ненастный: ветер, налетевший с северо-востока, с моря, ощутимо пробирал и свистел в ушах, небо, серое и сумрачное, было затянуто плотным слоем облаков, которые почти не пропускали слабые лучики осеннего солнца, и думалось, что из воздуха с каждым мгновением по капле уходят остатки тепла. Хельмут был даже рад надеть на голову шерстяной чёрный худ — всяко теплее, чем берет, и хорошо скрывает его неровно и некрасиво отросшие волосы, подровнять которые пока не было никакой возможности. От

холода также спасали перчатки, плотный камзол и тёплый плащ с мехом норки на воротнике.

— Ты жил в Эори, — напомнил лорд Джеймс, ехавший чуть впереди. — Там погода обычно помягче. А тут, на самом севере... Если честно, я даже понимаю фарелльцев: если у нас тут так холодно, то у них наверняка ещё холоднее, вот и ищут тёплые места южнее, чтобы окончательно не околеть.

Хельмут молчал: ему вообще не стоило слушать разговор лордов, а влезать в него — тем более... А вот Генрих рассмеялся, хрустально и искристо, и это был самый прекрасный смех на свете.

— Надеюсь, больше сюрпризов мне ждать не придётся, — негромко добавил Генрих и бросил на Хельмута многозначительный взгляд — тот кивнул ему и улыбнулся.

— Придётся, — покачал головой лорд Джеймс. — Может, попозже, подальше, когда к границам подъедем, но уж точно придётся. Хотя на этот раз, думаю, вы будете *приятно* удивлены, — добавил он и поправил капюшон своего тёмно-синего плаща.

Генрих взглянул на Хельмута с неммым вопросом, на что тот лишь пожал плечами — откуда ему знать, что имеет в виду лорд Джеймс? Он-то на севере вообще впервые, а уж на таком дремучем, безжалостном, морозном и сером севере — и подавно... Что тут может быть приятного, кроме скорейшей победы над Фареллом, и представить сложно.

И вот наконец их путь начал подходить к концу: до границы оставались считанные километры, и эта территория пока ещё контролировалась фарелльцами. Лорд Джеймс велел разбить лагерь недалеко от небольшой реки, чтобы иметь под рукой запас пресной воды, и отправил по округе отряды разведчиков.

Нужно было штурмовать ближайшую крепость, что располагалась к северу от их лагеря, но была велика вероятность, что с севера фарелльцев поддерживает подкрепление из их родной страны. Поэтому на штурм пока идти не решались, думали, что можно делать ещё. Писали королю, проводили многочасовые советы, посылали отряды прочёсывать окрестности на предмет вражеских фуражиров, но легче от этого не становилось.

— Это просто чёрт знает что! — воскликнул Генрих, выйдя из шатра, в котором только что закончился очередной военный совет, и даже топнул по твёрдой, жёсткой земле. Из-под подошвы его ботинка вспорхнула пыль, тут же осевшая на серую жухлую осеннюю траву, что так и ждала, когда на неё упадёт первый снег.

Хельмут вышел следом, придерживая входное полотнище, и не сразу понял, в чём дело.

— Мне кажется, мы проиграем, — уже тише добавил Генрих, видимо, испугавшись, что его упаднический тон могут услышать. — У фарелльцев за спиной, возможно, многотысячное подкрепление, а у нас?..

— А у нас разве нет? — нахмурился Хельмут. — Мы же не беспомощных детей и стариков южнее себя оставили... — Генрих, кажется, совсем не слушая, направился к своему шатру, и Хельмут решил не отставать. — Это вполне боеспособные люди, у них есть вода и пища, с ними их командиры, они получают чёткие приказы... Что мешает им прийти к нам на помощь, если она потребуется?

Генрих лишь покачал головой, не сбавляя шага. Он смотрел то под ноги, то куда-то вперёд, на горизонт, а Хельмут сверлил взглядом его прикрытую серым плащом спину: узкая тропка между шатрами и палатками мешала встать рядом. Однако замолкать Хельмут не собирался.

— С чего такое настроение? — продолжил он. — Прекрати немедленно в себе

сомневаться, знаешь, как меня это достало?!

— Зато ты в себе никогда не сомневаешься, — буркнул Генрих — легко было представить, как он усмехнулся. Он по-прежнему не сводил взгляда с горизонта, и это несколько настораживало.

— Так жить легче, — кивнул Хельмут.

— Стой.

Генрих замер резко и неожиданно — Хельмут бы врезался в него и упал, если бы не успел вовремя остановиться. Он чуть привстал на цыпочки и из-за плеча Генриха тоже посмотрел на горизонт. Стало любопытно, что так могло заинтересовать друга, что он даже ни разу не оглянулся...

Небо уже потемнело и в объятиях ночи приобрело тёмно-синий оттенок. Впрочем, такой цвет Хельмут счёл несколько необычным — чересчур ярким и глубоким для серого севера... Но ещё более необычным оказалось то, что вдруг посреди этой густой синевы, переходящей в черноту, всплыла светящаяся зелёная изогнутая линия. Будто капля краски упала в воду и растеклась...

Зелень переливалась всеми оттенками, яркая, почти ослепительная. В основном она горела у горизонта, но постепенно эта линия расширялась, грозя заполнить весь небосклон. Это напоминало постепенно разгорающийся костёр: обычно у основания его, на дровах, пламя было жарче и ярче, но чем выше, тем прозрачнее оно становилось. Так и тут: у горизонта зелень пылала пожаром, но выше — рассеивалась, смешивалась с небесной синевой, становясь менее яркой, переливаясь белым и нежно-голубым.

«Я же не один это вижу?» — мелькнуло в мыслях Хельмута, однако он не нашёл в себе сил оглянуться и проверить. Но потом он наконец понял, что привлекло внимание Генриха, из-за чего он не прислушивался к его словам, а также на что намекал недавно лорд Джеймс. Что ж, по сравнению с приближающимися морозами, сложной военной ситуацией и гнетущими воспоминаниями о Вильгельме, это была действительно приятная неожиданность.

Приятная — это даже мягко говоря...

Такой красоты Хельмут не видел никогда. Густо-синее небо, на котором пылало зелёное зарево, растекаясь разными оттенками, то ярче, то бледнее, то уже, то шире... Это было настоящее, истинное волшебство, и его могла сотворить лишь всемогущая природа, сам Бог или само мироздание, которое даже сильнейшему магу неподвластно...

Хельмут вдруг почувствовал, как Генрих осторожно коснулся пальцами его ладони, и это прикосновение ненадолго вернуло его в реальность, вырвав из плена зелёного небесного пожара. Следом пришло осознание, что не они одни это всё видели, очевидно, люди вокруг них тоже наверняка замороженно смотрели на небо, особенно бьельнцы, в жизни не выдавшие ничего подобного... Да и слышал об этом тоже далеко не каждый: Хельмут помнил, как однажды читал в книге что-то о сполохах, что вспыхивают на северном небе, окрашивая его разными красками, но не очень-то поверил в это и забыл... И вот — он стал свидетелем этой невероятной магии, и ему показалось, будто он остался с Генрихом наедине, что не было вокруг ни солдат, ни рыцарей, ни шатров, ни палаток, ни костров, ни знамён... Что не было войны и боли, предательств и потерь, разочарования и смерти...

Генрих держал его за руку, не отрывая взгляда от неба, и Хельмут, коротко посмотрев на него, тоже поднял голову, чтобы продолжить любоваться этим невероятным сиянием, накрывшим весь дикий, сумрачный север.

Казалось, что всё под контролем, ровно до тех пор, пока не произошло это внезапное нападение.

Хельмут уже давно свыкся с тем, что нападают в основном драффарийцы, а фарелльцы отбиваются, проигрывают и бегут. Что в больших битвах вроде штурма Лейта, что в мелких стычках вроде той, когда он лично прогнал фуражиров из деревни Гвен, победа оставалась за драффарийцами. Да, было поражение под Клаудом, и оно по-прежнему давило на всю армию невидимым булыжником, напоминая о том, что никто здесь не всесилен и не бессмертен... Но со временем радость побед, восторг и ощущение собственной значимости заслонили собой это напоминание.

И вот теперь фарелльцы оказались первыми.

«Посреди бела дня!» — мысленно возмущался Хельмут, услышав сигнал тревоги. Хотя лучше так, чем ночью, конечно... Он не успел надеть кольчугу — только поддоспешник, зато схватил меч, хотя понимал, что от него как от мечника пользы немного.

Возможно, фарелльцы смогли как-то узнать, что к границе подошла не вся драффарийская армия, и понадеялись взять внезапностью и числом... Ну или просто решили попытаться счастья и отогнать противника на юг, чтобы вернуть себе контроль над северными территориями... Теперь это всё мыслилось неважным, да и не было никакого толку в обдумывании причин. Сейчас главное — защитить лагерь, прогнать врага прочь и не позволить ему устроить крупную диверсию, пожар или что-то ещё в этом духе.

— Ни в коем случае не пускайте их в глубь лагеря! — бросил на ходу Генрих.

Это был последний раз, когда Хельмут видел его перед битвой. Из доспехов на нём был лишь горжет, закрывающий шею и верхнюю часть груди, наручи и защита ног от бёдер до колен. Да и вообще, мало кто успел тогда облачиться в латы полностью. На это уходило довольно много времени, за которое фарелльцы могли сжечь половину лагеря и перерезать половину войска.

Когда Генрих обнаружил Хельмута, то уже тише, но по-прежнему достаточно звучно сказал:

— Прихвати лук, попробуй обойти их с тыла... Ты знаешь, что делать. — И он хлопнул Хельмута по плечу.

Тот лишь пожал плечами, набросил на спину набитый стрелами колчан и покрепче сжал в кулаке свой любимый лук — тисовый, очень длинный, из цельного куска дерева, служивший ему верой и правдой уже несколько лет.

Хельмут, собрав своих людей, кинулся к окраине лагеря, где уже шёл бой. Слышались крики и лязг оружия, и ни одна сторона пока не отступала — драффарийские воины хорошо держали оборону, но и фарелльские тоже были не промах. Возможно, будь у рыцарей больше времени на сборы, то они сейчас, словно огромный камень, мощным ударом проломил бы вражеский строй... Конница, длинные копья и мечи, крепкие латы резко поменяли бы расклад битвы. Но теперь это провернуть не удастся. Оставалось лишь благодарить Бога, что и среди фарелльцев не было тяжеловооружённых кавалеристов — иначе им бы не удалось незаметно подкрасться к лагерю и ударить внезапно, ведь латы бы громыхали, кони ржали, а сохранить тайну своего появления для врага в тот момент было явно важнее всего.

Хельмут ругался и проклинал фарелльцев последними словами, видя, как они

напирают, рассредоточиваясь в полукруг, видимо, пытаясь взять лагерь в кольцо. Но пока это кольцо было разомкнуто, и если хорошенько расплавить один из его краёв, то оно не сомкнётся ни за что.

Его отряду удалось пробраться в тыл без потерь и почти без затруднений: лишь раз несколько человек из вражеского отряда, заметив сбоку какое-то шевеление между деревцами, бросились туда с мечами наперевес. Одного Хельмут исподтишка оглушил прямо луком — некогда было извлекать меч из ножен, а лук по-прежнему оставался в его руках, и отбиваться им оказалось вполне удобно. Другого же уложил один из людей барона Штольца: не успел фареллец подскочить достаточно близко, как был тут же убит верным ударом меча. Острейшая сталь пронзила шею, и кровь брызнула алым фонтаном, оросив кольчугу воина и серую траву под его ногами.

Хельмут одобрительно кивнул рыцарю, и отряд направился дальше без помех.

Им удалось затаиться за можжевельовыми кустами, и Хельмут велел начать обстрел. Поначалу в спины врагов летело по одной-две стрелы за залп, чтобы те не сразу поняли, что происходит. Но постепенно стаи стрел, взлетавшие в воздух, становились всё гуще. Натягивая тетиву и отпуская стрелу в недолгий, стремительный полёт, Хельмут понимал, насколько соскучился из стрельбе из лука. Да, стрелять по мишеням в лагере, тренируя свою меткость и проверяя силу рук и спины, тоже было приятно, но сейчас, в битве... Осознавать, что пускаешь стрелы не просто так, что помогаешь защищать свой лагерь, своих людей, своих командующих...

Отсюда, из можжевельовых зарослей, было плохо видно, попадают ли стрелы в цель, но Хельмут инстинктивно ощущал, когда мажет, а когда его стрела летит точно во вражескую спину.

Он в очередной раз натянул тетиву — верхние фаланги пальцев уже болели, несмотря на то, что были затянуты в кожаные перчатки. Стрела сорвалась и потелета; Хельмут тут же достал из колчана следующую, наложил, натянул, прицелился, выстрелил... Все эти действия он умел выполнять едва ли не лучше, чем элементарно ходить, поднимать руку и пожимать плечами. Он начал учиться стрелять из лука в пять лет и с тех пор не прекращал усиленных упражнений, с годами всё острее оттачивая свой навык.

Его люди тоже не отставали: многие из них были опытными лучниками; они отработанными, молниеносными движениями пускали стрелы в полёт, и их колчаны стремительно пустели. Хельмут дал знак, и отряд медленно, изредка продолжая обстрел, переметнулся на десяток метров вправо — там кусты росли реже, зато сзади сгущался лес, громадными горами возвышались сосны, за которыми легко можно было спрятаться... Однако Хельмут быстро осознал, что обстрел долго продолжаться не может и фарелльцы рано или поздно обнаружат, откуда по ним стреляют.

И он угадал.

Когда его отряд снова попытался перебежать чуть вправо, от фарелльского войска (несколько поредевшего за это время) отделилось несколько человек, которые бросились прямо навстречу отряду Хельмута. Тот скинул со спины почти опустевший колчан, прислонил лук к ближайшему дереву и стремительно извлёк из ножен меч.

Тут же он столкнулся с воином в кольчуге, с копьём и щитом; барон Штольц проскрипел зубами от досады, ибо свой щит он взять не успел. Поэтому лишь покрепче перехватил полуторную рукоять меча и первым бросился в атаку. Клинок скрестился с древком копья, отчего полетели щепки. Бой был недолгим; в какой-то момент противник

ухитрился наконечником копья пройтись по плечу Хельмута, распоров стёганку и слабо царапнув кожу. Боль вспыхнула резко, заставив его зажмуриться на мгновение, и отчего-то тут же погасла.

Хотя этого мгновения копейщику хватило, чтобы снова атаковать с копьём наперевес: кажется, он целился в лицо или шею... Хельмут повыше поднял согнутые в локтях руки, защищая верх тела, и снова замахнулся. С новым ударом удалось оставить на плече фарелльца неплохую рану, из-за которой впоследствии он держал своё копьё уже не так уверенно.

Хельмут извернулся и ударил его по ногам; сначала меч скрежетнул по ободу щита, но потом удачно съехал вниз, и сталь легко пронзила человеческую плоть. Копейщик рухнул на одно колено, и Хельмут добил его точным ударом в согнутую спину.

Теперь фарелльцам приходилось сражаться сразу на две стороны, и это явно выбило их из колеи. Однако Хельмут опасался, что к ним в любой момент может прийти подкрепление: пограничные крепости были недалеко, и отряд оттуда мог доскакать быстро... Однако пока ничего подобного не происходило. Возможно, фарелльские командующие рассчитывали на этот единственный отряд, на его скорость и незаметное нападение... Но они просчитались. Лазутчикам был дан достойный отпор.

Хельмут столкнулся с мечником в бригантине — защита тела была его преимуществом, равно как и шлем, и это чертовски злило. У Хельмута и без того имелись сотни причин опасаться за свою жизнь... Если Хельга, потеряв жениха, потеряет ещё и брата, она же попросту не переживёт! Одна только мысль о сестре заставляла его сражаться осторожнее, уделяя больше внимания защите, нежели ударам: он широко развёл локти, внимательно наблюдал за нижней частью тела, ожидая ударов по ногам, а также старался не подпускать противника слишком близко к себе. Хельмут помнил о своих слабостях и сейчас неплохо контролировал себя, отскакивая назад каждый раз, когда фареллец наступал. Иные сочли бы это трусостью, но Хельмут просто ждал подходящего момента, чтобы напасть самому.

Несколько раз их полторные мечи скрещивались в воздухе; сталь звенела вроде бы не слишком громко, но звук отдавался в ушах, отчего начинала болеть голова. И это тоже очень злило.

В какой-то момент, когда враг замахнулся и резко ударил, Хельмут не успел отскочить или отпрыгнуть достаточно, чтобы полностью избежать столкновения с лезвием. Сталь распорол стёганку и нижнюю рубаху — края ткани, на удивление ровные, будто разрезанные опытным портным, тут же окрасились в алый цвет. Хотя Хельмут не сразу понял, что его ранили. Странно, что та крошечная, едва заметная царапина на плече причинила ему больше боли. Возможно, это всё из-за того, что она была нанесена в самом начале боя, а сейчас он распалился, захваченный азартом, и смог отбросить все чувства в глубь сознания...

Кажется, фареллец тоже был удивлён тем, что смог нанести эту рану. Пару мгновений они смотрели друг на друга, и Хельмут видел этот ошарашенный вражеский взгляд сквозь прорези в забрале его шлема... Затем он бросился в бой.

Нанося удар за ударом, он ощущал, как верхняя часть груди начинает саднить от раны, но не обращал внимания. Клинки звенели и скрежетали, и теперь уже врагу приходилось отпрыгивать, пригибаться и уворачиваться от меча Хельмута. Его самого поражала эта невесть откуда пробудившаяся ярость: словно она зрела внутри, ждала, росла и в миг ранения вырвалась изнутри вместе с кровью... Об осторожности и попытке сберечь себя

ради сестры он уже позабыл.

В какой-то момент противник не выдержал этого напора и рухнул навзничь. Хельмут прицелился и ударил в шею: бригантину он бы не пробил, а вот шея под шлемом оказалась обнажена — кольчужная бармица съехала, оставив плоть незащищённой.

Хельмут провёл рукой по лбу и огляделся. Кажется, его отряд нёс совсем ничтожные потери, солдаты падали редко: краем глаза он видел стонущих раненых и навек замолчавших убитых — с распоротым животом, с перерезанным горлом, с копьём в груди (видимо, хозяин копья не успел его извлечь, будучи тут же убитым). Фарелльцы же постепенно отступали от лагеря, однако его отряд мешал им окончательно дать дёру — приходилось сражаться, отбиваясь ещё и от тех, кто напирал со стороны лагеря. И Генрих сейчас оставался где-то там, в лагере, в самой гуще событий... Там, где битва кипела ещё сильнее, где крови лилось в десять раз больше, где смерть срезала свой ужасный урожай чаще и щедрее...

Удивительно, что Хельмут вспомнил о Генрихе только сейчас. Увлечённый сражением, он отбросил прочь все переживания, в том числе и беспокойство за друга... И теперь это беспокойство вдруг вспыхнуло в его груди — прямо там, где кровоточила свежая рана. Поэтому он чуть не пропустил удар внезапно наскочившего противника.

Держать меч двумя руками было уже не так удобно, а одной орудовать полуторным клинком Хельмут умел не очень хорошо. К тому же у него не было щита. Поэтому, преодолевая боль, он крепче сжал рукоять; один его удар враг принял на щит, от другого уклонился... Он приблизился, Хельмут, не теряя времени, чуть наклонился и рубанул противника по ноге, чувствуя, как щит одним из верхних углов задевает раненое плечо... Чёрт возьми, он ведь так без руки останется! От злости Хельмут раззадорился и ударил по ноге ещё раз. Фареллец вскрикнул и упал — если бы барон Штольд вовремя не сделал шаг в сторону, то поверженный враг увлёк бы его за собой вниз.

Рука ныла и кровоточила, отчего Хельмут скрипел зубами, однако поддаваться слабости нельзя — битва ещё не окончена. Вокруг мелькало множество солдат, как фарелльских, так и, слава Богу, драффарийских: они хорошо держали оборону, вовремя успев избавиться от луков и схватиться за мечи и копья.

Хельмут помнил о своём долге: сделать отступление врага наиболее трудным и пропустить сквозь решето мечей и копий как можно меньше фарелльцев.

Кого-то ему удалось уложить верным ударом в живот — противник попытался атаковать его, замахнулся фальшионом для удара и получил своё. Кто-то задел краем клинка его ногу; Хельмут почувствовал, что под коленом будто что-то загорелось, но сначала не обратил на это внимания, а когда расправился с противником, распоров ему щёку лезвием меча, разорвав бармицу и проткнув шею, то обнаружил, что по икре и щиколотке стекала густая багровая струя.

Если бы он так и остался при луке, то вряд ли получил бы такие раны... Но глупо было надеяться, что ему и его отряду удалось бы отсидеть всю битву в можжевельных кустах, пуская стрелы во врага. Их заметили, и это закономерно. А Генрих поручил ему очень важное дело, которое Хельмут теперь не имеет права провалить.

Хотелось верить, что Генрих получил меньше ран — и что он вообще жив...

Хельмут вздохнул — не без труда, ибо лёгкие уже разрывало от усталости, а волосы лезли в лицо, и ноги едва держали. Оставалось лишь молиться, чтоб хватило сил на хотя бы ещё одного противника...

Тот оказался ловким мечником. Прикрываясь щитом, он нанёс резкий удар, но Хельмут

отразил его — сталь искристо звякнула, хлестнув по ушам. Затем ему удалось задеть бедро противника, кровь оросила гладкий сверкающий набедренник, однако фареллец каким-то образом устоял на ногах. Хельмуту подумалось, что он просто не добрался до артерии, и поэтому следовало бы нанести ещё один удар по бедру — между кольчугой и набедренником у воина был просвет, в который так хорошо можно ударить...

Это и оказалось для Хельмута роковой ошибкой.

Пока он целился в бедро противника, тот без дела не стоял: сначала он пребольно толкнул его щитом в плечо, а когда Хельмут пошатнулся, едва ли не взыв от вновь вспыхнувшей боли... Тогда он почти перестал понимать, что происходит. Голова, и без того ноющая от усталости и адского шума, буквально вспыхнула такой болью, какой он доселе не ощущал никогда. По виску и щеке тут же потекла густая струя горячей крови, ещё одна быстро застила глаза, но свет вокруг померк явно не от этого...

Хельмут даже не понял, как и в какой момент упал. Всё равно вокруг было совершенно темно. Всё равно звуки слились в единый звон, разрывающий перепонки и череп. Через миг этот звон превратился в тонкий навязчивый писк, а потом и вовсе затих.

***

Господин Гленн на время уехал в поместье Освальдов — слишком уж долго оно простаивало без хозяина, нужно было проверить, как там идут дела. А без него Кристина скучала. В одиночку ставить какие-то магические опыты ей было страшно, занятия по риторике, очень интересной и увлекательной, пришлось отменить, поэтому уроков рукоделия, чистописания и благочестия стало в два раза больше — сестра Эстер старалась, не покладая рук. И Кристина даже вошла во вкус. Писать красиво и ровно у неё по-прежнему не получалось, она ставила кляксы, а буквы вычерчивала абсолютно криво, так, что прочитать их можно было с большим трудом. Аккуратно вышивать тоже не удавалось, зато она упорно зазубривала заданные ей главы Книги Божьего Духа и радовала свою наставницу правильными ответами и чтением наизусть. Это было не так сложно, к тому же почти все священные книги давно уже перевели на современный драффарийский язык.

Однако и монахиня вскоре тоже уехала — её вызвали в обитель по каким-то срочным делам, кажется, к выборам новой настоятельницы.

Оставался лишь капитан Фостер, но его уроки Кристина посещала редко. Там ей приходилось сражаться с соломенным чучелом, отрабатывать колющие и рубящие удары, а это было ужасно скучно и утомительно. С людьми сражаться веселее и полезнее, но капитан Фостер пока не мог обеспечить ей достойных соперников. Всё чаще Кристине хотелось написать Альберте Вэйд — других подруг у неё не было, а уж тем более — таких, как эта молодая герцогиня... Но всё же не стоило её отвлекать. Герцог Арнольд велел своей дочери присматривать за замком и заботиться о матери и сестре, и Кристина не хотела ей мешать.

Поэтому она продолжала колошматить чучело в одиночку.

Реджинальд следил за ученицей, сидя на скамье у крепостной стены: у бывалого воина ныло то колено, то плечо, он жаловался на погоду и сулил ближайšie морозы и снегопад.

— Мои раны ещё никогда меня не подводили, — усмеялся он.

Что ж, ему стоило верить: сейчас шёл лакритис, последний месяц осени, уже в конце которого в Нолде почти каждый год выпадал снег. Ледяные ветра с каждым днём дули всё сильнее, всё яростнее, и выйти из замка без подбитого мехом плаща было попросту страшно. Поэтому Кристина предпочитала проводить время в тёплом натопленном кабинете отца — она читала книги, изучала документы и играла с котом. Кот за более чем полгода обитания в

замке значительно вырос на мясе, рыбе и молоке — Кристина не жалела для него лучших угощений — и оброс густой пушистой шерстью, клочья которой постоянно оставались на подолах её платьев. Служанки и прачки лишь охали и качали головами, но Кристина ничего не могла с собой поделаться: ей очень нравилось играть со своим пушистым другом, нравилось держать его на руках и позволять ему спать у себя на коленях.

Однако и дел у неё тоже было много — просители, налоги, переписки с вассалами, письма отцу... С приближением холодов приходилось чаще отправлять на север различную помощь войскам: провизию, оружие, одежду, лекарства... Она беспокоилась, что там, на границах с Фареллом, сейчас ещё холоднее, чем в Эори, и воинам приходится совсем уж несладко. Но отец в письмах ни на что не жаловался, и это немного успокаивало.

Так что Кристине вполне хватало забот, однако без господина Гленна она всё равно скучала. За последние месяцы он стал для неё едва ли не единственным близким человеком и одним из немногих живых родственников, поэтому без него Кристина чувствовала себя одиноко и потерянно.

В один из последних дней лакритиса ветер вдруг успокоился, из-за серой пелены туч выглянуло солнце; оно не принесло особого тепла, но всё равно обрадовало и воодушевило своим желтовато-прозрачным светом, бликами, пляшущими на стали и стекле, и столь неожиданным ощущением обновления и пробуждения... Как будто не стояла на дворе поздняя осень, а несмело и робко подкрадывалась нежная весна.

Глядя в окно на бесконечные крыши Нижнего города, озаряемые холодными солнечными лучами, Кристина то и дело одёргивала себя: сейчас не весна, до весны ещё долго, сейчас — осень, а скоро наступит зима, время нелёгкое и опасное, поэтому нужно быть готовой к чему угодно и постоянно держать всё под контролем... Однако в какой-то момент она всё же не выдержала.

Выходящий из покоев лекаря капитан Фостер взглянул на неё удивлённо.

— Я хочу проехаться верхом по окрестностям, — заявила Кристина, смотря на него снизу вверх.

Капитан лишь пожал плечами. В руках он сжимал флакон с настойкой, видимо, от боли.

— Погода сегодня хорошая, и если у вас, миледи, сейчас нет никаких неотложных дел... То почему бы и нет?

Уже перевалило за полдень, а кататься до темноты Кристина не хотела: темнело рано, дни становились совсем короткими. Уже в пять часов пополудни мрак накрывал землю, и ни рано высыпающие звёзды, ни полупрозрачная, словно надкушенная луна никак не мешали этому мраку захватывать всё новые и новые территории. Кристина очень ждала зимнего солнцестояния, а затем и нового года, ждала, когда дни наконец начнут прибавляться... а там и теплее станет, и весна придёт... И отец, может быть, наконец-то вернётся.

Несмотря на частые письма от него, Кристина всё равно беспокоилась. Она понимала, что в любой момент поток этих писем может прерваться. И что придёт ей под конец лишь одно письмо... Боже, нет, лучше об этом не думать! Конечно, господин Гленн не раз говорил ей, что лучше заранее подготовиться к плохому, но она всё-таки не была готова. Поэтому продолжала надеяться, молиться и ждать скорейшего возвращения лорда Джеймса. Предчувствие подсказывало, что война закончится ближе к весне, именно поэтому Кристине так не терпелось поскорее проводить зиму.

Капитан Фостер взял с собой полтора десятка гвардейцев в качестве охраны, и это было вполне разумно: мало ли кто мог встретиться им на улицах Нижнего города, особенно в

отдалённых его частях... Кристина пока ещё толком не поняла, смогла ли она завоевать доверие, уважение и любовь горожан. Господи Гленн говорил, что она должна делать это уже сейчас, чтобы в тот момент, когда она придёт к власти, когда станет полноправной правительницей, они уже были готовы к этой перемене и приняли её с радостью, а не с настороженностью и пренебрежением.

Иногда Кристине казалось, что её наставник буквально хоронит лорда Джеймса раньше времени, однако она вполне осознавала его правоту — поэтому и взяла с собой небольшой кошелёк для милостыни на случай, если вдруг встретит на улицах нищих. Этот кошелёк она своими руками вышила счётной гладью под руководством сестры Эстер, и вышивка была несколько неказистой и неровной. Однако Кристина всё равно была горда носить самостоятельно вышитый кошелёк; она со спокойной душой прикрепил вещь к поясу, предварительно кинув туда несколько медных и даже серебряных монет.

Вместе с капитаном Фостером и охраной она проехала по главной улице Нижнего города — самой оживлённой в любое время суток, самой многолюдной и шумной. Купцы и лавочники расхваливали свои товары, слуги и горожане торговались, выбирая овощи, посуду и ткани, откуда-то с востока доносился звон церковного колокола, то и дело перекрываемый ржанием лошадей или блеянием коз. Многие дома здесь состояли из двух этажей: на первом располагались лавки гончаров, портных, ювелиров, сапожников, кузницы и цирюльни, а на втором жили сами ремесленники с семьями. Тут встречались постоялые дворы, харчевни, однако проживание на главной улице Нижнего города стоило недёшево, и всякий сброд, пьяниц и бандитов вероятнее было встретить на окраинах, чем здесь. Поэтому Кристина ехала спокойно, хотя её охрана и капитан Фостер, как всегда, были начеку.

За крепостные стены они выехали через Северные ворота — главные ворота города с надёжной охраной и небольшой церковью неподалёку: считалось, что чем ближе к городским воротам дом Божий, тем надёжнее эти ворота и стены защищают город и замок. Но другие ворота, особенно Южные, как слышала Кристина, такой благопристойностью и надёжностью похвастаться не могли: там копошились толпы нищих, просящих милостыню, там можно было набрести на шлюх, которые, ничуть не смущаясь, прямо на улицах предлагали свои услуги, а ещё встретить воров, карманников и преступников пострашнее. Хорошо, что Кристине не пришлось ехать туда сегодня.

За прочными, высокими крепостными стенами виднелось довольно обширное старое кладбище, а дальше, вплоть до горизонта, расстилались поля и рощи, росли густые леса, среди огромных древних деревьев петляли дороги, по обочинам которых иногда мелькали деревеньки и придорожные трактиры; на расчищенных местах, на холмах и искусственных насыпях возвышались замки и башни рыцарей, обширные поместья, монастыри... Реки и озёра с рыбацкими селениями, ущелья и овраги, луга и непроходимые чащи...

Вдруг ей так захотелось оставить Нижний город и пустить коня галопом, бросившись туда, на север, в эти неизведанные ещё места, увидеть их воочию, познакомиться с живущими там людьми и осознать: это всё — её, это всё принадлежит ей, это её владения, которые рано или поздно достанутся ей по наследству. Разумеется, Кристина искренне надеялась, что это случится нескоро, поэтому следом ощутила в душе желание поскакать поскорее по тракту на северо-восток, к границам с Фареллом, туда, где находилось сейчас войско отца... Снова увидеть его, обнять, убедиться, что всё хорошо, что он жив и здоров...

Её отряд заехал на небольшую возвышенность, с которой хорошо был виден город и башни замка, и Кристина велела остановиться. Она сжала поводья и взглянула вперёд — на

россыпь крыш, на тонкие башни, на кольца стен... Это тоже принадлежало ей. Уже принадлежало. Отец доверил ей Эори на время своего отсутствия, и Кристине была приятна мысль, что она стала полноправной его хозяйкой, пусть и на время.

Через несколько минут она продолжила поездку, всё ещё стремясь прокатиться по осенней роще — того расстояния, что они уже проехали, ей оказалось мало. Приближался вечер, начинало холодать, ветер перегонял по дороге жухлые опавшие листья и шевелил голые, напоминающие костлявые ведьминские пальцы ветви деревьев. Дорога рыже-коричневой змеей вилась между толстыми, жёсткими стволами; иногда мимо пролетали мелкие зимующие птицы — перелётные давно уже улетели в тёплые земли. Пару раз Кристина замечала резвых белок, скачущих по деревьям, и они были настолько быстры, что оставалось только удивляться, как охотники попадают в них из луков и арбалетов.

— Миледи, — вдруг позвал её капитан Фостер; Кристина взглянула на него и обнаружила, что выражение лица у него было крайне обеспокоенным, — вы сегодня такая молчаливая... Всё в порядке?

«Неужели раньше я только и делала, что болтала без умолку?» — мысленно усмехнулась она.

— Всё хорошо, — пожала плечами Кристина, снова посмотрев на узкую извилистую дорогу. Дождя не было довольно давно, земля оставалась сухой, и кони ступали легко, не спотыкались и не вязли в лужах. — Просто я вспомнила об отце и задумалась о своём... — Она замолкла, пытаясь подобрать наиболее точное слово. Их-под суконного синего худа выбилась прядь волос, защекотала лоб, и Кристина поспешила убрать её за ухо. — О своём наследии. Я, кажется, только сейчас поняла, насколько оно большое.

А ведь она просто выехала за город. Это даже не десятая и не сотая часть Нолда.

— Но господин Гленн говорил, что всегда надо стремиться к большему, — добавила вдруг Кристина — неожиданно для себя самой. — Я по нему так скучаю, кстати, — призналась она.

Капитан Фостер лишь покачал головой.

— Он плохо на вас влияет, миледи, — процедил он. — Стремиться к большему — это, конечно, хорошо, но... Позвольте спросить, чего он вам уже успел наобещать? Уж не королевой ли решил вас сделать?

Кристина подумала, что Реджинальд ужасно несправедлив к господину Гленну. Она до боли в пальцах сжала поводья и потупила взгляд.

— А почему бы и нет? — пожала плечами она.

У короля Альвара пока не было детей, но у его брата-принца, Фернанда, — были, хоть и маленькие. Хотя возраст показался Кристине сущей мелочью. Если отец похлопочет, если он искренне пожелает ей счастья... Может, он добьётся этого союза... Лорд Джеймс обычно ради дочери был готов на многое — стоило только попросить...

— Королевой? — фыркнул капитан Фостер, пригладив свою короткую седую бородку. — Как наша Альжбета? Она же просто разодетая кукла при дворе, не более. Она не правит и даже не царствует, и мне кажется, я не встречал более несчастного человека, чем она.

— Вы её видели? — недоверчиво протянула Кристина.

— Пару раз имел честь состоять в свите милорда, когда он ездил к его величеству, — кивнул капитан. — Вы сами знаете, миледи, что и король в нашей стране имеет не так много власти, а уж королева...

— Но сквайр Освальд говорил... — задумалась Кристина — и замолчала.

На самом деле она чуть слукавила или перепутала: наставник не говорил ей ни о королевском титуле, ни о власти над всем государством. Она просто поддержала беседу, зацепившись за слова капитана Фостера, — ей показалось, что господину Гленну было вполне по силам помочь ей взойти на трон.

— Сквайр Освальд может не знать всех подробностей, — пожал плечами Реджинальд, всматриваясь куда-то вдаль. Лес вокруг начинал густеть, а дорога — сужаться, и Кристина поняла, что скоро придётся поворачивать назад. — Он вкладывает вам в голову странные мысли. Помнится, лорд Джеймс всегда внушал вам, что правление — дело нелёгкое, крайне ответственное, и вы уже наверняка успели в этом убедиться. Обычно те, кто рвётся к власти, не представляют, с какими тяготами им предстоит столкнуться. — Капитан Фостер невесело усмехнулся, а Кристина задумалась.

Трудностей на её долю за более чем полгода и правда выпало немало: просители, деньги, хозяйство... Крестьяне хотели одного, купцы — другого, священники — третьего. Ей приходилось разрешать споры, подписывать документы, посещать больницы — лекари жаловались, что не хватает мест, что тяжело больные и заразные находятся в одном помещении с теми, кто болен не слишком сильно, что нужны деньги на лекарства и бинты... А деньги уходили на войну, и Кристина с трудом могла выделить из казны что-то на нужды города, больниц, церквей и приходских школ. Иногда ей хотелось плакать, а иногда, напротив, она была счастлива, что удачно рассудила очередную склоку или заключила выгодную сделку с представителем кэберитского купеческого цеха.

Господин Гленн всегда был рядом, давал советы, наставлял её — и всё время в его словах сквозила мысль, что власть должна приносить удовлетворение, что ей нужно наслаждаться, ощущая себя вершительницей чужих судеб, повелительницей, дёргающей за ниточки, привязанные к запястьям вассалов, слуг и крестьян... Но пока Кристина не ощущала этого. До сегодняшнего дня она думала, что просто ещё не привыкла к своему новому статусу, да и не видела смысла привыкать — отец ведь скоро вернётся, и ей нужно будет ждать того страшного часа, когда она примет своё наследство окончательно...

Наверное, это для него, для Освальда, власть была истинным счастьем и шансом ощутить себя кем-то очень важным, необходимым для окружающих людей, для вассалов и подданных... И он говорил об этом Кристине, но имел в виду себя?

Она напряглась, сильнее сжала пальцами поводья и нахмурилась. Она терпеть не могла, когда ей указывали, что-то внушали или пытались её переубедить. И если господин Гленн и правда всё это время навязывал ей такой взгляд на жизнь, чтобы...

— Возможно, он просто надеется рано или поздно настолько завоевать ваше доверие, — прервал её размышления Реджинальд, — что станет править Нолдом вместо вас. А вы, как и её величество Альжбета, будете всего лишь наряженной куклой. Простите, — добавил он тише, но Кристина понимала, что прощать нечего.

Он был прав.

Возможно, конечно, он снова ошибался из-за своих предубеждений и предвзятого отношения к сквайру Освальду, но в тот момент Кристине все его слова показались очень разумными. Она вдруг остановила своего коня и закусилась верхней губой, чувствуя, что вот-вот расплачется. Горечь разочарования и жар ярости сцепились в её душе, выворачивая её наизнанку. Конечно, при возвращении господина Гленна стоит с ним поговорить, разъяснить всё, что так взволновало Кристину... Хотя наивно надеяться, что он сразу

признается. Поэтому стоит намекнуть, начав издалека, и, возможно, он сам расскажет обо всём...

— Как же всё сложно, — вздохнула Кристина, когда они уже повернули назад, к Эори. С каждым часом всё сильнее холодало, и она то и дело поправляла чёрный плащ на плечах — меховая опушка щекотала щёки, однако хорошо согревала шею. — Он же дядя моей матери, зачем ему так поступать со мной? И неужели он думает, что мой отец допустил бы подобное?

— Возможно, он надеется, что ваш отец не вернётся, — пожал плечами капитан Фостер, так просто говоря о столь пугающих вещах.

Кристина горько усмехнулась: они резко перестали называть господина Гленна по имени, обходясь одним коротким словечком «он».

Она вновь остановила свой отряд на небольшой возвышенности недалеко от Нижнего города, чтобы ещё раз полюбоваться на него сверху. Это была действительно большая, необъятная местность, сердце Нолда, отданное лордом Джеймсом под её, Кристины, ответственность... и она не имеет права подвести. И присваивать это раньше времени тоже не смеет.

Ненароком опустив взгляд, Кристина вдруг обнаружила, что жухлая трава под копытами её коня покрылась тонким слоем мелких снежинок. Тогда она подняла голову и увидела, что с серо-голубого, прямо как её глаза, неба падал снег. Снежинки были маленькими, напоминающими крупу; они покалывали лицо и быстро таяли на ещё тёплой осенней земле, но всё же постепенно окрестности Эори начинали белеть, а тонкое снежное покрывало становилось всё более пушистым и плотным.

Кристина улыбнулась. Она любила снег и теперь была счастлива видеть его. Мир становился белым-белым, чистым, как платье невесты, свежим, как родниковая вода, и блестящим, искрящимся, как алмазы. И даже сейчас, когда снега выпало совсем мало, когда настоящая зима ещё толком не заявила о своих правах на этот мир, всё вокруг постепенно преображалось, даря надежду на лучшее — на лёгкое объяснение с господином Гленном, на окончание войны и скорое возвращение отца, живого и здорового.

На то, что вот-вот жизнь вернётся на круги своя и всё будет как раньше.

Хельмут открыл глаза.

Он не знал, сколько длилось состояние беспамятства, и тут же почувствовал гнетущую, тяжёлую, сжимающую грудь усталость. И это вовсе не кольчуга или кираса болезненно давили на его измотанное в битве тело — Хельмут помнил, что не успел надеть доспех.

Небо над ним оказалось мрачным, тёмно-серым и тусклым, но оно всё равно слепило его уставшие, будто присыпанные песком глаза. Тогда Хельмут зажмурился, боясь снова почувствовать эту оглушающую боль, раскалывающую череп.

Но нет — ему больше не было больно.

Впрочем, это не принесло облегчения. Он попытался повернуть голову, но внезапно не ощутил собственного тела. Стало до безумия тревожно, а удары резко разбуженного сердца загрохотали по вискам. Последним, что он помнил перед тем, как упасть и потерять сознание, была лишь боль, горячая, мерзкая, жуткая боль в голове... Но сейчас ему больше не было больно, и это навевало тревожные предчувствия. Не хотелось бы всю оставшуюся жизнь пролежать в постели парализованным, став обузой для близких, упиваясь отчаянием и разочарованием в самом себе...

Всё-таки он смог немного сосредоточиться и открыть глаза: хотелось посмотреть, что творится вокруг.

На красное от крови поле падал снег.

Так рано...

Улыбнуться он тоже не смог — губы будто одеревенели.

Снег падал медленно, и снежинки, как крошечные звёзды, как слёзы этого мрачного неба, резко выделялись на фоне общей темноты. Через мгновение Хельмут почувствовал, что одна из них упала на его лицо. Затем ещё одна и ещё... Снежинки медленно парили в холодном хрустальном воздухе, неумолимо приближаясь к земле и растворяясь в лужах алой крови.

Вокруг было звеняще тихо, тишина начинала давить на подсознание и будто бы расщеплять душу, резать её без ножа.

Лишь слабое гудение в голове нарушало эту жуткую тишину и не позволяло ему сойти с ума.

Хельмут блаженно прикрыл глаза, когда на его веко легла очередная снежинка. Слабый свет тут же перестал слепить, а лёгкое прикосновение снежинки заставило забыть об усталости и потерянности. Прикосновение — как самый нежный на свете поцелуй...

Поцелуй... Это сравнение пробудило вполне закономерную мысль: что стало с Генрихом?

В их армии было несколько тысяч человек, большинство из них приняли участие в битве, отставив лагерь, но в тот миг, когда тонкая грань между жизнью и смертью хрустела и трещала, как стекло или хрусталь, в тот миг, когда на алую землю падал блестящий белый снег с серого неба, в тот миг, когда Хельмут не чувствовал собственного тела и мог едва-едва управлять мышцами лица, — в тот миг он думал об одном лишь человеке, который был для него дороже всего на свете. А остальных словно не существовало в этом мире, словно им никогда не угрожала никакая опасность.

Он снова закрыл глаза, чувствуя, как снежинки целуют его лицо и шею. Не хотелось

думать о плохом, хотелось искренне, беззаветно верить, что Генрих жив, что с ним всё в порядке, что во время битвы он ни капельки не пострадал... Но неприятные мысли отчего-то лезли из глубин разума и разрывали душу на части, поэтому Хельмут сейчас больше всего на свете хотел просто уснуть, всё забыть и лежать, ощущая на себе эти лёгкие прикосновения первого снега и представляя, что это Генрих целует его.

Буквально через мгновение его разбудил незнакомый женский голос:

— Кажется, живой!

Этот голос звенел радостью и облегчением, и Хельмуту даже подумалось, что это Хельга его нашла. Голос был не её, но, возможно, в его израненной голове он сильно искажился... Хотя что может делать Хельга здесь, на севере Нолда, на поле битвы, которое медленно заносит снегом?

Он по-прежнему не чувствовал своего тела, а когда открыл глаза, то больше не увидел неба и парящих в воздухе снежинок. Зато обнаружил какую-то странную мешанину из деревьев, листьев, небольших кучек снега... Всё это плыло, превращаясь в неразборчивые пятна. Возможно, над ним склонялась та женщина, что звала его, — невозможно было понять, невозможно было выделить ни единой её черты, ни взгляда, ни улыбки...

— Вы меня слышите? — раздался её голос над самым ухом. Он звучал гулко, одновременно как бы издалека и совсем рядом.

И тогда Хельмут узнал этот голос. Конечно, принадлежал он не Хельге — откуда ей здесь взяться? Зато присутствие обладательницы этого голоса на поле сражения было очевидным и правильным — и в то же время, именно для Хельмута, совершенно неожиданным. Он попытался усмехнуться — удивительно, но одеревеневшие губы слабо дрогнули. Тогда же он почувствовал, как горячая кровь заливают его висок и левое ухо, стекает на шею, как саднит грудь где-то в области ключиц, куда его ранили, разорвав стёганку... Боль в голове почему-то до сих пор не вернулась.

Вместо ответа он просто попытался кивнуть.

— Я вас перевяжу.

Следующие несколько минут Хельмут скорее представлял, нежели ясно чувствовал и видел, как его голову перевязывают бинтами — долго, медленно, аккуратно... Ощутил знакомый резкий запах — наверное, рану обработали обеззараживающим зельем или пропитали им бинт. Конечно, очень глупо, пережив удар в голову, умереть от заражения крови или какого-нибудь воспаления.

Потом Гвен приложила что-то к его груди — там зашипало так, что Хельмуту захотелось заорать, но он всего лишь простонал, сдавленно и хрипло. Однако то, что он смог издать хоть какой-то звук, его искренне обрадовало. С его самыми серьёзными ранами Гвен разобралась довольно быстро — за несколько месяцев обучения у лекарей она получила бесценный опыт в подобных вещах.

Наконец Хельмут понял, что может говорить.

— Я думал, ты жаждешь моей смерти, — прохрипел он, не слыша себя — уши заложило то ли от того, что туда залилась кровь, то ли из-за удара, то ли ещё по ещё какой-то неизвестной причине.

— Я лекарка, я должна спасать людей, а не убивать их. — Странно, что голос Гвен звучал громче и явственнее, чем его собственный. — Встать сможете?

Хельмут не мог. Он заново учился управлять своим телом и понимал, что если встанет, то тут же снова упадёт — скорее всего, уже навсегда. Боль постепенно овладевала им,

пульсируя то в груди, то в ногах и потихоньку просыпаясь в голове. Чёрт. Разумеется, боль означала, что Хельмут жив, что оцепенение проходит и что к нему возвращаются обычные человеческие чувства, а с другой... Как ни крути — неприятно. Он заскрипел зубами от злости.

Не дождавшись ответа, Гвен, кажется, привстала — Хельмут услышал её раздосадованный вздох... а потом она как-то подняла его, перекинув его руку через свою шею и тем самым поставив на ноги. Он даже не понял, как это произошло: просто лежал, а потом резко оказался в вертикальном положении.

— Удивительно, вы не очень тяжёлый, — раздался голос Гвен — пока единственный голос, который Хельмут слышал после того, как очнулся посреди кровавого поля.

И он ни капли не удивился, что Гвен оказалась такой сильной. Крестьянские женщины всегда выносливее дворянок.

Снежинки по-прежнему касались его лица, шеи, но это было уже не так трепетно и нежно, чем в тот миг, когда он лежал посреди кровавых луж и жухлой травы. Тогда же Хельмут понял, насколько ему холодно: во время битвы он, естественно, холода не чувствовал, потом были потеря сознания и лишение всех ощущений, а сейчас... Он постепенно возвращался в жизнь, отходя от границы со смертью, ласково обещавшей покой и отдых, и жизнь дала о себе знать холодом, усталостью и болью. Он пытался идти сам, чтобы Гвен не пришлось тащить его на собственной спине, но колени дрожали и подкашивались.

Перед глазами по-прежнему всё плыло, и очертаний лагеря, шатров и палаток Хельмут не различал. Хотя, возможно, фарелльцы попросту всё сожгли и перед ним сейчас расстилалось выжженное поле... Однако запаха гари он не чувствовал, слава Богу. Зато слышал шум, и это был уже не гул в ушах и раненом черепе, а людские голоса — встревоженные, растерянные, раздражённые... Благодаря им легко было представить обстановку, царившую в лагере в этот час.

Лица Гвен Хельмут по-прежнему не видел, хотя оно было совсем близко, — поворачивать голову без боли он всё ещё не мог, равно как и уловить боковым зрением очертания девушки. Но когда в звенящей тишине, взорванной гулом окружающего мира, вдруг возник третий ясный голос, Хельмут встрепенулся и начал приглядываться, чтобы развеять эту мутную пелену и превратить нечёткие силуэты в явственные образы... Хотя, слыша тот голос, он прекрасно представлял себе его обладателя — и это заставило его слабо улыбнуться.

— Господи, ты жив! — Генрих истерично рассмеялся.

«Главное, что жив ты», — промелькнуло в пока ещё мутном, спутанном потоке мыслей. Вслух этого Хельмут сказать не смог.

Усталость накатила с новой силой, накрыла с головой, и Хельмут понял, что ноги снова его не держат. Боль в голове внезапно дала о себе знать — она была резкой, режущей, как будто в его черепе оставили зазубренный нож. Из-за этой жуткой усталости пришлось закрыть глаза, и стало даже обидно, что он так и не смог толком разглядеть Генриха, не смог уловить выражение его лица, его взгляд... Хотя слышать искреннюю радость в его голосе было, несомненно, приятно.

Хельмут не помнил, как его довели до шатра и уложили на лежанку, зато всё, что было дальше, он запомнил прекрасно. Он вдруг понял, что остался в шатре с Генрихом наедине: видимо, Гвен, сделавшая всё, что было в её силах, побежала за лекарем. По крайней мере, он

чувствовал, что её больше рядом нет, зато Генрих остался с ним — присел рядом и взял его за руку, хотя рука у Хельмута была испачкана грязью и кровью.

Двигаться было больно, да и сил не хватало, но очень хотелось встать, обнять Генриха за плечи, прижать к себе, сказать, что всё хорошо, что раз они выжили сейчас — то уже не умрут никогда... Но Хельмут не смог даже чуть приподнять голову — череп словно раздробили, и теперь острые осколки костей, вспарывая нервы, впивались в мозг.

Но у него всё же получилось сказать то, что он держал в себе так давно.

Хельмут с трудом открыл глаза, рассмотрел крайне обеспокоенное лицо Генриха и кое-как выговорил:

— Я тебя люблю...

— Вот это тебя приложило. — Голос Генриха прозвучал очень тихо, удивительно, что Хельмут это расслышал. Конечно, ему тут же захотелось обидеться и объяснить, что он вообще-то серьёзно, что это не бред его затуманенного сознания и что он так давно должен был это сказать... Просто лишь сейчас осознал острую необходимость.

Но он не успел возразить — лишь почувствовал, как Генрих прижался губами к его гудящему от боли лбу.

А потом мир снова погрузился в непроглядный мрак.

***

В следующий раз он очнулся в шатре.

Судя по всему, это был его собственный шатёр: мутная пелена перед глазами исчезла, теперь Хельмут мог видеть лучше и разглядел знакомую, привычную обстановку... Даже несмотря на царивший здесь полумрак. Наверное, сейчас вечер или раннее утро... Хельмут понятия не имел, сколько прошло времени после того, как Гвен нашла его и притащила сюда.

Он оглядел тонувший в сумерках шатёр, и сразу же на душе стало как-то тепло и спокойно. Позади ужасная битва, позади кровавое поле, слепящее небо и снегопад. Он уже не там — он, живой и целый, лежит в своём шатре. Это, конечно, не дом, не родной замок с жёлтыми стенами на высоком скалистом холме... Не мамин сад с качелями и клумбами, не отцовский кабинет с камином и подставкой для меча в форме оленьих рогов. Не слышно здесь ни смеха сестры, ни переливов лютни, ни треска огня в камине... Но сейчас даже в тесном шатре Хельмут ощущал уют и умиротворение.

Тут же он обнаружил, что был накрыт аж двумя одеялами — плотным суконным снизу (оно щекотало и кололо кожу) и меховым сверху (удивительно, что в условиях войны мех оставался белым и мягким). Он кое-как приподнял оба одеяла и обнаружил на себе серую льняную рубашку с завязанной под шеей шнуровкой. Стоило предположить, что под рубашкой были бинты — Хельмут помнил, что на его груди осталась довольно серьёзная рана. При этом ни кровавых разводов, ни следов грязи на коже он не нашёл.

Следом он коснулся головы, вспомнив о другом ранении. Она тоже была перевязана и слегка побаливала — всё-таки удар не прошёл бесследно.

А в изножье своей постели Хельмут вдруг обнаружил Гвен. В шатре было светло, и он увидел плохо отстиранные кровавые пятна на её белом переднике и растрёпанные косы — пряди лезли в лицо, и Гвен нетерпеливо заправляла их за ухо. Легко догадаться, насколько уставшей она была... Хельмуту даже стало её жаль.

Она перемешивала что-то в небольшой деревянной миске, и шатёр постепенно наполнялся приятным травяным ароматом, сквозь который то и дело пробивался резкий

запах спирта. Гвен не повернула голову, даже не взглянула на лежащего Хельмута, однако всё равно как-то поняла, что он очнулся, и улыбнулась.

— Хорошо, что вы проснулись, — сказала она спокойно. Убрала из миски ложечку, поднялась, подошла ближе к Хельмуту и склонилась над ним, держа миску в вытянутых руках. — Выпейте.

Она придерживала миску, пока он пил. Жидкость имела отдалённо знакомый привкус, резкий и терпкий, хотя Хельмут отчётливо не помнил, когда и где пил её раньше. Возможно, её вливали в него, пока он был без сознания?

Он послушно выпил всю миску — во рту у него пересохло, и жажда грозила довести до безумия.

— Ты спасла меня, — вспомнил Хельмут, когда Гвен отошла к изножью — поставила опустевшую миску на столик рядом с лежанкой и начала что-то искать в своей бездонной сумке. — Ты могла бы бросить меня умирать там, но ты вытащила меня.

Он не знал, зачем говорил ей об этом и что именно поражало его в поступке Гвен. Да, она была обязана ему помочь в силу своего ремесла. А если бы она сделала вид, что не заметила его или приняла за труп, то его бы обнаружил кто-то другой — лекарь, солдат или рыцарь... Правда, возможно, тогда было бы уже поздно. Хельмута ранили в голову, и это грозило серьёзной кровопотерей. А Гвен, судя по всему, удалось быстро остановить кровь и спасти раны от заражения. Так что если бы она не сделала этого, то неизвестно ещё, смог бы вытащить его с того света кто-то другой.

— Не люблю оставаться в долгу, — вздохнула Гвен, извлекая из грубой суконной сумки небольшой мешочек, сшитый из коричневой ткани.

Хельмут сначала решил, что в мешочке окажется флакон с очередной настойкой или смесь высушенных трав... Но неожиданно девушка вытряхнула на ладонь фибулу — серебро тускло сверкнуло в солнечных лучах, пробравшихся в шатёр. Гвен протянула фибулу Хельмуту, и он вначале посмотрел на неё крайне удивлённо, а потом вспомнил. И вздрогнул.

— Вы потеряли её тогда, в моей деревне, — тихо сказала Гвен, — а я подняла, но всё никак не получалось отдать... Сначала не до неё было, а потом вы за что-то на меня разозлились, и я не решалась. Думаю, сейчас самое время.

Она так и не поняла, за что Хельмут на неё злился... Впрочем, он сам не сразу это понял. Ясное осознание чувств к Генриху, к которым ожидаемо приплеталась жгучая ревность, пришло к нему уже после того, как он начал косо поглядывать на Гвен, упрекать её за мелкие промахи и повышать на неё голос ни за что. Хотя Хельмут и раньше не относился к простолюдинам с каким-нибудь почтением, но всё же он никогда не считал себя чересчур жестоким и необоснованно грубым... А на Гвен Хельмут то и дело набрасывался по поводу и без, а она не могла найти причину, потому что наверняка не позволяла себе необоснованных мечтаний по поводу своих отношений с Генрихом. Девушка понимала: она для него — никто. А Хельмут всерьёз (хоть и не вполне осознанно) решил, что она — соперница...

Он забрал фибулу и сжал её в руке — игла больно впиалась в ладонь.

— Спасибо, — прохрипел он, вставив в это слово всё, что должен был сказать Гвен, — и благодарность за спасённую жизнь, за перевязанные раны, за возвращённую фибулу... и своеобразное извинение. Конечно, одного слова мало, однако Гвен, ожидаемо не став требовать большего, лишь сдержанно улыбнулась.

— Теперь завтра к вам приду, — сказала она. — Ещё раз раны перевяжу, питья

принесу... А пока спите.

— Я не хочу спать, мне надоело, — усмехнулся Хельмут. Гвен лишь пожала плечами и направилась к выходу из шатра, когда он вдруг нашёл в себе силы чуть привстать и позвать её: — Гвен, ты мне скажи... Мы победили?

Наверное, глупо было это спрашивать. Он жив, Генрих тоже, его шатёр в целости и сохранности — лежанка не сдвинулась ни на сантиметр, не разбилось ни единой кружки, не упало ни одной свечи... Фарелльцы не сожгли лагерь, не перерезали всех драффарийцев до единого. Разве этого недостаточно, чтобы можно было с уверенностью сказать, что победа всё же состоялось?

Но Хельмуту было мало своих умозаключений. Он должен услышать внятный ответ от живого человека.

И он его услышал.

— Мы победили, — улыбнулась Гвен, поправила сумку на плечах и вышла.

Хельмут не хотел спать, но, видимо, из-за выпитой настойки почти сразу же снова уснул. Так в течение какого-то времени он то и дело погружался в липкое, мутное, противное забытьё без сновидений, а потом выныривал оттуда либо с больной головой, либо с пугающим опустошением внутри, либо со страстным желанием встать и снова начать жить, действовать, чем-то заниматься — лежать было уже невозможно. Причём он не знал, сколько уже провёл в таком состоянии — один день, три дня, седмицу или больше?

В какой-то момент Хельмут снова, в который раз, открыл глаза — и чуть не подпрыгнул от счастья. В изножье его лежанки, на самом краю, сидел Генрих и смотрел на него с тревогой и в то же время с какой-то странной улыбкой. Хельмут покачал головой, пытаясь стряхнуть с себя остатки сна: он боялся попасть во власть неведомых видений, боялся понять, что образ Генриха уже растаял, что в шатре никого нет.

Но он ошибся.

Генрих был живым, настоящим; увидев, что Хельмут очнулся, он привстал и склонился над ним — можно было протянуть руку и коснуться его лица, покрытого лёгкой щетиной, его болезненно бледных скул, можно было убрать с его лба спутанную прядь чёрных волос... Он устало улыбался, но глаза его светились искренним счастьем, и зелень радужек от этого напоминала первую весеннюю листву, по которой Хельмут так соскучился.

Он и правда вытянул руку, чтобы всё же коснуться и убедиться наверняка, что это не сон... Но Генрих перехватил его ладонь и сжал её с такой силой, что показалось, будто кости захрустели. Хельмут не выдержал и усмехнулся.

Он попытался привстать, но голова закружилась, перед глазами появились какие-то вспышки, и пришлось снова откинуться на подушку.

— Не вставай, — велел Генрих твёрдым голосом, выпустив его руку.

На нём был отделанный бархатом серый камзол и плотный шерстяной плащ сверху, и Хельмут всё-таки смог, сделав нервный жест, коснуться сначала чёрной бархатной отделки на груди, а затем — застёжки плаща. И убедился, что Генрих всё-таки не был видением, порождением его воспалённого сознания. Странно, правда, что он одет так тепло... И тут же Хельмут вспомнил, что прямо после битвы пошёл снег. Настала зима, пришли морозы, подули ледяные ветра, а ему сейчас совсем не холодно... Наверное, из-за вороха одеял и болезненного жара, сковавшего его тело.

— Ты в порядке? — выпалил Хельмут, осознав, что больше не может держать в себе это беспокойство. Генрих был жив, но это не значит, что он вышел из битвы невредимым. —

Как... как ты себя чувствуешь?

— Разве это не я должен у тебя спрашивать? — усмехнулся Генрих, а потом отчего-то отвёл взгляд. — Так, есть небольшая рана... Но меня уже подлатали и забинтовали. У наших лекарей золотые руки.

Хельмут не поверил его словам и спустя некоторое время смог убедиться в том, что Генрих преуменьшал. Какой-то чересчур ловкий фареллец оставил ему рану едва ли не через всю спину — от левого плеча и до правого нижнего ребра. Правда, Хельмут смог увидеть её далеко не сразу, зато у него был шанс пожурить Генриха за то, что он скрыл своё состояние, что с такой серьёзной раной продолжал руководить обороной, а потом пошёл навещать едва очнувшегося Хельмута... И вот сейчас снова, не желая беречь себя, вместо того, чтобы спокойно отлёживаться и сохранять в покое рану, — он здесь.

— А ты как? — встревоженным голосом спросил Генрих, прекратив улыбаться. — Ты почти сутки лежал без сознания; хотя лекарь говорит, что жить будешь, я очень... — Он замолчал на мгновение и вздохнул. — Я очень беспокоюсь.

— Мне уже намного лучше, — отозвался Хельмут, — беспокоиться не стоит.

— Я заходил к тебе, когда ты лежал без сознания, и не то чтобы твой вид внушал надежду... — Генрих покачал головой и провёл пальцами сначала по щеке Хельмута, а потом — по волосам, едва касаясь тонкого бинта. — Сколько раз Гвен меняла повязку?

— Не помню, — признался Хельмут. — Но она остановила кровь... И ещё несколько раз влила в меня какую-то гадость, от которой вечно клонит в сон. Тем не менее, это помогает, и боли я почти уже нигде не чувствую. Правда, слабость дикая... Но это, я думаю, скоро пройдёт.

Вдруг он встрепенулся, вздрогнул и всё-таки привстал, опираясь ладонями о лежанку. Голова вновь немного закружилась, но он смог удержаться и не упасть навзничь. Несмотря на обеспокоенный взгляд Генриха, всем своим видом призывающего снова лечь, вдохнул побольше воздуха и проговорил:

— Кто-то погиб?

Точнее, вопрос нужно было выразить иначе. Ясное дело, что в этой внезапной бойне не обошлось без потерь. Хельмут помнил, как на его глазах падали замертво его люди, как оставшиеся за его спиной в лагере солдаты погибали, сражённые вражескими клинками... Но что насчёт жизней остальных, кого Хельмут не видел? Что насчёт лорда Джеймса, брата и сестры Кархаусен, множества бьельнских и нолдийских дворян?

Ясное дело, почему он забыл обо всём — своих забот хватало, и ожидаемо, что он беспокоился лишь о себе и изредка вспоминал о лучшем друге... Но в то же время осознание этой забывчивости не могло его не ужасать. Хельмут всегда считал своё самолюбие совершенно здоровым, так в какой же момент оно превратилось в жуткий эгоизм?

Генрих долго молчал, не глядя ему в глаза.

— Ты меня пугаешь, — невесело усмехнулся Хельмут.

— Герцог Арнольд Вэйд, — выдохнул Генрих, сжав руки в кулаки так, что пальцы побелели. — И я, хоть убей, не помню, выражал ли уже свои соболезнования лорду Джеймсу... — Он прижал ладонь ко лбу и поморщился — видимо, у него тоже болела голова. — Герцог был его верным вассалом... Учил его дочь сражаться на мечях. — Он едва заметно усмехнулся уголком губ, а в глазах на миг блеснуло какое-то странное тепло, будто речь шла о дочери не лорда Коллинза, а его собственной. — Для милорда это большая потеря, и... наверное, я сейчас всё-таки навещу его. Ты пока приходи в себя. — Генрих

взглянул на Хельмута, и его улыбка стала шире, а взгляд потеплел ещё сильнее.

— Неужели только один герцог Вэйд? — недоверчиво протянул Хельмут.

Генрих снова помрачнел и отвёл взгляд, украдкой касаясь серебряной застёжки на плаще, словно она сейчас интересовала его больше всего на свете. Почему он так усердно уходит от ответа?

— Нет уж, ты скажи, — встревожился Хельмут, стараясь не обращать внимания на внезапно пробудившуюся боль в груди. — Что со мной станет, в конце концов? Я уже потерял своего хорошего друга, а ты остался жив — больше мне терять некого и нечего.

Как же он, чёрт побери, ошибался в тот момент...

— Баронесса Кархаусен, — глухо сказал Генрих и сглотнул.

Внутри у Хельмута что-то оборвалось. Ему показалось даже, что сердце перестало биться и мгновенно покрылось коркой льда, что жар, так усиленно терзавший его нутро, резко превратился в жгучий холод... Он чувствовал на себе пронизывающий взгляд Генриха, полный сострадания и чувства вины, но не решался взглянуть на него. Всегда нелегко приносить такие вести — никогда не знаешь, что будет с человеком, которому ты сообщил о смерти его близкого. Совсем недавно Хельмут ощутил это на себе, когда отправлял письмо Хельге с вестью о том, что Вильхельм умер. Но тогда было легче — он не видел лица сестры, не видел её взгляда, её слёз и дрожащих пальцев... Хотя запросто мог представить.

И теперь Хельмут прекрасно понял, почему Генрих так не хотел говорить ему о смерти Кассии. Но откуда он узнал, что эта девушка была по-своему важна для него? Хельмут приосанился, нервно сглотнул, изо всех сил стараясь скрыть своё состояние, отчаяние и страх, и нарочито небрежным тоном спросил:

— И зачем ты так берёг меня от этой новости?

— Будто я не видел, что ты с ней сдружился, — пожал плечами Генрих, наконец взглянув на него.

Удивительно, конечно, — как он всё-таки это заметил? Оставалось лишь понадеяться, что о том, что они с Кассией делали, Генрих не догадывался...

— Всё-то ты знаешь, — вздохнул Хельмут, уже не видя смысла скрывать, насколько смерть шингстенки опустошила его и раздавила.

Но ему всё-таки не верилось. В глубине души он не мог принять то, что её больше нет. Она ведь была такой... такой живой... Она любила жизнь и явно не собиралась с ней расставаться. Она была такой уверенной в себе, дерзкой, острой на язык, улыбчивой и храброй... Кто бы мог подумать, что скоро это всё заберёт старая ведьма с косой? Что эти светящиеся жизнелюбием синие глаза навсегда закроются, а покрытая веснушками кожа станет ледяной и безжизненной?

Представив Кассию мёртвой, Хельмут поёжился — от страха перед тем, как легко всё цветущее и яркое может склониться перед ледяным дыханием смерти.

— Да, ты прав, мы с ней, по крайней мере, были хорошими знакомцами, — выговорил он глухо, чувствуя, как Генрих кладёт руку на его плечо. Ему хватило сил на благодарный взгляд и слабую улыбку. — И она, кажется, испытывала ко мне симпатию, которую я вынужден был оставить безответной...

— Прости.

Хельмут тут же пожалел, что сказал это при Генрихе. Однако он неправильно подобрал слово от волнения: он не был *вынужден* оставлять без внимания симпатию Кассии — он попросту не хотел как-то на неё отвечать. Да, она была очень хорошей, очаровательной,

забавной... Да, она помогла ему, и не раз. Хельмут доверил ей свою тайну, на тот момент ещё особо не зная её, и Кассия не подвела, никому ни слова не сказав о Вильгельме. Это доказывало, что она была хорошим человеком.

А ещё она происходила из дворянского рода, была красивой и умной, умела управляться с мечом и стрелять из лука... Баронесса Кассия Кархаусен могла бы стать идеальной женой для Хельмута, если бы не была язычницей.

И если бы не погибла.

Он в очередной раз сглотнул, ощутив в горле мерзкий горький ком.

— Она... она ещё здесь? — Генрих посмотрел на него недоуменно, и Хельмут добавил: — Её тело уже отправили в Шингстен?

— Конечно, отправили. — Генрих снова сжал его плечи, заставляя лечь, но Хельмут не послушался. Вместо этого он сам обнял друга, обхватив его талию, но тут же отпрянул и зашипел — застёжка его плаща задела рану на груди Хельмута. — Извини, — тут же встревожился Генрих, отстраняясь и кладя руки на колени. — Я забыл о твоей ране.

Это было неудивительно — бинты на груди скрывала рубашка.

— Да прекрати же ты извиняться! — закатил глаза Хельмут.

— Это ведь я отправил тебя туда, — выдохнул Генрих, покачав головой. Пальцы его задрожали, и он сжал ими край плаща. — Может, останься ты в лагере...

— Кто знает, что было бы, если бы я остался, а не отправился в тыл обстреливать этих сукиных детей, — процедил Хельмут сквозь зубы. Его внезапно одолела злость — на фарелльцев, которые так подло, по-крысиному напали, которые убили герцога Вэйда и Кассию... на Генриха тоже — за то, что винил себя. — Вдруг я бы вовсе не выжил? Вдруг я бы не отделался так легко и лишился бы ноги или, что хуже, руки?

— Почему руки — хуже? — Генрих встрепенулся и приподнял бровь.

— Как бы я стрелял из лука без руки? — рассмеялся Хельмут, поправляя одеяло на коленях. — А ты о чём подумал? А? О чём ты подумал? — Он похлопал Генриха по плечу, и тот, будто ледяная глыба под яркими летними лучами, тут же оттаял и коротко усмехнулся — но и этой усмешки Хельмуту было достаточно.

Он снова бросился в его объятия, не боясь уже как-то задеть рану и последующего кровотечения. Это всё было неважно — рану можно заново перевязать, обработать, остановить кровь... Важнее то, что Генрих снова был рядом. Что он жив — и что Хельмут тоже жив, вопреки всему и несмотря ни на что.

Хельмуту уже осточертело лежать в шатре, но он понимал, что пока ещё слишком слаб для прогулок снаружи. Голова нестерпимо кружилась от любого резкого движения, хотя чем дальше, тем легче он переносил головокружение. Гвен перевязывала и обрабатывала его раны, приносила еду и каждый раз заботливо осведомлялась о его самочувствии. Захаживал и лекарь — он проверял состояние ран, отмечая, что всё в порядке, что его светлость идёт на поправку, а также добавляя, что Гвен прекрасно справляется со своими обязанностями. При этом лекарь посоветовал соблюдать постельный режим и пока не выходить наружу во избежание головокружений.

Однако Хельмут, будучи не в силах просто лежать днями напролёт, прохаживался хотя бы по своему шатру — медленно, постоянно хватаясь то за низкую спинку лежанки, то за стол, то за подпорку в центре шатра. Гвен же поддерживала его за плечо — при этом она с улыбкой вспоминала, что так же водила мужа из кабака домой, только не раненого, а пьяного.

Хельмут не ожидал, что она будет так добра к нему. Но девушка буквально поставила его на ноги, кажется, совершенно забыв о его грубости.

— Зачем мне на вас обижаться? — ухмыльнулась Гвен, когда Хельмут не выдержал и спросил, не держит ли она зла. — Если бы я обижалась каждый раз, когда на меня повышал голос кто-нибудь из ваших, благородных... думаете, вы первый во всём вашем войске, кто на меня прикрикнул?

И правда, для дворян было обыденностью кричать на своих слуг, крестьян и прочих простолюдинов, а то и бить их, и Хельмут не понимал, с чего он вдруг начал терзаться из-за своего высокомерия и дерзости по отношению к Гвен.

— Слушай, а почему постоянно так темно? — спросил он после очередной «прогулки», когда девушка усадила его на лежанку и начала проверять, не сбились ли бинты.

— Так полярная ночь же, — улыбнулась она, с явным трудом выговорив слово «полярная». — Точнее, сумерки. Лорд Коллинз говорит, что здесь, на севере, такое часто бывает. К весне закончится.

Этот постоянный полумрак не радовал — он пугал. Хельмуту не хотелось целых три луны жить в сумерках, когда солнце еле-еле выглядывало из-за горизонта, когда уже привычный зимний холод сопровождался серой темнотой. В Бьельне зимой было много светлых морозных дней: снег приятно хрустел под ногами и весело искрился серебром и алмазами... Но сейчас, в этом полярном полумраке, холод воспринимался совсем иначе — он пронизывал до костей и заставлял стучать зубами. Хельмут спал в плотном дублете, поэтому перевязка ран создавала определённые трудности — приходилось снимать себя самое малое три слоя одежды. Однако Гвен помогала ему, ни капли не смущаясь при этом.

Хельмут очень хотел навестить Адриана Кархаусена и выразить ему свои искренние соболезнования, но пока не решался выходить из шатра. Ещё не хватало упасть посреди лагеря... Возможно, кому-то это бы никак не помешало: упал — встал и пошёл дальше, — но Хельмут себе такого позволить не мог из-за гордости. Люди должны видеть его сильным и здоровым, а не... не таким, каким он был сейчас. Да ещё и с перебинтованной головой — совершенно жалкий вид.

Генрих где-то пропадавал несколько дней, и Хельмут не винил его: после столь нелёгкой

битвы им с лордом Джеймсом следовало решить множество проблем и спланировать реванш. Крепость на границе всё ещё была захвачена, и чем быстрее оттуда выбьют врагов, тем ближе окажется конец войны.

Но Генрих всё-таки нашёл время и зашёл к Хельмуту, когда тот уже уверенно вставал и что было сил боролся с головокружением. В тот день Гвен наконец-то сняла бинты с его головы, и Хельмут, изгибаясь перед зеркалом, пытался расчесать волосы — с них смыли запекшуюся кровь и пыль, и теперь они торчали в разные стороны, никак не желая укладываться под крупными зубьями костяного гребня.

Генрих откашлялся, привлекая внимание.

Хельмут выронил гребень и резко развернулся.

Он увидел, что Генрих держал в руках кожаный колчан, из которого виднелось плечо лука из какого-то тёмного дерева — Хельмут не разглядел, какого. Но уже восторженно округлил глаза.

— Присядем? — Генрих кивнул на заправленную лежанку. — А то ты шатаешься, кажется.

Хельмут лишь кивнул в ответ. Головокружения он по-прежнему не ощущал, перед собой видел всё ясно, но стоять посреди шатра с таким глупым видом не хотел.

Они присели, и Генрих положил колчан с луком на колени. Теперь Хельмут мог рассмотреть всё как следует: первым делом он оценил искусную выделку колчана — плотная тёмно-коричневая кожа с красно-зелёным рисунком, изображающим дерево, чьи ветви, кора и листки были выполнены с таким мастерством, с таким вниманием к деталям, что начинало одолевать сомнение: а человек ли вообще это сделал? Казалось, прорисовать такие мелочи могут лишь крошечные феи и эльфы.

Хельмут мог бы часами смотреть на этот колчан, но всё-таки предпочёл уделить внимание Генриху, а не бездушному предмету.

Он поднял взгляд и улыбнулся.

— Как ты себя чувствуешь? — с искренней заботой спросил Генрих.

— Уже намного лучше. Надо бы выйти прогуляться, — Хельмут расправил плечи и вытянул ноги, — а то я тут как в склепе... Да и без свежего воздуха как-то плоховато. Там, наверное, уже снега кругом? — поинтересовался он.

— Да не особо, — пожал плечами Генрих. — После битвы снег шёл только раз, хоть и не сильно, метели не было, землю он почти не покрыл. Но холодно — жуть. — Он показательно поёжился и поправил серый плащ на плечах. — И темно.

— А то небесное свечение больше не появлялось?

— Пока нет. Тебя ждёт, — добавил Генрих и подмигнул.

Хельмут лишь закатил глаза. Он мог бы ответить на эту колкость, но сейчас настроение у него было иное. Он вспомнил небесное свечение и осознал, насколько сильно хочет вновь увидеть эту потрясающую красоту, это чудо... Слова Генриха, что оно не появлялось на небе, пока Хельмут сидел в своём шатре, не могло его не обрадовать — значит, он ничего особенного не пропустил. А если это свечение всё-таки появится ещё раз — они с Генрихом снова смогут на него полюбоваться... вместе...

— Мы ждём, когда станет светлее, — вырвал его из размышлений голос друга. — К нам уже подошло подкрепление с юга. Но прежде чем воевать, можно было бы попробовать добиться переговоров. Нам удалось выяснить, что наш драгоценный пленник, который держал Лейт, на самом деле не такая мелкая сошка, какой притворяется. — Генрих

презрительно усмехнулся. Хельмут взглянул на него с интересом: если пленный фареллец и правда не так прост, то он наверняка общался с Вильгельмом по поводу предательства... — То нападение было попыткой спасти этого человека. Мы могли бы отдать его фарелльцам взамен на освобождение пограничья. Иначе подобные диверсии продолжатся. Ну, лорд Джеймс так считает, — добавил Генрих и пожал плечами, — и я не могу с ним не согласиться. Фарелльцы совсем обнаглели, и в этом нет ничего удивительного. Их земля совсем близко, им есть куда бежать, есть откуда ждать поддержки...

— Но нам тоже есть, — возразил Хельмут.

— Есть, но... — Генрих замялся и вздохнул, прикрыв глаза. Он явно пытался скрыть усталость, но безуспешно. — Они и эти территории считают своими. Ведут себя как хозяева. И мы не должны позволить им стать здесь настоящими хозяевами. Поэтому, если провести переговоры не удастся, скоро будет бой.

— Как скоро? — встрепнулся Хельмут и подался вперёд. — Думаю, я смогу принять участие.

— Тебе нужно беречь себя, — покачал головой Генрих и приложил два пальца к переносице. — Не думаю, что мы пойдём на штурм слишком скоро, но вряд ли ты к тому времени сможешь сражаться уверенно.

— Ну не завтра же? Не завтра вы пойдёте на штурм? — вспыхнул Хельмут, сжимая холодными пальцами покрывало. — Я быстро иду на поправку...

— Ты. Никуда. Не. Пойдёшь, — процедил Генрих сквозь зубы, в его взгляде ярко блеснула злость... и тут же погасла. Его ресницы дрогнули, и он снова сжал пальцами переносицу, будто страдая от головной боли. — Пойми же, я беспокоюсь за твоё здоровье.

— Давай просто подождём. — Хельмут положил руку ему на плечо. — Если к моменту штурма я и правда буду чувствовать себя неважно, то мне придётся тебя послушаться.

Генрих молча кивнул и вздохнул — кажется, такое предложение тоже не пришлось ему по душе. Неужели беспокойство так терзает его, что он готов ограничить Хельмута от того, ради чего он сюда приехал, — от сражений? Что ж, видит Бог, он имеет на это право как сюзерен. Но как друг — нет.

— А, к слову, это тебе, — вдруг снова заговорил Генрих приглушённым, хрипловатым голосом. Легко было расслышать, что он очень взволнован, и Хельмут невольно вздрогнул, не сразу поняв, что именно — «тебе». И лишь потом вспомнил, что у Генриха на коленях лежал тот прекрасный колчан с новеньким луком тёмного дерева внутри. — Твой лук очень пострадал во время битвы... мастер сказал, что починке он не подлежит. Поэтому я, чтобы хоть как-то искупить свою вину за то, что послал тебя туда, дарю тебе новый.

— Да какая вина, Господи? — закатил глаза Хельмут. Но Генрих возражений не принимал — он переложил колчан на его колени и взглянул ему в глаза с каким-то необъяснимым вызовом, требованием.

— Посмотри, — велел он.

Именно велел. Как лорд, как сюзерен. И Хельмут не мог нарушить приказ.

Он приподнял колчан, внимательно оглядел узор, в очередной раз восхитившись его тонкостью и проработанностью. Затем Хельмут извлёк лук — чуть меньше, чем его погибший старый, из более тёмного дерева, с уже снаряженной тетивой, совершенно новый, блестящий от полировки... Он вертел его в руках, оглядывая то одно плечо, то другое, затем начал рассматривать рукоять: на ней тоже был узор, не такой сложный, как на колчане, но тоже довольно красивый и искусный.

— Я бы опробовал, если бы здесь было где развернуться. — Хельмут окинул взглядом шатёр. — Поэтому как только в себя приду — так сразу к мишеням.

Он положил лук и колчан на лежанку рядом с собой, поправил воротник синего дублета и снова взглянул Генриху в глаза — пытливо и, как ему думалось, загадочно.

— Спасибо, — сказал Хельмут тихо. — Это самый прекрасный подарок из всех, что я только мог бы получить от тебя. Хотя... — Он наигранно задумался, прищурив глаза и лоя на себе обеспокоенный взгляд. — Можно я тебя поцелую?

Генрих лишь улыбнулся и едва заметно кивнул, но и этого Хельмуту было достаточно. Он обхватил его лицо руками, проведя большим пальцем по острой скуле, ещё на мгновение задержался на его изумрудных глазах, будто желая изучить каждую ресницу, а затем осторожно прижался губами к его губам — словно в первый раз, словно чего-то боясь... На самом деле Хельмут попросту задыхался от непередаваемой нежности, захватившей его душу, и не мог быть более уверенным и настойчивым.

Однако Генрих — мог.

Он, стараясь не задеть не до конца затянувшиеся раны Хельмута, провёл ладонью по его плечу, вторую руку положил на спину, заставив сильнее приблизиться к себе. Он перехватил инициативу и сам начал целовать Хельмута, причём целовать достаточно глубоко и требовательно. Ему оставалось лишь отвечать, и он покорился, а его пальцы запутались в мягких волосах Генриха.

Через мгновение Хельмут понял, что дрожит от чувств, внушаемых этим поцелуем, и что та звенящая нежность постепенно сгорает, превращаясь в жгучую страсть и тягучее желание. Это напоминало их первый поцелуй — тот тоже начался донельзя трепетно, несмело, а закончился... Хельмут усмехнулся прямо в губы Генриха, вспомнив, чем тогда всё обернулось.

И как же он, чёрт возьми, хотел и сейчас подобного продолжения...

***

Зимний острый воздух больно колот кожу и царапал лёгкие при каждом вдохе, холодные солнечные лучи, несмотря на тусклость, слепили глаза, но Хельмут всё равно рад был наконец-то выйти из шатра. Приподняв входное полотнище, некогда ярко-фиолетовое, а ныне выцветшее, он закрыл глаза и ощутил на лице дуновение ветра — от него взъерошились волосы и заколыхался плащ за спиной... Этот хрустальный холод свидетельствовал о том, что наконец-то пришла зима. Но снега и правда выпало совсем чуть-чуть, земля была едва прикрыта тончайшим бело-серым покрывалом, из-под которого проклёвывалась коричневая чахлая трава.

Хельмут шёл медленно, изредка прикрывая глаза и пытаясь понять, от чего у него кружится голова — от последствий удара или от ощущения безграничности и воли, что накатило на него, когда он в конце концов покинул тесный шатёр. Кругом стояло несколько десятков таких же шатров, высоких, круглых или квадратных, с флагами на верхушках, а за ними располагался палаточный лагерь простых солдат. А дальше... дальше растягивались луга и поля, бескрайние леса, в которых шумели хвойные деревья и пели озимые птицы, в которых узкие, едва протоптанные дорожки были покрыты ржаво-рыжими опавшими еловыми иглами... И теперь, после почти двух седмиц вынужденного заточения, Хельмуту остро захотелось поехать куда-нибудь туда, за горизонт, покинуть пределы лагеря и гнать коня во весь опор, ощущая свист ветра в ушах и представляя, будто это настоящий полёт, а не просто быстрая езда.

Но сейчас у него нашлись другие дела.

Барон Кархаусен был один, и Хельмут смог беспрепятственно зайти в его шатёр, лишь многозначительно кивнув стражникам. Он обнаружил Адриана сидящим на деревянном раскладном стуле — на коленях у него лежал меч, в пальцах был зажат небольшой оселок, но взгляд барона был устремлён не на оружие, а куда-то вперёд и чуть вверх, туда, где сходились своды серого шатра. Ясно, что его не интересовала полировка меча, что он задумался и напрочь забыл обо всём... И легко было догадаться, что думал он, скорее всего, о сестре.

В шатре было довольно тепло и даже душновато, особенно по сравнению с царящей снаружи прохладой. Сам барон Адриан выглядел так, словно только что вернулся с прогулки: плотный белый дублет, синий плащ сверху... А каштаново-рыжеватые волосы, обычно аккуратно зачёсанные, рассыпались в беспорядке, спадая на лицо неровным каскадом.

Зайдя в шатёр Кархаусена, Хельмут тут же ощутил этот знакомый запах трав и ладана — он был таким слабым, едва уловимым, но всё же то и дело давал о себе знать, щекоча нос и лёгкие. И сердце мгновенно разболелось, словно его сжали в стальных раскалённых тисках.

Хельмут замер у входа и прочистил горло, надеясь, что его заметят.

Барон Адриан тут же пришёл в себя и посмотрел вперёд. Почему-то сначала улыбнулся, а потом, увидев, кто к нему пришёл, прикрыл глаза и вздохнул. Хельмут невольно приподнял бровь в недоумении. Кажется, ему не рады... Доселе он с бароном Кархаусеном почти не разговаривал, лишь изредка перебросился разве что парой-тройкой слов. Так с чего такое разочарование в его взгляде? С чего этот тяжёлый вздох?

Лишь потом Хельмут понял, что Адриан, видимо, по привычке ожидал увидеть у входа в шатёр сестру, забыв на миг, что она погибла.

— Простите, если мешаю, — подал голос Хельмут. Барон Кархаусен одарил его тяжёлым взглядом.

— Да нет, не мешаю, — наконец-то ответил он. — Проходите, присаживайтесь.

С этими словами он резко вскочил со стула, чудом не уронив его, поднял прислоненные к нему ножны и со скрежетом убрал в них меч. При этом ножны барон Адриан тут же прикрепил к поясу, будто собирался в битву. Хельмуту стало не по себе, однако он взял себя в руки, уверенными шагами прошёл в глубь шатра, но занимать освобождённый стул пока не спешил.

Он заметил, что барон Кархаусен постоянно пытается спрятать взгляд, не смотреть в глаза, отворачивается и наклоняет голову... Это тоже напрягало, но Хельмут решил не подавать виду. Перед ним стоял человек, которого постигло ужасное горе, и не стоило винить его за чересчур нервные жесты или желание отвернуться.

— Вы к сестре? — бросил Адриан, сцепив пальцы в замок и тут же расцепив. — Боюсь, вы опоздали. Её уже давно отвезли домой.

В отличие от Кассии, он говорил на чистом драффарийском, без каких-либо проявлений шингстенского говора.

— Я знаю, — кивнул Хельмут. — И мне... мне очень жаль. Примите мои соболезнования, ваша светлость.

Ему было невыносимо больно осознавать, что он так и не попрощался с Кассией. Не взглянул на неё напоследок, не прикоснулся губами к холодному лбу... Видит Бог, она была по-своему дорога ему. Он испытывал к ней исключительно дружеские чувства, но этого

было достаточно, чтобы сейчас его душу раздирала гнетущая тоска и боль потери. Кассия помогала Хельмуту, она поддерживала его в трудные минуты, давала советы и всегда оставалась такой светлой, такой весёлой... Он даже с горечью подумал, что и перед смертью девушка могла улыбаться.

— А я знаю, — вдруг подал голос барон Адриан, — что вы с моей сестрой были... достаточно близки.

— Не настолько, как вы могли подумать, — резко поднял голову Хельмут — но барон Кархаусен всё ещё не смотрел в его сторону, отвернувшись. — И Кассия, помнится, говорила, что вы ничего не видите... — Он сдержанно усмехнулся, надеясь, что барон Адриан этого не заметит.

— Она так думала, — отозвался тот, окончательно повернувшись к Хельмуту спиной. Слышно было, что голос барона Кархаусена дрожит, и ему приходилось делать долгие паузы, чтобы унять эту дрожь и говорить ровно. — На самом деле я давал ей много свободы, а то, что обо мне шли слухи как о строгом брате... — Он вздрогнул — или просто пожал плечами, но выглядел этот жест донельзя дёрганно. — Я хотел, чтобы она была самостоятельной, чтобы она сама могла за себя постоять...

«Жаль, — подумал Хельмут, — судьбе плевать на то, чего ты хотел». Вслух сказать это он не решился.

— Я привык защищать её, — продолжил барон Адриан, его голос звучал совсем тихо, сдавленно и расколото. — Ещё с детства, когда Кассия хотела играть с мальчишками, а те её обижали... Отец никогда не запрещал ей играть так, как она хочет, но при этом просил меня присматривать за ней. Так и тут. Я присматривал, но в её жизнь старался не лезть. И в бою тоже... хотя мы всегда сражались вместе, плечом к плечу. — Он замолчал и сделал громкий, судорожный вдох. — Господи, что бы сказал отец... Тогда мы оказались далеко друг от друга, и я... я не смог её защитить... не смог спасти.

Тогда-то Хельмут понял, почему Адриан всё время прятал лицо и не смотрел ему в глаза. Он сдерживал слёзы. Но теперь это было бесполезно — он открыто плакал, прижав ладони к лицу. Хельмут вздрогнул и замер. Нет, он не ощущал ни капли презрения к льющему слёзы мужчине... Просто он понятия не имел, что ему делать.

Хельмуту легко было представить себя на месте плачущего Адриана — у него ведь тоже есть сестра... И сердце болезненно сжалось при мысли, что ей может угрожать хоть какая-то опасность. Но он разделял братские чувства Адриана и по другой причине. Он ведь тоже мог помочь Кассии. Также мог найти её, попробовать спасти... Более того — он *должен* был это сделать, должен был хоть как-то отплатить ей за помощь...

— Её... её пронзили мечом, — сквозь слёзы проскрежетал барон Адриан — голос его стал злее, задрожал ещё сильнее, и Хельмут с трудом смог разобрать слова. — Она, как и многие из нас в тот день, была без доспехов, и в итоге... В итоге её буквально нанизали на острие, и вся её серая рубашка... она вся пропиталась кровью и сделалась красной.

Хельмут почувствовал крупную дрожь, услышав эти слова, и разум кольнуло предательской мыслью: «Слава Богу всё-таки, что я её так и не увидел...» Хотя нет. Это неправильно. Даже если Кассию правда искромсали до неузнаваемости и если бы у него при этом была возможность попроситься с ней, он должен был сделать это, непременно должен...

Адриан продолжал рыдать, а Хельмут не знал, как поступить, и это раздражало — было очень неловко просто стоять и смотреть... но и уходить молча тоже казалось неправильным.

Да, возможно, Кархаусен хотел побыть один... Но уход он мог расценить как проявление равнодушия, а равнодушным к его горю, к его потере Хельмут точно не был.

— Простите, я... — прохрипел Адриан. — Я сейчас...

— Может, вам воды? — участливо спросил Хельмут, несмело приближаясь к нему.

На его вопрос ответа не последовало, однако всхлипы и вздохи стихли, как будто барон Кархаусен обратился в камень.

Но вдруг он резко обернулся, и Хельмут невольно отпрянул. И тут же разглядел на лице Адриана небольшую россыпь едва заметных веснушек — у Кассии они были ярче, их было больше, но... Эта общая черта брата и сестры вновь заставила его душу зануть от тоски, словно горе, разрастающееся в душе Адриана, протянуло свои чёрные щупальца и в душу Хельмута тоже.

— Ваша сестра и правда была дорога мне, — сказал он неожиданно для себя самого, хотя эту тему они, кажется, уже закрыли. — Но просто как хорошая подруга, не более. И я всегда восхищался её силой, в том числе и... — Он сглотнул. — В том числе и магической.

— Это магия её и сгубила, — вдруг быстро закивал Адриан. — Она всегда слишком надеялась на неё, а что в итоге? Магия её подвела. Проклятые ложные боги, давшие ей эту ложную силу, её подвели.

Постепенно в его речи всё-таки начали появляться шингстенские особенности — долгие звуки «ш» и «ж», твёрдый «ч»; барон Адриан зашипел, как ядовитый змей, готовящийся к атаке.

— Вы... вы не верите в ваших богов? — несмело протянул Хельмут, не скрывая недоумения.

— «Ваших», — усмехнулся барон Кархаусен и резко опустил на стул — ножны громыхнули о светлое дерево. Он провёл ладонями по рыжеватым волосам, взлохмачивая их, и вдруг внезапно рассмеялся, громко, но коротко. — То были её боги, не мои. И они не слышали её молитв, не оказали ей поддержки в бою, хотя сестра всегда молилась им перед битвой. Она так им доверяла, так их любила, что хотела после войны стать жрицей. Она бы добровольно отреклась от своего наследства и никогда бы не вышла замуж... Такой была её верность этим проклятым богам. А я... я утратил веру ещё в подростковом возрасте, — пожал плечами Адриан, закидывая ногу на ногу. — А уж теперь-то тем более... Зато Кассия всегда безоглядно верила им, и где она сейчас?

— Наш Господь тоже не очень-то бережёт своих детей, — возразил Хельмут. — Наших воинов погибает не меньше, чем ваших.

Адриан не ответил, лишь закатил глаза, видимо, посчитав, что барону Штольцу его не понять.

— Я не собирался вести богословских споров вообще-то, — тихо сказал тот. — Просто зашёл выразить свои соболезнования, потому что я тоже оплакиваю вашу сестру. У меня самого есть сестра, и я...

— Но она жива, — перебил его Адриан. — С ней наверняка всё хорошо, вам незачем беспокоиться из-за неё, так что же вы можете понять?

Хельмут лишь вздохнул. Видит Бог, он прав.

— И ваша сестра вряд ли возлагала надежды на деревянных идолов, вряд ли доверяла свою жизнь каким-то выдуманному существу, — продолжил барон Кархаусен. Теперь в его взгляде, где совсем недавно было столько тоски и боли, читался вызов. А глаза у него такие же, как у Кассии, — тёмно-голубые...

— Я не знаю, виноваты ли ва... шингстенские боги в гибели вашей сестры, — Хельмут попытался к выходу, понимая, что теперь ему здесь точно не рады, — это всё... это непостижимо и сложно. Но я уверен, что есть вещи проще, приземлённее.

— Проще? — хмыкнул барон Адриан. — Ну да, проще то, что, независимо от воли каких-нибудь богов, моя сестра погибла, что ей было больно и страшно, что я не спас её, а теперь... я остался совсем один.

— А ещё то, что убили её фарелльцы, — кивнул Хельмут. — Может, вина богов, ваша или моя тут тоже есть, но она не настолько очевидна, как вина фарелльцев. Поэтому им и надо мстить.

С этими словами он резко развернулся на каблуках и, невзирая на тошнотворное головокружение, направился к выходу из шатра. Утешать барона Кархаусена было бесполезно, да и не собирался Хельмут его утешать... Пусть он переживёт своё горе, пусть выплеснет гнев — в этом нет ничего страшного. И то, что он винит богов и магию в смерти Кассии, вполне ожидаемо... Печальнее то, что он и себя самого винит, и это чувство вины вместе с тоской и скорбью тоже передавалось Хельмуту, тоже проникало в его душу и разъедало её, как ржавчина разъедает сталь.

Поэтому ему было больно находиться здесь — в пропитанном запахом трав шатре скорбящего брата его погибшей подруги.

Когда Хельмут уже приподнял входное полотнище, он услышал сдавленный голос барона Адриана.

— Вы правы, ваша светлость, — сказал он. — И... спасибо вам.

***

Наверное, почти все командующие драффарийской армии надеялись на успешное проведение переговоров, выкуп пленных фарелльцев и добровольное отступление врага, но... Ничего не вышло. Генрих не скрывал злости и досады, а лорд Джеймс, как всегда внешне невозмутимый и спокойный, вьедливо готовил план штурма. Он сказал, что его величество давно уже дал ему разрешение реализовывать собственные планы битв сразу, без королевского одобрения, поэтому идти в бой можно хоть сейчас.

Но всё-таки штурм прошёл без Хельмута. Он сам решил в нём не участвовать — у него всё ещё кружилась голова из-за быстрой ходьбы или чрезмерного перенапряжения, усталости или всплеска эмоций. Ему быстро удалось восстановить свой навык стрельбы из лука и заодно опробовать подарок Генриха, но вот драки на мечах вызывали немало трудностей. Хельмут и раньше не очень хорошо владел клинком и допускал много ошибок в бою, из-за чего его частенько ранили в битвах... как и в недавней битве, во время которой он едва не погиб. Но и развивать это умение у него пока не получалось, ибо даже самые простые и слабые удары выбивали из сил. Генрих сомневался, что Хельмут сможет хорошо чувствовать себя во время штурма, и лекари подтверждали его сомнения: барону Штольцу, мол, стоит держаться подальше от битв, сохранять себя от любого напряжения, особенно нервного, и побольше отдыхать. А в сражении возможно отдохнуть только в случае смерти.

Зато Генрих так и рвался в бой, и лорд Джеймс поддерживал его рвение, довольно улыбаясь и явно гордясь своим бывшим учеником, зато Хельмут беспокоился как безумный. После минувшей битвы он не мог спокойно думать о том, что ещё не всё кончено, что впереди — немало сложных сражений... И что близкие ему люди рискуют жизнями, а он не может как-то им помочь.

Да и чем бы он помог? Раненый, ослабевший, с кружащейся головой и ноющими

конечностями... Хельмуту шёл только двадцать второй год, но он уже чувствовал себя побитым жизнью стариком. Генрих лишь усмехался, но вот Хельмуту было не до смеха. Он не хотел для него такой же судьбы.

— Когда мы увидимся в следующий раз, граница уже будет нашей, — улыбнулся Генрих, кладя руку ему на плечо. Он был полностью облачён в доспехи, лишь шлем его Хельмут держал в руках.

— «Когда»... Ты, я посмотрю, настроен на лучшее, — усмехнулся он.

— Перестань, — закатил глаза Генрих. — Я понимаю, что после ранения ты... сам не свой. — Он сделал паузу, прежде чем подобрать нужное определение. — Но тебе не стоит так беспокоиться за меня. И вообще не стоит беспокоиться, — добавил он с улыбкой и чуть подался вперёд: Хельмуту даже показалось, что Генрих хочет его поцеловать. Но не здесь же... не посреди лагеря, где вокруг полно народу... Хотя мысль о возможном поцелуе немного уняла бурю в его душе. — У нас всё продумано и тщательно спланировано, у нас большое войско и хорошие осадные орудия. Ты сам их видел. — Хельмут кивнул — он уже успел полюбоваться на новенькие катапульты и осадные башни, ещё пахнущие свежим деревом и недавно выкованной сталью. — Правда и сила на нашей стороне. Тебе не стоит сомневаться.

— Я постараюсь, — кивнул Хельмут.

На самом деле он не сидел без дела во время штурма. Разумеется, на приступ войско шло не в полном составе, и под командованием Хельмута оказался один из засадных полков. Он должен был вступить в бой в последнюю очередь, если ни основная часть войска, ни другие отряды подкрепления не будут справляться. Поэтому у него ещё была надежда оказаться в гуще этого боя... Однако шансы всё-таки невелики. Да и хотелось верить, что авангард справится сам, справится быстро и легко. И без больших потерь.

Поэтому Хельмут не спешил надевать доспехи. Он прохаживался среди солдат, внимательно и строго наблюдая, как те готовят лестницы, проверяют остроту клинков и рассовывают по ножнам кинжалы. Лучники натягивали тетивы, складывали стрелы в колчаны, поправляли на пальцах плотные перчатки — чтобы тетива не стёрла кожу в кровь... Хельмут удовлетворительно кивал и улыбался, в глубине души завидуя этим солдатам. Они были целы и здоровы, они смеялись и шутили в ожидании боя, подмигивали военным торговкам, разносящим по лагерю нарезанный хлеб, куски сыра и мяса, овощи и вино... У солдат оставалось немало сил и задора «надрать задницы проклятым фарелльцам», а Хельмут, слыша это, лишь горько усмехался.

Он по-прежнему хотел сражаться, причём чем ближе к Генриху, тем лучше. Но и понимал, что пока он для этого не годен. Если полезет в пекло — то наверняка подведёт, где-то неловко оступившись, забыв увернуться или пригнуться, неверно отразив удар... и сгинув в гуще боя, толком не оказав никакой помощи сюзерену.

Так что сиди-ка ты, Штольц, тихо и не высывайся.

Не высываться Хельмут не привык, но понимал, что сейчас это необходимо.

Среди солдат он встретил барона Адриана. Тот сидел прямо на припорошенной снегом земле, расстелив на ней чёрный грубый плащ, и снова точил свой меч — Хельмуту подумалось, что так он пытался справиться с подавленностью после гибели Кассии, отвлечься и не думать о потере.

Увидев Хельмута, барон Кархаусен резко встал, и они обменялись традиционными поклонами.

— Как вы? — учтиво спросил Хельмут, не скрывая искреннего сочувствия.

— Неплохо, — кивнул Адриан. — Всё жду шанса отомстить этим псам за сестру.

— Так что ж вы не в авангарде?

— Герцог Эрлих не пустил, — закатил глаза шингстенец. — Сказал, что я могу всё испортить своей слепой яростью... Да пусть даже так, — вдруг округлил глаза он — синие радужки, кажется, чуть потемнели от вспыхнувшего в глубине гнева. — Пусть я что-то там ему испорчу, но хотя бы... Хотя бы Кассия будет отомщена.

Окружавшие их солдаты начали с недоумением поглядывать на Адриана, и Хельмут, воровато оглянувшись, положил руку ему на плечо и предложил отойти. Да, они ждали сигнала к атаке и должны были быть готовы к нему даже при полной уверенности, что помощь не потребуется... Но Адриан, кажется, снова впал в настоящую истерику, а это могло смутить простых воинов и посеять в них сомнение насчёт душевного здоровья одного из их командиров.

Интересно, эти припадки начали происходить с бароном Кархаусеном после смерти сестры или раньше?

— Я... позвольте, я заберу свой плащ... — попросил вдруг Адриан сдавленным голосом. — И мне нужно... нужно... — Он набрал в грудь побольше воздуха, задыхаясь от потока слов и горечи слёз. — Нужно взять доспехи, вдруг скоро будет сигнал к наступлению...

— Вы уверены, что можете пойти в бой в таком состоянии? — Хельмут сжал его плечи и оглядел с ног до головы. Адриан весь трясся; его рыжеватые, неровно обрезанные волосы упали на лоб, на ресницах заблестели слёзы... — Может, вы найдёте лекаря и попросите у него что-нибудь успокаивающее?

— Нет, нет, я уже... я в порядке. — Он закрыл лицо руками и простоял так несколько мгновений. — Спасибо за беспокойство, ваша светлость, но... — Он взглянул на Хельмута недоверчиво. — С чего это вообще?

— С чего беспокойство? — уточнил тот. — Я, если честно, и сам не знаю... — Это признание звучало крайне глупо, однако было весьма честным. — Просто ваша сестра...

— Да хватит говорить про мою сестру! — вновь вспыхнул Адриан, скорчив гримасу боли и презрения. — Если вы видите её во мне, то прекратите. Пересильте себя, раскройте глаза... Я — не она, понимаете? Я совсем... я...

— Я вас понял, — кивнул Хельмут, стараясь как можно тщательнее скрыть досаду. Что именно вызвало эту досаду, он пока не знал. Но странная горечь от слов барона Кархаусена комом застряла в горле и помешала сказать что-то ещё.

Рвение Адриана всё-таки оказалось напрасным. В тот день он так и не смог убить ни одного фарелльца и тем самым хоть как-то отомстить за сестру. Через полчаса после разговора они и правда услышали сигнал, но это не был приказ о подкреплении.

Это была радостная весть о том, что пограничная крепость наконец-то взята.

В дверь постучали, и Кристина вздрогнула.

Она стояла у окна в отцовском кабинете и смотрела на то, как снег заметал башни и бойницы, камни мостовой, крыши и деревья... В замке было тихо и спокойно, в камине пылал огонь и трещали дрова, кот на ковре играл с клубком старой шерсти, а снаружи звенела метель. И несмотря на тихое умиротворение, царящее в комнатах и коридорах Эори, Кристина не могла смотреть в окно без тревоги. Пурга налетела на Нижний город, но долетела ли она до северных границ? Хотелось верить, что нет, что отец и его солдаты сейчас находятся в тепле и спокойствии, а не скрываются от нескончаемого снегопада и до костей пронизывающего ветра... Кристина понимала, что воевать зимой особенно сложно, поэтому её сердце разрывалось от бесконечных переживаний за лорда Джеймса.

Господи, когда же это всё закончится... И война, и это томительное ожидание, и крепкие морозы, сковавшие воздух Нолда, наполнившие его треском и остротой, из-за которых больно было дышать... Проведя в Нолде всю сознательную жизнь, Кристина вроде бы и привыкла к холодам, которые зимой были особенно злы и жестоки, но каждый раз она всё равно с нетерпением ждала весну.

Когда раздался стук в дверь, она обрадовалась — видимо, пришёл господин Гленн, и она наконец-то сможет отвлечься от волнений... другими волнениями. Как только сквайр Освальд вернулся из родового поместья, Кристина сразу назначила ему встречу, но он отчего-то задерживался. Видимо, устал с дороги... По крайней мере, ей хотелось верить в это, а не в то, что догадки капитана Фостера сбываются и господин Гленн сейчас планирует какие-нибудь жуткие интриги, о которых можно только в книгах прочитать...

Но когда она позволила войти, то обнаружила у входа самого капитана. Он выглядел очень взволнованно, кажется, немного запыхался, однако в глазах его светилось истинное торжество, да и улыбку он сдерживал с трудом.

— Что-то случилось? — встрепелась Кристина, подходя ближе.

— Простите, миледи, что так внезапно врываюсь. — Капитан Фостер поклонился. — И простите, что выполнил без вашего приказа всё, о чём я сейчас расскажу. Но... — Он покачал головой и протянул ей свиток — Кристина поначалу его не заметила... — Вот.

Трепещущей рукой она взяла пергамент, обнаружила на печати герб Освальдов — подкову, которая на знамёнах была бронзовой и изображалась на фиолетовом фоне — и вздрогнула. Это было письмо господина Гленна... но куда, к кому? И что в нём такого, что заставило капитана Фостера так взволноваться?

— Как только Освальд вернулся, — продолжил Реджинальд, переминаясь с ноги на ногу, причём вряд ли от волнения, а скорее из-за боли в суставах, — и тут же заперся у себя, хотя обычно он так не делает, я велел своим ребятам за ним проследить... — Поймав вопросительный взгляд Кристины, он лишь усмехнулся. — Сложность была даже не в том, чтобы проследить за ним наиболее осторожно, чтобы он ничего не заметил. Мои гвардейцы, особенно молодые, неглупы и аккуратны, да и вряд ли Освальда смутила бы стража в его башне. Сложнее было застать, когда он выйдет из своего кабинета.

Кристина молчала, не прерывая его рассказ. Она не вполне понимала, зачем капитан Фостер, всегда такой верный, исполнительный и ни на шаг не отступающий от приказа, занялся самоуправством. Да, он не доверял господину Гленну, считал его подозрительным и

верил, что тот манипулирует своей младшей родственницей, чтобы с её помощью взять власть над Нолдом в свои руки... Но ведь он пока не сделал ничего поистине страшного, что выдало бы его преступные намерения. Или сделал, а капитан Фостер пока об этом не успел рассказать? Кристина снова почувствовала неприятную дрожь и ком в горле и кивнула, прося продолжить.

— Когда он всё-таки вышел, то, естественно, запер дверь... Но ребята каким-то образом смогли её открыть, может, взломали замок, или у них был запасной ключ... Ну или сам Освальд закрыл её недостаточно надёжно, не знаю. И ребята нашли там это. — Капитан Фостер кивнул на письмо, которое Кристина по-прежнему сжимала в руках, не решаясь развернуть. — Написанное и запечатанное, осталось лишь отправить. Я решил не читать его сам.

Кристина вздохнула. Хотелось верить, что в этом письме не было ничего страшного. Может, обычная личная переписка... Но почему тогда господин Гленн уделил ей целый день, хотя Кристина велела ему прийти к ней сразу же, как только он приехал? Что там такое, что было для него важнее приказа леди? Это и вправду показалось ей подозрительным. Но Кристина никак не могла набраться внутренних сил, чтобы сломать печать и развернуть пергамент. В её голове господин Гленн по-прежнему был добрым и мудрым наставником, учившим её риторике и магии... Он был дядей её матери и советником её отца. Он казался ей хорошим человеком, и как же ей не хотелось в нём разочаровываться...

Кристина всё-таки сломала печать, но пергамент протянула капитану Фостеру.

— Пожалуйста, прочитайте вы, — попросила она дрожащим голосом.

Тот лишь пожал плечами, забрал пергамент, развернул его... Во взгляде, где только что плясало торжество, вдруг вспыхнуло недоумение. Кристина готова была облегчённо выдохнуть — всё-таки это, наверное, обычная личная переписка, письмо домой или ещё куда-то... Капитан Фостер покачал головой и удивлённо приподнял брови, и в душе Кристины страх начал сменяться любопытством. Что же, чёрт возьми, там написано?

— Тут ничего нет, миледи, — пожал плечами Реджинальд, возвращая ей письмо. — На пергаменте ни слова, ни буквы. При этом он всё равно был скручен и запечатан... — Он задумался. — Это наверняка что-то значит. Я же говорил, что Освальд — тот ещё хитрый лис.

— Это было единственное письмо, которое ваши люди нашли в кабинете господина Гленна? — встрепелась Кристина.

— Они сказали, что на столе был только этот свиток, чернильница с пером и свечи. Правда, он мог заменить настоящее письмо на пустое, чтобы отвлечь внимание и запутать нас... Но это лишь укрепляет мои подозрения. Если его совесть чиста, то зачем ему все эти манипуляции?

Кристина всё сильнее убеждалась в правоте капитана Фостера. Его доводы казались ей поистине железными. Она взглянула на чистый желтоватый пергамент — ни одного знака, ни одной руны... И что же это такое? И что за игру ведёт господин Гленн? Кому он собирался отправлять это письмо и как бы получатель смог его прочесть? Или верна не первая, а вторая догадка капитана Фостера, и этот пустой лист — лишь попытка отвлечь от чего-то посерьёзнее? Вопросы разрывали голову, и Кристина зажмурилась. Она всё ещё не желала признавать своё разочарование, не желала пускать его в сердце, уничтожая доверие и привязанность.

— У нас есть способ проверить, — тихо проговорила она, — было ли на этом листе что-то написано или нет.

С этими словами Кристина медленно развернулась и подошла к столу. Бросила пергамент на столешницу, будто боялась испачкать об него руки, подвинула к себе одну из свечей... Где же, где же эта книга... Она только недавно листала толстый фолиант, в котором рассказывалось о зельях, магических и обычных, их составе и свойствах. Говорилось там и о том, как можно сделать чернила невидимыми... и как их проявить. Кристина пошарила в ящиках, даже заглянула под стол... Книга точно должна быть здесь, в библиотеку её ещё не возвращали!

— Вы что-то потеряли, ваша милость? — позвал её капитан Фостер, о котором Кристина уже почти забыла.

— Да, здесь была книга...

Она обошла стол, ничего не обнаружив на нём, приблизилась к подоконнику... Потом осмотрела поверхность камина — и тоже ничего не нашла. Неужели... неужели господин Гленн выкрал эту книгу, чтобы узнать состав невидимых чернил? И где теперь её искать?

Кристина замерла у камина и закрыла глаза. Огонь постепенно угасал, а дрова превращались в чёрные обгорелые головешки. Оттого в комнате становилось холоднее, но на то, чтобы растопить камин заново, просто подбросив туда ещё пару дров, у Кристины не было сил. Точнее, она об этом просто не догадалась — все мысли в тот миг были заняты господином Гленном, его странным письмом и пропавшей книгой о зельях.

— Если он и правда смог как-то выкрасть у вас книгу, то уже явно успел применить рецепты из неё, — послышался голос капитана Фостера, который по-прежнему стоял у дверей. — Ну, раз письмо запечатано, а внутри ничего нет...

— Может, там и правда ничего нет? — вскрикнула Кристина — и голос тут же сорвался от отчаяния. Она понимала, что её надежды, скорее всего, будут разрушены, и от этого становилось ещё больнее... Но она до последнего готова была думать, что господин Гленн не желал ей зла и ничего дурного не замышлял. — Это просто совпадение, я уверена! А книга, как всегда, найдётся, когда я о ней забуду.

— Тогда почему письмо запечатано? — неуверенно возразил капитан Фостер, видя её смятение.

Кристина ничего не ответила, лишь закрыла лицо руками и расплакалась. В мыслях и душе зияла пустота, она не знала, что делать и какое решение принять. Она совсем запугалась, да ещё и испугалась... Единственный родственник, мудрый наставник, учитель предал её; всё это время он водил её за нос, манипулировал ей, пытаясь сделать её своей, как выразился капитан Фостер, разукрашенной куклой... Если господин Гленн и правда собирался подавить её волю и потом править от её имени... Но как он думал обойти при этом лорда Джеймса?

Кристина вздрогнула и убрала руки. Неважно, что капитан Фостер увидел её слёзы и изуродованное рыданиями лицо. Правда, не хотелось ставить его в неловкое положение: ясно, что в утешениях старый воин — не мастак. Поэтому нужно справиться самой. Нужной быть сильной, стойкой и храброй — такой же, как отец.

Кристине стало стыдно из-за того, что она испугалась и разревелась. Какая из неё правительница, если она позволяет себе подобное?

— Мы можем проверить, есть ли на этом пергаменте невидимые чернила или нет, — сказала она, стараясь делать голос твёрдым, уверенным, будто собирая его по осколкам. —

Нужно просто сварить зелье, которое эти невидимые чернила проявляет.

Кристина нервно оправила складки серого с зелёной отделкой платья и стремительными шагами подошла к капитану Фостеру. Он смотрел на неё снизу вверх, причём смотрел весьма удивлённо, однако весь его вид выражал готовность следовать приказу и подчиняться. Кристина усмехнулась. Ей нравился этот вид, но и истинное отношение к ней — не только капитана, но и других людей отца — она тоже видела. За время отсутствия лорда Джеймса это отношение мало изменилось: они по-прежнему считали её ребёнком, нуждающимся в заботе и опеке. Но она не обижалась — привыкла.

И она всё-таки правда нуждалась в покровительстве, как ни крути.

— Нужно передать господину Гленну, что я хочу перенести нашу с ним встречу, — заговорила Кристина. — К тому же он сам опоздал, так что пусть теперь ждёт.

— Наверняка он уже обнаружил пропажу и ищет своё письмо... — возразил капитан Фостер.

— Тогда закройте его в покоях, чтобы не бегал по замку и не мешался под ногами, — бросила она и, обойдя высокую фигуру Реджинальда, выглянула в коридор. — Где служанки? Мне нужен мой плащ. Прогуляемся в город.

***

Приказ Кристины капитана Фостера явно поразил. Впервые на его памяти она проявила жёсткий характер и отдала такое суровое повеление. Однако оно было выполнено. Господина Гленна молча заперли в его покоях — письмо ему, конечно, не вернули, Кристина спрятала его в свою поясную сумку, намеренная не выпускать из виду в ближайшее время.

Далеко в город ей выходить не пришлось. Улица травников пролегла совсем недалеко от замковых стен. Да и слава Богу — Кристина торопилась, медлить было нельзя. Она, конечно, знала, что дверь господин Гленн выбить не сможет, но мало ли что ещё он захочет предпринять... Подкупить стражу, например... Капитан Фостер не сомневался в верности своих гвардейцев, но Кристина всё равно опасалась.

Метель улеглась, ветер улетел куда-то на юг, но снегопад продолжался, и стужа по-прежнему сковывала воздух. Кристина зябко куталась в плащ и поправляла шерстяной синий худ на голове; пальцы деревенели даже в подбитых мехом перчатках, зубы стучали и колени дрожали... Но она всё равно уверенно, с гордо вскинутой головой управляла лошадью, высматривая впереди знакомый дом травницы Магдалины.

Пожилая женщина встретила Кристину в тёплом, наполненном приятными запахами доме, поклонилась и пригласила в маленькую, уютно обставленную комнату. Капитан Фостер с охраной остался у входа, хотя хозяйка предлагала им согреться тёплым чаем и подкрепиться кашей. Но мужчины по каким-то причинам отказались.

Кристину Магдалена усадила на небольшую, грубо сколоченную скамейку возле нехитро накрытого стола: на скромной белой скатерти, расшитой розовыми и жёлтыми цветами, были разложены ложки, плоские тарелки, а посередине возвышался довольно-таки крупный чугунок, из которого поднимался пар и разливался приятный запах пшённой каши.

— Гостей ждёте? — улыбнулась Кристина.

Это было понятно не только по накрытому столу, но и по внешнему виду хозяйки: жёлтое платье с чёрной отделкой на вороте и коротких, чуть ниже плеч, рукавах, из-под которых виднелись обычные длинные рукава нижнего льняного платья; чистый белый чепчик на аккуратно уложенных седых волосах; низка разноцветных деревянных и даже

стеклянных бус и скромный браслет... Причём в отделке на платье угадывался шёлк — у простолюдинов обычно не хватало средств на одежду, сшитую из шёлка полностью, а вот на небольшой отрез, чтобы украсить лён, вполне набралось бы. Такая одежда считалась особой и надевалась далеко не каждый день.

— Сегодня павечерницы у нас, — закивала Магдалина, — все наши ко мне придут...

— Павечерницы? — переспросила Кристина, услышав смутно знакомое, но уже подзабытое слово.

— Новый год же скоро, — с радостью пояснила травница. — Надо старый год достойно проводить и новый по чести встретить... Песни петь будем, припевочки всякие.

Кристина кивнула: она была наслышана об этом народном обычае провожать старый год, но никогда не видела его воочию. Конечно, было бы интересно остаться у Магдалины и посмотреть на то, как всё будет происходить, послушать упомянутые песни... Да вот только некогда. Надо как можно скорее разобраться с господином Гленном, он и так сидит взаперти, к тому же Кристине надоела неопределённость, она хотела знать наверняка, виновен он или нет.

— Внучка вот как раз пошла к Аве и Полле, соседкам, — вырвал её из размышлений голос Магдалины, — напомнить, чтоб пришли.

— Не боитесь внучку одну отпускать?

Магдалина уже не раз упоминала свою внучку, и Кристине стало жутко любопытно, какова эта девочка из себя. Жаль, что сейчас её не было дома.

— Да я ж недалеко! — усмехнулась женщина. — Кто её тут обидит? Все свои, все друг друга знаем...

— Я хотела вот что у вас спросить, — наконец перешла к делу Кристина, сняв перчатки — в доме Магдалины было очень тепло. — Вы случайно не знаете, чем можно проявить невидимые чернила?

— Ох, мледи, так я ж ими и не пользовалась никогда... — развела руками Магдалина.

— Но рецепт знаете?

— Воском можно писать, чтоб не было видно, — сказала травница. — Не чистым, а зелье сделать с его помощью. А чтобы его проявить, стало быть, мел толчёный нужен.

Кристина задумалась. Воск — наверняка лишь один из многих вариантов создания невидимых чернил, и господин Гленн вполне мог прибегнуть к другому... Но гадать было некогда. Если не получится с мелом — можно будет попробовать ещё пару способов, но если не сработает вообще ничего... Кристина сдаваться не собиралась, но не представляла, что ей делать тогда. Не пытаться же господина Гленна, в конце концов?

— Сделать сможете? — Леди Коллинз с надеждой взглянула на травницу. — Назовите цену — и я заплачу в два раза больше, только сделайте как можно скорее.

Магдалина лишь вздохнула, промолчав и устремив взгляд вниз. Неужели не может? Не сделает, откажет? Но хоть рецептом-то поделится? Кристина, наверное, и сама могла бы сварить, применив при этом немного магии — для лучшего результата. И вообще, она могла бы приказать, и тогда Магдалина не имела бы права не сделать... Но если она и правда не умеет? Да и не хотелось срывать её посиделки с подругами. Для простолюдинов подобные обряды — важная часть жизни, без них они бы только и делали, что работали, не зная ни развлечений, ни красоты, ни искусства.

— Пожалуй, смогу, — ответила наконец травница, — особо много времени это не займёт. Вода у меня вскипела недавно, да и мела осталось немного... Погодите минуточек

пять, — попросила она Кристину, и та с готовностью кивнула.

Магдалина встала, подняла со скамьи серый, явно уже давненько не стиранный фартук, повязала его и принялась за дело — стремительно и уверенно, несмотря на свой возраст. Кристина едва успевала наблюдать за действиями травницы: та сходила в какой-то чулан, принесла оттуда несколько склянок и мешочков, затем принялась что-то смешивать в мисках, вливать в них воду и неизвестные Кристине снадобья из склянок... Из всех ингредиентов проявителя невидимых чернил она узнала лишь мелко растолченный мел. Магдалина мешала дымящееся зелье долго и тщательно, и Кристина, привстав, решилась заглянуть в миску — варево было непрозрачным, с белыми разводами, и приятно пахло зубным порошком.

— Осторожно тряпочку в нём намочите, проведите по письму, и всё тут же будет видно, — негромко проговорила Магдалина. — Ну, если в невидимых чернилах был воск, конечно... ежели же нет... — Она задумалась, прекратив помешивать, и вдруг резко взглянула на Кристину. — Ежели нет, то вы поколдуйте там над ней немножко, поворожите... Наверняка же у вас книжки всякие есть, найдёте там, что нужно делать.

Лишь тогда Кристина осознала, что о её магическом даре знали не только отец, господин Гленн и сестра Эстер. Слухи по Нижнему городу ползли быстро, и наверняка уже не только Магдалина была в курсе... Ну и чёрт с ним. Наверное, в одном господин Гленн был прав: магия может стать неплохой помощницей в правлении.

— А книжку у меня украли, — невесело усмехнулась Кристина. — Но, надеюсь, там и правда был воск... — «Иначе я отправлю его на пытку», — подумала она то ли в шутку, то ли всерьёз. — Спасибо вам, добрая женщина.

Она заплатила Магдалине, как и обещала, в два раза больше, чем та попросила, и вышла из её тёплого дома, сжимая в руках флакон с зельем. Когда Кристина уже садилась на коня, поддерживаемая капитаном Фостером, то увидела, как к дверям дома травницы подходит небольшая толпа женщин: скромно, но тепло и по меркам простолюдинов нарядно одетые, смеющиеся и о чём-то без умолку болтающие, они все вышли откуда-то из глубин улицы. Наверное, это и были те соседки, о которых говорила Магдалина... И среди них точно была её внучка, но Кристина, сколько ни приглядывалась, не смогла в вечерней мгле разглядеть очертаний девочки — видимо, она просто затерялась в толпе взрослых.

Впрочем, Кристина быстро забыла о внучке травницы. Она пришпорила коня и поспешила в замок: господин Гленн сидел взаперти полдня, да и письмо ждало, чтобы его наконец-то расшифровали... Леди Коллинз не терпелось разрешить все недопонимания, разобраться со своим подозрительным наставником и вернуть в свою жизнь долгожданное спокойствие.

***

Господин Гленн влетел в кабинет без стука — слишком уж резво, учитывая его бесконечные жалобы на больные кости и неизменную трость в руке. Впрочем, трость и сейчас была при нём — чёрное дерево и белый костяной набалдашник. Освальд выглядел взволнованным и разозлённым, и Кристина этому ни капли не удивилась. Она посмотрела на него спокойно и строго, как обычно он сам глядел на неё, когда обучал красноречию или объяснял значения рун.

Кристина сидела в отцовском кресле за столом, гордо выпрямив спину. В то морозное, но светлое утро она нарочно надела своё лучшее платье из синей шерсти с шёлковой отделкой на рукавах и мелкими жемчужинами на воротнике, чтобы казаться более взрослой,

величественной и властной. Однако волнение выдавали руки, лежащие на коленях и нервно сжимающие письмо. Она проявила его ещё вчера, только вернувшись из дома Магдалины: окунула в зелье кисть и медленно, осторожно смазала тонкий пергамент. Тут же на нём начали проявляться буквы, и Кристина с облегчением выдохнула: повезло, что господин Гленн использовал именно воск.

И теперь это письмо со страшными, леденящими душу словами было у неё в руках как доказательство подлости и гнилости человека, которого она считала наставником, учителем и другом её семьи.

— Как это понимать, миледи? — ядовито поинтересовался он, врываясь в кабинет. Тут же кашлянул, и было заметно, что дышит он тяжело — явно торопился. — Сначала в моих покоях устраивают какой-то обыск без моего разрешения, потом меня вовсе запирают, а вы отказываетесь меня принимать... Что происходит? С тех пор, как я вернулся, в замке творится полная ерунда, и я, право...

— Что это?

Кристина подняла руку с письмом, и господин Гленн изменился в лице. Ярость погасла в его взгляде, а её место занял настоящий испуг. Прижав руку к груди, он уставился на письмо, будто надеялся, что оно исчезнет, испарится, сгорит... И у неё не останется доказательств его злодеяния. Но у господина Гленна, конечно, не получилось испепелить взглядом кусок пергамента, и от улики он себя не избавил.

Кристина усмехнулась.

— Я не в курсе всех подробностей, — продолжила она вкрадчиво, — но позвольте поинтересоваться, сквайр Освальд... — Она впервые, кажется, назвала его по фамилии, да ещё и сквайром, как того требовал этикет, а не привычным господином. Освальд почти никак на это не отреагировал, продолжая с истинным ужасом смотреть на письмо и побелевшими пальцами стискивать ткань чёрного камзола на груди, а Кристина поднесла пергамент поближе к лицу и, небрежно окинув его взглядом, прочитала несколько отрывков: — «Вопреки моим ожиданиям всё ещё жив...», «Пришло время мне ясно и конкретно выразить свою просьбу, а вам — исполнить её...», «Следует сделать всё быстро и незаметно, обставив как смерть в бою или от полученных ран...». И так далее, и тому подобное. — Кристина свернула пергамент и положила его себе на колени, впившись пальцами в резные подлокотники кресла. — Вы не упоминали имени в своём письме, но я сразу поняла, что речь шла о моём отце.

Господин Гленн молчал, постукивая указательным пальцем по набалдашнику трости и тяжело дыша. Кристина же с трудом сдерживала дрожь и безуспешно боролась с волнением. Внутри у неё всё кипело от страха и тревоги: она лишь внешне старалась вести себя уверенно и надменно, но душа её безжалостно пылала, и сердце бешено билось, и пульс грохотал в ушах... В наполненной утренним светом комнате было хорошо натоплено, но Кристина ощущала холод, сковавший всё внутри, и усиливающийся озноб. Она очень боялась сказать что-то не то, выставить себя в глазах своих людей слабачкой и неумехой, неспособной решить внезапно вспыхнувшую проблему. Она на миг закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться и просчитать, что делать дальше, а когда открыла их, то обнаружила, что господин Гленн смотрел на неё без страха и недоумения — зато с вызовом.

Он считал, что она ничего не сможет сделать ему. И он ошибался.

— Позвольте спросить, почему вы желаете смерти моему отцу и зачем заказываете его наёмному убийце? — поинтересовалась Кристина непосредственным тоном, будто

спрашивала о чём-то бытовом, приземлённом, привычном. И обрадовалась в глубине души, что голос не дрогнул. Она сцепила пальцы в замок, стараясь унять дрожь, и закинула ногу на ногу. — Вы так надеялись, что лорд Джеймс падёт в бою, но, не дождавшись, решили взять дело в свои руки... Ну, отчасти.

— Потому что твой отец свёл в могилу мою милую Лилиан, — выпалил вдруг господин Гленн и опустил голову с глухим выдохом.

Кристина замерла, ошеломлённая. Суть этих слов далеко не сразу дошла до неё: по отдельности они имели смысл, но сложить их в общую фразу никак не получалось.

— Но... — проронила она растерянно. — Это же не он, это же...

Леди Лилиан заразилась чахоткой именно в родном поместье, отец в этом не виноват!

— Из-за твоего отца наш род, род Освальдов, почти вымер! — продолжал говорить господин Гленн, голос его звучал хрипло и глухо, что пугало не меньше, чем полный ненависти взгляд. — После того поветрия чахотки в живых остался только я, и что сделал твой отец? — С явным трудом набрав в грудь побольше воздуха, он выговорил: — Ни-че-го!

Опешившая Кристина не знала, что ответить. А что должен был сделать лорд Джеймс? Освальды — не его прямые вассалы, их сюзерен — граф Орелл, почему он не помог, если это требовалось? Да и сам сквайр Освальд... Почему он, осознав, что его род вымрет, тут же не женился и не произвёл на свет наследника?

Пытаясь хоть как-то оправдать своего отца, Кристина покачала головой и отрешённо проговорила:

— Мой отец не виноват в смерти мамы...

— Не только твоей матери, но и всего нашего рода. — Голос господина Гленна наполнился ядом ненависти, и Кристина нервно сглотнула. — А я бы смог занять его место рядом с тобой и получить власть над Нолдом... Конечно, восстановить род у меня бы не получилось, — куда мне уже? — но я бы попытаться поднять с колен поместье Освальдов. Построить замок на месте этого нищенского дома, облагородить территории, восстановить разбитые дороги... У меня были бы на это деньги, которых мне так не хватало.

Кристина не знала, что сказать. Речь шла, конечно, о самой благородной цели из всех, что только можно представить, но почему господин Гленн просто не попросил? Или просил, но ему отказывали, и он обозлился и решил действовать более жёстко? Она могла бы расспросить его об этом, выяснить подробности, но язык отчего-то не поворачивался.

Кристина прижалась спиной к спинке кресла, чувствуя, что дрожь в пальцах уже не поддаётся контролю.

— Но ради чего? — вырвалось у неё. — Кому вы оставите ваш облагороженный край?

Господин Гленн усмехнулся и сделал пару шагов вперёд, приближаясь к Кристине. Теперь их разделял лишь массивный дубовый стол — не особо надёжная защита.

— После моей смерти граф Орелл найдёт себе нового вассала или отдаст мою землю кому-то из других. — Удивительно, что господин Гленн вспомнил о своём прямом сюзерене! — Освальды больше не будут править этими территориями. Но я оставлю о себе добрую память. Все будут знать, что эти светлые, плодородные, обустроенные края таковыми сделал именно я. Я, а не Оливер или наш с ним отец! Я! И тот, кто их примет, будет благодарен мне. Ты будешь благодарна мне, глупая девчонка, и ты поймёшь, какая же бесчувственная гнида твой отец! — негромким, но пробравшим до костей голосом проговорил Гленн и с силой ударил тростью по полу.

Кристина вздрогнула и невольно вскочила, уронив письмо на пол. Внутри всё

похолодело от ужаса — в глазах Освальда с новой силой вспыхнул гнев, но не тот, что горел там, когда он только вошёл в кабинет. То было возмущение из-за небольшого унижения — обыска и содержания взаперти... А сейчас там горела истинная ненависть и боль из-за разрушенных надежд и поруганных планов. Разумом Кристина понимала, что никак не могла быть причастна к этой боли, но в душе у неё уже созрело чувство вины, от которого хотелось плакать.

— Но причём тут смерть моей матери? — покачала головой она, пятясь.

Господин Гленн пугающе, хищно усмехнулся и сделал шаг вправо, явно намереваясь обойти стол. Кристина поёжилась, ей показалось, что у неё зашевелились волосы на затылке, и она нервно пригладила их, ощутив пальцами туго заплетённую косу.

— За это твой отец и должен поплатиться, — сообщил Освальд, прищуриваясь. Его пальцы продолжали барабанить по набалдашнику, а взгляд окончательно потерял всякую человечность. — За это — и за полное равнодушие к наследию своей якобы любимой жены. Я даже догадываюсь, почему он позволил Лилиан умереть. — Его голос дрогнул; Освальд зажмурился на мгновение и вновь прижал руку к груди, будто там и правда что-то болело. — Она слишком влияла на него, всегда заставляла к себе прислушиваться. Она уговорила его взять в оруженосцы того мальчишку из Бьельна. Она бы смогла уговорить его потратиться на земли Освальдов, если бы не чахотка... Моя бедная девочка... — Гленн вдруг замер и снова опустил взгляд, левой рукой проведя по лбу и убирая с лица седые взлохмаченные волосы. — Я любил её, видит Бог, любил даже сильнее, чем Оливер. Брат был жесток с ней, а я... Я хотел для неё только лучшего и был искренне рад, когда она из простой дочки рыцаря стала леди... Но она не заслужила такого мужа, как твой отец, — проскрежетал он. — Она не заслужила такой ранней смерти. А Джеймс, — лицо Гленна скривила презрительная ухмылка, — заслужил. И я бы обеспечил ему её!

Он снова зашагал вперёд, Кристина попятилась — и ощутила за собой лишь холодную стену и жёсткий каменный подоконник. Бежать некуда. Правда, господин Гленн был куда слабее её из-за возраста и болезненности, он прихрамывал и то и дело слабо кашлял — долгая и эмоциональная речь выбила его из сил. Однако Кристину сковал ужас. Она впервые увидела своего наставника таким... таким пугающим, зловещим... озлобленным, мстительным... Его вид — горящие глаза, нахмуренные брови, звериный оскал — совершенно не вязался с его словами о том, как он собирался привести в порядок земли Освальдов, вернуть в них благодать и процветание в память о любимой племяннице. Кристина понимала, почему: ненависть к лорду Джеймсу заняла в сердце Освальда слишком важное место и постепенно уничтожала, растворяла своим ядом все благородные порывы... Для Гленна стало важнее убить лорда Коллинза, а не сделать то, о чём он так мечтал раньше.

Кристина опустила взгляд на валяющееся на полу письмо, и Освальд тоже его заметил. Он ещё шире улыбнулся и пнул письмо сначала тростью, а потом ногой.

— Я бы убил твоего отца, причём не сам, быстро и почти безболезненно, если бы не ты, маленькая дрянь! — прошипел он. Кристина оценила его осторожность: стоило Гленну закричать, и в кабинет сразу же прибежит стража во главе с капитаном Фостером. Освальд это понимал, поэтому голос старался не повышать. И Кристину это приводило в ещё больший ужас. Она сама могла бы закричать, но её горло словно сжали тиски, и голос провалился куда-то вглубь. — Это твой цепной пёс Фостер тебе подсказал проявить чернила, да? Впрочем, неважно. — Гленн отвернулся от неё, и Кристина позволила себе слабый облегчённый вдох — под этим хищным, пылающим взглядом было крайне

неудобно. — Теперь ты будешь плясать под мою дудку. Под мою, поняла? Не под его! Самато ты ничего не можешь... — Освальд наконец не выдержал и проговорил последние слова достаточно громко. Он подошёл к ней уже совсем близко, так, что она могла разглядеть пылинки на чёрной шерсти его удлинённого камзола. — Ну что ты молчишь? Не будешь оправдывать своего гнилого папашу?

Он поднял трость, перехватив её где-то посередине, и Кристина поняла, что сейчас её будут бить. Она по-прежнему могла бы сбежать, закричать, оттолкнуть обезумевшего Гленна, выскочить из кабинета... Но колени дрожали, и она понимала, что вот-вот упадёт и без его ударов. Внутри было одновременно адски холодно и жарко, сердце билось с неистовой скоростью, а язык будто прилип к нёбу.

Поэтому Кристина ничего не говорила. Ей было что сказать — о, видит Бог, мысли так и рвались превратиться в слова... Но она не могла. Не было сил, и собственное тело не слушалось.

— Ну что ты молчишь, девчонка? — ещё громче выкрикнул Гленн... и выронил трость.

Она глухо стукнулась об пол и закатилась под стол.

Это немного отрезвило Кристину. Она быстро-быстро заморгала, чувствуя, как у неё кружится голова из-за долгих, глубоких вдохов, которые она невольно делала во время долгой речи Гленна. Глаза болели и слезились, словно всё это время она вообще не моргала.

Кристина кое-как отпрянула от стены и почувствовала, что ремешок на подвязке растянулся и чулок на правой ноге сполз вниз. Это помешало ей сделать шаг — и ещё то, что господин Гленн, согнувшись, одну руку прижал к груди, а второй оперся о стол и тем самым преградил девочке путь. Она, наверное, могла бы обойти стол с другой стороны, но... Из головы тотчас выветрилось всё, что произошло пару минут назад. Вспыхнувшее в душе сострадание заставило Кристину броситься к хрипящему, пытающемуся сделать судорожный вдох Гленну. Но она не успела даже пальцем его коснуться — он рухнул на пол, хватаясь за грудь, и захрипел ещё более жутко и надрывно. Кристина замерла, сжав пальцы в кулаки.

Гленн сделал ещё один хриплый вдох — и совсем перестал дышать, запрокинув голову и глухо стукнувшись затылком об пол. Взгляд его стал недвижим, будто стеклянный, пальцы перестали трястись, и, как предположила Кристина, неровный стук сердца тоже замер. Навсегда.

Она кинулась к нему, путаясь в тяжёлом подоле, рухнула на колени, осторожно коснулась его запястья — впрочем, она так волновалась, что вряд ли смогла бы нащупать пульс, даже если бы он был. Она не впервые видела смерть человека — ещё девятилетней девочкой ей довелось наблюдать, как умирает её мать... Но то было давно, и Кристина была слишком мала, а сейчас...

Её затошнило, но она каким-то чудом смогла сдержать рвоту.

В тот же миг дверь резко открылась, и в кабинет ворвался капитан Фостер — за его спиной толпился целый десяток гвардейцев в кольчугах, с копьями и мечами. Наверное, они услышали последний крик Гленна и решили, что леди Коллинз нужна помощь... Но почему они так долго шли? Или момент смерти Гленна был действительно всего лишь моментом, долей мгновения, а испуганной Кристине показалось, что это длилось несколько минут?

Увидев и поняв, что произошло, капитан Фостер сделал жест, и стражники опустили оружие. Он же прошёл в комнату и присел рядом с Кристиной на одно колено.

— Он умер... — пролепетала та, устремив полный ужаса взгляд на бездыханное тело Гленна. И обнаружила, что её трясущиеся руки неосознанно, против воли, тянутся к нему,

ложатся ему на плечи в глупой попытке убедиться наверняка... Кристина склонилась над трупом, позабыв о тошноте и испуге, и в неверии покачала головой. — Он умер, это... это не я, он... он...

— Наверное, сердечный приступ, да? — Капитан Фостер кивнул, и взгляд его напоминал взгляд взрослого, который застал ребёнка за шалостью и пообещал, что никому не расскажет о ней.

Кристина прекрасно понимала, что её вины в смерти господина Гленна не было, но жестокий разум подсказывал: это она велела его запереть, это она невольно разрушила его планы, она помешала ему стать тем, кем он так хотел... Но ведь это всё ставило под угрозу её безопасность, её права на власть над Нолдом и самое важное — жизнь её отца... Голова лопалась от противоречивых мыслей и эмоций, а капитан Фостер продолжал сверлить её взглядом, в котором так и читалось: «Я никому не скажу, что это ты его убила».

Но Кристина всё равно закивала, с рвением бросаясь в объятия Реджинальда, который сжал её плечи и привлёк к себе.

Лишь тогда она наконец-то смогла зарыдать.

После взятия крепости, как случалось и раньше, многие дворяне и рыцари перебрались за её стены. Крепость была небольшой, холодной, неудобной, однако Хельмут особо не жаловался — иного выхода не было. К тому же сейчас не до уюта: лорд Джеймс, взяв часть войска, уехал на запад прогонять остатки фарелльцев отрядов с черты границы, и Генрих попросил Хельмута помочь ему решить все вопросы с освобождённой крепостью — а их накопилось немало.

Эта крепость была вверена в руки одного из вассалов барона Клауда, сира Тоулл, и именно он пал едва ли не первой жертвой войны, когда фарелльцы ожидаемо, но в то же время внезапно и подло ударили по границе. Его жену и детей не тронули, но весь этот неполный год они существовали в постоянном страхе за свою жизнь.

В первый же день своего пребывания в крепости Хельмут познакомился с госпожой Тоулл. Это была невысокая женщина лет тридцати пяти, прятая волосы под чёрным покрывалом, а фигуру — в мешковатое серо-коричневое платье, скромно украшенное золотистой вышивкой и стеклянными бусинами. Было видно, что она многое пережила, но не сломалась, несмотря на гибель мужа, войну, оккупацию и многое другое... Хельмуту оставалось лишь посочувствовать ей, и он даже неожиданно для себя ощутил беспомощность от того, что больше ничего не мог для неё сделать.

Прямо как тогда, рядом с Адрианом...

Зато Генрих мог. Мог, по крайней мере, решить множество проблем, накопившихся после долгих месяцев войны.

— Благодаря госпоже Тоулл нам удалось провести удачный штурм быстро и с совсем небольшими потерями, — сдержанно улыбался Генрих, целуя женщине руку. — В ночь перед сражением она убила предводителя отряда, который оккупировал эту крепость, а солдаты без главнокомандующего явно растерялись и оказались не готовы хорошо держать удар.

— Тот мерзавец пытался изнасиловать мою дочь, — брезгливо поморщилась женщина. — Что мне ещё оставалось делать, кроме как схватить нож?

Потом она рассказала, пряча дрожь в руках, что тот фарелльский подонок и до неё самой тоже домогался, но быстро перевёл своё внимание на девочку — тринадцатилетнюю дочь госпожи Тоулл. Видимо, понял, что от взрослой женщины может получить отпор, а вот от подростка — вряд ли.

— Мы вместе с дочкой и служанками втайне от солдат вытащили труп и сбросили его в выгребную яму. — Глаза госпожи Тоулл странно блеснули. — Чудом нас никто не заметил... Иначе нам не жить. — И она, опустив взгляд, поёжилась.

Госпожа Тоулл выглядела поистине несчастной и опустошённой, но при этом, став хозяйкой (её старший сын был ещё слишком мал, чтобы полноправно вступить в отцовское наследство), она деятельно распоряжалась жизнью своего дома, стараясь, чтобы освободившие его люди ни в чём не нуждались. Было понятно, что женщина всеми силами хотела отблагодарить драффарийскую армию, хоть как-то, хоть чем-то... Но Хельмуту, например, хватило просто крыши над головой, относительного тепла и мягкой постели.

Простые же солдаты остались в лагере — только лагерь переехал чуть ближе к стенам. Он располагался к юго-западу от замка, а лагерь фарелльцев — к северу: Хельмут хорошо

видел его из окна своей комнаты, и это были совершенно знакомые палатки и шатры, столбы дымок от костров и древки со знамёнами... Если не обращать внимания на гербы на этих знамёнах, не присматриваться к лицам и не вслушиваться в говор, можно было подумать, что это — всё те же драффариенцы, зашедшие на фарелльские территории. Тоже люди, тоже солдаты, войны...

Хельмут всё чаще задумывался об этом, но в то же время гнал подобные мысли прочь — ему пока ещё не хотелось понимать, что по другую сторону сражаются такие же живые люди, как и он.

Тем временем приближалось наступление нового, 1386 года. Хоть в Драффариен никогда не встречали новый год бурно и торжественно, а уж в условиях войны и подавно, но всё же все ждали какого-то обновления, какого-то чуда... Однако жестокий мир, в котором не было места чудесам, немного отрезвлял. Война ещё не окончена, фарелльские правители и полководцы пока не желали начинать мирные переговоры — а король Альвар только на них и настаивал, убеждая в письмах лордов Джеймса и Генриха сделать всё возможное, чтобы они состоялись.

Сам он пока приезжать не рисковал.

Хельмут не мог об этом думать без презрительной усмешки: всё время, что шла война, король вёл переписку со своими вассалами, но сам не приехал ни разу. Иногда он давал указания (которые, впрочем, не всегда точно исполнялись — Хельмут был осведомлён об этом, так как Генрих доверял ему некоторые королевские секреты), иногда же полностью полагался на волю и опыт своих лордов, но неужели его величество ни разу не посетила мысль, что его приезд может поддержать боевой дух солдат, да и рыцарей тоже явно вдохновит... Но Альвар не торопился, а Хельмут держал язык за зубами и даже с Генрихом не делился своими мыслями о короле.

И вот наконец настал Новый год.

За целую седмицу до конца гродиса*, первого месяца зимы и последнего месяца года, в лагере стали звучать песни — смутно знакомые, услышанные когда-то давно, много лет назад...

— Вообще это бабье дело — песнями старый год провожать да новый встречать, — переговаривались солдаты, — но теперь-то — что поделать?

Тогда же Хельмут с удивлением обнаружил, что Гвен (как и все остальные нолдийцы) тоже знала эти песни и с радостью подпевала своим бьельнским напарницам — так суровый, жёсткий мужской хор то и дело наполнялся звонкими женскими голосами.

У шингстенцев были свои песни, отличающиеся и по мелодиям, и по словам. Шингстенцы, сохранившие языческую веру, встречали новый год раньше — не в последний день гродиса, а на зимнее солнцестояние. Точнее, когда-то у них был свой календарь, отличающийся от календаря Нолда и Бьельна, но после объединения трёх земель в единую страну двести лет назад шингстенцы приняли календарь соседей. Однако шингстенские язычники по старой памяти встречали новый год именно в двадцать первый день гродиса, который по старому календарю был последним днём в году.

К их песням Хельмут особо не прислушивался, будучи не в силах отогнать от себя боль, вызванную мыслями о Кассии. Забыть её никак не получалось, более того — она иногда являлась Хельмуту во снах. Они не были страшными, в них не происходило ничего пугающего, но он всё равно каждый раз просыпался от нехватки воздуха и жуткой дрожи — словно покойная шингстенка звала его к себе на тот свет.

А ведь она сейчас тоже могла бы петь «отходную» Либе, богине любви и лета, и призывать в мир Мариллу, богиню зимы... А брат её в песнопениях участия не принимал: в своих богов он не верил, а Единого Бога, которого тоже славили в Новый год, пока не принял. И вообще ему наверняка было попросту не до песен.

В это время никому не приходило в голову воевать, никто не поднимал копьё, не затачивал клинки, не облачался в доспехи. Фарелльцы тоже присмирели, из их лагеря тоже слышались песни — больше напоминающие нолдийские, нежели бьельнские и шингстенские, и оттого становилось как-то странно на душе.

«Они похожи на нас больше, чем нам хочется думать», — то и дело была по разуму навязчивая мысль.

А потом Хельмут увидел невероятное.

Лагерь фарелльцев от крепости отделяло не более двухсот метров — севернее начинался небольшой и негустой еловый лесок, принадлежащий Фареллу, и именно там расположились вражеские солдаты. Их палатки и шатры хорошо было видно даже сквозь густые верхушки елей, ибо ели стояли далеко друг от друга и едва касались друг друга зелёными лапами. И то, что из леса на опушку вдруг вышел человек, фарелльский солдат, с приподнятыми в знак мира руками, не заметить было сложно.

Точнее, это сначала думалось, что он один. Следом за ним тоже показались люди — они медленно выходили из леса, и у них не было оружия в руках, на них самих не было доспехов, лишь обычная зимняя одежда: стёганки, плащи, худы, едва присыпанные мелкими снежинками.

Драффарийцы сначала насторожились. Кто-то обнажил меч, кто-то схватил копьё, и послышался звук натягиваемой тетивы... Но бросаться в бой или пускать стрелы никто не спешил. Все внимательно наблюдали за безоружными фарелльцами — те шли несмело, то и дело останавливаясь и даже слегка пятясь... Но драффарийцы постепенно опускали оружие, пряча клинки в ножны, а стрелы — в колчаны.

И в конце концов они тоже двинулись навстречу фарелльцам.

Начались рукопожатия и даже объятия, неловкие приветствия — далеко не все солдаты хорошо осознавали, что их языки очень похожи, но вскоре тут и там стали слышаться отчётливые фразы. Впрочем, разница в языках не особо мешала — кажется, в тот момент люди понимали друг друга без слов.

Хельмут смотрел на это стеклянными глазами и не знал, как следует реагировать.

Услышав сзади шаги, он с облегчением выдохнул — будто подошедший сможет ему растолковать, что происходит. Повернулся и обнаружил Генриха, который, выйдя из-за поворота в конце длинного сумрачного коридора, приближался к окну, наверное, тоже почуяв неладное.

— Ты только посмотри на это! — покачал головой Хельмут, указывая на окно. Он даже рискнул распахнуть его, чтобы лучше было слышно и без того весьма громкие разговоры солдат.

Те уже чем-то обменивались — то ли частями провизии, то ли какими-нибудь памятными украшениями, а скорее всего, и тем, и тем.

Генрих выглянул в окно, чуть поёжившись — он был одет легко, в чёрную льняную рубашку и шерстяную жилетку, отделанную кожей. В крепости хорошо топили, но сейчас в эту уютную, густую теплоту ворвался острый зимний ветер, принесший с собой колючие снежинки. Но пока ещё лёгкий снегопад и ветер не останавливал солдат обеих сторон, они

продолжали общаться и, кажется, снова завели новогодние песни — каждый на свой лад, на своём языке или говоре... Зато мелодия была одна.

— Мы будем что-то с этим делать? — поинтересовался Хельмут. Лицо Генриха было непроницаемо, он никак не выдавал, что думает по поводу происходящего. Он опёрся ладонями о подоконник и ещё сильнее выглянул из окна — Хельмут невольно протянул руку, готовый хватать друга, если тот вдруг упадёт.

Солдаты внизу не обращали никакого внимания на заметивших их дворян.

Генрих вдруг резко выпрямился и захлопнул окно, так, что дрогнуло стекло. И Хельмут тоже вздрогнул.

— Надо сказать лорду Джеймсу, когда он вернётся, и мы... — Он задумался, лицо его оставалось всё таким же безэмоциональным, но во взгляде светилось что-то странное. — Мы напишем королю...

Неужели он хочет наказать своих людей за такую вольность? Но какие законы и правила запрещают в период перемирия вместе с вражескими войсками праздновать Новый год? Или это можно расценивать как предательство, перебежку, выдачу военной тайны? Хельмут ещё раз взглянул вниз и хмыкнул: вряд ли этим людям сейчас было дело до военных тайн.

— Может, он позволит нам начать переговоры без него, — продолжал Генрих, разворачиваясь на каблуках и направляясь в глубь коридора. — Мне кажется, если фарелльские солдаты осознали необходимость мира, то, может, и их король тоже скоро осознает.

А дальше всё пошло как по маслу.

Где-то ещё месяц потребовался Альвару, чтобы уговорить фарелльского короля провести мирные переговоры. Генрих по секрету рассказал Хельмуту, что лорд Джеймс был в полном восторге от произошедшего между солдатами двух армий, но королю решил об этом на всякий случай не сообщать. Он просто написал, что фарелльский народ, судя по всему, наконец-то осознал необходимость примирения. Оставалось только ждать, когда драффарийский и фарелльский короли доберутся наконец до границы их государств, но стоило думать, что боевых действий больше не будет.

Особенно если учесть, что воины обеих армий, кажется, не хотели друг друга убивать.

Весь первый месяц зимы был крайне напряжённым: обе стороны ждали какого-то рокового момента, удара, когда спонтанное перемирие рухнет и снова начнётся кровавая резня... Но в итоге ничего страшного так и не случилось.

Начало васарисафевраль ознаменовалось торжественной акколадой — оруженосец лорда Джеймса, Оскар, достиг совершеннолетия и должен был дать рыцарские обеты. За тот неполный год, что шла война, через обряд посвящения прошло несколько оруженосцев, но им не повезло: их посвящали в дороге или посреди лагеря, а не в хоть каком-нибудь захолустном замке.

Крепость Тоуллов не была особо светлой и нарядной, однако по приказу лорда Коллинза хозяева и слуги постарались: крошечный главный зал вычистили до блеска, накрыли пол алыми коврами, вывесили на стенах огромные яркие знамёна. Цветов достать не получилось — теплицы в этой крепости не было, — поэтому зал украсили раскидистыми еловыми ветвями, источающими приятный запах смолы, зимнего леса и мороза.

Хельмут неплохо знал Оскара — это был довольно скромный юноша, не нуждающийся в богатствах и роскоши; для него было бы честью дать рыцарские обеты и в лагере, под

открытым небом, и на тракте по пути к месту очередной битвы. Но против традиций не пойдёшь: по возможности акколада должна быть крайне торжественна и величава, даже если она проходит в далёкой пограничной крепости.

Госпожа Тоулл выразила готовность выделить деньги на последующий за акколадой пир, но лорд Джеймс отказался их принимать и потратился сам: ещё за седмицу до церемонии он написал в Эори и велел своей дочери прислать ему необходимую сумму, что быстро было исполнено.

— Ты не ревнуешь? — тихо поинтересовался Хельмут, когда Оскар, преклонив колено перед лордом Коллинзом, начал произносить клятвы.

— Что? — так же негромко откликнулся Генрих. — Нет, конечно, с чего? С тех пор, как это, — он кивнул на помост, где его бывший наставник касался клинком плеча Оскара, — произошло со мной, минуло десять лет.

Хельмуту оставалось лишь пожать плечами. Судя по рассказам Генриха, все годы службы оруженосцем его и лорда Джеймса связывали очень тёплые, едва ли не родственные отношения. А теперь их вполне можно было назвать хорошими друзьями, несмотря на явно сохранившееся за Коллинзом право принимать окончательные решения.

С Хельмутом вышло несколько иначе. Его наставник, герцог Гидельштос, относился к нему прохладно и снисходительно, без особой любви, но обучил всему, чему должен был, от светского этикета до умения владеть мечом. Впрочем, даже после этого Хельмут не мог считать себя хорошим мечником, а за блестящую стрельбу из лука и метание кинжалов был благодарен скорее тем людям, которых нанимал для его обучения отец.

Но герцог Гидельштос не успел посвятить Хельмута в рыцари: он скончался за несколько лун до его восемнадцатилетия. Оставалась надежда, что акколаду проведёт барон Штольц-старший... Однако в тот год Бог, кажется, за что-то разгневался на их семью и забрал к себе отца Хельмута и Хельги, оставив семнадцатилетнего юношу и двенадцатилетнюю девочку сиротами.

Но всё же судьба распорядилась подобным образом не просто так, и в итоге Хельмута посвятил в рыцари Генрих по праву сюзерена.

И это был один из самых важных, прекрасных и запоминающихся дней в жизни барона Штольца.

А сегодняшний день наверняка стал одним из самых важных для новоиспечённого рыцаря Оскара. Хельмут, конечно, не был другом этому тихому, себе на уме, темноволосому юноше, но всё же искренне поздравил его, когда тот, звеня шпорами, спустился с помоста с новым мечом на отделанном золотом поясе, и с улыбкой пожал ему руку вслед за Генрихом.

С тех пор прошло ещё седмицы две, близилась невесёлая годовщина начала войны, и все уже вновь потеряли надежду, что мирные переговоры двух государей хоть когда-нибудь состоятся. Фарелльцы не нападали, из плена были выкуплены почти всех их видные дворяне и рыцари; драффарийцы проводили разведку и не обнаруживали ничего подозрительного, а снег потихоньку таял, холод слабел — и небо светлело... Воины, конечно, радовались наступающему теплу, но очередной застой их не особо обнадеживал. А лорд Джеймс, как мог наблюдать Хельмут, всё сильнее седел и всё чаще жаловался на побаливающее сердце...

Все надеялись, что битв больше не будет, однако продолжали убивать время на тренировках. Впрочем, Хельмута и они не особо радовали. Стрелять или метать ножи ему уже осточертело, а драться на мечах с Генрихом было попросту обидно — тот, не забыв о головокружениях друга, откровенно поддавался. Конечно, Хельмут упражнялся не с ним

одним, хотя, как он думал, лучше бы вообще не упражнялся — всё это казалось ему бессмысленным и скучным.

Альвар приехал на границу так же внезапно, как и перестал отвечать на письма незадолго до этого. Оказывается, море всё это время было крайне беспокойным, поэтому он не мог доехать быстрее, вынужденный останавливаться в портах Шингстена и Серебряного залива. Но он наконец-то приехал.

Это был нестарый ещё мужчина лет тридцати, улыбчивый и непосредственный — и не скажешь сразу, что король... Он запросто пожимал руки дворянам и рыцарям и легко общался с солдатами. Разумеется, сначала прошёл традиционный смотр войск, и Альвар остался весьма доволен, искренне поблагодарил всех командующих... и начал выслушивать просьбы и жалобы солдат, обещая лично разобрать дело каждого и разрешить все трудности. Это предприятие заняло почти целый день. Впрочем, кто знает, правда ли он выполнит свои обещания после того, как проведёт переговоры. Хельмут лишь усмехался: он, помимо всего прочего, считал, что такая непосредственность короля вредит его репутации.

На следующее утро после приезда его величества Генрих рассказал Хельмуту нечто интересное. Они стояли на балконе самой высокой башни Тоулла, наблюдая за тем, как рассветный туман густой молочной пеленой стелется между палаток, окутывает деревья, словно мягкая полупрозрачная пелерина... Казалось, что если коснуться этого тумана, то можно ощутить нечто вязкое и плотное, как вата или паутина. Хельмут смотрел, облокотившись о перила балкона: он встал рано и до сих пор не вполне проснулся, мысли текли вяло, но слова Генриха смогли разбудить его и окончательно привести в себя.

— Ты только представь, что Альвар предложил лорду Джеймсу! — Он говорил негромко, то и дело оглядываясь: не хотелось, чтобы их кто-то услышал и тем паче донёс королю. — Он сказал, что можно было бы продолжить войну... — Хельмут встрепенулся, а Генрих лишь пожал плечами: сам, мол, не верю. — Пройти на фарелльские территории, откусить от них кусочек повкуснее... Лорд Джеймс тут же отказался, но Альвар принялся уверять его, что все эти завоёванные территории отойдут Нолду.

— Альвара здесь не было, он не знает, как нас всех, — Хельмут окинул взглядом лагерь под крепостными стенами, — это всё достало. Если он так хотел повоевать — приезжал бы год назад.

— Прошу тебя, говори тише, — попросил Генрих. — Лорд Джеймс сказал его величеству, что чужого ему не надо, а своё он уже вернул. Кроме того, фарелльцы и так заплатят контрибуцию, да и за их пленников мы получили неплохие выкупы. Кажется, Альвар успокоился, но кто знает...

Это было и вправду тревожно. Если король прикажет — серьёзно, настойчиво, не терпя возражений, — то выполнять приказ придётся даже лорду Джеймсу. И тогда освободители превратятся в захватчиков... Хельмут помнил, как вели себя фарелльцы на нолдийских землях, ибо не раз перехватывал отряды фуражиров — чего только стоит его первая встреча с Гвен. И им, драффарийцам, достаточно будет просто перейти границу, чтобы тоже потерять человеческий облик.

Хельмут очень опасался, что рано или поздно этот приказ всё-таки прозвучит, что честолюбие и желание повоевать одолеют Альвара и он решит продолжать... Но, видимо, он всё-таки уступил лорду Джеймсу и отказался от своей глупейшей затеи, решив остановиться на переговорах.

А откуда-то с севера, из фарелльской столицы, из далёкого города Льорке, навстречу

его величеству Альвару ехал государь Фарелла.

И это означало, что война, вероятно, близка к своему завершению.

***

Заканчивался последний снежный день того года. Из-за лёгкого снегопада вещи на повозках — сундуки и мешки с одеждой, доспехами, оружием, провизией и многим другим — накрыли плотной тканью, чтобы ничего не промокло, не заржавело и не испортилось по пути домой. Многие дворяне, правда, сейчас отправлялись не по родным замкам, а на Королевский остров, чтобы отпраздновать победу. Но тащить за собой все личные вещи было бессмысленно — поэтому их погружали на многочисленные повозки, запряженные лошадьми, и готовили к отправке по домам.

Генрих, уже несколько раз проверивший готовность собственных вещей, теперь стоял, опершись о повозку, и наблюдал, как Хельмут, очень взволнованный и разозлённый, ругался со своим управляющим. Это отчего-то безумно умиляло — молодой человек в моменты гнева выглядел особенно очаровательно. Белые снежинки путались в его золотых волосах, застревали в серой оторочке мехового плаща... Закончив разговор с управляющим, Хельмут резко стянул перчатку с руки и провёл ладонью по лбу и глазам, будто у него болела голова. Хотя, может, так оно и было... Вся эта суматоха, начавшаяся после подписания мирного договора с Фареллом, утомляла едва ли не сильнее, чем битвы и переходы.

Поправив распахнувшийся плащ, Хельмут поёжился и быстро приблизился к Генриху. Снег под ногами таял, дорожная пыль намокала и превращалась в грязь, и их сапоги, до блеска начищенные и натёртые, мгновенно покрывались пятнами.

— Ты, я смотрю, спокоен как никогда, — заметил Хельмут, тоже облакачиваясь о повозку.

Генрих усмехнулся.

— Война закончена — из-за чего теперь волноваться? — Он подался вперёд, отстраняясь от жёстких досок.

— Ну, например, из-за того, что в мирное время порой бывает не легче? — сумничал Хельмут, скрестив руки на груди. Кучер на козлах взмахнул поводьями, но он этого не увидел, и, когда повозка резко тронулась, едва не упал, потеряв опору. Генрих сдержанно рассмеялся в кулак.

Но, пожалуй, Хельмут был прав. По возвращении домой их всех ждало немало забот, трудностей, непростых решений... Война ударила не только по завоёванным территориям: даже в бьельнских землях сейчас найдётся немало проблем, которые ещё не раз заставят Генриха понервничать. Налоги, урожай, поредевшее после ожесточённых битв население... Главное — не допустить голода и бунтов, с этим после затяжной войны справиться ещё тяжелее.

— Ну вот зачем ты мне напомнил? — Генрих посмотрел на Хельмута с наигранным укором. — Теперь ни о чём хорошем думать не получится.

— Думай обо мне, — широко улыбнулся Хельмут, убирая за ухо прядь волос.

Генрих хотел ответить колкостью на колкость, но не успел — из-за плеча друга, в десятке метров от них, он вдруг увидел Гвен. На ней был простой суконный синий плащ; из-под белого платка виднелись две чёрные косы, перевязанные голубыми лентами. Она что-то доставала из своей сумки и складывала в одну из повозок — видимо, необходимые лекарям вещи, которые хранились у Гвен как у помощницы и теперь должны были вернуться к их хозяевам.

Генрих не видел Гвен уже давно — с тех пор, как они отбили крепость Тоуллов. Она, конечно, мелькала среди лекарей, перебинтовывала солдат, но у него тогда не было времени подойти и попросту узнать, как у неё дела. Он, если честно, вообще не думал о ней и теперь не понимал, почему чувствует вину. Она ведь всего лишь простолюдинка, крестьянка, и даже их мимолётная связь не должна была стать оправданием... Но теперь Генрих корил себя за то, что не нашёл для Гвен хоть минутки. Она всё-таки спасла жизнь Хельмуту, а для Генриха в данный момент его жизни не было никого дороже этого юноши.

Гвен вскоре обнаружила, что он смотрит на неё, и улыбнулась. Она быстро переложила из сумки в повозку остатки вещей — какие-то маленькие сундучки и холщовые коричневые мешочки — и торопливо направилась к нему. Хельмут стоял к ней спиной, но, поняв, что Генрих смотрит куда-то будто сквозь него, обернулся.

И тоже улыбнулся. Кажется, вся его неприязнь к Гвен уже давно испарилась. Ну и слава Богу.

— Вы уезжаете? — спросила девушка после краткого приветствия.

— На днях, — кивнул Генрих. — А ты? — Он вдруг спохватился, осознав, что Гвен больше некуда уезжать.

Но она внезапно покраснела и опустила голову, пытаясь скрыть улыбку, — наверное, ей было приятно, что ему небезразлична её судьба.

— Я останусь здесь, — тихо проговорила она.

— Здесь? — Хельмут чуть нахмурился, бросая взгляд на невысокую башню. — Может, тебе лучше поехать в Эори? В Нижнем городе для тебя уж точно работа найдётся.

Он делал вид, что ему всё равно, но Генрих не мог не заметить в его тоне и взгляде некое тепло по отношению к Гвен.

— А кто меня там ждёт? — невесело усмехнулась она. — Да и дома моего больше нет... ни деревни, ни родни — всё проклятые фарелльцы уничтожили. Простите! — В её голосе послышалась едкость, она подняла голову и вперила в Генриха пронзительный взгляд, в котором читался вызов. — Я знаю, что они теперь вам друзья, да вот только гибель моих близких я им никогда не прощу.

— Никто не заставляет тебя прощать, — мягко сказал Генрих. — А здесь? Что ты будешь делать здесь?

— Госпожа Тоулл меня служанкой наняла. — Из взгляда Гвен исчезла ярость, черты лица стали мягче, пальцы, сжимавшие ткань плаща, расслабились. — Так что я тут и жить смогу, и работать... Может, и мужа найду, — слабо улыбнулась она. — Что с моим первым — я так и не узнала, погиб наверняка. Да и Бог с ним.

Она вздохнула, а Генрих в очередной раз убедился, что почивший супруг её не радовал лаской и вниманием... А она, видит Бог, заслуживала наилучшего отношения.

— Хорошо, что ты нашла своё место в жизни, — вдруг подал голос Хельмут. — Надеюсь, ты будешь счастлива.

— Я тоже, — кивнула Гвен, всё ещё не решаясь взглянуть ему в глаза. — Простите, ваша милость, ваша светлость, пора мне. — Она пожала плечами. — Не знаю, увидимся ли ещё когда-нибудь... Но спасибо вам за всё. Вы, как-никак, мне жизнь спасли.

— И ты в долгу не осталась. — Хельмут, дождавшись, когда она сделает неумелый реверанс, легко похлопал по плечу. — Удачи, Гвен.

Генрих же адресованного ему реверанса ждать не стал — он обнял Гвен, неожиданно для неё и самого себя тоже. Они, скорее всего, и правда не увидятся больше никогда, если

только его не занесёт в эти заснеженные земли по каким-то делам в будущем... Но Генрих даже представить не мог такого развития событий. Поэтому он обнимал её, понимая, что это их последняя встреча. И на их неравенство и на невозможность его преодолеть ему в тот момент было наплевать.

Хельмут откашлялся, и Генрих выпустил Гвен из объятий — она неохотно убрала руки с его талии, всё-таки сделала реверанс и как-то внезапно исчезла, растворившись среди других людей, разбиравшихся с повозками. И лишь оставила после себя запах своих волос — запах трав и дыма.

— Она влюблена в тебя, — заявил Хельмут, наклоняя голову.

— А ты ревнуешь? — усмехнулся Генрих. Он помнил реакцию друга, заставшего их с Гвен в постели, и сейчас прекрасно мог оценить её — это была ревность чистой воды, а возмущение поведением Вильгельма, упокой, Господи, его душу, заставило эту ревность выплеснуться из души, обернуться в слова и загореться яростью... Но Генрих уже давно не злился. Хельмут смог прекрасно загладить свою вину. К тому же они слишком крепко и давно дружили, чтобы ссориться из-за девушки, которую он даже не любил. — Может, и влюблена, но она ведь не глупа и понимает, что мы не ровня.

— Моя мать тоже была простолюдинкой, — зачем-то вспомнил Хельмут, будто желая убедить Генриха, что у него с Гвен что-то могло бы получиться.

— Твоя мать была дочерью богатого купца, женщиной образованной и уважаемой, а не крестьянкой из стёртой с лица земли деревни, — фыркнул Генрих. — Так что в моём случае... всё бессмысленно.

«А то, что происходит между тобой и Хельмутом, разве не менее бессмысленно, как думаешь?» — язвительно шепнул столь неуместный внутренний голос.

Примечания:

Гродис — декабрь

Сколько ненависти может вынести человеческое сердце?

Кристина горько усмехалась тому, что лишь в шестнадцать лет задумалась об этом.

Она ненавидела покойного сквайра Освальда, хотя буквально пару лун назад едва ли не боготворила. Но теперь ненавидела — за всё то, что он сделал и сказал. За то, что за мгновение до смерти от занёс над испуганной Кристиной свою трость, желая её ударить. Но, тем не менее, она поехала на его похороны. На ожидаемый вопрос капитана Фостера — зачем? — она лишь усмехнулась.

— Все знали господина Гленна как моего учителя и наставника, как доверенное лицо моего отца... Моё отсутствие на его похоронах вызовет вопросы, — пожалала плечами Кристина. — Кто-то может подумать, что что-то не так... Например, что я причастна к его смерти, — добавила она тихо и как бы невзначай.

Потому что капитан Фостер продолжал смотреть на неё как-то заговорщически, будто и вправду был уверен, что это Кристина убила Освальда.

И она решила поддержать эту игру. У неё не было сил на оправдания и объяснения, да и вспоминать тот жуткий день не хотелось. И в то же время Крестину безумно огорчало, что смерть Освальда будто возвела стену между ней и капитаном Фостером. Их доверительные, тёплые отношения дали трещину, они всё реже разговаривали даже на бытовые темы и попросту избегали друг друга. У этого отдаления была и другая причина: Кристина начала задумываться, что Реджинальд так же, как и Гленн, мог манипулировать ей, делать из её покорную куклу, не способную и шага ступить без его совета. Они постоянно ссорились, перетягивая Крестину каждый на свою сторону, но не ради её блага, а ради собственной выгоды. Реджинальд видел, что со сквайром Освальдом она более близка, чем с ним, что он начинает терять возможность управлять ей...

Это объясняло и то, зачем капитан без приказа леди Коллинз обыскал кабинет Освальда. Случай с письмом был ему только на руку, и кто сказал, что он и до этого не ждал повода избавиться от соперника?

Конечно, Кристина не могла быть твёрдо в этом уверена, а Фостера она не расспрашивала — да и вряд ли он сказал бы ей правду. Поэтому она просто отстранялась от человека, которому некогда безгранично доверяла. Позволяла себе разговоры лишь по делу, а на неформальные вопросы отвечала односложно, всячески проявляя свою незаинтересованность.

Реджинальд, разумеется, сопровождал Крестину в поместье Освальдов, но это входило в его обязанности и уж точно не могло свидетельствовать о возвращении доверия. Ну хотя бы лорда Джеймса он убивать не собирался... Впрочем, кто знает?

Господи, поскорее бы отец вернулся... Если бы он был дома, никто бы не посмел так с ней обращаться.

Та поездка стала для Крестины последним посещением материнского дома. Она и раньше бывала там не особенно часто: когда леди Лилиан была жива, она почти не ездила в отцовское поместье и не возила туда дочь — не любила там находиться, отдавая предпочтение Эори. А после её смерти Кристина была там всего пару раз; потом господин Гленн переехал в Эори, став советником отца и её учителем, и нужда в поездках в Освальд отпала окончательно.

И вот ей всё-таки пришлось съездить туда вновь. Неожиданно для себя она встретила там с юным графом Келли Ореллом — тем самым, что сватался к ней несколько лун назад (Господи, как давно это было!). Кристина, подавленная и уставшая, не сразу догадалась, зачем этот юноша приехал в Освальд — он представлял своего отца и должен был вернуть принадлежавшие теперь уже окончательно вымершим Освальдом земли в свой домен, чтобы потом, возможно, подарить их кому-нибудь ещё взамен на верность и службу.

Слава Богу, предложений руки и сердца от него больше не поступало.

Похоронив сквайра Освальда и отдав дань уважения своему учителю, каким бы он в итоге ни оказался, она вернулась домой — и там уже на неё нахлынула ненависть к самой себе. Сестра Эстер водила Кристину на мессы и ругала её дрянные вышивки, капитан Фостер наблюдал за её попытками отколошматить соломенное чучело, кот тёрся об её ноги и оставлял клочки шерсти на чулках и платьях, но никто из них не знал, что творилось у неё внутри.

Кристина ненавидела сестру Эстер за то, что та ругала лишь увлечение Освальда магией и при этом не пыталась обличить его гнилую натуру. Кристина ненавидела капитана Фостера за то, что он всё-таки убедил её в порочных намерениях Гленна, за то, что открыл ей глаза и сильно изменил её жизнь. И по-прежнему Кристина ненавидела себя за то, что сама не догадалась изначально.

Единственным, кого она не ненавидела, был кот.

Кажется, он, в отличие от людей, всё-таки понимал, что она чувствовала. Когда Кристина, отдыхая от дел, полулежала в кресле или сидела на полу, он приходил к ней и ластился о её ноги, вылизывал её пальцы, а она монотонно поглаживала его, и он урчал. Кот, будто разумное, здравомыслящее существо, пытался её успокоить, и лишь ему Кристина отвечала слабыми улыбками.

Она ждала, когда вернётся отец. Ей казалось, что только тогда её жизнь наладится и пойдёт своим чередом. Лгать отцу Кристина не собиралась, но и раскрывать всех подробностей не хотела. Сквайр Освальд умер, и всего его планы и мечты легли в могилу вслед за ним. Поэтому Кристина попросила капитана Фостера не говорить лорду Джеймсу о том, что его единственной любимой дочери пытался навредить человек, которому тот доверял. Сердечный приступ мог произойти по любой причине, в конце концов.

Она бы и сама с радостью забыла о случившемся, убедила бы себя в том, что у пресловутого сердечного приступа была иная причина — или вообще не было никакой причины... Но пока не получалось. Может, пройдут годы, прежде чем она наконец-то забудет всё, что произошло с ней и господином Гленном, и поверит в собственную ложь.

Кристина надеялась, что её самоненависть рассеется с появлением отца. А пока всю свою ненависть, в сердце направленную на себя, на сквайра Освальда, на капитана Фостера и сестру Эстер, она выплёскивала на тренировочном дворе. Монахиня журила её за то, что вышивке и благочестию Кристина предпочитала размахивания мечом с утра до вечера, но ей было плевать на эти упрёки. Она яростно и безудержно била соломенное чучело и один раз даже сломала меч.

Куски ткани и крошечные соломинки взвились в воздух и медленно осели на мостовую.

— Мне надоела эта ерунда! — вскричала Кристина, не поворачиваясь лицом к стоящему позади Реджинальду. — Я хочу сражаться с настоящими людьми по рыцарским правилам, а не...

— Вряд ли в битве кто-то будет соблюдать рыцарские правила. — В голосе капитана

Фостера слышались угрюмость и едкость — раньше такого не было... — Уж поверьте, миледи, когда вокруг царит ад и пляшет смерть, человек забывает, что вокруг него, особенно на стороне врага, сражаются такие же живые люди. Он бьёт, рубит и колет так, будто это — набитая соломой тряпка, не более.

Однако на следующий день капитан Фостер назначил двух молодых гвардейцев, которые сошлись с Кристиной в учебном поединке. Одному из них было всего восемнадцать, другому — двадцать, однако его она смогла победить, а вот с первым вышла трудность. Он был силён и высок — и явно представлял на месте Кристины соломенное чучело, несмотря на то, что сражался с собственной леди, госпожой и хозяйкой. Они дрались со щитами — и щит Кристины треснул после второго удара. Она попробовала ударить противника по левой руке, чтобы тот ослабил защиту и хоть немного опустил щит, но гвардеец отбил её удар, пригнулся от ещё одного — и после недолгой, но крайне яростной атаки Кристине пришлось сдаться. Зато старший был осторожен и увёртлив, правда, не очень внимателен — это его и подвело. Кристина быстро нанесла ему пару ударов по плечу, затем, резко нагнувшись, — по колену; отпрыгнув назад, спасла себя от крепкого удара в голову и, выбросив руку, кольнула гвардейца в защищённую бригантиной грудь.

Конечно, до Альберты им было далеко: та, несмотря на высокую, крупную фигуру, чёткие удары и напористую силу, казалась очень красивой в боевом задоре. Красивой, благородной и гордой — в отличие от сегодняшних противников Кристины. Но всё-таки тот поединок немного улучшил её настроение.

А вечером ей принесли письмо.

Кристина узнала печать отца — и снова улыбнулась, слабо, но искренне. Руки чуть задрожали, она с трудом дошла до своей спальни, рухнула в кресло и, взяв на колени кота, осторожно распечатала свиток.

«Милая дочка!

Рад сообщить, что я по-прежнему жив, хоть и не очень здоров — временами шалит сердце и раны дают о себе знать. Но тебе не стоит беспокоиться, всё это совершенно несерьёзно и оправдано приближающейся старостью. Лучше жди моего скорейшего возвращения: наш милостивый Альвар и фарелльский король наконец-то заключили мир. Остались сушие формальности — подписать документы и, конечно, провести торжественный пир... Не хочешь ли ты приехать на Королевский остров отпраздновать нашу победу, милая? Буду рад увидеть тебя, да и, возможно, ты сможешь привлечь внимание кого-нибудь из моих вассалов или людей лорда Штейнберга, которые были бы не прочь попытаться добиться твоего расположения.

Если же нет, то я не стану тебя заставлять. Я вернусь не раньше, чем через месяц-полтора, — но я вернусь. Теперь уже точно.

Надеюсь, у тебя всё в порядке и ты чувствуешь себя хорошо. Очень скучаю и жду скорой встречи.

Твой любящий отец».

Кристина разрыдалась.

Все радостные новости отца затмила одна — у него «шалит сердце». И он может закончить так же, как сквайр Освальд... Она до сих пор не могла забыть момент его смерти, он до ужаса пугал её и иногда являлся в безумно похожих на явь снах... Кристина подумала, что после возвращения лорда Джеймса с войны она обязана будет заботиться о нём изо всех сил и сделает всё, чтобы отсрочить страшный исход его недуга.

Его идея с поездкой на Королевский остров Кристине не понравилась. Конечно, она была бы рада увидеть отца как можно скорее, но ей претила необходимость находиться в королевском замке... в окружении мужчин, которые не прочь жениться на ней из-за её наследства... Взгляды, разговоры, натянутые улыбки... Кристина поморщилась. Чтобы не переживать эти неприятные моменты, она готова была отложить долгожданную встречу с отцом и потерпеть ещё немного. В конце концов, месяц — не такой большой срок. Она и так ждала его почти год.

Кот недоуменно замыкал, а Кристина, вытирая слёзы, погладила его по серой пушистой спине, поставила на пол и откинулась на спинку кресла, прижимая к груди отцовское письмо.

Война окончена, отец жив и скоро вернётся... Всё это постепенно затмевало её отвратительное настроение и уничтожало разедающую душу самоненависть. Как Кристина и мечтала, всё возвращалось на круги своя. В королевстве воцарялся мир, а в её душе — покой.

***

Хельмуту ужасно хотелось домой, но он не мог не посетить пир на Королевском острове — тем более, Генрих его попросил. Да и отказываться от почестей, скромничать и прибедняться было не в его духе. С собой в поход нарядной одежды Хельмут не брал, поэтому ему в короткий срок сшили обновки: особенно ему понравился оранжево-золотистый жилет и шёлковая белоснежная рубашка со струящимися рюшками на воротнике. Генрих, увидев это, не смог скрыть недоумения.

— Где хоть что-то фиолетовое? — поинтересовался он, складывая руки на груди.

Хельмут лишь пожал плечами. Несмотря на отсутствие в новом наряде любимого цвета, его всё устраивало. Да и неважно это — главное, что он уже совсем скоро вернётся домой.

Пир длился весь день, до позднего вечера, и это был крайне насыщенный день.

Хельмут впервые в жизни оказался на Королевском острове — в официальной столице Драффарии и постоянной резиденции драффарийского короля. Именно отсюда его величество правил страной — но лишь формально, тогда как фактически больше власти имели именно лорды. Хельмут с самого детства, ещё когда учителя объясняли ему государственное устройство королевства, задумывался, чем же занимается король в таком случае, — и пришёл к выводу, что он является в первую очередь символом, символом единого государства, а не трёх разрозненных земель.

И именно поэтому сейчас короля чествовали по-особому, будто он один сделал для победы над Фареллом больше, чем все остальные — лорды, дворяне, рыцари и простые солдаты вместе взятые. Когда он вошёл в зал вместе с королевой, Хельмуту показалось, что стены вот-вот рухнут — такими были адресованные Альвару овации. Тот делал вид, что скромничает, хотя его осанка, походка и улыбка давали понять, что такое внимание его вполне устраивает. Да и одежда государя неплохо выделяла: расшитый золотом белый камзол с объёмными рукавами, сверху — традиционная горностаевая мантия; на высоких начищенных сапогах — шпоры, на тёмных кудрях — изящная золотая корона... Альвар не был особо красивым мужчиной, но Хельмут признал: величия ему не занимать.

Королева, её величество Альжбета, была лет на пять-семь младшего своего супруга и держалась куда скромнее. Она приехала из-за моря, из королевства, с которым Драффария только недавно начала устанавливать связь и заключать союзы — и брак Альвара и Альжбеты должен был скрепить этот союз, стать фундаментом для будущих отношений двух

разделённых морем государств. На своей родине Альжбета, как говорили, была принцессой, поэтому считалось, что Альвар не прогадал и никак не принизил себя и свой род таким браком.

Сдержанное поведение королевы не очень вязалось с её прекрасной величественной внешностью: светлые, отливающие серебром волосы, убранные в простую, но красивую причёску; шёлковое белое платье из струящегося шёлка с голубыми вставками на подоле и широких рукавах; корона с алмазами, блестящими в свете заглянувших в зал солнечных лучей, гармонирующее с ней тяжёлое ожерелье, золотые кольца и браслеты на руках... Альжбета напоминала неземное, воздушное создание, но тяжесть венца и горностаевой мантии для неё была явно почти непосильной.

Королева, поговаривали, до сих пор не очень хорошо знала драффарийский и не имела никакого влияния при дворе: если король хоть иногда принимал важные для страны решения, то его супруга не решала ничего. Она была нужна, как уже говорилось, чтобы скрепить союз между королевствами и стать матерью наследника, и если первое у неё, видимо, получилось, то со вторым явно возникли трудности — детей у королевской пары не было, и первым в очереди на наследство стоял младший брат короля, двадцативосьмилетний Фернанд.

Альжбета скромно улыбалась, пряча взгляд, но по её лицу и манере держаться можно было понять, что она чувствует себя неуютно: уголки её розовых губ то и дело подрагивали, она часто-часто моргала, будто пыталась избавиться от слёз.левой рукой Альжбета сжала край своего белоснежного платья, а вот правая безвольно лежала в ладони Альвара, и пальцы королевы не сжимали его ладонь.

Вслед за ней в зал впорхнула стайка фрейлин — в основном это были совсем молодые женщины, драффарийские дворянки разной степени знатности и несколько незнакомых Хельмуту девушек: он рассудил, что они приехали с королевой из-за моря. Как-то Генрих рассказал ему, что его мать тоже приглашали стать фрейлиной королевы, но не этой, а предыдущей — жены почившего короля Фернанда Первого. Но леди Виктория отказалась. На её плечах лежал весь Бьёльн, она управляла им вместо пьяницы-мужа и уж точно не могла позволить себе переезд на Королевский остров.

Громкая, торжественная, весёлая музыка играла непрерывно и замолкла лишь на несколько минут, когда король, держа золотой кубок, произнёс речь, прославляющую победителей. Хельмут слушал и закатывал глаза — Генрих это заметил и недовольно покачал головой.

— Мы должны помнить подвиг тех, кто погиб во имя нашей свободы, — говорил, понизив голос, Альвар. — Мы должны быть благодарны тем, кто выжил и подарил нам победу.

Тут же Хельмут вспомнил Вильгельма: он тоже сейчас мог бы сидеть здесь, нарядный и счастливый, пить вино и праздновать победу... Возможно, Хельга бы приехала сюда ради него: за несколько дней до пира Хельмут написал ей, предложил приехать, но она отказалась. А вот своему жениху она бы наверняка вняла...

Да нет, Вильгельм же был предателем. Если бы он остался жив, то этого пира бы сейчас, возможно, не было. И их всех — Хельмута, Генриха, лорда Джеймса, сияющего герцога Эрлиха, угрюмого, сидящего на самом краю стола Адриана — здесь бы не было. Но Вильгельм погиб, война закончилась, предательство оказалось предотвращено...

Тогда же Хельмут вспомнил Кассию. Вот кого следовало вспомнить первым делом при

словах Альвара о погибших героях. Она действительно пожертвовала собой ради мира и победы, стала жертвой и мученицей. Вот кому действительно Хельмут был благодарен за всё, что она сделала для него одного и для всего королевства.

Он невольно бросил ещё один взгляд на Адриана — тот не слушал и пил бокал за бокалом, особенно после того, как король упомянул павших. Молодой барон Кархаусен явно не хотел здесь присутствовать, но почему-то всё-таки приехал... Возможно, его уговорил герцог Эрлих, или Адриану просто не хотелось возвращаться домой, в опустевший без сестры замок, и жить дальше так, будто ничего не случилось... Хельмут не знал, почему, но он так сострадал этому несчастному молодому человеку, что слёзы наворачивались.

— Ты как? — негромко окликнул его Генрих и вдруг положил руку ему на плечо — уже так привычно и повседневно... — Всё хорошо?

— Да, я... — Хельмут вздохнул, не глядя ему в глаза, и покрутил в пальцах пустой серебряный кубок с изящным узором. — Просто вспомнил кое-что. И думаю, как мне смотреть в глаза сестре.

— Ты думаешь, она будет обвинять тебя? — Генрих сделал паузу и отпил глоток вина. — Но за что? Ты же не вынуждал его закрывать тебя собой...

— Да не закрывал он меня собой! — Хельмут понял, что едва не проболтался и что произнёс эти слова, пожалуй, слишком громко. — Это была случайная стрела, а Уилл просто, как назло, оказался рядом. Он не рвался меня спасти, а я не рвался прятаться за ним. Кто вообще тебе сказал?..

— Ладно, ладно, я понял, — примирительно кивнул Генрих. — Давай не будем о печальном. Мы же празднуем, в конце концов. О мёртвых подумаем потом.

Хельмут бы с радостью отложил на потом все свои невесёлые мысли, но они так и лезли незнамо откуда и мешали наслаждаться пиром. Блюда сменялись одно за другим: запечённая с овощами свинина, куриные ножки с изысканными приправами и крылышки в меду, нежнейшая крольчатина, фазаны и лебеди... Хельмуту кусок в горло не лез, но он всё-таки был голоден, да и вид приготовленных на королевской кухне блюд по крайней мере не вызывал отторжения: грибные и рыбные пироги были украшены цветами из тонко скатанного теста, а яблочные — крупными вишнями и клубникой; фазанов подавали прямо в перьях, а лежащие на крупных ломтиках блестящей красной рыбы крупницы соли напоминали алмазы.

Но со временем еда ему осточертела, как и непрекращающаяся музыка и царящее вокруг веселье. Хотелось уйти, но в ближайшее время это не представлялось возможным: день только-только начал клониться к вечеру, льющий из больших окон в зал свет тускнел, из-за чего слуги зажигали свечи в высоких подсвечниках, расставленных по всему периметру зала. Пир наверняка закончится не раньше, чем стемнеет, а так рано уходить по меньшей мере невежливо, так что придётся терпеть.

— Может, потанцуем? — позвал его Генрих, кивнув на центр зала.

Там, на мраморном серо-белом полу уже собралось несколько пар: женщины в блестящих шёлковых и бархатных платьях, придерживающие длинные подола и шлейфы, кружились и плыли будто лебеди; мужчины в драгоценных колларах и украшенных перьями беретах источали стать и величие... Хельмут задержал взгляд на танцующих и наконец-то ощутил, как буря в его душе начинает ослабевать. Возможно, если он присоединится к ним, то сможет наконец-то успокоиться и отбросить прочь гнетущие мысли...

— Ты хочешь пригласить королеву? — усмехнулся Хельмут, заметив, что Генрих

поглядывает на небольшой королевский стол.

— Ну, я думал об этом, — пожал плечами он, — но в итоге решил оставить эту сомнительную честь лорду Джеймсу. — Его голос понизился до шёпота, и Хельмут коротко рассмеялся. — Я имею в виду, мы могли бы потанцевать с тобой вдвоём. Вместе. — И Генрих с неким вызовом посмотрел Хельмуту в глаза.

Тот в изумлении приподнял бровь.

— А что, а так... так можно? — недоверчиво проговорил он.

— Нигде не сказано, что нельзя, — самым непосредственным, даже наивным тоном отозвался Генрих.

— Ну, тогда пошли.

Музыканты как раз заиграли новую мелодию: сегодня они песен почти не пели, играли музыку без слов и сейчас завели что-то довольно бодрое и быстрое.

Хельмут сжал руку Генриха ещё до того, как они спустились с помостов в центр зала. Он старался не обращать внимания на странные взгляды, сверлящие их спины, но, например, тяжёлый и не скрывающий недоумения взгляд лорда Джеймса не заметить было тяжело. Генрих тут же как-то почувствовал тревогу Хельмута и сильнее сжал его руку, приободряюще кивая.

Они, вовсе не желая вливаться в череду танцующих, задержались в стороне от них. Хельмут, проведя пальцами по чёрным кожаным вставкам на сером камзоле Генриха, положил руки ему на плечи и тут же почувствовал его ладони на собственной талии. Им удалось быстро попасть в ритм. Шаг вправо, шаг влево... Тут же руки пришлось убрать — заученные движения старого танца уже не контролировались разумом и выполнялись сами по себе. Но каждый раз, когда Хельмуту доводилось хотя бы на мгновение, хотя бы через одежду коснуться Генриха, он чувствовал невообразимое счастье.

Но танец почти не предполагал долгого соприкосновения рук, весь упор делался на ноги, и неподготовленным исполнять этот танец было довольно сложно. А для Хельмута — сложнее вдвойне, поэтому он с нетерпением ждал тех моментов, когда нужно будет быстро коснуться плеча партнёра или дотронуться до его руки.

Постепенно мелодия замедлялась: музыканты умело переводили одну песню в другую, на ходу меняя ритм и тональность, и вот после весёлой песни заиграла другая, медленная и лирическая. Тогда Хельмут просто сжал ладонь Генриха своей, а другую руку вновь положил на его плечо, едва заметно поглаживая донельзя мягкий серый бархат. После подвижного танца волосы Генриха чуть растрепались (Хельмут с трудом подавил желание пригладить одну из тёмно-русых прядей), на щеках проступил слабый румянец, а взгляд немного рассеялся, будто он не потанцевал несколько минут, а выпил пару бокалов вина. Хотя, пожалуй, от вина с Генрихом бы не случилось ничего подобного, если верить его словам, что он не умеет пьянеть.

Всё это очаровывало Хельмута и прогоняло из его души неприятные эмоции. Он напрочь забыл о блюдах на столе, о танцующих вокруг разодетых дворянах, о тяжёлом взгляде лорда Джеймса и несчастной королеве. Всё это будто растворилось в воздухе, стало прозрачным и бесплотным — и лишь они с Генрихом оставались живыми и настоящими посреди эфемерного мира.

Но один болезненный вопрос, внезапно возникший в голове Хельмута, заставил его вернуться в мир настоящий.

— Слушай, я тут подумал... Мы скоро разъедемся, — начал он издалека. Генрих, явно

задумавшийся о чём-то, нервно и быстро моргнул пару раз, словно пытаясь прогнать наваждение, и вперил в Хельмута вопросительный взгляд. — Ну, и не то чтобы мы с тобой окажемся далеко друг от друга, — продолжил тот спокойно, — но всё же... всё же не так близко, как последний год, да?

Генрих кивнул, видимо, не особо понимая, к чему он клонит.

— И мы всё это время с тобой... — Хельмут, кажется, покраснел — и сам из-за этого крайне удивился. — Мы многое делали, между нами что-то было...

— И есть, — прервал его Генрих странно серьёзным голосом.

— Есть, — кивнул Хельмут, сильнее сжимая его плечо. — Но... что будет дальше? Какое у нас будущее?

Музыка зазвучала громче, не теряя при этом своей печальной лиричности, но он не решался повышать голос, боясь, что его услышит кто-то посторонний. А Генрих без сомнения и так услышит всё, что надо.

— Ты задумался об этом только что? — невесело усмехнулся он и резко притянул Хельмута к себе, будто назло и вопреки всему, что их окружало. — Я думаю об этом с тех пор, как впервые поцеловал тебя. И я не знаю, что нас ждёт, правда.

Хельмут лишь вздохнул. Он ожидал, что его старший друг, как всегда, знает лучше, что делать. Что он уже давно что-нибудь придумал и сейчас готов озвучить выход из положения, дать совет... Но Генрих тоже понятия не имел, как быть. Это казалось странным и даже в какой-то мере пугало, и Хельмут ещё сильнее прижался к нему, лишь бы избавиться от этого страха.

— Пожалуй, нет выхода, который устроил бы... всех, — выговорил Генрих с каким-то трудом, словно язык его не слушался. — Но ведь мы можем вернуть то, что было раньше, не находишь?

Хельмут лишь молча кивнул. Да, они могут остаться друзьями. Сделать вид, что ничего не было — ни поцелуев, ни ласк, ни того признания в полубреду (несмотря ни на что, полностью искреннего), ни взаимной заботы, такой, какую друзья обычно не проявляют, ни страсти, ни нежности... Как бы повернуть время вспять, вернуться на год назад и начать всё сначала, но только без этого всего...

И нет, ничего страшного, унижительного или расстраивающего Хельмут в этом возврате к дружбе не видел. Но почему даже измена невесты, нанёсшая сильный удар по самолюбию Хельмута, не вызвала в нём такую волну отторжения, как осознание того, что всё, что он пережил с Генрихом, осталось навсегда в прошлом?

Он резко убрал руку с его плеча.

— Я... я хочу выпить, — выпалил он и направился к столам, не дожидаясь окончания мелодии.

— Ты же не пьёшь. — Генрих догнал его, и в его голосе зазвучало недоумение — и явно не только из-за того, что Хельмуту вдруг захотелось вина.

Он не ответил.

Обижаться на Генриха было бессмысленно: он ведь не сказал чего-то категоричного, не бросил его... Но он, как и Хельмут, наверняка понимал, что им больше нет смысла при каждой встрече, которые в последующие годы будут редкими и короткими, прыгать в постель и осыпаться друг друга поцелуями. Нет, это, конечно, можно, но тогда разлуки будут попросту мучительными. К тому же Хельмуту рано или поздно придётся снова найти невесту: можно было бы и Хельгу сделать наследницей, но собственный ребёнок, а лучше —

два или три, гораздо надёжнее...

И чем он окажется лучше госпожи Агаты, если втайне от жены будет ходить налево, да не к кому-нибудь, а к лучшему другу и сюзерену? Одно дело — вопреки церковным правилам не хранить целомудрие до брака, и совсем другое — изменять супруге... Тут же Хельмут вспомнил, что всё-таки косвенно был замешан в чём-то подобном: герцогиня Эрика ведь являлась замужней женщиной и всё равно оказалась в его постели... Правда, инициативу проявила всё же она, однако сейчас, спустя год после их последней встречи, Хельмут понял, какой мерзкой ошибкой это было.

Он рухнул за стол и осушил кубок в несколько резких глотков, ухитрившись не поперхнуться. Генрих не спеша прошёл вслед за ним и сел рядом, но никак, кроме жалостливого взгляда, на поведение Хельмута не отреагировал. Ему самому было больно осознавать, что всё кончено, но, наверное, в нём тоже теплилась надежда, что всё не так безвыходно, как кажется...

Хельмут ухватился за эту надежду в жалкой попытке утешить себя и невольно опустил руку под стол, кладя её на колено Генриха, — по привычке, как они оба делали уже сотни раз, на военных советах или трапезах в отвоёванных нолдийских крепостях, уверенные, что этого никто не увидит, но в то же время опасаящиеся оказаться замеченными — в этом было своё очарование.

И почувствовал, как Генрих накрыл его пальцы своей чуть дрожащей ладонью.

***

Рассветные лучи, проникая сквозь стёкла стрельчатых окон, сталкивались с высокими стенами и гранитным полом, разбивались вдребезги и принимались плясать по коридору сотнями солнечных зайчиков и бликов. Весеннее утро было прохладным, и эта прохлада похозяйски гуляла по королевскому замку, заглядывая даже в самые дальние уголки и укромные каморки.

Генриху не спалось, будто выпитое вчера вино, ожидаемо не ударив в голову, сделало то, за что его так любили многие, — наградило приливом сил, приподнятым настроением и напрочь лишило покоя. Он проворочался всю ночь, а на рассвете встал, набросил халат поверх нижнего белья и вышел из комнаты.

Дело было не только в вине, но и во вчерашнем объяснении с Хельмутом. Генрих, противореча самому себе и своим жизненным убеждениям и опыту, сначала сказал, а потом подумал — и, кажется, сильно его задел. Хотя потом, в оставшееся время пира, они вели себя как обычно (обычно для них, а не для общества, конечно) и в конце концов очень мило пожелали друг другу спокойной ночи. Только вот пожелание Хельмута в итоге не сбылось — эта ночь была для Генриха крайне беспокойной. Даже перед битвами он спал долго и крепко, тогда как многие его знакомые признавались, что не могли сомкнуть глаз от волнения. Но сегодня...

Иногда Генрих думал, как было бы здорово, если бы Хельмут вдруг, забыв обо всём сказанном, пришёл к нему этой ночью... Потом ему самому захотелось навестить его, но он, если честно, даже не знал, в какой комнате жил его друг, а искать его по всему королевскому замку было бы бессмысленно и нелепо. Так что и мечтать об этом не надо.

Он старался идти тихо: расстояние от его комнаты до ближайшего окна было небольшим, но и за время его преодоления можно было на шуметь и кого-нибудь разбудить. Впрочем, его шаги были почти полностью бесшумными благодаря мягким подошвам домашних туфель.

Генрих подошёл к окну и обнаружил, что ставни были чуть приоткрыты — поэтому утренний холодок залетал внутрь и заставлял кожу покрываться мурашками. Он запахнул халат (как назло, забыл от него пояс) и прикрыл глаза, подставляя лицо свежему лёгкому ветерку и прислушиваясь.

Город, окружавший королевский замок, уже просыпался. Это была формальная столица Драффарии, Цвенген, она занимала почти всю территорию Королевского острова, а её улицы расходились от высокого, грубоватого на вид замка, как лучи от солнца. Здесь жил разнообразный народ, от ремесленников до дворян, однако эта территория всё же была заселена не столь плотно, как, например, Нижний город у Эори.

Генрих засмотрелся на плывущие по небу тонкие облака, на розовый, постепенно бледнеющий рассвет, на птиц, распевających свои песни на одном из деревьев королевского сада; весна уже почти полностью вступила в свои права, на деревьях появлялись первые крошечные листочки, трава тоже упрямо зеленела, сбрасывая с себя серость и тление. Всё в природе говорило о том, что скоро вокруг станет теплее и светлее... И мир людей вторил этому обновлению: закончилась война, мужчины (да и некоторые женщины тоже) возвращались в семьи, больше никто никого не убивал — пожар войны затух, и хотелось верить, что это пламя больше никто не раздует.

— Доброе утро.

Генрих вздрогнул и обернулся, чувствуя, как спадает с души и растворяется в воздухе всё очарование, навеянное свежим утром.

Неслышно сзади подошёл лорд Джеймс — в отличие от Генриха, полностью одетый: белая с серебристой вышивкой на груди рубашка, серый камзол нараспашку, заправленные в коричневые сапоги чёрные штаны. На кожаном ремне с заклёпками висели ножны с небольшим мечом. Лорд Джеймс, кажется, уже собирался уезжать домой. Хотя король пообещал, что празднества в честь победы будут длиться по меньшей мере седмицу, лорд Коллинз предпочёл перетерпеть всего один день.

— Доброе... — Генрих кивнул и плотнее запахнул халат — представать перед старым наставником в одном только нижнем белье было крайне неприлично и неловко. Но одеться в комнате ему и в голову не пришло — он не ожидал, что встретит кого-то в коридоре замка в такую рань. — Вы уже уезжаете?

— К сожалению... или к счастью, — улыбнулся лорд Джеймс, кладя ладонь на рукоять меча. — Дочь меня дожидается, да и все эти пиршества не приносят мне удовольствия, если честно.

— Мне тоже, — отозвался Генрих после короткой паузы и поймал себя на том, что постоянно норовил спрятать взгляд. Не дай Бог, он ещё и покраснел... Но лорд Джеймс, кажется, смотрел на него без укоризны или недоумения, так же, как и всегда — покровительственно, мягко, спокойно. — Вроде бы это всё так выматывает, но... Мне, как видите, вообще не спится, — зачем-то выговорил Генрих, словно пытаясь оправдаться.

— Пожалуй, оно и к лучшему. — Лорд Джеймс усмехнулся. — Иначе мы бы так и не попрощались толком — я не хотел тебя будить. Хотя... — Он на мгновение принял задумчивый вид и тут же произнёс с широкой улыбкой: — Может, поедешь со мной? Собирайся, я подожду.

Он говорил негромко и как бы не всерьёз, предлагая, а не требуя, однако слышалось, что его тон был не терпящим возражений. Генриха его слова, мягко говоря, поразили — что ему делать в Эори? Просто погостить? Но ведь лорд Джеймс наверняка понимал как правитель,

что Генрих в ближайшее время обязан вернуться к себе домой, проверить, в порядке ли его земли, и всё в таком духе... Для дружеских визитов пока ещё не время.

— Я даже не знаю... — протянул Генрих растерянно, сжимая ткань халата. — Не хочется докучать вам своим обществом...

— О, ты не станешь докучать! Напротив, я буду очень рад, если ты приедешь. И моя дочь наверняка тоже.

А, так вот в чём дело! Кристине, кажется, совсем недавно исполнилось шестнадцать — девушкам такого возраста родители уже могут начинать искать женихов, чтобы ровно в восемнадцать она наверняка вышла замуж, ибо долгое засиживание «в девицах» не приветствовалось. Ещё в бытность Генриха оруженосцем и лорд Джеймс, и леди Лилиан намекали, что их дочь могла бы выйти за него, но это были лишь намёки, а он был всего лишь подростком и не относился к ним серьёзно. К тому же его родителям Коллинзы брачного союза не предлагали.

Впрочем, сейчас лорд Джеймс тоже прямо ничего не говорил, но по его улыбке, взгляду, полушутливому тону легко было догадаться, к чему он клонит.

— Какое до меня дело вашей дочери? — попытался отбиться Генрих и попятился, но отступить было некуда — он упёрся спиной в жёсткий подоконник.

— Кристина — девочка своенравная и не любит, когда ей указывают, что делать. — Глаза лорда Джеймса засветились, хоть он и убрал улыбку, явно не очень довольный сопротивлением своего бывшего оруженосца. — Но меня она обычно слушается. И если я скажу ей присмотреться к тебе — она присмотрится. — Его голос стал холоднее, жёстче, будто он уже сейчас, в эту минуту, убеждал её в необходимости выйти замуж... Тут же Кристину отчего-то стало как-то жаль.

— Я не буду жениться на вашей дочери, — после минутного молчания проговорил Генрих и, спохватившись, добавил: — Простите.

Хотя, пожалуй, этот брак был бы удачным... но он бы многое запутал. Если он, правящий лорд, женится на Кристине, будущей правящей леди, то что им делать? Объединять земли? Или каждый будет править у себя? А что получают наследники? Становиться просто консортом, отдавая Айсбург братьям, Генрих не собирался, а Кристина (да и сам лорд Джеймс тоже) явно не захочет лишиться права владеть Нолдом в полной мере, как правительница, а не всего лишь чья-то жена.

Возможно, у лорда Коллинза были какие-то мысли по разрешению этих вопросов, но он уже явно не собирался их высказывать. Улыбка его окончательно погасла — он поджал губы, то и дело покусывая верхнюю от волнения. Взгляд стал угрюмым и как будто бы разочарованным... О Боже. Только этого не хватало.

Генрих нервно пригладил волосы, не зная, что сказать, чтобы вернуть расположение старого наставника. Чувство вины впилося в душу и заставило его сделать судорожный вдох, но в голове было совершенно пусто — и слов подобрать он не смог.

— Ты не понимаешь, какую удачу упускаешь, — сказал лорд Джеймс отстранённо, видимо, ещё не теряя надежды его уговорить. И Генриху на мгновение захотелось поддаться этим уговорам, но... От этого же зависит его будущее! Его жизнь, его судьба! И он не должен позволять распоряжаться ими кому-то ещё, кроме себя, даже своему учителю, человеку, научившему его всему, что он знал, и некогда поступавшему с ним лучше, чем родной отец... — Это ведь шанс сделать наши земли сильнее и навсегда предотвратить возможность какой-либо вражды... Твоя мать не хотела, чтобы мы воевали.

— Я тоже не хочу. И мы можем в будущем избежать войн иначе, не заключая этот брак.

— И это твоя благодарность? — пустил в ход Джеймс свой последний козырь. Он окончательно разозлился и уже не пытался это скрывать, а то, как он сжал рукоять меча, попросту пугало — будто он готов был извлечь клинок из ножен и воспользоваться им по назначению...

— Вы не можете обвинять меня в неблагодарности, — покачал головой Генрих — он тоже чувствовал гнев, но старался сдерживать его, чтобы не наговорить лишнего человеку, которого, видит Бог, всё ещё очень уважал и любил. — А я, в свою очередь, не могу в качестве благодарности жениться на вашей дочери, потому что она — не вещь, у неё есть своя воля, и мой потенциальный брак с ней просто не может стать каким-то подарком вам или вроде того.

Ну вот, всё-таки не сдержался и наговорил.

Джеймс долго не отвечал, смотря то в глаза Генриху, то куда-то сквозь него — видимо, на город за окном.

Лорд Штейнберг наконец-то отпрянул от окна, понимая, что продолжать этот разговор попросту глупо. Иначе они поссорятся окончательно, а этого ему хотелось меньше всего.

— Прошу вас, не стоит вам так волноваться. — Генрих приблизился к лорду Джеймсу и с нескрываемой печалью посмотрел в его глаза. Тот сразу же отвернулся. — Вы жаловались на сердце — так что берегите себя. Хотя бы ради вашей Кристины. Пока у неё никого, кроме вас, нет. Я уверен, вы сможете найти для неё достойного супруга, достойнее, чем я, того, кто не будет пренебрегать счастьем взять её в жёны. Или ещё лучше — того, кого выберет она сама. Ещё раз простите... и пусть она тоже простит.

Он хотел напоследок коснуться его плеча, но передумал: лорд Джеймс был уже не так молод, но всё ещё способен перехватить его руку и вывернуть из сустава.

Мысль, что Генрих попросту испугался своего бывшего учителя, несколько насмешила.

Но эта невесёлая усмешка быстро сменилась разъедающим душу отчаянием — когда лорд Джеймс молча развернулся и удалился прочь.

Кристина встречала отца у въезда в Нижний город, у Восточных ворот. Северные, правда, были больше и наряднее, они считались своеобразной «триумфальной аркой» Эори, но сегодня лорд Джеймс подъезжал к замку с востока: после пира на Королевском острове он переправился морем к Серебряному заливу, а оттуда уже поскакал домой — строго на запад.

В волнении Кристина сжимала поводья своего серого коня, чей круп был укрыт тёмно-синей попоной. Весна согревала мир мягким южным ветром и тонкими солнечными лучами, и Кристине сделалось жарко в плаще и сером изящном камзоле, сшитом специально для её девичьей фигурки. Она расстегнула несколько верхних пуговиц, чтобы лёгкий ветерок хоть немного обдул её шею, но под строгим взглядом сестры Эстер застегнула обратно через пару минут.

После смерти господина Гленна монахиня начала относиться к Кристине мягче и вроде бы даже проявляла жалость и сочувствие, но по-прежнему следила за её поведением и речью, запрещая чертыхаться. Сейчас она сидела на коне чуть сзади Кристины, рядом с капитаном Фостером — к нему сестра Эстер всегда относилась куда лучше, чем к покойному Освальду.

Сидеть верхом в юбке было не очень удобно — подол задирался до колен, приходилось покрывать ноги плащом или надевать под платье штаны, поэтому Кристина, несмотря на торжественность случая, нарядилась в свой новенький костюм для верховой езды: камзол, штаны и сапоги. В платье она переоденется дома, для пира, и видит Бог — отец будет доволен. Сестра Эстер же не посмела пойти против традиций (монахиня в штанах — слыхано ли!) и поверх своего серого шерстяного платья надела длинный плащ, прячущий всё, что она считала неприличным. Если прибавить к этому ещё и глухой, закрывающий шею платок, то сестре Эстер можно было лишь посочувствовать — вот кому было уж точно жарче, чем Кристине.

И вот наконец вдалеке показались очертания всадников, знамён и повозок — вслед за лордом Джеймсом ехали его вассалы, рыцари и солдаты. Он был щедрым и гостеприимным господином, поэтому заранее приказал Кристине, чтобы она занялась подготовкой пира. Пир у короля — это, конечно, прекрасно, но нужен ещё один, в Эори, для тех, кто помог лорду Коллинзу одержать все победы в минувшей войне.

Толпа была поменьше, чем тогда, когда отец уезжал, и Кристина не сдержала вздоха облегчения: за время войны казна изрядно оскудела, на какие же средства пришлось бы кормить целое войско, собранное со всего Нолда? Но нет, сегодня людей было не так много, как она боялась. Часть из них она поселит в гостевом крыле, а те, что попроще, останутся в лучших трактирах Нижнего города. Никто обиженным уйти не должен.

Отец натянул поводья и остановил всю свою свиту метрах в пяти от свиты Кристины. Она не могла сдержать улыбки, но в то же время почувствовала боль в груди: седых волос у него стало гораздо больше, чем год назад. Неудивительно — лорд Джеймс уже не так молод, да и наверняка пережитое на войне тоже сказалось... Ей было неприятно думать, что отец неумолимо стареет.

Они почти одновременно спешили, и отец, не дождавшись, когда Кристина сделает требуемый этикетом реверанс, парой широких шагов преодолел разделяющее их расстояние

и прижал дочь к себе. Кристина засмеялась, хотя в глазах у неё стояли слёзы. Отец вернулся, вернулся живой... Всё время, пока шла война, она так этого ждала, она верила в это, зная, что он как опытный воин способен постоять за себя и выйти невредимым из любого сражения, но всё же... Война — настолько непредсказуемое дело, в ней гибнут и простые солдаты, и дворяне, и мирные люди, и ничто не мешало этому кровавому водовороту поглотить и лорда Джеймса.

Но он выжил. И он вернулся.

— Добро пожаловать домой, милорд, — сквозь всхлипывания проговорила Кристина, голос её звучал глухо, так как она уткнулась лицом в грудь отца. Его шерстяной дорожный камзол покалывал кожу, она чувствовала запах дыма и земли и понимала, что лучше запаха на свете не существует.

Лорд Джеймс погладил её по затылку и выпустил из объятий. Кристина тут же вытерла слёзы перчаткой и отступила, пропуская отца вперёд — его коня вслед за ним повёл Оскар, уже не оруженосец, судя по всему: Кристина знала, что он встретил восемнадцатые именины в начале васариса*. Она улыбнулась и кивнула ему, и Оскар коротко кивнул в ответ, даже не покраснев, как бывало с другими юношами, которым она уделяла внимание. Вспомнить того же графёныша Орелла: он так и светился, когда Кристина разговаривала с ним, а щёки его пылали алым.

И дело было, скорее всего, не в том, что она ему искренне нравилась. Она ведь леди, будущая правительница Нолда, а кто бы на его месте упустил такую выгодную партию? Вот Келли и делал вид, что по уши влюблён. Хотя Кристина не была уверена в этом полностью.

Оскар же всегда был юношей сдержанным, казалось, что девушки его вообще не интересуют, и к леди Коллинз он относился исключительно как к будущей госпоже и сюзеренке, не более. И это на самом деле очень радовало. Кристине были нужны в первую очередь друзья, а не череда женихов.

Не сразу она заметила, что отец замер и внимательно оглядывал её свиту — капитана Фостера со стражей, сестру Эстер... В былые времена рядом с ними должен был находиться ещё и господин Гленн, но сейчас его здесь не было. И лишь тогда Кристина осознала, что ей предстояло сообщить отцу о его смерти.

Но поговорили они уже в замке, спустя пару часов. Отец привёл себя в порядок после долгого пути, а Кристина сама принесла ему в кабинет вино, хлеб и сыр. Она присела напротив него, хотя за почти год отсутствия лорда Джеймса привыкла сидеть на его месте — в большом дубовом кресле у очага. Но теперь придётся избавляться от этой привычки, больше это кресло ей не принадлежит... Хотелось верить, что надолго.

— Как ты, моя дорогая? — заботливо поинтересовался отец, отпивая из кубка пахучего красного вина.

— Всё в порядке, вот только... — Кристина вздохнула даже не притворно. — Может, ты уже понял... Господин Гленн скончался от сердечного приступа. — Она почувствовала, что начинает дрожать, и сжала подол платья. — Прямо на моих глазах.

— О Боже, моё бедное дитя... — Лорд Джеймс покачал головой и поставил кубок на стол. — Не знаешь, что стало причиной этого приступа? Что говорят врачи?

Врачи ничего не говорили, и о причине знала лишь Кристина, но она всё ещё не хотела рассказывать отцу всей правды.

— Возможно, переутомление и нервное напряжение, — пожала плечами она, опуская взгляд. — За некоторое время до смерти он ездил в Освальд, там накопилось много дел...

вот он и не выдержал. Но это лишь мои предположения, — вздохнула она ещё раз.

— Очень жаль, — протянул лорд Джеймс. Одной рукой он так и держал кубок за ножку, а пальцами другой барабанил по столешнице. — И жаль, что он не успел оставить наследников... Нужно будет решить с графом Ореллом вопрос положения земель Освальдов.

— Мы с его сыном уже всё обсудили, — встрепенулась Кристина, испугавшись, что отец этого не одобрит. — Пока земли Освальдов перейдут в домен Ореллов, я позволила. Графу Ореллу осталось только подписать все необходимые документы. Ну и тебе тоже.

— Молодец! — широко улыбнулся лорд Джеймс. — Я знал, что ты будешь умницей и справишься со всеми делами, что я на тебя оставил. Молодец! — повторил он громко, наклонился и погладил Кристину по голове.

Она покраснела. Отец не особо часто её хвалил, поэтому теперь слышать от него такие добрые и важные слова было вдвойне приятно. Да и видеть улыбку лорда Джеймса Кристине нравилось: она понимала, что он очень устал после этой войны, что она состарила его быстрее, чем течение жизни в мирное время, и оттого ей приходилось ловить каждый его теплеющий взгляд и каждую улыбку, смягчающие его напряжённые черты и украшающие суровое лицо.

— Ты и замок прекрасно подготовила к моему возвращению, — продолжал восторгаться отец, всё сильнее её смущая.

— С тобой вернулось меньше людей, чем уезжало... — заметила Кристина со вздохом.

— Ну, ты ведь прекрасно понимаешь, что абсолютно все войну пережить попросту не могут. — На лицо лорда Джеймса легла тень, улыбка исчезла, а взгляд стал каким-то тревожным, взволнованным. — Если не битвы, так болезни уж точно унесут чьи-то жизни во время похода.

— Я слышала, герцог Вэйд... это правда? — Она почувствовала, что в глазах щиплет от слёз. Рыцари и солдаты разговаривали о многом, но кое-что Кристина просто не могла пропустить мимо ушей, например, слова о возможной гибели отца её единственной подруги.

— Правда, — кивнул лорд Джеймс; он резко дёрнул рукой, ослабляя шнуровку льняной бежевой рубашки, будто ему стало тяжело дышать. — Герцог Арнольд погиб в начале зимы, во время внезапного и очень подлого нападения, которое мы отбили с большим трудом... Он был героем. — Эти слова отец запил глотком вина — в память об усопшем.

«Бедная Берта», — подумала Кристина, хотя разумнее, наверное, было бы жалеть её больную мать и маленькую сестру, но Альберте теперь предстоит взять на себя бразды правления Вэйдом и роль главы семьи... Впрочем, в том, что эта сильная, отважная молодая женщина справится со всеми трудностями, сомнений быть не могло. Главное, чтобы страдающая от болезни герцогиня Вэйд смогла пережить кончину мужа и чтобы ей не докучали возможные женихи, пожелавшие взять под контроль земли Вэйдов. Хотя, наверное, Альберта такого не допустит.

— Он был очень хорошим учителем, — заговорила Кристина — голос её дрожал и звучал глухо, будто через плотную ткань. — Жаль, что... что его не будет сегодня с нами. — Она сглотнула горький ком в горле. — У меня было не так много времени и денег, чтобы подготовить приличный праздничный ужин, но для него я бы точно ничего не пожалела.

— Ты у меня истинная хозяйка, — попытался улыбнуться лорд Джеймс.

Кристина несколько растерялась от таких слов. Ей не хотелось быть хозяйкой в том смысле этого слова, в каком употребил его отец, — ей хотелось быть воительницей, такой же сильной, дерзкой и самоуверенной, как Альберта... Жаль, кстати, что она не приехала

сегодня — недавно Кристина писала ей, предлагая приехать в Эори, но молодая герцогиня отказалась. Возможно, она ещё не справилась с горем от потери отца, поэтому посчитала неуместным своё присутствие на праздничном ужине... И её не за что было осуждать.

— Всё как мама учила, — пожалала плечами Кристина.

— Думаю, твой будущий муж будет рад.

Она резко подняла голову, округлив глаза. Разговор зашёл в крайне неожиданное русло. Кристина думала, что отец успокоится после её отказа приехать на Королевский остров и поближе познакомиться там с лордом Генрихом и другими дворянами, годящимися ей в мужа... Лорд Джеймс мог бы уже понять, что к свадьбе она не готова. Хотя ей исполнилось шестнадцать, с выбором жениха можно ещё повременить. Но, видимо, лорд Джеймс не собирался сдаваться.

— Кстати, об этом. — Взгляд отца стал серьёзнее, улыбка исчезла. Он откинулся в кресле, налил себе ещё вина и взял с тарелки ломтик сыра. — С лордом Штейнбергом я договориться не смог, — в его голосе зазвучала странная едкость, которой раньше не было в те моменты, когда отец говорил о своём бывшем оруженосце, — но это не беда. В нашем королевстве найдутся другие достойные мужчины.

— Достойные меня? — уточнила Кристина с усмешкой.

Отец кивнул.

Кажется, он ждал какого-то ответа, какой-то реакции, но она молчала. Ей не хотелось говорить об этом сейчас и омрачать радость встречи, не хотелось расстраивать отца... Но видит Бог — он сам завёл этот разговор!

— Барон Даррендорф, например, — вдруг подал голос лорд Джеймс, и Кристина скривилась.

— Он же старый!

— Зато богатый: из всех отрядов, предоставленных мне моими вассалами, у него был самый большой и мощный. Да и какая тебе разница, сколько будет лет твоему мужу? Главное, чтобы у Нолда был лорд-консорт, а у твоего наследника — отец. Без отцов наследники как-то не рождаются, знаешь ли, — добавил он с улыбкой.

Кристина скривилась ещё сильнее.

— Ну, если хочешь, я ещё попробую лорда Штейнберга уговорить, — уже не так уверенно и весело сказал лорд Джеймс.

— Да не нужно никого уговаривать! — вспыхнула она и закрыла лицо руками. Так, из-за плотно сжатых пальцев, добавила: — Прости... Пожалуйста, давай не будем сегодня об этом говорить. — Кристина убрала руки и взглянула на отца с мольбой — тот, кажется, искренне встревожился, подался вперёд и посмотрел на неё обеспокоенно. — Я не хочу тебя расстраивать, к тому же... Ты писал, что у тебя болит сердце.

— Бывает, — кивнул лорд Джеймс. — Но это не страшно.

— Не страшно? — Кристина встала, отодвинув стул, и взглянула на отца сверху вниз, хотя ощущения превосходства от этого всё равно не возникло. — Я видела, что бывает с человеком во время сердечного приступа, и я не хочу, чтобы с тобой произошло подобное! Пожалуйста, папа... Береги себя.

— Хорошо, милая. — Он снова наклонился и погладил её по руке. Кристина перехватила его ладонь и сжала, уже не скрывая дрожи в пальцах. — Спасибо тебе за беспокойство. Я тоже, если что, не хочу оставить тебя сиротой так рано.

Кристина слабо улыбнулась. Пока она могла позволить себе выдох облегчения, но

сдержанный: вопрос с её браком ещё не решён, но отец согласился отложить разговор до лучших времён. Возможно, через полгода Кристина будет готова подумать об этом более основательно. Замуж выходить придётся, но она ещё надеялась уговорить отца дать ей право самой выбирать мужа. Может, ей и правда стоило съездить на Королевский остров и взглянуть на потенциальных женихов, выбрать кого-нибудь молодого, симпатичного и умного... Но прошлого не вернуть, да и наверняка ей ещё выпадет такой шанс. Даже сегодня на пиру будет немало вассалов отца, среди которых наверняка найдутся люди, подходящие для роли её мужа и лорда-консорта... Но нет, сегодня она заниматься выбором жениха не будет.

Она будет праздновать возвращение своего отца, живого и невредимого, и радоваться, что проклятая война наконец-то закончилась.

***

«Я бы точно его поцеловал, — думал Хельмут, нахмурившись. — Если бы вокруг не было полно людей, я бы поцеловал его. Чёрт знает, когда мы увидимся снова».

Но холодный рассудок твердил, что целовать Генриха ему больше не следует.

Впрочем, не время думать об этом. Хельмут уже подъехал к городку, окружавшему Штольц, и поэтому старался настроить себя на скорую встречу с сестрой. Нужно взрастить в душе радость, нужно улыбаться — и главное, чтобы эта улыбка была самой солнечной, счастливой и искренней! Нужно, чтобы его взгляд был тёплым и светящимся, а движения — раскованными. Хельмут выпрямил спину и взмахнул поводьями; лошадь пошла лёгкой рысью, приближая его к родному замку.

Хельга не вышла встречать его у ворот, и он понял, что сестра, скорее всего, всё ещё пребывает в трауре. В таком случае, пожалуй, и его весёлость будет неуместна... Впрочем, самое важное — не его настроение, а умение держать язык за зубами. Хельга не должна знать правды о Вильхельме. Пусть думает, что он пал героем.

Если, конечно, герцогиня Эрика уже не раскрыла ей всех карт.

Оставив лошадь в конюшне, Хельмут сразу направился в покои сестры. По пути он расстегнул плащ и перекинул его через руку, привести себя в порядок с дороги решил потом — ему не терпелось увидеть Хельгу, поддержать её, обнять... Они так давно не виделись, почти год! За это время мамин сад уже успел расцвести зеленью и пёстрыми цветами, увянуть под напором осени, уснуть под зимним снеговым одеялом — и сейчас снова начал цвести. Хельмут, конечно, не видел всего этого — ни буйства зелени и цветов летом, ни золотого и багряного покрова осенью, ни белой тишины зимой... Но он всегда мог представить мамин сад таким, каким он и был в этот миг.

Запахи пробуждающегося сада разлетались по округе и навевали покой и умиротворение. И лишь сейчас Хельмут наконец-то почувствовал себя дома — нужно было лишь убедиться, что сад снова цветёт, что с ним всё в порядке. Наверняка уходом за ним руководила Хельга — это всегда доставляло ей удовольствие, а теперь, возможно, отвлекало от боли потери и тревоги. Хельмут подумал, что ему следует позвать сестру в сад и поговорить там... Но нет, лучше они займутся этим вечером, после ужина, когда он отдохнёт.

Дойдя до комнаты сестры, он постучал — Хельга наверняка его ждала, но всё же он не хотел врываться без разрешения. Тут же из-за двери послышался тихий голос, позволяющий войти.

Хельга сидела у окна, смотря куда-то в пустоту. В руках у неё были пальцы с вышивкой,

но она, кажется, уже давно забыла о работе. Хельмут угадал насчёт траура: на ней было чёрное платье, правда, волосы она всё-таки не стала оставлять распущенными, а заплела в две косы и перевязала золотистыми лентами. Лицо у неё было печальным, но при этом каким-то одухотворённым, словно она думала не о погибшем женихе (хотя кто сказал, что она в тот миг и правда о нём думала?), а о вечном круговороте жизни и смерти.

— Здравствуй, дорогая, — выдохнул Хельмут.

Хельга слабо улыбнулась и встала. Он тут же подбежал к ней и обнял, не дожидаясь, когда сестра сделает первый шаг. Они оба не знали в тот момент, радоваться им или грустить, поэтому молча обнимались несколько минут. Хельга плакала — тихо, сдержанно, — а Хельмут гладил её по плечам и волосам, что так привычно и по-родному пахли лавандой, и не верил, что они наконец-то встретились.

Она отстранилась первой и взглянула на него с такой любовью, что его сердце болезненно сжалось.

Хельмут не знал, что сказать.

— Я так счастлива, что ты вернулся! — Хельга избавила его от необходимости начинать разговор. — Если бы я и тебя потеряла, я...

Она прикрыла лицо рукой. Хельмут тут же снова обнял сестру, ощущая странное покалывание в груди. Хотелось защитить её, спасти от боли и тоски... хотелось с помощью объятий оградить её от грязи и пустоты внешнего мира... Но он знал, что одних объятий мало.

— Прости, что так вышло.

— Твоей вины здесь нет, — возразила Хельга, но это возражение прозвучало очень неуверенно. — Мне сказали, что он закрыл тебя собой, но ведь это была его воля, не твоя...

— Он не... — Хельмут прикусил язык. — Это вышло случайно.

Сестра не ответила. Она мягко выбралась из его рук и взглянула в окно — мир постепенно темнел, погружаясь в вечерние сумерки, а небо заволакивало тучами. Было бы здорово прогуляться по саду ближе к ночи, но сейчас, поговорив с Хельгой, Хельмут понял, что это плохая идея.

Ему очень хотелось как-то развеселить её, отвлечь... Траур носили сорок дней, а она не снимала чёрное уже полгода, горюя и тоскуя по тому, кто этого не заслуживал. Но нельзя было ей этого говорить, иначе ей станет только хуже. Хельмут понимал: мысль, что Хельга любила предателя, может стать для неё невыносимой.

— Мне жаль, что я не мог тебе помочь в самые страшные часы, — заговорил он вновь, подходя к сестре сзади и приобнимая её за плечи. Она встрепенулась, но не повернулась к нему. — Но вот теперь я здесь, и ты можешь выговориться мне...

— Я не знаю, что говорить, — пожалала плечами Хельга, но выглядело это так, будто она хотела сбросить его ладони. — А в самые страшные часы мне помогла герцогиня Эрика.

Хельмут проскрежетал зубами. Он по-прежнему подозревал эту женщину в пособничестве предательству, она давно растеряла всё очарование в его глазах и, напротив, представляла в его мыслях и воспоминаниях коварной, двуличной и даже зловещей. Но она помогала Хельге... Что ж, возможно, герцогиня Эрика и правда была добра к его сестре, правда сочувствовала ей и разделяла её горе... Вильхельм ведь был её братом, не может быть, чтобы она не тосковала о нём хоть немного.

Но Хельмут не был в этом уверен до конца.

— Мы вместе ездили на похороны, и... — Хельга слабо улыбнулась. — Всё это время

она часто навещала меня. И сейчас она здесь. — Она вдруг повернулась и всплеснула руками. — Как же я забыла! Она здесь, ты можешь навестить её! Наверняка ты истосковался по ней, да?

— О-о, нет, — протянул Хельмут, закатывая глаза. — То был всего лишь порыв мимолётной страсти, а потом я и думать о ней забыл.

— Почему? — Сестра будто бы расстроилась.

— Расскажу после, — отмахнулся он.

Да, о Вильхельме надо молчать, но почему бы не рассказать ей о связи с Генрихом? Объяснить, что из-за него Хельмут и думать забыл об Эрике, а также старался не обращать внимания на намёки Кассии и гнать прочь все мысли о том, что она стала бы ему идеальной женой... Может, Хельга не поверит, но хотя бы улыбнётся тому, что её любимый брат нашёл себе забавное и необычное приключение.

— Тогда, думаю, ты будешь рад услышать, — вдруг подала голос сестра — в нём явственно ощущалась какая-то ядовитая радость, граничащая со злорадством, — что твоя бывшая невеста... — Хельмут резко взглянул на Хельгу, и она слабо улыбнулась. Поправила кружевной воротник платья и продолжила: — От герцогини Эрики я узнала, что госпожа Агата заболела...

— Чем? — поторопил её Хельмут — не терпелось узнать, что произошло с его бывшей невестой. Господи, сколько же женщин так или иначе оказались связаны с его жизнью за прошедший год...

— Ну, такой болезнью, которую можно подхватить, только делая... ну... — Хельга покраснела.

Хельмут довольно улыбнулся: сестра никогда не была особо стеснительной, часто говорила прямо и называла вещи своими именами, но сейчас воспитание взяло своё, и толком озвучить болезнь, передающуюся только в процессе соития, Хельга не смогла.

— Бог ей судья, — отмахнулся Хельмут. — А герцогиня Рэйкер откуда это знает? — Сестра пожала плечами, и тогда он попросил: — Проводишь меня к комнате её превосходительства?

Хельга с радостью кивнула.

Эрика жила недалеко от неё, поэтому шли они недолго: миновали коридор, поднялись по лестнице и оказались перед изящной дверью из светлого дерева. Хельга сделала наигранный реверанс и попятилась, выражая желание оставить брата наедине с его бывшей любовницей и, видимо, надеясь, что бывшей она быть перестанет. Однако Хельмут на это рассчитывать бы не стал.

Он был рад, что Хельга ожила и стала веселее, однако связь хорошего настроения сестры с герцогиней Рэйкер его не радовала. Бедная Хельга... полюбила предателя, подружилась с предательницей... Она не знала об этом, она в этом не виновата, и тем сильнее её было жаль.

Хельмут разозлился на Эрику: как он понял, это именно она предложила Хельге отправить те чёртовы схемы Лейта Вильхельму, а не Хельмуту, она манипулировала ей, располагая к себе и явно делая из неё послушную игрушку. Ей нужно было, чтобы Хельга с радостью побежала за Вильхельмом на захваченные фарелльцами территории, которые ему обещали в качестве награды, и чтобы её совесть при этом спала мёртвым сном. Нельзя утверждать наверняка, но Хельмут считал, что всё сходится, а потому не отрицал причастности Эрики к предательству Вильхельма.

На этот раз он стучать не стал — резко распахнул дверь, после чего услышал испуганный вскрик.

Герцогиня Эрика, видимо, до сего момента сидевшая у зеркала, стремительно вскочила. На ней был лишь красный шёлковый халат, под которым виднелась чёрная камиза, отделанная на глубоком вырезе белой тесьмой. Впрочем, женщина быстро запахнула халат, прижав его ладонью к груди, и взглянула на Хельмута с укором... но укор этот был скорее игривым, к тому же через мгновение Эрика улыбнулась, странно прикрыв глаза. Но руку от груди не убрала.

— Ваша светлость... — протянула она хриловато. — Вы вернулись! Я так счастлива видеть вас живым и здоровым...

— Разве? — ухмыльнулся Хельмут, проходя в глубь комнаты. — Почему-то мне думалось, что вы будете рады моей гибели и поражению нашей армии в войне.

Эрика явно напряглась, но обольстительность из её взгляда не пропала. Она повела плечами и медленно, плавно, приблизилась к Хельмуту — он почувствовал горький, но при этом ненавязчивый запах её духов.

— Почему вы так думаете? — с наигранной обидой спросила она и коснулась пальцем его груди — Хельмут отшатнулся, заставляя её убрать руку. — Я надеялась, что после войны мы возобновим наши встречи... и будем счастливы наконец.

— Я вам не уличный мальчик, — процедил Хельмут, заглядывая ей в глаза.

Эрика хмурилась и злилась, сжав губы, но во взгляде её всё ещё светилось откровенное вожеление. Чего она хотела? Точнее, чего — понятно, но зачем? Неужели ей, имея такую прекрасную внешность, сложно найти другого любовника? Хельмут отчасти даже понимал её нежелание хранить верность мужу, хоть при этом он ощущал жгучую ярость, всё ещё не погасшую после измены Агаты. Надо же, с тех пор прошёл целый год!

Да, герцог Рэйкер не мог похвастаться привлекательностью, остроумием или интересным характером, но Эрике ведь ничего не стоит найти кого-то ещё... Того, кто будет рад прыгнуть в её постель по мановению её руки; того, кто будет смотреть на неё с восторгом и вожелением, кто будет ловить каждый её взгляд, каждую улыбку и каждый жест... Хельмут не мог отрицать, что был таким же год назад, что вёл себя так же, — и не то чтобы он гордился этим. Но нет, больше такой ошибки он не совершит.

— Я не буду с вами спать, — хрипло продолжил Хельмут, — более того, я бы пожелал больше никогда вас не знать... Поэтому я прошу вас покинуть мой дом завтра же.

Эрика округлила глаза в изумлении. Невольно она опустила руку, и тонкая ткань халата сползла с её белых, гладких, как у статуи, плеч. Всё-таки она была прекрасна, но... Её вид больше не вызвал вожеления и страсти. Потому что Хельмут знал о её гнилой душе, которая напрочь убивала всё желание получить её прекрасное тело.

— Вы так жестоки, — горько произнесла Эрика, отворачиваясь. — Чем я не угодила вам?

— Я смотрю, вы и о своём брате не особо тоскуете, — продолжил Хельмут, не обращая внимания на её упрёки и вопросы. — Видимо, вас больше печалит то, что провалился ваш с ним план, а не сами его последствия.

— Какой план? О чём вы вообще говорите?

— Не пытайтесь делать вид, что ничего не знаете. — Он сделал шаг, и Эрике пришлось отступить. Она даже не скрывала испуга, смотря на него огромными глазами и чуть дрожа. — Ваш брат собирался предать нашу армию в пользу Фарелла. — Хельмут заговорил

тихо, помня, что и у стен есть уши, что Хельга может быть где-то неподалёку... — Он хотел перевести свой отряд на сторону врага, а вы поспособствовали ему в этом, уговорив мою сестру отправить ему, а не мне, схемы замка. Что, я не прав? — хмыкнул он, довольный её испуганным взглядом.

Она молчала.

Хельмут сделал ещё шаг, но герцогиня Эрика даже не шелохнулась.

— Хотя с чего вам тосковать? — злобно ухмыльнулся он, легко коснувшись её распущенных русых волос, — и тут же убрал руку, будто обжёгся. — Вы бы в любом случае остались в выигрыше. Если бы Вильхельм не погиб, его бы, конечно, лишили прав на наследство, и тогда вы могли бы предъявить свои права. Тем более шла война и жизнь вашего дяди тоже висела на волоске, а после его гибели никто, кроме вас, Остхен бы уж точно не унаследовал. Да и сейчас, после смерти Вильхельма, вы тоже можете претендовать на земли вашего отца.

— Что вы несёте? — пискнула Эрика. — Я замужем, я...

— Но у вас нет детей, и это даёт вам шанс на развод. — Хельмут замер за её спиной — женщина так и не повернулась к нему лицом, застыв, будто мраморное изваяние. — Став свободной от уз брака, вы бы добились своего, нашли бы себе мужа, который бы уж точно...

— Жаль, что *вы* тогда не... «уж точно».

Из её голоса исчез страх, но зато в нём зазвучала презрительная насмешка, вызвавшая в душе Хельмута очередную волну гнева. Она обвиняет его в том, что не смогла от него забеременеть? Так, возможно, дело в ней, в Эрике, а не в её мужчинах?

Она резко развернулась и прищурилась — её глаза горели злостью, но Хельмут не подал виду, что этот взгляд его коробил до дрожи.

Эрика сжала руки в кулаки — словно собиралась бить его.

— Я никому не скажу, — кивнул Хельмут, стараясь сохранить спокойствие в голосе, — ни про нас с вами, ни про вашего брата. Но не из-за доброты к вам, вовсе нет. Я не хочу причинять боль моей сестре, которой придётся всю свою жизнь осознавать, что она собиралась замуж за предателя. И вы тоже не смейте ей говорить, не смейте пускать никаких слухов, иначе...

— Что? — поистине истерично вскрикнула Эрика.

— Тише, тише... — Он едва ли не зашептал: — Иначе я, в свою очередь, раскрою всем, что вы тоже были к этому причастны. А ещё то, что вы соблазнили меня и тем самым совершили супружескую измену.

— Я скажу, что вы меня изнасиловали.

— А как докажете? — Хельмут даже улыбнулся, осознав своё превосходство. — Мужчине поверят охотнее, чем женщине, и вы это прекрасно понимаете. За измену вас накажут. — Герцогиня в неверии покачала головой, и Хельмут, как бы невзначай поправив кружево на её халате, продолжил: — Вы хотите этого? Если не хотите — молчите. Никто в этом королевстве не должен знать о том, что замыслил барон Вильхельм Остхен, кто знал о его планах и почему он погиб на самом деле. Иначе я превращу вашу жизнь в настоящий ад.

С этими словами он развернулся и направился к двери.

— Стойте... Как погиб Вильхельм на самом деле? — раздался сдавленный голос Эрики за его спиной — кажется, она плакала.

Хельмут лишь ухмыльнулся. Он ничего не сказал и вышел из комнаты герцогини, хлопнув дверью.

Утром она и впрямь уехала: видимо, собиралась всю ночь, потому что выглядела уставшей и прятала лицо за полупрозрачной тёмной вуалью. Хельга прощалась с Эрикой очень тепло, они долго не выпускали друг друга из объятий, но Хельмут видел гневный и в то же время растерянный взгляд герцогини. Что ж, видимо, скучать по Хельге она особо не будет. Он очень надеялся, что его угрозы подействуют. Возможно, они были слишком жестоки, но он был готов на всё ради покоя и счастья своей сестры.

Посмертная честь Вильгельма тоже важна: друг всё-таки, двоюродный брат Генриха... Ох, да, Генриху ведь тоже будет больно, если он узнает всю правду о кузене. Поэтому этой правды не узнает никто. Пусть для Драффарии Вильгельм останется героем, погибшим защитником королевства от захватчиков, которые хоть и предпринимали попытки очернить его доброе имя, но всё равно остались ни с чем.

Хельмут усмехнулся тому, что весь вечер не вспоминал о Генрихе. Он думал о сестре, а потом об Эрике, и лишь сейчас осознал, что уже скучает по своему другу. Надо бы ему написать... Но потом, не сейчас. Сначала он всё же погуляет с Хельгой по саду.

Сегодня сестра была гораздо веселее, чем вчера. Она наконец-то сняла траур и надела фиолетовое шёлковое платье с широкими рукавами; несмотря на отъезд подруги, она улыбалась, и глаза её светились. Хельмуту приятно было думать, что он смог оживить Хельгу, смог своим долгожданным возвращением подавить её тоску. Да, сестра говорила, что Эрика помогала ей переживать самые страшные мгновения, когда боль потери разъедала её изнутри... Но, видимо, плохо помогала.

— Мы должны устроить пир! — заявила сестра, садясь в качели. Хельмут присел рядом на принесённый слугами раскладной стул.

— Я с этими пирами скоро в дверные проёмы проходить не смогу, — усмехнулся он. — Сначала в Тоулле, на границе, потом у короля, потом у Генриха... теперь ещё и здесь?

— А как же? — пожалала плечами Хельга. — Ты вернулся с войны, ты жив и здоров, разве мы не должны это отпраздновать?

Спорить было бесполезно, и Хельмут лишь устало кивнул — а сестра тут же вся засветилась от счастья.

— Но позже, хорошо? — попросил он. — Хотя бы через седмицу. Мне нужно как следует отдохнуть.

Хельга не возражала; она предложила прямо сейчас устроить маленький пир лишь для них двоих и велела принести вина. Но Хельмут, как всегда, отказался: ему думалось, что вино теперь всю жизнь будет напоминать ему об отравлении Вильгельма... И о погибшей Кассии, по которой он до сих пор тосковал. Интересно, как там дела у барона Адриана? Оправился ли он?

Хельга с радостью выпила бокал, и вскоре в её руках оказалась лютня.

— Я не прикасалась к ней с осени, — вздохнула она, поворачивая колки, — но, надеюсь, ради тебя вспомню пару песен.

— Я так давно не слушал хорошую музыку, — кивнул Хельмут.

— Неужели на пиру у короля не играли хороших песен? — удивилась Хельга.

— Так себе, — отмахнулся он, вспоминая их с Генрихом танец — первый и последний.

Сад благоухал запахом весны. Несмотря на то, что вчера вечером на небе собирались тучи, сегодня было ясно; солнце пока ещё как-то неуверенно пропускало свои лучи сквозь ветви деревьев, озаряя аллеи и клумбы, на которых вскоре расцветут прекрасные цветы.

Жизнь продолжалась. Несмотря на войны, боль, потери и предательства. Несмотря на

несостоявшуюся и угасшую любовь. Никто не знал, сколько мирных лет Господь подарит этому королевству, но сейчас об этом думать не хотелось.

Хотелось верить лишь в то, что впереди ждёт только хорошее.

Примечания:

васарис — февраль

Больше книг на сайте - Knigoed.net